ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 4 (38)

2018

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 4 (38)

2018

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
ECONOMICS / LAW

ISSN 2072-2087

№4(38) 2018
Научный рецензируемый журнал
Декабрь

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4 (38) 2018: исторические науки и археология/ юридические науки/ экономические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2018. 206с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **—** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **—** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **—** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Институ́т исто́рии материа́льной культу́ры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Артамошин С.В.
КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭРНСТА ЮНГЕРА 9
Гончаров Е.В.
«ВРАГ БЕЗ СОВЕСТИ И КУЛЬТУРЫ»: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ВАРВАРА» НА ФРАНЦУЗСКИХ ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 15
Дубровский А.М
НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССОРОВ В 1917-1923 ГГ..... 21
Ерохин А.С.
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ, АНГЛИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШИ, ЧЕХИИ)..... 29
Залепеев В.Н.
ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 33
Кеня И.А.
ВКЛАД РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СТАНОВЛЕНИЕ КУРОРТОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА В КОНЦЕ XIX В. — НАЧАЛА XX В.. 38
Кожемяк Н. С.
ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Х. АСАДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУЗСКОЙ ОБЩИНЕ СИРИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ..... 47
Колегова О.Ю.
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАРРАТИВА СТРАН-УЧАСТНИЦ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ .. 56
Колмаков М.А.
НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОБЕРТА УОЛПОЛА В 1730-1736 ГГ. 73
Кучурин В.В., ДубровскийА.М.
НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОГРАММАМИ КУРСА ЛЕКЦИЙ С.М. СОЛОВЬЁВА В 1840-Х – 1850-Х ГГ. 83
Миненко В.В., Разумов Н.
ГОРОДИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ И СУДОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ..... 94
Михальченко С.И.
НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Ф.В.ТАРАНОВСКОГО 109
Моисеенко А.Д.
РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН В ЕВРОПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНЪЮНКТУРУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.....114

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Глушак Николай Владимирович — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна — доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия – профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного

Пареньков Д.А.
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАТОЛИЧЕСКОГО ЛОББИРОВАНИЯ В США: БЮРО ИНДЕЙСКИХ МИССИЙ 121
Поподько В.А.
РАСОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И НАСИЛИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ЮГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. 127
Прилуцкий В.В.
«ГРУППЫ НЕНАВИСТИ» И РАСОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В США НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВВ. 133
Самсаров А.И.
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ И АРМИЯ В 1793–1794 ГГ. 138
Степкин В. В.
ДИВНОГОРСКИЕ ПЕЩЕРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ НА ЮЖНОРУССКОМ ФРОНТИРЕ 147
Федин А.В.
ИНСТИТУТ «DOGIQUES» В ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ В НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII ВЕКА 156
Чубур А.А.
ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ТРУБЧЕВСКОГО ОПОЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ЛБИЩЕ) 162

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Глушак Н.В., Елаго Т.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РФ 168
Зверев А.В., Ковалерова Л.А., Обложко Е.А.
АНАЛИЗ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КРЕДИТОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В РОССИИ 177
Ковалева Н.Н., Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Гудкова О. В.
ОСОБЕННОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ БУХГАЛТЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ 185

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вяткина Г.О.
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ 193
Ковалев М.В
УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПООЩРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ 198

технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Михальченко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Патрушева Наталья Генриховна — кандидат исторических наук. заведующая. сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Хегер Мартин (Heger Martin) — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, Европейского уголовного права и новой истории права юридического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия;

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика. И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующей научной отрасли: 07.00.00 – исторические науки и археология.

ISSN 2072-2087

Vol.4 – No.38

Scientific peer-reviewed journal

DECEMBER

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 4 (38) 2018: historical sciences and archaeology/ economics / law. Bryansk: RISO BSU, 2018. 206p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich –
Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna -
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich –
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Artamoshin Sergei Viktorovich – Doctor of historical sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Slavic and Finnish archaeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of historical sciences, Professor, Head of the World History, International Relations and International Law Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Chernoperov Vasily Lvovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the World History and International Relations Department, Ivanovo State University, Russia;

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Artamoshin S. V.
CONSERVATIVE REVOLUTION AND COMMUNIST STRATEGY IN THE PRESENTATION OF ERNST JÜNGER 9

Goncharov E. V.
«THE ENEMY WITHOUT CONSCIENCE AND CULTURE»: THE FORMATION OF THE IMAGE «BARBARIAN» ON FRENCH POSTCARDS DURING WORLD WAR I. 15

Dubrovskii A. M.
INFORMAL ORGANIZATIONS OF MOSCOW AND SAINT PETERSBURG PROFESSORS IN 1917-1923 21

Yerokhin A. S.
THE COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITOGENESIS (ON THE EXAMPLE OF ANCIENT RUSSIA, ENGLAND, BULGARIA, POLAND, CZECHIA) 29

Zalepeev V. N.
FOREIGN TRADE POLICY OF NAZI GERMANY WITH THE COUNTRIES OF SOUTHEAST EUROPE ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR 33

Kenya I. A.
THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN BUSINESSMEN IN THE DEVELOPMENT OF RESORTS OF THE SOUTHERN COAST OF THE CRIMEA IN THE END OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES. 38

Kozhemyak N. S.
POLICY OF HAFEZ ASSAD TOWARDS THE SYRIAN DRUZE COMMUNITY: POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS 47

Kolegova O. Yu.
MAIN CONCLUSIONS OF THE CONTENT ANALYSIS OF SCO MEMBER-STATES' NARRATIVE BEFORE INDIA AND PAKISTAN JOINING 56

Kolmakov M. A.
THE TAX POLICY OF ROBERT WALPOLE 1730-1736. 73

Kuchurin V. V., Dubrovski A. M.
OBSERVATION AND REFLECTIONS ON THE PROGRAM OF LECTURES BY S.M. SOLOVIOV, 1848-1849 83

Minenko V. V., Razumov I. N.
THE EARLY IRON AGE SETTLEMENT IN THE BASIN OF THE UPPER DESNA AND SUDOST IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DATA 94

Mikhalchenko S. I.
THE BEGINNING OF CREATIVE BIOGRAPHY OF F.V. TARANOVSKY ... 109

Moiseenko A. D.
REVOLUTION OF PRICES IN EUROPE AND HER INFLUENCE ON SOCIAL AND ECONOMIC CONJUNCTURE OF MUSCOVY 114

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia;

Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich - Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Enukov Vladimir Vasilyevich - doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia;

Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan;

Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia;

Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia;

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Parenkov D. A.
INSTITUTIONALIZATION OF CATHOLIC LOBBYING IN THE USA: BUREAU OF INDIAN MISSIONS 121

Popodko V. A.
RACIAL VIEWS AND VIOLENCE IN THE AMERICAN SOUTH IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY 127

Prilutskiy V. V.
«HATE GROUPS» AND RACIAL DISORDERS IN THE UNITED STATES AT THE TURN OF THE XX AND XXI CENTURIES 133

Samsarov A. I.
THE REVOLUTIONARY GOVERNMENT OF FRANCE AND THE ARMY IN 1793-1794.. 138

Stepkin V. V.
DIVNOGORSKIE CAVES OF FOREST-STEPPE DON REGION ON THE SOUTH RUSSIAN FRONTIER 147

Fedin A. V.
INSTITUTION OF «DOGIQUES» IN JESUIT MISSION IN 17th-CENTURY NEW FRANCE 156

Chubur A.A.
THE PECULIARITIES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF TROUBCHEVSK OPOLIE IN THE EARLY IRON AGE (ON MATERIALS OF THE HILLFORT LBISHE) 162

ECONOMICS

Glushak N. V., Yelago T. A.
THE STUDY OF ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND EFFECTIVENESS OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION 168

Zverev A.V., Kovalerova L.A., Oblozhko E. A.
ANALYSIS OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT SYSTEM OF CREDITO OF THE BANKING SECTOR IN RUSSIA 177

Kovaleva N. N., Melgoui A. E., Ermakova L.V., Gudkova O.V.
FEATURES OF AUTOMATED PROCESSING OF ACCOUNTING INFORMATION AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF CORPORATE ACCOUNTING AND ANALYTICAL SYSTEMS 185

LAW

Vyatkina G.O.
TO THE QUESTION ABOUT IMPROVEMENT MECHANISMS TO COUNTER COR-RUPTION IN PUBLIC ADMINISTRATION..... 193

Kovalev M. K.
PAROLE AS AN INSTITUTION TO PROMOTE THE CRIMINALLY-EXECUTIVE RIGHT 198

Patrusheva Natalya Genrikhovna - Candidate of historical Sciences, Head of the rare books Department of the Russian national library, St. Petersburg, Russia;

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department History and Archeology, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance, National research University "Higher school of Economics", Saint-Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich - Doctor of historical sciences, Professor of the Russian History Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.
Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

УДК 943.085.2

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

В статье осуществлен анализ идеологических представлений консервативной революции на примере творчества Эрнста Юнгера. Рассматривается проблема политического и идеологического взаимодействия консервативный революционеров и немецких коммунистов в области противодействия политическим принципам Веймарской республики. Исследуются особенности понимания сущности политических трансформаций, предполагаемых данными политическими течениями, определяются общие черты, предполагающие возможность политического взаимодействия. Доказывается иллюзорность политического взаимодействия между консервативной революцией и немецким коммунизмом в годы Веймарской республике. Изучается гибкость политических подходов консервативной революции в стремлении оказать влияние на германское население.

Ключевые слова: консервативная революция, Э. Юнгер, коммунизм, Коминтерн, Веймарская республика, тотальная мобилизация, национализм, третий рейх.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-9-14

Европа по окончании Первой мировой войны представляла собой поле политических трансформаций и экспериментов. Замена монархических авторитарных режимов на демократические и радикальные политические формы сопровождалась как кровопролитной гражданской войной, полыхавшей на пространстве бывшей Российской империи, так и политической гражданской войной, проходившей в форме военно-политических столкновений, более характерной для бывшей Германской империи [3, с. 60]. Стабильное общество превратилось в раздираемое политическими столкновениями общество конфликта. В Веймарской республике Германии вырабатывался проект альтернативной политической модели, предложенный немецкими правыми в виде ожидавшегося возрождения третьего рейха, и немецкими левыми, в образе разраставшейся коммунистической мировой революции.

Консервативная революция предлагала правый ответ на утвердившуюся демократическую республику, предполагавший установление авторитарной системы власти, отличной от кайзеровской системы [1; 2]. Отличительной чертой было то, что "«консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера" [4, с. 5]. В сложных реалиях послевоенной Германии консервативно-националистические силы вступали в политические отношения с леворадикальными группами в целях обсуждения возможности политического объединения против веймарской политической системы и социал-демократов. Политические контакты первой половины 1920-х годов определялись единством политического врага и не имели реального политического союза в силу непересекающихся политических целей. Можно предположить, что интерес к левым среди немецких правых определялся политическим успехом большевизма в России, захватившего политическую власть и сумевшего ее удержать. В большевизме их прельщало стремление к решительному изменению общественного строя, революционная ломка отношений и традиционного уклада жизни, желание создать совершенно иное общество, не имевшее аналога не только в российской, но и в мировой истории. Немецкие консервативные революционеры старались увидеть в большевизме только то, что им хотелось, совершенно не вникая в суть данного политического движения и содержание проводимой им политики. Репрессивный характер советско-большевистской модели совершенно ими не учитывался. Создается впечатление, что консервативная революция создавала свое представление о советской России исключительно по пропагандистским клише, созданной самой системой для представления себя мировому сообществу.

Во второй половине 1920-х годов среди представителей консервативной революции выделялась деятельность людей, которые пытались создать консервативный проект, объединивший в себе националистический и социалистический компонент. Речь не шла об искусственном симбиозе идей. Скорее здесь можно увидеть поиск нового пути развития националистического движения в Германии, осуществляемого в контекст существующей рапалльской политике республики. Таким образом, национал-большевистское движение, объединяемое вокруг круга Юнгера и круга Никиша, предложило объединение национализма и социализма при доминировании националистической парадигмы. Сущность национал-большевистской концепции и политическое окружение обстоятельно рассмотрено в работах О.- Ф. Шюддекопфа, Ф. Каберманна, М. Хитала, Л. Дюпе и Б. Рёч-Лангеюрген[15; 13; 6; 5; 14]. Взаимосвязь представлений Э. Юнгера и Э. Никиша, активно сотрудничавших друг с другом, указывает на взаимовлияние идей восточной ориентации, однако при всей личной и политической близости, нюансировка политических концепций позволяет отметить и особенности представлений.

Политические симпатии Э. Юнгера к большевизму определялись наличием единого политического противника, против которого боролись оба политических течения - демократической системы. Его восхищала динамичность коммунистического движения, в котором он видел союзника в политическом противостоянии республике, о чем писал уже в 1925 г., указывая, что “коммунизм как боевое движение нам ближе, чем демократия”. Эта близость основывалась на готовности к совершению решительных действий, способных изменить общественный порядок. Занимая позицию немецкого националиста. Э. Юнгер был склонен рассматривать русский большевизм как социалистическое национальное явление, отражающее русскую природу. В этой связи следует указать на то, что в его представлении большевизм переставал быть универсальным политическим движением и понимался как региональное явление. Таким образом, национальная черта позволяла провести разграничительную черту между русским и немецким коммунизмом, которая определялась тем, что последнему недоставало понимания своей национальной природы. “Русский коммунизм имеет национальный характер. Для него интернационализм служит только поводом к возможности экспансии. Если бы нашим коммунистам хватило уверенности объявить центром такого наполеоновского интернационала вместо Москвы Берлин, то они бы существенно увеличили свои силы” [11, с. 59-60].

Сравнивая политическую тактику русских и немецких коммунистов, Э. Юнгер отмечал отсутствие у немцев революционности и решительности русских коммунистов. Следует отметить, что для консервативных революционеров готовность к решительным поступкам была отличительной чертой нового консерватизма от кайзеровского консерватизма, а для Э. Юнгера готовность к совершению решительных действий, деятельность как таковая выступали характерными чертами военного поколения, отличавшими его от буржуазных современников [8, с. 100]. “Германский коммунист это не русский. У того была идея и воплощал он ее любой ценой. Он сражался внутри. И он сражался на границах. Он делал историю. А у нас состязались в речах. В России ради целей, которые, конечно, можно принимать или не принимать, вырезали целые слои населения, а войска под руководством царских офицеров вторгались в Польшу. У нас же в метаниях между речами в стиле кофеен и бездуховных поступков обнаружилась внутренняя слабость. Не хватало расы, мучеников, драматического развития, той убедительной логики, которая есть в безжалостной поступи великой идеи, короче не хватало революции” [11, с. 59]. Наличие буржуазности, желание немецких коммунистов действовать в рамках существующих правил парламентской деятельности буржуазного общества делало им заложниками политической системы. Стремление к решительному разрыву с существующей практикой политической деятельности должно было служить основанием выработки новой тактики действий. В этом бунтарстве Э. Юнгер видел мощный потенциал деятельности. Одновременно с этим немецким коммунистам следовало придти к пони-

манию важности политической идеи, способной стать средством политической идентификации. Здесь находится принципиальная черта, которая разделяла консервативного революционера Э. Юнгера и немецких коммунистов КПГ, состоящая в националистической детерминанте. Национализм консерваторов допускал политическое взаимодействие с коммунистическими силами при условии следовании ими линии образования национального немецкого государства, отрицающего веймарскую политическую систему и стремящегося к отмене ограничительных статей Версальского мирного договора. Любое иностранное вмешательство в решение немецких проблем полностью исключалось, что в условиях полной определенности коммунистического курса стратегией Коминтерна превращало КПГ в троянского коня Москвы.

Наравне с политической тактикой, проводимой консервативной революцией и коммунистическим движением в Германии, существовали и мировоззренческие противоречия, которые, в силу своего фундаментального характера, требовали разделения двух сил. “Основополагающее различие между марксизмом и национализмом состоит в том, что первый считает решающим фактором общность духа, а второй – общность крови. Поэтому нация, само существование которой марксизм отрицает, имеет для национализма высшее метафизическое значение, определяющее все остальные ценности. Также ценности труда, в которых нас интересуют в первую очередь не заработная плата и прибыль, две основы морального мира классовой борьбы, а исключительно его значение для нации как превосходящего целого, которое важнее суммы своих частей. Экономика для него не механический результат, а органический элемент национальной жизни. Труд – это выражение национальной жизни, а рабочий – один из ее членов, и любая попытка вырвать его из этих живых связей, подводя его под пустые категории “человечества” или интернационалистического общества интересов – высшая измена интеллекта по отношению к крови” [12, с. 332-333].

В своей критике коммунистической стратегии Э. Юнгер не видел принципиального отличия в коммунистической организации довоенного и послевоенного порядка. Его подход носил буржуазный характер в том смысле, что он понимал коммунистическую организацию как структуру, которая руководствуется политическим и социальными ценностями, применимыми в различных государствах, но действующей в конкретном германском государстве и в отношении немецкого народа. Поэтому наличие организационного координирующего органа в лице коммунистического Интернационала не играло решающей роли. Э. Юнгер не видел принципиального отличия в механизме управления и координации деятельности между Интернационалом и Коминтерном. Директивный характер деятельности Коминтерна, вмешательство во внутриполитические и партийно-политические дула государств в целях реализации стратегии мировой революции или выполнения директивных распоряжений сталинского руководства, превращали международную коммунистическую организацию в средство реализации сталинской внешней политики и вмешательства советского государства во внутренние дела Германии. Пагубность данной стратегии продемонстрировала внутрисоциалистическая гражданская война между КПГ и СДПГ, внесшая свой вклад в ослабление республиканских основ германской демократии.

Во второй половине 1920-х годов Э. Юнгер считал возможным образование широкого фронта против республики, основанного на националистических позициях. Национализм должен был служить базовым компонентом эпохи, при этом он отмечал его отличие от традиционного кайзеровского монархического национализма, который предполагал трансляцию немецких ценностей и территориальную экспансию. Новый национализм предполагал возрождение германского государства через отвержение принципов демократического миропорядка, возрождения национального чувства и национального порядка. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи” [7, с. 285]. Э. Юнгер считал, что через реализацию

националистических целей возможна единственная конструктивная трансформация мира рабочих, в котором были бы достижимы как социальные требования рабочих, так и государственные цели. “Меньше удобства, меньше членов, больше активности!<…> Надо привлекать рабочих!<…> Мы не тюремщики рабочих. Будем расширять и централизовывать националистические профсоюзы, к их руководству должны прийти рабочие националистической чеканки. На националистических баррикадах они добьются большего, чем марксизм за все пятьдесят лет” [9, с. 211-212]. Он полагал, что превращение национализма в базовый компонент немецкого коммунизма послужит основанием для политического объединения немецких правых и немецких левых. В этой позиции четко прослеживается надежда, похожая на иллюзию, которая была далека от реальности. Объединение национальных и интернационально/ненациональных сил было невозможно. Коминтерновская тактика сталинского руководства была направлена на утверждение влияния советской политической системы, расширении влияния и политического присутствия большевистской сталинской модели, что было невозможно сочетать с национальными целями консервативной революции. Консервативная революция “стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства для всех немцев” [10, с. 504]. Это государство должно опираться на четыре принципа: “национализм в чистом виде, социализм, обороноспособность и авторитарная структура” [7, с. 287]. Консервативный проект Э. Юнгера не учитывал политическую тактику немецкого коммунизма и его стремление к достижению единоличной тоталитарной власти, опирающейся на подавление политических противников, уничтожении политических врагов, проведение широкомасштабной системы социального террора направленного против широких слоев населения, ликвидацию свобод человека и нивелировка его до роли биологического организма, выполнявшего социальную функцию. Консервативная модель и коммунистический проект установления коммунистического государства объединялись лишь в аспекте противодействия Веймарской республики, но расходились во всем остальном, представляя собой два автономным пути трансформации германского государства.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 415 с.

2. Артамошин С.В. Понятия и позиции «консервативной революции». – Брянск, БГУ 2011. – 312 с.

3. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм/ Пер. с нем. – М.: Логос, 2003. – 528 с.

4. Терехов О. Э. Феномен “консервативной революции” в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы исследования. – Кемерово: ООО «Офсет», 2011. – 192 с.

5. Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933. – München: Beck, 1985. – 584 s.

6. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn.1920-1933. – Helsinki, 1975.

7. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S.285-291.

8. Jünger E. Die Materialschlacht // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S. 95-100.

9. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.213-216.

10. Jünger E. “Nationalismus” und Nationalismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.501-509.

11. Jünger E. Revolution und Frontsoldatentum// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.57-63

12. Jünger E. Unsere Kampfstellung// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.329-330.

13. Kabermann F. Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. – Köln: Ort Verlag, 1973. – 420 s.

14. Rätsch-Langejürgen B. Das Prinzip Widerstand: Leben und Wirken von Ernst Niekisch. – Bonn: Bouvier, 1997. – 392 s.

15. Schüddekopf O.-E. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1918-1933. – Frankfurt am M.; Berlin, Wien: Beck, 1973. – 529s.

CONSERVATIVE REVOLUTION AND COMMUNIST STRATEGY IN THE PRESENTATION OF ERNST JÜNGER

The article analyzes the ideological ideas of the conservative revolution on the example of the works of Ernst Jünger. The problem of political and ideological interaction of conservative revolutionaries and German communists in the field of countering the political principles of the Weimar Republic is considered. The author studies the features of understanding the essence of political transformations assumed by these political trends, identifies common features suggesting the possibility of political interaction. The illusory political interaction between the conservative revolution and German communism in the years of the Weimar Republic is proved. The flexibility of the political approaches of the conservative revolution in an effort to influence the German population is being studied.

Keywords: conservative revolution, E. Jünger, communism, Comintern, Weimar Republic, total mobilization, nationalism, third reich.

References

1. Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyuciya v intellektual'nom prostranstve Vejmarskoj respubliki.[Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic] – SPb.: Vladimir Dal', 2018. – 415 s.

2. Artamoshin S.V. Ponyatiya i pozicii «konservativnoj revolyucii»[Concepts and positions of the "conservative revolution"] – Bryansk: BGU ,2011. – 312 s.

3. Nol'te EH. Evropejskaya grazhdanskaya vojna (1917-1945). Nacional-socializm i bol'shevizm[European Civil War (1917-1945). National Socialism and Bolshevism]/ Per. s nem. – M.: Logos, 2003. – 528 s.

4. Terekhov O. EH. Fenomen “konservativnoj revolyucii” v Vejmarskoj respublike v istoriografii FRG: osnovnye koncepcii i problemy issledovaniya. [The phenomenon of “conservative revolution” in the Weimar Republic in the historiography of the Federal Republic of Germany: the basic concepts and problems of research] - Kemerovo: OOO «Ofset», 2011. – 192 s.

5. Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933. – München: Beck, 1985. – 584 s.

6. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn.1920-1933. – Helsinki, 1975.

7. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S.285-291.

8. Jünger E. Die Materialschlacht // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S. 95-100.

9. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.213-216.

10. Jünger E. “Nationalismus” und Nationalismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.501-509.

11. Jünger E. Revolution und Frontsoldatentum// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis

1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.57-63

12. Jünger E. Unsere Kampfstellung// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.329-330.

13. Kabermann F. Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. – Köln: Ort Verlag, 1973. – 420 s.

14. Rätsch-Langejürgen B. Das Prinzip Widerstand: Leben und Wirken von Ernst Niekisch. – Bonn: Bouvier, 1997. – 392 s.

15. Schüddekopf O.-E. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1918-1933. – Frankfurt am M.; Berlin, Wien: Beck, 1973. – 529s.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94(44) «1914/1918»

Гончаров Е.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«ВРАГ БЕЗ СОВЕСТИ И КУЛЬТУРЫ»: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ВАРВАРА» НА ФРАНЦУЗСКИХ ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данном исследовании была предпринята попытка анализа роли почтовых открыток в пропаганде Первой мировой войны. Рассмотрены некоторые карикатурные образы, использовавшиеся военной пропагандой. Детальное изучение и анализ изображенных на почтовых карточках карикатур позволит составить более точную картину об особенностях формирования стереотипа немца-варвара у французского населения.
Ключевые слова: Первая мировая война; пропаганда; образ врага; почтовые открытка; карикатура
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-15-20

С первых дней Первой мировой войны заработала пропагандистская машина. В период с 1914 по 1918 гг. страны, вовлеченные в конфликт, активно насаждали своему населению определенные стереотипы, позволяющие вести боевые действия не на поле битвы, а на другом фронте - психологическом. В средствах массовой информации война практически сразу стала трактоваться не как очередной конфликт между великими державами, а как противостояние цивилизации и варварства, добра и зла. С началом конфликта французская пропаганда стала формировать у своих граждан образ немца-варвара, гунна. В газетах, журналах, открытках можно четко проследить использование карикатур, демонстрирующих «жестокость врага». Эти источники пропаганды позволяют лучше понять, как французы воспринимали войну.

В данном исследовании была предпринята попытка анализа роли почтовых открыток в пропаганде Первой мировой войны. Рассмотрены некоторые карикатурные образы, использовавшиеся военной пропагандой. Детальное изучение и анализ изображенных на почтовых карточках карикатур позволит составить более точную картину об особенностях формирования стереотипа немца-варвара у французского населения.

В начале XX века почтовые открытки были не только коллекционным предметом, но и средством массовой коммуникации. Их производством занимались не только «официальные» государственные предприятия. Во Франции, как и во многих странах Европы, существовали мелкие частные фирмы, специализировавшиеся на выпуске почтовых открыток. Оккупация Германией ряда регионов с крупными центрами производства открыток привела к тому, что производители стали объединяться в единые предприятия. На рынке почтовой открытки стали появляться торговые дома со специфичными для войны названиями (брендами): «La Revanche», «Patriotic» и т. д. Динамику их работы можно отследить по рекламным объявлениям в прессе. К примеру, крупная парижская полиграфическая фирма «Le Deley» выпускала по двадцать пять новых моделей открыток в неделю и к 1918 году могла предложить покупателю 1800 моделей из своего каталога [5]. Ежегодно во Франции выпускалось более 800 миллионов карточек. За период с 1914 по 1918 гг. произведено более 80 тыс. моделей, а тираж составил 5 млрд. По приблизительным подсчетам за всю войну во всех странах было выпущено несколько десятков миллиардов открыток [3, с. 66].

2 августа 1914 г. во Франции началась всеобщая мобилизация. Сотни тысяч молодых людей были оторваны от дома, семей, привычного уклада жизни. Перед правительством стояла задача - обеспечить военных возможностью непрерывного общения с домом. Для солдат стали издаваться специальные корреспондентские открытки, которые предоставлялись им абсолютно бесплатно. Уже к концу 1914 года более полутора миллиона почтовых карточек направлялись к адресатам во все уголки страны. [5].

Приведенная выше статистика свидетельствует о том, что открытки являлись средством общения первой степени важности. Общение через почтовые карточки было более

доступным, быстрым и распространенным способом отправлений. Война не стала препятствием для их производства, напротив, вызвала повышенный спрос. Таким образом, открытки стали информационным оружием государства в войне. Тематика изображений была разнообразной: они охватывали все области деятельности человека и были выполнены в самых разных цветах военного и мирного времени. Большую роль в пропаганде играли так называемые юмористические или сатирические открытки с карикатурами.

Французская пропаганда характеризовалась своими крайними формами неприятия врага, пыталась систематически очернить все немецкое. С её точки зрения, эта война представлялась как противостояние права против насилия, морали против безнравственности, цивилизации против варварства, демократии против империализма и просто добра против зла. Ответственность Германии за развязывание войны была сразу принята французским населением в качестве истинной догмы. Пропагандисты старались насадить населению стереотип, что для них существует только один враг и этот враг-«монстр», «дикарь», «варвар». Именно он виновен в неисчислимых зверствах.

Доказательством этой политики служит миф со «знаменитой» фабрикой по переработке трупов. Французской пропагандой известная немецкая практичность подавалась как промышленный вид людоедства, с которым и ведется война. Таких людей не жалко убивать.

Демонизация врага – одна из главных задач любой пропаганды, и ведется она четко по определенным правилам. Для полноты картины требуется прописать в образе врага несколько обязательных качеств. Враг высокомерен и неоправданно властолюбив. Враг обманывает всех с помощью грязной и лживой пропаганды. Он все разрушает на своем пути, ведет свою войну с нечеловеческой жестокостью. Лучший способ доказать его демоническую природу – живые примеры убийств женщин, детей, стариков.

Основной мишенью для карикатуристов стал кайзер Германии Вильгельм II, на которого была возложена вина за начавшийся конфликт. Пропаганда сделала его главным «злодеем», «слугой зла». Фокусировка на Вильгельме II не случайна. У врага должно быть одно лицо. Невозможно ненавидеть целый народ, поэтому лучше сосредоточить всю ненависть на одном человеке. В странах Антанты кайзера считали «бешеным псом Европы» и даже «богом войны» [4, с. 86]. На многих почтовых открытках стали появляться карикатуры, где кайзер представлен деспотом и тираном, врагом человечества и конституционных ценностей западных обществ. Фигура кайзера демонизировалась. Он был дьяволом во плоти. Французские пропагандисты изображают его Антихристом, Аттилой или главарем бандитов.

По карикатурам на почтовых открытках можно проследить эволюцию образа немецкого солдата. Пропаганда выставляла врага на посмешище. Французы, русские, англичане всячески старались показать противника глупцом, бояться которого не стоит. С этой целью и создавались сатирические эпизоды. Во французских архивах Первой мировой войны можно найти открытки с карикатурами, где немецкий солдат показан трусом, готовым сдаться, если противник превышает его числом; он идет в бой только под принуждением своих офицеров, позорно прячется за спинами женщин на поле боя. Немецкие солдаты изображены с бородой - неотъемлемым атрибутом варварства[2, с. 11].

Безжалостно высмеивались карикатуристами и высшие чины. Немецкого офицера рисовали непременно в военной униформе, с моноклем. Французская пресса описывала его как «высокомерного аристократа, выражающего явное презрение, под внешней оболочкой которого скрыто полное отсутствие сомнений. Он мечтает только о насилии, грабежах и разрушениях» [2, с. 11].

В свою очередь в Германии были предприняты попытки развенчать клише «варвара». В статье «Уничтожение наследия и фигура немецкого солдата на открытках Великой войны», французский историк Эммануэль Данчин анализирует серию немецких открыток «Варвары Германии во вражеской стране», цель которых - разбить аргумент, что немецкий солдат - «безнравственный варвар» [7]. Было выпущено несколько карточек с разными вариантами. Символично, что в данной серии четко прослеживается общий сюжет: забота немецкого солдата о детях, пострадавших в результате военных действий.

На ряде открыток изображен немецкий солдат, кормящий маленького французского ребенка, сидящего у него на коленях (см. рис. 1.). Автор делает предположение, что основой для открытки послужила оригинальная фотография (возможно, снимок сделан 27 октября 1914 года в Романье).

Рис. 1 Немецкая почтовая открытка

Французская пропаганда тут же подхватила этот сюжет и внесла свои коррективы, выпустив свою серию открыток, обличающих так называемую «немецкую человечность». На рисунке 2 (см. рис. 2) изображен фотограф, делающий снимок немецкого солдата с сидящим у него на коленях ребенка.

Рис. 2 Французская почтовая открытка

Сюжет построен на противоречиях. Сцена происходит как бы в мирной деревне, но разрушения на заднем фоне явно являются следствиями войны. Заголовок внизу композиции гласит: «Не похоже, что это я убийца его матери». Состав рисунка и добавление этого простого предложения, произнесенного солдатом, позволяет лучше понять смысл этой постановочной сцены, обличающей суть немецкой пропаганды. Слова солдата являются доказательством, что он убийца матери этого ребенка. Таким образом, французы старались донести до своего населения, как на самом деле немецкая армия помогает людям и, в частности, голодающим детям.

Помимо высмеивания поступков, внешнего вида солдат и офицеров особое место занимает тема преступлений и «культурных зверств» немецкой армии во французской пропаганде. В период войны было выпущено большое количество газетных статей и открыток, где были проиллюстрированы данные примеры. Рассмотрим некоторые карикатурные образы, использовавшиеся пропагандой.

Одна из первых композиций, показывающих зверства немцев, была опубликована в «L'Illustration» 29 августа 1914 года [8]. Это рисунок (см. рис. 3) художника Жоржа Скотта под названием «Их способ воевать». На нем изображен вражеский солдат, легко узнаваемый по своей знаменитой остроконечной каске, считающейся символом «архаизма» и прусского милитаризма. Он словно циничный охотник, стоящий посреди скопления окровавленных тел. Среди его жертв - ребенок, священник и молодая женщина, на чьей груди стоит нога ее палача. На заднем плане - руины горящего город. Справа от солдата - другие немцы, которые расстреливают группу гражданских лиц возле обломков здания. Это символическое изображение насилия нацелено на то, чтобы сформировать мнение, что вражеские войска не соблюдают никаких международных соглашений, совершают самые ужасные поступки на захваченной территории и ведут себя как полчища варваров.

Рис. 3 Жорж Скотт «Их способ воевать»

Примеры типичных преступлений приведены в «Красной книге немецких зверств», опубликованной в 1916 году [6]. На многочисленных карикатурах изображены отвратительные сцены предполагаемой «звериности» врага, который вызывает страх и отвращение. Тема «морального вырождения» врага часто использовалось в то время, и можно четко проследить, насколько сильна была ненависть французов ко всему немецкому.

Особенный интерес представляет образ «цивилизованного варвара». С первых дней Первая мировая представлена пропагандой как война против культуры. Французская пресса регулярно публиковала статьи о действиях германских войск в своих городах и деревнях. Немцев обвиняли в несоблюдении статей Гаагской конвенции 1907 года, запрещающих бомбардировки мирных городов, деревень, зданий искусства и науки, больниц исторических памятников. Возникает образ немца как «врага без совести и культуры». Карикатуры поддерживали этот тон, создавая образ «чудовищности» врага.

Упоминания о «зверствах» или «варварах» прослеживаются в открытках. На них стали размещать фотографии сгоревших улиц, разрушенных зданий, пронизанных дырами от снарядов. В ходе всего конфликта появляются сюжеты открытых с видами разрушенных исторических зданий, уничтоженных деревень и городов, таких как Реймс, Аррас, Нойон, Суассон, Сенлис, Верден. Французская пропаганда использовала эти «визуальные доказательства» варварства немцев на протяжении всей войны. Изображения на открытках давали четкое представление о разрушениях, что позволяло подпитывать веру в «запрограммированную волю» немцев уничтожить художественное, промышленное и культурное наследие французов. Ряд фотокарточек сопровождался заголовками, чей тон становился более жестким по ходу затягивания войны.

С 1915 года тема «уничтоженных городов» заняла особое место во французской пропаганде. В средствах печати ей посвящены отдельные статьи, в которых враг показан как «орда варваров», уничтожающая все на своем пути. Увеличение тиража открыток с изображенными руинами, достигло желаемого эффекта - показать виновного в этих преступлениях. [7].

Рис. 4 Почтовая открытка с изображением обстрела немцами Реймского собора

При анализе открыток с изображением руин стоит обратить внимание на тот факт, что на их фасоне зачастую преобладали снимки разрушенных церквей. И это неслучайно. Франция 1914 года по-прежнему являлась глубоко верующей католической страной. По-

сягательства на эти святыни не оставляли никого равнодушным. Серия открыток с изображением разрушенных соборов демонстрировала французам неуважение немцев к религии и их стремление уничтожить все, что с ней связано. Артиллерийский обстрел Реймского собора и разрушение Лувена стали сильными козырями в рукаве французской пропаганды, подтверждающими варварство врага, который ничего не уважает (см. рис. 4).

Изображения руин на открытках служат доказательством варварства противника. Подобные композиция относится к пропагандистскому дискурсу о стремлении немцев уничтожить памятники прошлого, в частности религиозные здания, без какой-либо обоснованной причины.

Таким образом, почтовые открытки являлись действенным средством французской пропаганды. С их помощью поддерживался германофобский дискурс, формировался соответствующий образ немецких военнослужащих, чинивших «культурные зверства». Иллюстрированные почтовые открытки Великой войны стали отличным источником, свидетельствующим о разрушениях культурного, религиозного наследия немецкой армией. Французы очень часто использовали данные сюжеты как доказательство варварства Германии и, таким образом, способствовали формированию негативного восприятия противника.

Список литературы

1. Белоусов А. Гимн ненависти: каноны пропаганды в Первую мировую войну https://republic.ru/world/gimn_nenavisti_kanony_propagandy_v_pervuyu_mirovuyu_voynu-1138037.xhtml

2. Жан-Ив ле Наур. Изображение немцев во французской карикатуре времен Первой мировой войны // Идеи и идеалы. 4(26). 2015

3. Самбур М.В. Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник МГУКИ. 4(54). 2013.

4. Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 1(21). 2012

5. Doizy Guillaume. Les cartes postales «de guerre», reflet des imaginaires collectifs? http://centenaire.org/fr/espace-scientifique/arts/les-cartes-postales-de-guerre-reflet-des-imaginaires-collectifs

6. Domergue Jean Gabriel. Le Livre Rouge des atrocites allemandes d'apres les rapports officiels des gouvernements francais, anglais et belge par l'image. Paris. 1916

7. Emmanuelle Danchin. «Destruction du patrimoine et figure du soldat allemand dans les cartes postales de la Grande Guerre», - URL: http://journals.openedition.org/amnis/1371

8. Veray Laurent, « Images de l'Allemand », Histoire par l'image, - URL : http://www.histoire-image.org/fr/etudes/images-allemand

«THE ENEMY WITHOUT CONSCIENCE AND CULTURE»: THE FORMATION OF THE IMAGE «BARBARIAN» ON FRENCH POSTCARDS DURING WORLD WAR I.

As the title implies the article describes the attempt to analyze the role of postcards in the propaganda of the World War I. It gives a detailed analysis of some of the caricatures used by the military propaganda. A detailed study and analysis of the cartoons depicted on postcards will help to make a more accurate picture of the peculiarities of the formation of the stereotype «German-barbarian» among the French population

Keywords: World War I; propaganda; image of the enemy; postcard; caricature.

References

1. Belousov A. Hymn of hatred: canons of propaganda in the First world war
2. Jean-Yves le Naur. The image of the Germans in French Caricature during the First world war
3. Sambur M. V. Postcard as a source of information on the history and culture
4. Tsykalov D.E. The cartoon as an instrument of propaganda during World War I
5. Doizy Guillaume. The postcards of «War», a reflection of collective imaginations?

6. Domergue Jean Gabriel. The Red Book of the German atrocites according to the official reports of the French, English and Belgian governments by the image. Paris. 1916

7. Emmanuel Danchin. Destructions of the heritage and figure of the German soldier on the postcards of the Great War

8. Laurent Veray. «Images of the German». History through the image

Об авторе

Гончаров Евгений Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Goncharov Evgenii Vladimirovich – postgraduate student of Department of World history, international relations and international law, Faculty of history and international relations, Bryansk state university named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

УДК 94 (47+57)

Дубровский А.М., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССОРОВ В 1917-1923 гг.

В среде российских профессоров и студенчества во второй половине XIX-начале XX в. действовали кружки. В них обсуждались научные и общественно-политические вопросы. После революции 1917 г., в 1920-х гг., профессора Москвы и Ленинграда продолжали использовать эти кружки как неформальные объединения, где можно было свободно общаться. Информация о содержании разговоров в одном из кружков сохранилась в Академическом следственном деле. Профессора Московского университета собирались друг с другом систематически, порой на этих собраниях присутствовали и петербургские профессора. Главными участниками собраний были Ю.В. Готье, М.К. Любавский, М.М. Богословский, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский. Иногда приезжал С.Ф. Платонов и информировал своих коллег о политических новостях. Обычно профессора обсуждали разные темы — политические новости в СССР и за рубежом, выборы в Академию Наук, деятельность Наркомпроса, эмиграцию, интервенцию в СССР. Они были недовольны политической системой в СССР и считали, что эта система рухнет, так как основную часть населения СССР составляло крестьянство — мелкобуржуазный класс. В конце 1920-х гг. этот кружок прекратил существование.

Ключевые слова: профессорские кружки, университетская традиция, обсуждение обстановки в стране, критика политики советской власти

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-21-28

Катастрофический поворот, который принесла Октябрьская революция в судьбу русской исторической науки, её деятелей, создал совершенно новые условия для жизни и работы учёных, в частности историков. Началась реорганизация старых научных и образовательных учреждений, основывались новые. В университетскую среду стали приходить иные люди – марксисты – с чуждыми старой профессуре взглядами. Всё большее значение в жизни учёных приобретала политика власти, крутая, со всё расширявшимся влиянием. В этой обстановке особую роль начали играть кружки, в которые объединялись московские и петроградские (ленинградские) профессора. Теперь их называли старыми специалистами и расценивали как элемент, чуждый новому, возникавшему обществу. Только здесь, в кругу близких друзей и коллег, им можно было совершенно откровенно обсуждать важнейшие вопросы судьбы исторической науки и их собственной. Поэтому особый интерес и представляют собой эти кружки, темы разговоров во время собраний, высказывания и настроения участников этих собраний. Всё это до недавнего времени было совершенно неизвестно исследователям судьбы исторической науки в советский период отечественной истории. Главное внимание в статье сосредоточено на кружке московских профессоров, который объединял в себе видных деятелей науки.

Такие кружки возникали в дореволюционный период ещё во второй половине XIX в. Для более раннего времени характерны были литературные салоны в дворянском обществе. Судя по ряду мемуаров и дневников, можно восстановить более или менее типичные черты профессорских неформальных собраний в дореволюционное время.

Задолго до революции, судя по воспоминаниям С.Ф. Платонова, регулярные собрания проходили в доме петербургского профессора К.Н. Бестужева-Рюмина по вторникам [9, с. 104-133]. В 1890-х гг. действовал кружок молодых историков, юристов и экономистов под председательством П.Г. Виноградова [Богословский М.М.,1987, 85]. «Кружок собирался раз в месяц…, - вспоминал Богословский, - На этих собраниях читались и обсуждались рефераты по истории, по истории права и экономики. Это было как бы небольшое, частное историческое общество» [7,с. 85]. Кружок просуществовал до 1898 г., то есть около восьми лет, до учреждения при университете официального исторического общества [7, с. 87].

В письмах А.Е. Преснякова есть сведения о собраниях по средам у С.Ф. Платонова. Первое известие относится к 1890-му г. [1, с. 55]. В том же году Пресняков упоминал кружок Н.И. Кареева, который собирался по вторникам, куда Пресняков был приглашён [1, с. 148]. Пресняков входил и в кружок Г.В. Форстена, собиравшийся по субботам [1, с.

181, 531]. Действовал кружок А.С. Лаппо-Данилевского. В 1894 г. Пресняков отмечал, что на собрании у Платонова «мы много толковали об университетских отношениях» [1, с. 128]. Вместе с тем эти кружки были местом развлечения. «А ″кружок″! – писал Пресняков матери, - Боже ты мой, да это кружок взрослых детей, весёлых школьников – и только. Серьёзные врозь, шалят и болтают пустяки вместе. Читали мы вместе рассказы Короленко, Ожешко, статьи Овсянико-Куликовского…» [1, с. 183].

Помимо кружков, в который входили главным образом студенты, существовал одновременно и «кружок русских историков», как назвал его в своих письмах Пресняков в апреле 1897 г. [1, с. 378, 380]. Это был кружок чисто профессорский по своему составу. Он существовал отдельно от «младших». В восприятии современников, кружки, в которых формировались личности, были ступенькой к «общественности», к общественно-политической деятельности [1, с. 503].

В Москве деятельность таких кружков была связана с поколением учеников В.О. Ключевского. Более ранних сведений о регулярных неформальных собраниях московской профессуры не обнаружено. Ряд известий о такого рода собраниях в 1910-х гг. содержится в дневнике профессора Московского университета М.М. Богословского.

Обычно такой кружок собирался в доме у одного из его участников. Кроме обычных дружеских связей собравшихся объединяли профессиональные интересы. Так, вечером 4 ноября 1915 г. (среда) у Богословского собирались В.А. Михайловский, С.К. Богоявленский и Д.Н. Егоров. «Разговор с ним, нельзя ли подействовать на Герье с целью возрождения Исторического общества», - записал автор дневника [6, с. 99]. 29 ноября (воскресенье) собрался тот же круг людей. Среди обсуждаемых тем Богословский отметил деятельность правых партий и возрождение Археологического общества [6, с. 110]. 12 декабря (суббота) профессора собрались у Д.Н. Егорова. Здесь были Готье, Савин, Айхенвельд Богоявленский. «Разговор об адресе Герье и о депутации завтра, об Историческом обществе, о театре и др.» [6, с. 115]. 16 декабря (среда) – «вечером у Ю.В. Готье на большом собрании ученых мужей, где были Д.Н. Егоров, Шамбинаго, Ушаков, Орлов, Богоявленский, Яковлев, Веселовский Сухотин, Любавский. Говорили о возрождении Исторического общества». Кроме того в разговорах были затронуты и политические темы – о положении на фронте [6, с. 116-117]. 20 декабря, в воскресенье, «было собрание у Герье по поводу возобновления Исторического общества. Были: Любавский, Савин, М.Н. Розанов, Егоров» и Богословский [6, с. 118]. 28 декабря у Богословского собрались П.И. Беляев, Егоров, Яковлев, Готье. «П.И. Беляев любит специальные разговоры по вопросам русской истории и русского права, его занимающим. Мне тоже интересно поговорить с ним о Русской правде и о крестьянском праве. Но нашу учёную публику трудно занять чем-нибудь кроме сплетен пустых и глупых, и у нас с П.И. долгое время был только диалог, на которые прочие не обращали внимания. Только за чаем одно время разговор о новейших работах по феодализму сделался общим» [6, с. 120].

2 января 1916 г. Богословский записал: «Вечером у Алексея Павловича [Басистова], где были В.А. Михайловский, Холь и С.К. Богоявленский. Собираемся так уже 5-й или 6-й раз» [6, с. 125]. 7 февраля (пятница) вместе с Богоявленским, Егоровым и Яковлевым был на блинах у Веселовского [6, с. 143]. 12 февраля перед защитой диссертации Флоровского для знакомства с ним Богословский собрал у себя Савина, Готье, Любавского, Веселовского и Кизеветтера [6, с. 144]. Сам Богословский должен был выступить оппонентом на диспуте у Флоровского. 2 марта у Богословского состоялось «собрание профессоров и приват-доцентов по русской истории для установления учебного плана на следующий учебный год: были Готье, Панов, Яковлев, Бахрушин, Любавский, а также С. Конст. Богоявленский и Веселовский» [6, с. 155]. 4 апреля (понедельник) Богословский провел «вечер у Савина, где были П.Г. Виноградов, Егоров, Богоявленский, Гершензон, Гензель и Яковлев. Сначала мы выслушали обзор военных событий на Западном, Восточном Кавказском и Балканском фронтах. Затем разговор разбился» [6, с. 173-174]. 5 мая Богословский записал: «Вечер провел у М.К. Любавского по случаю приезда в

Москву С.Ф. Платонова. Были кроме Платонова: Грушка, Готье, Филиппов, Яковлев и Веселовский. Разговор о войне в бодрых тонах, затем о петроградских диспутах, о неизбежном Бороздине и т.д.» [6, с. 185-186]. 10 мая у Богословского обедали Платонов, Любавский, Готье, Яковлев и Богоявленский. «Разговор о минских торжествах и речах, о Петре Великом, а затем о войне, политическом положении. По уходе С.Ф.[Платонова], уезжающего в Петроград, мы посидели ещё за чаем, обсуждая дела нашего Университета» [6, с. 187]. 24 декабря по случаю приезда из Петрограда профессора А.А. Васильева, византиниста, Богословский в 4 часа дня прибыл к Егорову. «Были Любавский, Савин, Готье, Пичета, Богоявленский…, беседовали за чаем» [6, с. 282].

4 февраля 1917 г. Богословский был у Готье вместе с Егоровым, Любавским, Яковлевым и Шамбинаго» [6, с. 301]. 18 февраля Богословский провел вечер у Любавского в обществе петроградских гостей – Платонова и Васенко, которые приехали на диспут Яковлева. Были также Филиппов, Готье, Савин, Егоров и Веселовский. «Разговоры о недостатке хлеба, о петроградских происшествиях, а затем совещались о подготовительных мерах к будущему съезду русских историков» [6, с. 308]. 19-го состоялся диспут (защита диссертации) Яковлева, после которого Яковлев позвал к себе на обед Богословского, Любавского, Платонова, Васенко, Кизеветтера, Готье, Львова, Черепнина, Бахрушина. «Я сидел рядом с Платоновым и Бахрушиным, - писал Богословский. – Первый рассказал мне о завтраке у в. кн. Николая Михайловича, от которого мы с М.К.[Любавским] уехали С Бахрушиным мы вели разговор о моей полемике с Веселовским; он очень её порицает; чего я и ожидал. Было множество тостов. Веселовский сказал, отвечая на тост Кизеветтера о дружбе между московскими историками, что теперь пробежали кошки, и потянулся со мной чокаться, на что я с удовольствием отвечал» [6, с. 309].

В связи с рассмотрением профессорских кружков обращают на себя внимание две записки от Бахрушина к Яковлеву, которые сохранились в архивном фонде Бахрушина. В первой, более ранней, Бахрушин сообщил, что «в воскресенье 25-го марта [1912 года], в 8 час. вечера я собираюсь в кругу друзей прочесть два своих отрывка: о ценз[уре] и о демокр[атических] городских думах. Я бы очень хотел послушать Вашу изящную критику…» [5, л. 38]. Во второй записке Бахрушин писал, что «в пятницу у меня собирается, по выражению Мих[аила] Мих[айловича Богословского] общее собрание Академии, и я надеюсь, что Вы тоже не откажетесь зайти часов в 9» [5, л. 38]. Обе записки отражают деятельность кружка профессоров Московского университета. Что интересно отметить, это то, что на собрании 25 марта 1912 г. собравшиеся должны были обсудить сочинения Бахрушина на политические темы.

Итак, в университетской среде и в Петербурге (Петрограде) и в Москве действовали кружки профессоров, на заседания этих кружков приглашались и некоторые студенты. Были и кружки, главным образом студенческие по составу. Таких студентов объединяла личность научного руководителя, старшего товарища. Здесь было не только научное общение, но и просто развлечения молодых людей.

Рассмотрение приведённых немногочисленных, но вполне достоверных источников позволяет сделать следующие выводы о характере кружка как питерских, так и московских профессоров. В первую очередь это дружеские собрания коллег, целью которых было обычное общение близких и давно знакомых друг другу людей. Изредка на эти встречи допускались ученики (Л.И. Львов, Л.В. Черепнин). Строго фиксированных дней для встреч по имеющимся источникам не заметно, но это не значит, что их вовсе не было. Поводами для собраний московских историков были диспуты, приезды в Москву петроградских историков. Обычные житейские разговоры сочетались здесь с обсуждением профессиональных и политических тем. Во время Первой мировой войны политические темы стали обсуждаться чаще.

Традиции неформальных объединений продолжались и после Октябрьской революции. Так, известно, что в 1920-х гг. в Петрограде действовало несколько кружков. Это был кружок молодых историков – объединение аспирантов и преподавателей университета (около 30 человек) [10, с. 19-77]. Он возник в конце 1920-го или в самом начале 1921-

го г. и состоял преимущественно из учеников С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.И. Кареева и др. На собраниях кружка бывали и профессора. «Кружок был неформальной организацией, не имел устава, и посещение его заседаний вовсе не было обязательным. Участников объединяли профессиональные интересы, профессиональный инстинкт, принадлежность к определённой исторической школе, преданность старшим наставникам, мэтрам, как носителям её традиций» [3, с. 82]. Деятельность кружка подпитывала дефицит общения на научной почве, стремление удовлетворить научные интересы.

После 1920 г. возник «салон» Тарле. Здесь собирались по средам. В «салоне» бывали академики Н.П. Лихачёв, В.П. Бартольд, М.М. Богословский, В.П. Бузескул. Сюда допускались и молодые историки по личному приглашению Тарле. На собраниях читались и обсуждались рефераты [3, с. 83] . Здесь, видимо, действовала та же потребность в научном общении при свёртывании и исторического образования, и деятельности научных журналов.

Опираясь главным образом на следственное Академическое дело, Б.В. Ананьич смог выявить ряд кружков, существовавших в Петрограде-Ленинграде в 1920-х гг. Это кружок, действовавший под руководством А.И. Заозерского по определённой исследовательской программе. Члены кружка изучали историю крупного землевладения в России в XVIII-XIX вв. Это кружок учеников А.С. Лаппо-Данилевского, которые также имели свою исследовательскую программу. Заканчивая дело, начатое ими в семинарии их покойного учителя, они составляли каталог русских частных актов. Это кружок учеников Кареева. В 1925 г. на квартире у М.Д. Присёлкова организовался кружок, занимавшийся историей искусства и церкви. Под руководством И.М. Гревса действовал кружок его учеников, занимавшихся средневековой историей, палеографией, источниковедением. Известен кружок И.Д. Андреева. Бывшие студенты археологического отделения университета организовали кружок «Новый Арзамас». «Простое перечисление кружков свидетельствует о довольно оживлённой неформальной творческой деятельности историков в Петербурге-Ленинграде в 1920-е. Это была естественная форма научного общения, противоречившая, однако, правительственному курсу на установление контроля над исторической наукой и введению её в строгое русло официальной идеологии», - сделал вывод Б.В. Ананьич [3, с. 84].

Некоторые известия о послереволюционных неформальных объединениях, действовавших в Москве, содержатся в дневнике Готье, описывавшего события своей жизни в 1917-1922 гг. Готье отмечал изредка неофициальные встречи профессоров и темы разговоров между ними. Главными темами были политическая ситуация, положение университета и другие профессиональные вопросы. «Много говорили всё о том же; выхода, кажется, никто не видит; говорили об университете, положение которого экономическое столь же безнадёжно, как и положение России», - писал Готье 6 января 1918 г. [8, с. 105]. 10 марта он отметил: «Вчера мы обедали с Любавским в тесном кругу, в квартире Веселовского, предлогом было поднесение ему книг (сборников статей, изданных в его честь – А.Д..), а настоящей причиной – отвести душу, забыться хотя бы на один вечер. …Много и легко говорили, и преобладающими нотами были ноты патриотические» [8, с. 119]. И дальнейшие записи Готье говорят о том, что историки старались разобраться в происходящих событиях и их истоках - «от чего пошло и кто во всём виноват» [8, с. 203]. Важное место в общих разговорах занимала судьба университета. Так, 12 марта после долгого совещания по поводу работы преподавателей Московского университета и реорганизации историко-филологического факультета у Богословского собрались кроме Готье Любавский и Яковлев [8, с. 269]. Пресняков упомянул о собрании историков у Богословского 3 июля 1918 г. [1, с. 795]. Обсуждался вопрос о том, что Любавский согласился стать во главе московского архивного дела заместителем Д.Б. Рязанова. 11 (24) апреля Готье отметил собрание у Бахрушина, «где был весь состав русских историков, а также Савин и Егоров» [1, с. 281]. Под «русскими историками» в то время понимали специалистов по отечественной истории.

8 ноября 1920 г. Готье записал, что в Москву приехал Платонов. «Собрания у

меня, у Бахрушина, у Богословского. С.Ф. читал лекцию о родовых чертах в потомстве императора Павла и Марии Федоровны. Он не сказал ни одного пошлого слова о царской семье и почти ни слова о Николае II» [1, с. 429]. Судя по этой записи, на собраниях историков время от времени обсуждались и доклады на исторические темы.

Уникальным историческим источником, свидетельствующим о кружке московских историков, являются материалы следствия с показаниями арестованных историков в ходе Академического дела. Следователи хотели усмотреть в среде историков заговор, поэтому обращали внимание на круг общения каждого, кто был под следствием и, в частности, их внимание привлекли профессорские кружки. В следственном деле московские историки назывались группой, «московской группой» (как часть членов антиправительственного заговора), а собрания кружков определялись как собрание «группы». Вместе же московские и ленинградские историки определялись следствием как «организация» или «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Эти термины должны были принять и подследственные и употреблять их в своих показаниях.

На допросах Готье указал на то, что собрания историков начались до Первой мировой войны, а закончились в 1929 г. По словам Готье, основателями «тесного кружка историков в Москве ещё в довоенное время» были Любавский и Богословский. Арестованные показали, что членами кружка («группы московских историков») были Богословский, Любавский, С.К. Богоявленский, Готье, Яковлев, Бахрушин, Веселовский, Петрушевский, Егоров, редко В.Н. Бочкарёв. Готье указал ещё на участие А.А. Кизеветтера (выслан из страны в 1922 г.). На некоторых собраниях присутствовали более молодые историки [4, л. 3]. Они были учениками представителей старшего поколения. Эти молодые люди в 1920-е гг., получив высшее образование, готовились стать научными работниками. «Основной и начальной причиной сближения между старшими и младшими были научные интересы, состоявшие в передаче молодым научных методов и знаний. За передачей методов и знаний следовала вторая стадия сближения – прививка молодому поколению традиций научной школы, восходивших к Московскому университету, к первой половине XIX в. и связывавшихся нами с именами историков Соловьёва и Ключевского. Обеспечение научной смены должно было стать и обеспечением научных традиций», - говорил на следствии Готье [4, л. 40].

У Готье собирались по субботам, у Бахрушина по воскресеньям вечерами, у Яковлева тоже в воскресенье, но в дневное время. Относительно двух последних Готье заметил, что собрания у них проходили каждую неделю; к Бахрушину «члены группы приходили по собственной инициативе». Собрания кружка происходили у Любавского не в фиксированные дни, а по специальному зову, а иногда – после заседания Общества истории и древностей российских, составляя как бы его продолжение. Собирались также у Богословского. Не всегда кружок собирался в полном составе. Так, у Яковлева по воскресным дням постоянно были некоторые лица, а полный состав круга московских историков собирался редко. Заметно, что в новых политических условиях профессора сплотились. Кружок московских историков стал собираться систематичнее, быть может, даже чаще, чем до революции.

«Основное ядро нашей группы, - говорил Готье, - Любавский, Богословский, Егоров, Яковлев, Бахрушин, Богоявленский, Веселовский, Готье» [4, л. 55]. Большинство из них жили по соседству – на Арбате, который ещё до революции был районом Москвы, где часто селились профессора Московского университета.

Что происходило на собраниях этого кружка? Какие темы обсуждались? Как признавался Готье, на этих собраниях «довольно много места» занимали беседы на политические темы; «систематических обсуждений не было; обсуждался то один, то другой вопрос» [4, л. 55]. Бахрушин говорил о том, что «обсуждались вопросы академического и общеполитического характера, как то: об выборах в Академию Наук, об экономическом положении СССР, о деятельности Наркомпроса, научных учреждениях и обществах, о положении молодёжи и интеллигенции вообще, о крестьянстве и политике Соввласти по отно-

шению к последнему, о заграничных новостях, об эмиграции и интервенции по отношению СССР со стороны иностранных государств. На наших заседаниях обычно сообщались политические новости, и по поводу них завязывалась текущая беседа, во время которой каждый высказывал свою точку зрения. Господствующей нотой было недовольство существующим в СССР политическим строем» [4, л. 134 об., 207].

К сожалению, обобщенная характеристика тем разговоров не даёт возможности отнести их к тому или иному году. По той же причине, за редким исключением, невозможно проследить, как с течением времени эволюционировали воззрения, настроения собиравшихся, темы их разговоров.

Насколько можно усмотреть из показаний участников этих встреч, первую группу обсуждаемых тем, составляли темы политические. Говорили и о внешней и о внутренней политике. Политическая ситуация определяла и судьбу науки, поэтому даже по сравнению со временем Первой мировой войны интерес к политическим темам ещё более вырос. «Общий тон был критикующий, часто полный насмешки и горечи», - признавался Готье [4, л. 5]. Среди историков были реакционеры и умеренные, по словам Егорова. Как говорил Готье, «все важнейшие мероприятия внутренней политики были также предметом критики. Осуждалась как слишком резкая классовая политики правительства и партии. В своё время сочувствовали нэпу, видя в нём хотя и частичное, но окончательное отступление революции. Критиковали кооперативную политику, суля ей провал. К культурной революции относились со скептицизмом. Кажется, только образование СССР было встречено с одобрением», «мы хотели видеть в этом шаг к воссозданию прежней России» [4, л. 5].

Во время разговоров важным вопросом был вопрос о будущем государственном строе, который должен будет сменить непрочный советский строй. Как вспоминал Готье, «не раз говорилось о возможности возврата монархии; по этому поводу велись споры. Толковали о возможных кандидатах, причём назывались два имени: Николая Николаевича и Кирилла, но оба имени встречали возражения: первое по отсутствию демократических прав, а второе – как личность» [4, л. 4].

Нужно сказать, что воззрения московских профессоров были разными. До революции многие из них были сторонниками конституционно-демократической партии. Ректора Московского университета Любавского и до революции его ученик Бахрушин считал консерватором. После свержения монархии портрет Николая Второго ещё висел в кабинете у Любавского. По словам Бахрушина, высказываясь о перспективах развития страны в кругу членов кружка, Любавский видел в монархе воплощение сильного национального государства. Судя по некоторым признакам, в среде историков оставались живы прежние, кадетские, воззрения, а, быть может, под влиянием революции, московские учёные даже эволюционировали вправо. Так, Яковлев предполагал, что монархия будет абсолютная, без парламента, без муниципального управления - «никаких дум, никаких земств». Большинство скептически относилось к «свободам» [4, л. 207].

Пытаясь понять перспективы развития страны, историки связывали их с тем, что большинство населения СССР составляли крестьяне. Как говорил Бахрушин, «уверенность, что советскому строю предстоит рано или поздно падение, основывалось на наличии в СССР многомиллионной крестьянской массы, по существу мелкобуржуазной. Во всей революции видели в первую очередь борьбу крестьянства за землю. Веселовский, например, высказывал мнение, что в ней нашёл выражение переход крестьян от общины к хуторской системе хозяйства, процесс, аналогичный которому наблюдался, по его словам, в Западной Европе. Сам я долгое время тоже думал, что декретом о передаче земли в пользование трудового крестьянства завершилась аграрная революция в России и что в дальнейшем пойдёт освоение отдельными крестьянами земли на основе частной собственности. Господствовавшей была аграрная программа Яковлева, заключавшаяся в том, что после ликвидации советской власти будет произведён раздел, и путём раздачи в собственность отрубов будет выделена наиболее экономически сильная группа крестьянства, которая и будет служить оплотом будущей монархии» [4, л. 208].

По словам Готье, «многое говорилось о вопросах внешней политики, об отношении СССР к буржуазной Европе и, в частности, к Германии, Франции, Англии, а также САСШ» [4, л. 4].

Вторая группа вопросов, которые обсуждались в московском кружке, – это вопросы о положении интеллигенции, состоянии науки, Академии наук. «Неистощимой темой разговоров были события в Академии наук, о которых информировали Платонов, Богословский и Любавский - говорил Бахрушин. – Все реформы, имевшие целью приблизить старую Академию к коммунистической науке…, встречали общее недовольство… Точно так же отрицательно относились к произведённой советской властью реорганизации университета: к отмене научных степеней, к новой системе назначения профессоров, к участию студенчества в университетской жизни; считали новых профессоров недостаточно знающими, а новый состав слушателей недостаточно подготовленными» [4, л. 210-211]. Очень горячо обсуждалась деятельность Наркомпроса, Главнауки и особенно М.Н. Покровского, к которому члены кружка относились неприязненно.

Таким образом, протоколы Академического дела дают возможность представить в основных чертах облик кружка московских профессоров в 1920-е гг., их откровенные суждения, взгляды и настроения. В своих показаниях Платонов назвал его «петербургско-московским дружеским кружком историков» [4, л. 32]. Однако, это не было просто дружеское собрание. Участники кружка вкладывали в свою деятельность особое содержание – передачу научных традиций ученикам. Порой слушали доклады, хотя, в отличие от других кружков, эти собрания не были подлинно научными заседаниями. В них смешивались разные черты и профессиональные (по месту работы), и научные (по интересам), и политические (по идейной направленности в отношении положения в стране), и дружеские.

Список литературы

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005.

2. Академическое дело 1929-1931 гг. Вып.I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1995.

3. Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перчёнка. М.;СПб., 1995.

4. Архив управления ФСБ по С.Петербургу и Ленинградской области. П.65245. Т.8.

5. Бахрушин С.В. Письма А.И. Яковлеву. Архив РАН. Ф.624. Оп.3. Д.29.

6. Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011.

7. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярия (научное наследие). М., 1987.

8. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

9. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2.

10. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перчёнка. М.;СПб., 1995.

INFORMAL ORGANIZATIONS OF MOSCOW AND SAINT PETERSBURG PROFESSORS IN 1917-1923

In the second half of 19th century and in the beginning of the 20th century there emerged circles of Russian professors and students where the participants discussed scientific and socio-political issues. After the revolution of 1917, during the 1920s some professors of Moscow and Leningrad universities continued to use these circles as informal organizations for free debates. It is possible to have information about content of these debates thanks to materials of Academic case. Moscow university professors had systematical meetings where Petersburg professors were presented from time to time. I.V.Gotie, M.K. Liubavskii, M.M. Bogoslovskii, D.N. Egorov, A.I. Iakovlev, S.V. Bakhrushin, S.K. Bogoiavlenskii, S.B. Veselovskii were the main participants of these meetings. Sometimes S.F. Platonov visited them and informed his colleges about political news. Usually professors discussed different themes – political news in USSR and foreign ones, election in Academy of sciences, economic situation in USSR, Narcompros activity, emigration, intervention in USSR. They were disagreed with Soviet political system and supposed that this system will be crash down in future because the main part of the population of the USSR is peasantry – petty bourgeois class. At the end of the 1920s this circle stopped existing.

Keywords: academic circles, university tradition, academicians' case, academic organizations, university reform (in USSR), discussion of the situation in the country, criticism of the Soviet government police

References

1. Alexander Evgenievich Presniakov. Pisma i dnevniki. 1889-1927 [Letters and diaries]. SPb., 2005

2. Akademicheskoe delo 1929-1931 [Academic case]. Vip.1.Delo po obvineniu academica Platonova [Case of academician Platonov]. SPb., 1995

3. Ananich B.V. O vospominaniah N.S.Shtakelberg [On N.S. Shtakelberg's memoirs] // In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiaty F.F. Perchionka. M;SPb., 1995.

4. Arhiv upravlenia FSB po Peterburgu i Leningradskoi oblasty. P.65245. T.8.

5. Bakhrushin S.V. Pisma A.I. Iakovlevu Arhiv RAN. F.624. Op.3. D. 29. [S.V. Bakhrushin's letters to A.I. Iakovlev].

6. Bogoslovskii M.M. Dnevniky 1913-1919 [Diaries]. M., 2011.

7. Bogoslovskii M.M. Istoriografia, memuaristika, epistolaria (nauchnoe nasledie) [Historiography, memoirs, epistolaria (scientific heritage)]. M., 1987

8. Gotie Iu.V. Moi zametky [My notes].M., 1997.

9. Platonov S.F. Neskolko vospominanii o studencheskih godah [Some memoirs about student years] // Dela i dny. 1921. Kn. 2.

10. Shtakelberg N.S. "Kruzhok molodih istorikov" i "Akademicheskoe delo" ["The circle of young historians" and "Academic case"] // In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiaty F.F. Perchionka. M;SPb., 1995.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovitch – Doctor of History, Docent, Department of Russian history, International Relation and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskiy, E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 347.918

Ерохин А.С., аспирант**,** Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ, АНГЛИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШИ, ЧЕХИИ)

В последние десятилетия наметился интерес к компаративным методам в исторических исследованиях, при которых первостепенное значение приобретает сравнение явлений и процессов. Использование компаративного анализа с использованием методического аппарата политической антропологии помогает проследить общие закономерности в развитии типов социально-политической организации от отдельных племен до раннего государства. В данной статье отмечается, что Древняя Русь, пройдя 4 этапа политогенеза (этап развития отдельных самостоятельных политий; объединительный этап; унификационный этап; этап трансформации), по мнению автора, пришла к форме политической организации «раннее государство», схожей с Англией, Польшей, Болгарией и Чехией. Проведенный анализ деятельности Владимира на Руси, Альфреда – в Англии, Болеслава – в Польше, Крума – в Болгарии, Болеслава II – в Чехии по оформлению государства демонстрирует высокую степень влияния личностного фактора правителя на процессы формирования государств. Отмечена имеющаяся схожесть проводимых лидерами мероприятий, направленных на институализацию власти. Таким образом, компаративный анализ демонстрирует нам высокий уровень схожести итоговых политий, образовавшихся в ходе государствогенеза сравниваемых государств, но показывает различие путей и механизмов его протекания.

Ключевые слова: Политическая антропология, политогенез, государство, власть.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-29-32

Согласно современным концепциям политогенеза к любой форме социально-политического устройства общества можно прийти различными путями [4, с.11].

Рядом исследователей, в том числе Глебовым А.Г., Мельниковой Е.А., ранее предпринимались попытки провести компаративисткое сравнение Древней Руси и Англии. В частности, Мельникова отмечает, что «политии, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), не могут быть охарактеризованы в рамках какой-либо формации» [3]. Имеются в отечественной историографии и работы посвященные сравнительным исследования Древней Руси и Болгарии [7].

Ранее в политогенезе древнерусского государства были выделены 4 этапа: 1) этап развития отдельных самостоятельных политий; 2) объединительный этап; 3) унификационный этап; 4) этап трансформации [1]. Для данного исследования представляет интерес сравнение политогенеза на унификационном этапе применительно к рассматриваемым странам.

Как ранее отмечалось, Древня Русь и раннесредневековая Англия на рассматриваемой стадии относятся типу раннего государства [9]. Среди сходных моментов в развитии данных государств можно выделить следующие: образование государства из отдельных самостоятельных политий, влияние варяжского фактора.

Территориально-демографическая структура данных ранних государств времен правлений Альфреда и Владимира представляется примерно сходной [2, с.87-89]. В случае с Англией речь идет о федерации отдельных королевств, которые возглавлял уэссекский правящий род, относительно Древней Руси – содружество отдельных княжеств, объеденных под властью рода Рюриковичей. Болгария в данном случае демонстрирует пример двухуровневого государства, образованного военно-договорным путем. В Польше господствующим ядром державы Болеслава Храброго являлось «дружинное государство» в Великой Польше и Силезии. Мазовия представляла более раннюю ступень развития той же модели, а Поморье – иной путь развития, где собственная «большая дружина» так и не сложилась (скорее напоминая конфедерацию торговых городов- государств северного типа) [5].

Относительно социальной структуры общества: в Англии и Руси перед нами ранжированное общество с оформляющимися стратами. Однако для Руси более ярко выражен фактор международной торговли и грабительских войн. В Болгарии социальная структура усложнялась сочетанием тюрского и славянского населений.

Говоря о складывании государства на вышеуказанном этапе, прежде всего, необходимо подчеркнуть влияние личностного фактора на

процессы образования государств: Владимира – для Руси, Альфреда – для Англии, Болеслава – для Польши, Крума –для Болгарии, Болеслава II –для Чехии.

Военные и административные реформы оказывали сильное влияние на финансовое обеспечение государств. На Руси времен Владимира происходит отказ от полюдья, распространение системы погостов на всю территорию Древней Руси, эндоэксплуатация постепенно становится ведущим фактором обеспечения правящего слоя. В Англии в этот период формируется система налогов, а основным источником обеспечения короля и его двора становятся доходы с доменов. В Польше использование внутреннего продукта в первую очередь направлялось на содержание «большой дружины», что сказывалось на росте экзоэксплуатации и выстраивании налоговой системы. В Болгарии важным дополнительным элементом обеспечения правящего слоя являлась прибыль от скотоводства.

В области формирования верхушки правящего слоя в Древней Руси и Англии можно выделить расхождения. Из-за сохранения правящих родов в англосаксонских королевствах легитимизация власти Альфреда происходила путем признания его верховенства над всей территорией Англии и использования брачно-родственных механизмов. Согласно Англосаксонской хронике все англосаксы, которые не были подчинении у данов, признавали власть Альфреда [2]. На Руси, в связи с завоевательным характером образования единого государства и этносоциального отличия правящего слоя от славянского населения, местные элиты либо уничтожались, либо инкорпорировались в «большую дружину», а наместниками становились представители одного правящего рода, что привело к «суверенитету Рюриковичей» над Древней Русью. Особенностью Болгарии являлось формирование и пополнение правящей верхушки из тюрского национального элемента, противопоставлявшего себя славянскому населению. В Польше правящий слой формировался инкорпорацией местных дружин и князей в состав «королевской» дружины. При этом местные князья, соглашались с потерей традиционной власти на местах в обмен на получение престижных и доходных должностей, участия во внешней экспансии и получения дани от получения с окружавших Великую Польшу народов.

Различия находятся и других способах легитимизации власти: ко времени начала правления Альфреда Англия уже была христианизирована, и наличие общей религии и церковной организации было вспомогательным элементом образования единого государства, для языческой Руси унификационное объединение на основе восточно-христианской религии имело более важное интеграционное значение. Принятие христианства, одинаково чуждого для славянского и неславянского населения способствовало преодолению территориальных различий и выстраиванию унифицированной системы взаимоотношений «власть – общество». В Польше в связи с резким, в том числе религиозным противоречием между дружиной и населением, идеологическому обоснованию власти князя уделяется огромное значение. Для легитимизации власти Пястов также используется христианизация [6]. В Болгарии с той же целью первоначально провозглашалось возведение правящего рода к божеству Тенгри-хану [7].

На Руси все ограничилось “легендой” об особом, иностранном происхождении Рюриковичей, что, впрочем, имело под собой реальные основания. Для народа на Руси существование дружины долгое время оправдывалось печенежской опасностью, что нашло отражение и в былинах. Завоевательные войны Святослава обогащали дружину, а для народа лишь увеличивали налоговый гнет.

Факт расправы Владимира с суверенным полоцким князем Рогволодом и его сыновьями стал общеизвестным. Но стоит отметить, что Владимир поступил с семьей полоцкого князя все же мягче (взяв себе в жены, как законную добычу и как повод стать законным сувереном Полоцка, дочь Рогволода Рогнеду), чем в той же ситуации и примерно в то же время действовал в Чехии Болеслав. Последний приказал поголовно, включая женщин и детей, уничтожить правивший в соперничавшем с Прагой зличанско-хорватском княжестве род Славниковцев, хотя его представитель и был первым епископом Чехии.

Важен и тот факт, что вместе с восточным христианством Владимир перенимает византийскую титулатуру. В связи с чем институализация верховной власти Древней Руси оформляется и внешне (употребление по отношению к Владимиру терминов высших

государственных должностей византийскими источниками). Схожий процесс протекал в Болгарии, которая географически ближе находилась к Византии. Апофеозом стало принятие Симеоном титула василевса в 913 году. Следует отметить, что и Альфред упоминается английскими источниками не только как король Уэссекса, но и как король всей Англии.

Кодификация законов (как один из возможных, но не обязательных универсальных признаков «раннего» государства [8, с. 297]) была проведена Альфредом с целью универсализации старых англосаксонских «Правд», составленных в разное время в отдельных королевствах. В правление же Владимира, происходит переход в его руки судебной власти вплоть до права смертной казни (но без кодификации) [8, с. 297]. В Болгарии оформление кодификации законов было проведено Крумом и впоследствии дополнено Омуртагом.

В сфере оформления государственного аппарата происходит усиление роли королевских (княжеских) людей. В период правления Альфреда власть на местах перераспределяется в пользу шерифов (выполнявшим судебные и административные функции) и герефов (управлявшим королевскими имениями, занимавшимся сбором податей в пользу короля). На Руси аналогичную роль играют наместники Владимира из числа правящего рода и дружинников.

Компаративный анализ убедительно показывает, что хотя рассматриваемые общества и имели разные пути и механизмы политогенеза, а также темпы развития, им удалось прийти к сходному типу политической организации – раннему государству.

Список литературы

1. Ващейкин А.Е., Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Формирование Древней Руси с точки зрения политической антропологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 5 (13). С. 9-29.

2. Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Реформы Владимира и Альфреда: Опыт компаративного анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 87-89.

3. Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы// Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2011.

4. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006, с.11.

5. Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.) – М., 1991. – С.87-105.

6. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / Пер. с польск. — М.: Весь Мир, 2004. — 544 С.

7. Шинаков Е.А. Компаративно-типологический анализ «варварской» государственности на Руси и в Болгарии // Проблеми и предизвикателства на археологическите и културно-историческите проучвания. Том 1, 2009. - Пловдив.

8. Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства. – Брянск: Брянский государственный университет, 2009. 477 С.

9. Yerohin A.S., Shinakov E.A. The process of politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus': a comparative aspect. Social Evolution &History 12 (2), 2013, p. 102-119.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITOGENESIS (ON THE EXAMPLE OF ANCIENT RUSSIA, ENGLAND, BULGARIA, POLAND, CZECHIA)

In recent decades, there has been an interest in comparative methods in historical research, in which the comparison of phenomena and processes is of paramount importance. The use of comparative analysis based on the methodological apparatus of political anthropology helps to trace the general patterns in the development of types of socio-political organization from individual tribes to the early state In this article it is noted that Ancient Russia, having passed 4 stages of politogenesis (a stage of development of separate independent polities; a unifying stage; a unification stage; a stage of

transformation), according to the author, came to the form of the political organization - "early state", similar to England, Poland, Bulgaria and Czechia. The analysis of reforms of Vladimir in Russia, Alfred in England, Boleslav in Poland, Krum in Bulgaria, Boleslav II in Czechia on the formation of the state demonstrates a high degree of influence of the personal factor of the ruler on the processes of formation of States. The existing similarity of the activities carried out by the leaders aimed at the institutionalization of power is noted. Thus, the comparative analysis shows us a high level of similarity of the final polities formed during the stategenesis of the compared states, but shows the difference in the ways and mechanisms of its occurrence.
Keywords: Political Anthropology, politogenesis, state, power.

References

1. Vascheykin A. E., Yerohin A.S., Shinakov E.A. (2012) Formirovanie Drevnej Rusi s tochki zreniya politicheskoj antropologii [Formation of Ancient Russia in terms of political anthropology]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 5 (13), 9-29.

2. Yerohin A.S., Shinakov E.A. (2012) Reformy Vladimira i Al'freda: Opyt komparativnogo analiza [Reforms of Vladimir and Alfred: an essay in comparative analysis]. Vestnik VGU. History. Political Science. Sociology 2, 87-89.

3. Mel'nikova E.A. (2011) Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sostoyanie problem [Formation of the old Russian state: the status of the problem]. Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010. Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen. M.

4. Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi [Early state, its alternatives and analogues] (2006) Pod red. L. E. Grinina, D. M. Bondarenko, N. N. Kradina, A. V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel'.

5. Trzheshtik D., Dostal B. (1991) Velikaya Moraviya i zarozhdenie Cheshskogo gosudarstva [Great Moravia and the birth of the Czech state]. Rannefeodal'nye gosudarstva i narodnosti (yuzhnye i zapadnye slavyane VI – XII vv.) – M, 87-105.

6. Tymovskij M., Kenevich YA., Hol'cer E.(2004) Istoriya Pol'shi [The History of Poland]. Per. s pol'sk. — M.: Ves' Mir, 544.

7. Shinakov E. A. (2009) Komparativno-tipologicheskij analiz «varvarskoj» gosudarstvennosti na Rusi i v Bolgarii [Comparative and typological analysis of 'barbarian' statehood in Russia and Bulgaria]. Problemi i predizvikatel'stva na arheologicheskite i kulturno-istoricheskite prouchvaniya. Tom 1, Plovdiv.

8. Shinakov E. A. (2009) Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [The Old Russian State Formation]. 2nd ed. Moscow.

9. Yerohin A.S., Shinakov E.A. (2013) The process of politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus': a comparative aspect. Social Evolution &History 12 (2), 2013, p. 102-119.

Об авторе

Ерохин Александр Сергеевич – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alexander_yerokhin@yahoo.com

Yerokhin Alexander Sergeevich – a postgraduate student of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: Alexander_yerokhin@yahoo.co

УДК 94(430).085

Залепеев В.Н., кандидат исторических наук, доцент; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных данных и исследовательской литературы охарактеризованы торговые отношения между Германией и странами юго-восточной Европы накануне Второй мировой войны. Рассматривается значимость этого региона для нужд немецкой экономики в условиях предстоящей войны и установления морской блокады, а также структура взаимных поставок. Наибольшую ценность для Германии из юго-восточного региона представляли поставки цветных металлов, нефти и продуктов питания. Чтобы заинтересовать эти страны нацистское руководство предложило осуществлять взаиморасчет не в твердой валюте, а путем заключения клиринговых соглашений, то есть по безналичному расчету. Германия также установила для стран юго-восточной Европы благоприятный обменный курс валют и более высокие цены за покупаемые товары, чем на мировом рынке. Государства юго-восточной Европы, напуганные экономическим кризисом и жесткой конкуренцией со стороны США, СССР и Канады, не могли найти потребителя для экспорта своих сельскохозяйственных товаров и охотно пошли на расширения товарооборота с Германией. Нацистское руководство, использовало торговую экспансию в этом регионе, для усиления своего политического влияния, которое особенно возросло после Мюнхенского сговора и начало Второй мировой войны.

Ключевые слова: экспорт, импорт, сырье, валюта, конкуренция, платежи, цены.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-33-37

До первой мировой войны 43% всего ввоза Германии составляли товары, приобретенные вне Европы и доставлявшие в страну морским путем [1, л. 7]. Такая зависимость от заморского импорта, в условиях морской блокады странами Антанты, привела к острой нехватки продовольствияи промышленного сырья, что стало одной из причин поражения Германии в войне. Гитлеровское правительство учло опыт первой мировой войны. В связи с подготовкой к войне, нацистское руководство предприняло огромные усилия по созданию прочной сырьевой базы и рынков сбыта, чтобы уменьшить влияние морской блокады на экономику страны. В этой связи Германия пошла на изменение направлений своей внешней торговли и перенесла центр тяжести на государства юго-восточной Европы [4, с. 113].

Еще одной причиной изменения внешнеторговой политики стала возросшая конкуренция на мировых рынках промышленных изделий. Германия стала меньше продавать за границу сырья и полуфабрикатов, в то время как доля готовых изделий возросла. Около половины вывоза в общей стоимости экспорта, по данным на 1936 г., приходилось на 4 главных товарных группы: железо и сталь - 17,9%; химикалии - 12,6%; машины - 10,1 %; текстильные полуфабрикаты - 7,8% [10, с. 120]. Данная тенденция с незначительными изменениями в сторону роста вывоза готовой продукции и сырья, главным образом угля, сохранилась вплоть до войны.

Германия, несмотря на высокоразвитую промышленность и экономический бум в 1930-х гг., испытывала определенные трудности при вывозе своих товаров за границу. Накануне войны она продавала заграницу в два раза меньше, чем в 1929 г.[7, л. 174]. Причины сужения экспорта обусловлены были, прежде всего, экономическими факторами. В частности, перевод немецкой экономики на военные рельсы привел к свертыванию экспорта промышленных товаров, что было невыгодно для многих фирм, заинтересованных в импортном сырье и твердой валюте (с 1931 г., когда в Германии были введены валютные ограничения, марка стала неразменной бумажной валютой и использовалась только для платежей внутри страны). Чтобы не потерять прибыли, они пошли на увеличение цен и сроков поставок продукции. Так немецкие фирмы давали сроки изготовления 22-30 месяцев, в то время как в США они составляли 3-5 месяцев [7, л. 175]. В результате германские товары стало невыгодно покупать, и ряд контрагентов были вынуждены переориентироваться на импорт машин из других стран [11, p.783-784]. Страны юго-во-

сточной Европы по клиринговым соглашениям, то есть без расчетов золотом или в твердой иностранной валюте, соглашались покупать немецкие товары, поставляя в Германию, в основном промышленное сырье и продовольствие.

Таким образом, гитлеровское правительство использовало любые возможности, чтобы усилить свои позиции в этом регионе. Уже в 1933-1934 гг. оно заключило торгово-кредитные договора с Болгарией, Венгрией и Югославией, по которым Германия предоставляла финансовые привилегии и брала на себя обязательства принимать от них определенный объем сельхозпродукции. Государства юго-восточной Европы, напуганные тяжелым экономическим кризисом, когда в условиях жесткой конкуренции со стороны США, СССР и Канады, они не могли найти потребителя для экспорта своих сельскохозяйственных товаров, охотно пошли навстречу предложениям Берлина.

Проводя целенаправленную политику, нацистская Германия достаточно быстро заняла первое место в торговле этих государств. Уже в 1938 г. половина всего экспорта балканских стран, включая Венгрию, приходилось на долю рейха, что видно из нижеприведенной таблицы [1, л. 8].

Внешняя торговля Германии с балканскими странами в 1938 г.

Государства	Германию (млн. нац. валюты)	Западные страны (млн. нац. валюты)	В % % от общего вывоза	
Венгрия	260,4	73,4	49,8	14,2
Югославия	2518,0	730,6	49,9	14,4
Румыния	7765,9	5342,3	36,1	24,8
Болгария	3539,2	489,8	63,5	8,8
Греция	3508,8	1521,8	36,7	15,9
Турция	68,92	13,97	47,5	9,6

Наибольшую ценность для Германии из стран юго-восточной Европы представляли поставки цветных металлов, нефти и продуктов питания. Именно эти статьи товаров и составили львиную долю вывоза восточноевропейских стран. Так, Венгрия поставляла в Германию в 1938 г. от всего экспорта: сало - 100%; свиней - 100%; бокситы - 100%; овощей и фруктов - 80%; пшеницы - 63%; скота -58%; птицы - 55% [1, л. 48].

Югославский экспорт в Германию составил: пшеница - 100%; свинина - 100%; сало - 100%; табак - 63%; пенька - 62%; яйца - 50%; кукуруза - 40%; строительный лес - 22%; и медь - 20,9% [1, л. 28].

Болгария соответственно вывозила: скота и мясных продуктов - 73%; овощей фруктов и семян - 87%; табака - 64,9%; кожи и товаров из нее - 76%. По целому ряду видов болгарского экспорта, а именно, сушеная слива, соя, яблоки, виноград и лекарственные растения, Германия являлась единственным потребителем [1, л. 22].

Из Греции в Германию шло минералов и металлов - 47,7%; шкур - 47%; дерева - 20,7% [1, л. 9].

Турция экспортировала соответственно промышленного сырья - 26,6%; шерсти и хлопка - 26,4%; а также значительную часть продовольственных товаров [1, л. 9].

Румыния в основном вывозила в Германию нефтепродукты, прежде всего бензин. При добыче нефти в 6240 тыс. тон в год Румыния в 1938 г. экспортировала в Германию 704392 тонн, а в 1939 г. уже 848569 тонн (после Венского арбитража и установления диктатуры И. Антонеску Берлин получил безраздельное право на получения румынской нефти). Румыния также являлась основным поставщиком пшеницы, но с потерей в 1940 г. Бессарабии и Южной Добруджи она утратила эту экспортную статью [1, лл. 9, 12, 15, 28, 37, 48.].

Страны юго-восточной Европы к началу развязывания гитлеровским руководством новой мировой войны стали также и основными покупателями германской продукции. В1938 г. доля германского экспорта составляла в венгерском импорте - 40,9%, югославском – 38,5%, румынском – 38,5%, болгарском – 49,7%, турецком - 47,3% [2, л. 33].

Некоторое сужение вывоза в 1938 г. было вызвано форсированным ввозом Германией сырья, в результате чего экспорт не смог компенсировать импорт. Однако уже в следующем году она еще больше упрочила свои позиции на рынке юго-восточных стран, за исключением Турции [2, л. 34].

Успешное германское экономическое проникновение в страны дунайского и балканского регионов стало возможным благодаря продуманной политике гитлеровского руковод-

ства, которое предложило осуществлять взаиморасчет не в твердой валюте, а путем заключения клиринговых соглашений. Такого рода соглашения назывались договора, предусматривавшие централизованный порядок расчетов по внешней торговле путем зачета встречных требований и обязательств на особых счетах, открытых центральными банками стран партнеров, то есть по безналичному расчету. Чтобы страны юго-восточной Европы заинтересовать в торговле по клиринговым соглашениям, Германия установила для них благоприятный обменный курс валют и предложила более высокие цены за покупаемые товары, чем те, которые можно было получить на мировом рынке в конвертируемой валюте [4, с. 114]. Такую экономическую политику нацистское правительство проводило, руководствуясь, прежде всего, политическими соображениями, а также стремлением любым путем заполучить твердую валюту из других стран путем реэкспорта. Например, оно рассчитывалось по клиринговым соглашениям бумажными марками, причем, как правило, на 30% выше уровня мировых цен, чтобы заинтересовать страну продавца (эти марки впоследствии могли быть использованы только в Германии для закупки немецких товаров по тройной цене) [4, с. 114]. Германия же, располагая запасами товаров сверх своих потребностей, продавала их на мировых рынках по заниженным ценам, но за конвертируемую валюту. Эта политика приводила к дальнейшему падению цен, в основном на сырье и продукты питания, и еще больше связывала страны юго-восточной Европы с германским рынком [6, с. 47-48].

Торговая экспансия нацистской Германии на Балканы сопровождалось и усилением ее политического влияния, которое особенно возросло после Мюнхенского сговора [9, с. 80-81]. Великобритания и Франция, традиционно имевшие в этом регионе сильные экономические и политические связи, фактически попустительствовали немецкому проникновению. Так осенью 1938 г. правительства Греции, Румынии, Югославии и Болгарии попытались получить экономическую помощь у Англии и Франции, но тщетно. По справедливому мнению отечественного исследователя В.К. Волкова, Лондон, а вслед за ним и Париж, рассматривали германскую экспансию на Балканы, как что - то вроде отводного канала, который уводил ее в сторону от британских и французских колоний [3, с. 48]. Усиление немецкого влияния на балканском рынке, должно было, по предположению умиротворителей, компенсировать Германии потерю позиций в колониях Англии и Франции [8, л. 18].

Таким образом, к концу 1930-х гг. экономика стран юго-восточной Европы фактически стала придатком хозяйства Германии. При этом, нацистское правительство смогло создать в дунайском и балканском регионах не только прочный рынок сбыта и сырья, но и плацдарм для реализации своих агрессивных планов.

Подводя итог внешней торговле нацистской Германии в 1930-х гг., следует отметить, что она целиком и полностью была подчинена внешнеполитическим задачам гитлеровского руководства, которые выражались в создании жизненного пространства на Востоке и установлении германского господство в Европе. Для реализации внешнеполитических задач нацистское правительство в основу своей экономической политики положило принципы автаркии и милитаризации, особенно после 1936 г., когда был принят четырехлетний план подготовки к войне. В сфере внешней торговли был взят курс на создание запасов стратегического сырья необходимого для ведения войны. Однако, несмотря на существенное увеличение импорта, германская экономика без постоянных источников и запасов сырья других стран не способна была выдержать затяжную войну [5, с. 27-29]. Бедность или полное отсутствие в Германии промышленного сырья, необходимого для производства вооружения и военной техники, оказали решающее воздействие на формирование военной стратегической концепции нацизма - «блицкрига».

В тоже время, чтобы уменьшить влияние морской блокады на экономику страны в период предстоящей войны, нацистское руководство пошло на изменение направления своей внешней торговли и перенесло центр тяжести на государства юго-восточной Европы. Германия использовала любые возможности, чтобы усилить свои позиции в этом регионе и при этом торговая экспансия на Балканы сопровождалось усилением её политического влияния, которое особенно возросло после Мюнхенского сговора.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп. 3. П. 13. Д. 149.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.Ф.082. Оп.22. П.93. Д. 14.
3. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933-1938 годы. М., 1966.
4. Залепеев В.Н. Основные направления внешней торговли гитлеровского правительства в канун Второй мировой войны// Вестник Брянского государственного университета. 2015, №1. С111-115.
5. Конъюнктурный бюллетень журнала Мировое хозяйство и мировая политика. 1939, №7/8.
6. Менжинский Е. Торговая политика капиталистических стран в 1938 году//Внешняя торговля. 1939, №1. С.47-48.
7. Российский государственный архив экономики. Ф.413. Оп.13. Д.2631.
8. Российский государственный архив экономики. Ф.413. Оп.13. Д.2426.
9. Чемпалов И.Н. Политика великих держав в Дунайском бассейне в конце 1938 – начале 1939 годов //Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972.
10. Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938.
11. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937-1945). London –Washington, 1956. Vol.4.

FOREIGN TRADE POLICY OF NAZI GERMANY WITH THE COUNTRIES OF SOUTHEAST EUROPE ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

In article on the basis of contemporary records and the research literature trade relations between Germany and the countries of southeast Europe on the eve of the Second World War are characterised. The importance of this region for needs of German economy in the conditions of forthcoming war and an establishment of sea blockade, and also structure of mutual deliveries is considered. The greatest value for Germany from the southeast region was represented by the supply of non-ferrous metals, oil and food products. In order to interest these countries the Nazi leadership proposed to carry out the settlement not in hard currency, but through the conclusion of clearing agreements, that is, by bank transfer. Germany also set a favorable exchange rate for the countries of south-eastern Europe and higher prices for purchased goods than on the world market. The states of southeastern Europe, frightened by the economic crisis and fierce competition from the United States, the USSR and Canada, could not find a consumer to export their agricultural products and willingly went on expanding trade with Germany. The Nazi leadership used trade expansion in this region to strengthen its political influence, which increased especially after the Munich Agreement and the beginning of the Second World War.
Keywords: export, import, raw materials, currency, a competition, payments, the prices.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii[Archive of foreign policy of the Russian Federation]. F.06. Op. 3. P. 13. D. 149.
2. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. [Archive of foreign policy of the Russian Federation].F.082. Op.22. P.93. D. 14.
3. Volkov, V.K. (1966). Germano-yugoslavskie otnosheniya i razval Maloj Antanty, 1933-1938 gody [The German-Yugoslavian relations and disorder of Small Entente, 1933-1938]. M.
4. Zalepeev, V.N. Osnovnye napravleniya vneshnej torgovli gitlerovskogo pravitel'stva v kanun Vtoroj mirovoj vojny// Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015, №1. S111-115.
5. Kon"yunkturnyj byulleten' zhurnala Mirovoe hozyajstvo I mirovaya politika [The tactical bulletin of magazine the World economy and world politics](1939), 7/8.
6. Menzhinskij, E. (1939). Torgovaya politika kapitalisticheskih stran v 1938 godu [Commercial policy of the capitalist countries in 1938]*Vneshnyaya torgovlya* [*Foreign trade*], 1, 47-48.
7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [The Russian state archive of economy]. F.413. Op.13. D.2631.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [The Russian state archive of economy]. F.413. Op.13. D.2426.

9. Chempalov, I.N. (1972).Politika velikih derzhav v Dunajskom bassejne v konce 1938 – nachale 1939 godov [Policy of great powers in the Danube basin in the end of 1938 – the beginning of 1939]*Mezhdunarodnye otnosheniya v novejshee vremya* [*The international relations during the Contemporary history*]. Sverdlovsk.

10. Torgovye otnosheniya SSSR s kapitalisticheskimi stranami [Trade relations of the USSR with the capitalist countries].(1938).M.

11. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. SeriesD (1937-1945). London –Washington, 1956. Vol.4.

Об авторе

Залепеев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия); E-mail: zalepeev.vladimir@yandex.ru

Zalepeev Vladimir Nikolaevich – the candidate of historical sciences, the senior lecturer, the senior lecturer of chair of general history, the international relations and international law, Bryansk state university (Russia); E-mail:zalepeev.vladimir@yandex.ru

УДК 177.72.091.477.72

Кеня И.А., кандидат юридических наук, доцент, Российская академии народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал) (Россия)

ВКЛАД РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СТАНОВЛЕНИЕ КУРОРТОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.[1]

В статье рассматривается вклад предпринимателей Центральной России в социокультурное развитие Южного берега Крыма и в становление крымских курортов, развитие благотворительности в Крыму. Новые реалии развития современной России как федеративного государства делают актуальным изучение вопросов, связанных с возвращением Крыма в состав России. Предметом исследования данной работы является история появления и развития крымских курортов во второй половине XIX – начале XX вв., существенный вклад благотворителей Центральной России в развитие Южного берега Крыма. Выявлены факторы, способствующие развитию крымских курортов, определены особенности становления курортного дела в Гурзуфе, Симеизе, Алуште и Ялте. В результате исследования освещены малоизученные страницы истории участия российских предпринимателей в развитии благотворительности на Крымском полуострове. Рассмотрен вклад промышленников и предпринимателей П.И.Губонина, С.И.Мальцова в инфраструктуру Гурзуфа и Симеиза, Н.Д.Стахеева в развитие образования и культуры Алушты. Выявлены особенности развития курорта Ялты, которая благоустраивалась за счет финансирования городского самоуправления, в отличии от Гурзуфа, Симеиза и Алушты, финансировавшихся за счет представителей российских промышленников. Проанализированы вопросы социальной ответственности бизнеса в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: курортное дело, предпринимательство, благотворительность, Губонин, Мальцов, Стахеев, Гурзуф, Симеиз, Ялта, Алушта.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-38-46

Тема становления и развития крымских курортов имеет важное и актуальное значение, т.к. с одной стороны они испытали на себе многофакторность политических и экономических процессов, происходящих во второй половине XIX в. в Российской империи, с другой стороны возникали как следствие благотворительной деятельности известных российских предпринимателей. На сегодняшний день вопросы, связанные со вкладом российских предпринимателей в социокультурное развитие Южного берега Крыма остаются мало изученными. Путеводители и воспоминания о Крыме Е.Горчаковой, Е.Иванова, Г.Москвича, М.Сосногоровой, В.Чугина, выпущенные в к. XIX в. практически никем из исследователей не анализировались, а ведь без них невозможно сформировать целостную картину исторических исследований полуострова.

Следует отметить работы, посвященные отдельным крымским курортам (Н.Макарухина «Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма», М.Петрова «Симеиз. Путешествия по старым дачам», З. Ливицкая «В поисках Ялты. Записки музейщика), изданные до вхождения Крыма в состав России. Формированию туристического образа Ялты посвящена работа Н.А.Мазуренко (2017 г.). В этой историографической ситуации исследование вклада предпринимателей Центральной России в социокультурное развитие Южного берега Крыма и в становление крымских курортов, развитие благотворительности в Крыму имеет особое значение.

В результате комплексного подхода к изучению этой проблемы, анализа архивных источников и дореволюционной литературы, следует рассматривать становление и развитие крымских курортов как одно из направлений благотворительной деятельности российских предпринимателей.

Крымские курорты – это своеобразный культурный феномен. В XIX в. представители российской элиты почувствовали необходимость бежать из тесноты промышленных городов «назад к природе», в «райские уголки», где можно восстановить свои силы и излечить недуги. В становлении крымских курортов заметна организующая роль государства в лице членов императорской фамилии, представителей аристократии и высшего чиновничества, а

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-11-32002 а(р))

также российских промышленников и предпринимателей, которое в ряде случаев имело решающее значение для их развития. Само название черноморского побережья Крыма «Русская Ривьера» говорит о попытках подражания Западу в организации собственного рая [16, с. 7]. Сопоставив процессы экономического развития и модернизации империи (60-70-е годы XIX в.) с развитием российских курортов, можно выделить следующие факторы, повлиявшие на их становление и развитие:

1) Крымская война привела к оттоку крымско - татарского населения и заселению Крыма новыми жителями, что повлияло на темпы развития торговли на полуострове. [4, с. 24]. Вместе с тем, война выступила своего рода катализатором развития курортов Крыма, привела к разрушению хозяйства полуострова, но и способствовала привлечению туристов, которые стремились увидеть не только экзотические красоты, но и места боевых сражений.

2) Становление Ливадии с 1861 г. как царской резиденцией способствовало притоку в Крым вслед за коронованными особами других представителей высших кругов государства.

3) Строительство железных дорог, развитие пассажирского пароходство на Черном море также оказали положительное влияние на становление и развитие крымских курортов, но новый отсчет истории Крыма как всероссийского курорта начинается в 1875 г., т.к. строится Лозово-Севастопольская железная дорога, концессию на строительство которой получил П.И.Губонин.

Таким образом, развитие транспортных коммуникаций и инфраструктуры создало основу для формирования курортов на Южном берегу Крыма. В 1894 г. со снижением ж/д тарифов, отдых в Крыму становится более доступным [5, с. 2]. Сезонная миграция на юг становится атрибутом жизни аристократии. Крымская Ялта становится своеобразной «витриной российского капитализма, неопровержимым свидетельством вхождения Российской империи в круг цивилизованных государств. Отдых становится общественно значимым публичным явлением» [2, с. 47].

Рядом с дорогой Ялтой появляются курорты для людей со скромным достатком и дачи интеллигенции в Крыму. К третьей четверти XIX в. на полуостров приезжала как отечественная, так и зарубежная интеллигенция: писатели, художники, артисты. Для них основным мотивом для посещения полуострова являлось климатолечение.[20, с. 63]. Географическое положение Крыма, его природные ресурсы и этнополитическая ситуация определили специфику его социокультурного развития. Полуостров постоянно посещали ведущие государственные и общественные деятели. Не случайно, что именно в Крыму наряду с представителями аристократии, предприниматели и промышленники вкладывают средства, заработанные в других сферах в развитие курортного дела. Не всегда курортное дело оказывалось прибыльным, а иногда становилось затратным предприятием.

Можно утверждать, что становление курортов на южном берегу Крыма стало своего рода замером российской действительности в социально-культурном аспекте. Появление курортов – следствие глубоких изменений, происходящих в образе жизни и занятиях русского общества и прежде всего, его высших слоев. Культура курортных взаимоотношений способствовала решению международных и общегосударственных вопросов, строительство имений, дач и курортов оказало решающую роль на развитие культурной сферы и общественной жизни южного берега Крыма. Рассмотрим становление и развитие крымских курортов на примере: Гурзуфа, Симеиза, Алушты и Ялты.

Гурзуф

В 1875 г. известный промышленник и предприниматель П.И. Губонин построил железную дорогу в Крыму – от станции Лозовая до Севастополя, чем создал предпосылки для курортного развития Крыма. Заработанные на этом строительстве деньги он решил вложить в покупку большого участка крымской земли. В 1881 г. Петр Ионович купил в Гурзуфе землю у наследников сенатора Фундуклея и князя Барятинского. Отзывы о Гурзуфе в это время были далеко не радужные. Княгиня Горчакова говорила, что Гурзуф мягко говоря, не гостеприимен. [7, с. 168]. В.И.Чугин, посетивший Гурзуф в 1882 году не рекомендовал его даже для короткого пре-

бывания. [24, с. 62]. Губонину по душе пришёлся Гурзуф, ведь для человека, проложившего пять тысяч верст железных дорог и построившего несколько металлургических заводов, обеспечить поселок электричеством, водопроводом и канализацией не составляло особого труда. Стараниями Губонина захудалая татарская деревенька превратилась в роскошный курорт. В кратчайшие сроки были построены церковь Успения Пресвятой Богородицы, курзал и семь удобных гостиниц, отличающихся великолепной архитектурой и внутренним благоустройством.

Будучи глубоко патриотичным человеком, он стремился противопоставить отдыху на европейских курортах, отдых на крымском побережье. Вот так писали о нем в те времена: «Не ждет он благодарности, так как люди редко благодарны, но хочет он прославить русский южный берег Крыма, приучить русских людей отдыхать на собственном берегу моря и не искать такого берега за тридевять земель от Родины…». [3, с. 1]. Гостиницы, построенные Губониным в Гурзуфе, названия не имели, а отличались порядковыми номерами. Строительство гостиниц началось в 1882 г. Первая из них на 39 номеров была построена за 3 года (ныне «Ривьера» санатория «Гурзуфский»). Для постройки гостиниц П.И Губонин привлек талантливого архитектора П.К.Теребенева. Следующей была гостиница № 2, жилой фонд состоял из 51 номера (ныне корпус «Парк»).

В центре курортного комплекса был возведен фешенебельный ресторан, а чтобы клиенты круглый год могли наслаждаться его гастрономическими изысками, в Гурзуфе построили рыбный завод, пекарни, разбили сад и огород. Обновленный и существенно расширенный парк имения Ришелье был украшен скульптурами и фонтанами, один из которых – фонтан «Ночь» по модели берлинского профессора Бергера Губонин привез с Венской выставки. Вот как описывали его современники: «Стоящая на глобусе богиня света или просветления возвещает миру свет и любовь» [25, с. 78].

Следующими за дорогими гостиницами № 1 и № 2 были построены три небольшие двухэтажные - № 3, № 4, № 5 на 19, 20 и 12 номеров соответственно. (Ныне это корпуса «Шаляпинский», «Пушкинский», и «Платан»). Причиной постройки таких гостиниц было «желание дать доступ в Гурзуф не только состоятельным, но и людям с ограниченными денежными средствами». В 1889 г. в начале сезона была открыта гостиница № 6 на 31 номер, которая была расположена на правой стороне Гурзуфской речки Авунды (Ныне это корпус «Альянс»). В начале 90-х гг. XIX в. началось строительство гостиницы № 7 на 17 номеров (Ныне это корпус «Гагаринский»). Кроме 7 гостиниц к 1900 г. в имении были: барский дом (дом герцога Ришелье), ресторан, кухня при нем, механический отдел, пять винных подвалов, три дачи, почтовая контора, конюшни, контора имения, флигель для служащих, семь оранжерей, дача садовника, постройки на ферме и другие, всего 93 [21, с. 41].

Утверждение, что Петр Губонин хотел заработать в этом, не соответствует действительности, иначе с какой стати он благоустроил не только свое имение, но и весь поселок, открыл общедоступную аптеку, фельдшерский пункт, почту, телеграф, прачечную, сберегательную кассу, библиотеку, магазины, купальни. Для отдыха и развлечений летом из Одессы приглашали военный оркестр, гастролировали московские артисты. Особым спросом пользовались морские прогулки на лодках и в катерах, а также горные – на местных и татарских лошадях. За 2 года Губонин преобразил Гурзуф, сделав его курортом мирового уровня. Курорт пользовался популярностью у людей с большим и средним достатком. Здесь отдыхали, помимо писателей и поэтов, государственные чиновники, военные высокого ранга, коммерсанты. [15, с. 161]. Из отдыхающих в курорте Гурзуф в к. 80 – н. 90-х годов XIX в. можно назвать Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, архиепископа харьковского Амвросия, митрополита Петербургского и Ладожского Палладия. Особенное предпочтение курорту оказывали состоятельные петербургские и московские купцы, любившие хорошо и вкусно поесть. Ресторан в курорте был отменный, а общий вид гурзуфских сооружений все более напоминал заграничный курорт. [8, с. 116]. В 1894 г. в имении Гурзуф отдыхало 900 человек. [6, с. 107]. Гурзуф становится летней резиденцией богатой Москвы – очень удобным, комфортабельным и модным

южным курортом.

Губонин строит в Гурзуфе православную церковь, из проживающих полутора тысяч человек несколько сот было русских, а ближайший храм находился лишь в Никитинском саду – в шести верстах. Летом количество православных гораздо увеличилось за счет приезжих. Четыре года по проекту архитектора М.Н.Чигарова строится гурзуфская церковь в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы и освещается 24 августа 1891 г. Новая церковь классического византийского стиля прекрасно вписалась в ландшафт и стала одной из достопримечательностей Южнобережья. При храме на средства благотворителя была открыта церковно-приходская школа. Стараниями Губонина в Гурзуфе была построена мечеть.

В конце 90-х годов XIX в. имущество гурзуфского курорта оценивалось 3,5 млн. руб. После смерти П.И.Губонина имение переходит во владение его сына Сергея. Вести дела в Гурзуфе ему было не по силам и на рубеже веков имение было приобретено «Акционерным обществом курорта Гурзуф» (Третьяков, Бабурин, Голицын, Долгоруков, кн. Оболенский) за 3 млн. 200 тыс. рублей, из которых 2 млн. ушло на погашение долгов. Ставка на удешевление отдыха привела к тому, что Гурзуф приходит в упадок.

Симеиз

Другой пример значимого вклада предпринимателей Центральной России в развитие Южного берега Крыма представляет деятельность известного предпринимателя С.И.Мальцова и его сыновей в Симеизе. В 1828 г. его отец И.А. Мальцов, приобретает в поселке Симеиз 30 десятин земли у Ф.Д.Ревелиоти командира греческого Балаклавского батальона.

Ярким и неординарным поступком Сергея Мальцова, по отзывам современников, было строительство в 1849 г. так называемого «Хрустального дворца». В его калужских лесах из отборной древесины был срублен дом, который на лошадях привезли в Крым и установили в Симеизе. На высоком холме вырос дворец - большое квадратное, с плоской крышей, с выдающимися вверх посередине и по углам минаретами, двухэтажное здание со стеклянными стенами. В Симеизе говорили, что генерал Мальцев воздвиг этот дворец как эмблему своих знаменитых брянских стеклянных заводов.

«Модный» хрустальный дворец сдавался в наем, став одним из первых частным пансионатом Симеиза, принимающим на отдых туристов. В 1889 г. в результате пожара дворец был уничтожен. Позже, в 1895 г., на его фундаменте был построен новый Приморский пансион на 24 комнаты —более практичный и пригодный для круглогодичного жилья.

С.И.Мальцов вместо того что бы строить новые дачи и пансионаты для отдыха в Симеизе, решил использовать непригодные для использования совершенно новые железнодорожные вагоны. Около десяти таких импровизированных дач было расставлено в парке восточной части на мысе Ай-Панда, получился импровизированный курортный комплекс в Симеизе для простого непритязательного туриста. С.И.Мальцов открыл гостиницу на 20 номеров, которая помещалась в двух деревянных домах с невысокой стоимостью. В архивных документах того времени говорится: «За последнее время г-н Мальцов построил до 10 небольших домиков, разбросанных по парку, а 5 домиков выстроил вроде отдельной колонии напротив Пименовской бухты, отстоящей от гостиницы около двух верст, для чего купил земли в Лименской долине, площадью 871 кв. саж.» [9, с. 71]. В последние годы жизни Сергей Иванович Мальцов развивал в Симеизе производство русского шампанского.[1,с.51]. Умер он в Симеизе в 1893 г. [12, с. 63].

Из шести наследников только двое получили право на владение курортным поселком «Новый Симеиз», площадью 567 дес. 600 кв. саж. Это были его сыновья генерал-майор Иван Сергеевич и шталмейстер Николай Сергеевич. Н.С. Мальцов возвел для себя шикарный особняк в парке восточной части Симеиза. Второй из братьев, И.С. Мальцов свой «дворцовый комплекс» в Симеизе построил на мысе Ай-Панда, на том самом месте где когда-то стояла простенькая дача его отца. Иван Сергеевич был погружен в заботы о развитии Симеиза как курорта, а Николай Сергеевич занимался виноделием, а позже увлекся астрономией, создал и оборудовал свою личную Симеизскую обсерваторию.[11,

с. 12]. Были разработаны «Правила по строительной части для курортных местностей в Ялтинском уезде Таврической губернии».

Новый этап в истории Симеиза начался в 1900 г., когда братья Мальцовы начали продажу земли. Было создано 167 отдельных участков, из которых к 1913 г. было продано 89. Цены на землю в Симеизе составляли от 5 до 25 рублей за один квадратный метр, что было приемлемо не только для богатых людей, но и для людей со стабильным средним достатком. [10, с. 40]. Земля в Симеизе продавались только при одном условии: обязательная постройка дачи или пансиона по индивидуальному плану, с подключением к центральной канализации и обустройством тротуаров вокруг.

Главная улица - Мальцовский проспект, была проложена на высоте 20 саж. над уровнем моря, к югу от нее располагался Приморский сад, принадлежавший И.С. Мальцову и переданный им в пользование населению курорта. Доктор В.И. Чугин говорил о том, что «имение Мальцовых в Симеизе менее благоустроено, чем Мисхор и Алупка. Но гостиница и дачи расположены настолько целесообразно, что живущие в них очень довольны и чувствуют себя совершенно по-дачному и не стеснены этикетом такого модного лечебного места как Ялта.».

Благотворительная деятельность братьев Мальцовых проявилась во вкладе в благоустройство Симеиза: на свои средства они строят в курортном поселке водопровод, образцовые купальни, приморский сад с площадками для игры в теннис, учреждают почтово-телеграфное учреждение. В 1912 г. здесь появилось «Общество благоустройства поселка Новый Симеиз». Заботами Н.С.Мальцова и Общества Новый Симеиз обзавелся «образцовыми купальнями», построенными Я.П.Семеновым. Вскоре в поселке появилась библиотека, почтово-телеграфная контора. В отличии от других курортных мест гостиниц в Новом Симеизе не было, приезжающие на отдых останавливались во владельческих дачах. В 1910 г. был открыт роскошный 70-комнатный пансион Александрова-Дольника со всеми удобствами и рестораном. Таким образом, отдых в Симеизе носил по отзывам современников своеобразный «дачный» характер и обходился дешевле, чем в Алупке или Гурзуфе.

Алушта

История развития Алушты и ее становление как курорта в к. XIX - н. XX вв. неотъемлемо связаны с именем Н.Д.Стахеева – представителя богатейшей купеческой династии Стахеевых. Потомственный почетный гражданин, коммерции советник, член Московского торгового банка, представитель крупной буржуазии, меценат Николай Дмитриевич Стахеев большие средства вложил в процветание Москвы. Из свидетельств современников и из многочисленных архивных документов известно, что Н.Д.Стахеев заботился не только о своем благополучии, но и о благосостоянии тех мест, с которыми связала его судьба. [23, с. 17]. Одним из таких мест на Южном берегу Крыма стала Алушта, в которой он приобрел земли в 90-х годах XIX вв.

Н.Д.Стахеев построил на свои деньги в Алуште Земское училище. На своих землях он строит несколько домов для сдачи их в аренду, с тем, чтобы большая часть доходов от аренды шла на содержание школы и жалование учителям. В 1901 г. Николай Дмитриевич построил первый в Алуште театр, в 1904 г. – городские купальни с холодными и теплыми ваннами, с морской и пресной водой, украсившие набережную и вызвавшие дополнительный интерес курортников к Алуште. Любимым местом прогулок всех приезжавших в Алушту курортников была Стахеевская набережная, освещавшаяся фонарями Ландшафтный парк, заложенный в имении Н.Д.Стахеева и вилла «Отрада», построенная по проекту Н.П. Краснова, до настоящего времени являются украшением набережной Алушты.

Н.Д. Стахеев, продолжая традиции своей семьи, оказывал большую благотворительную помощь Алуште, которая в мае 1902 г. получила статус безуездного города: принимал самое активное участие в строительстве пристани, выделил 1000 рублей на строительство земского приемного покоя, первого в Крыму ночлежного дома на 200 мест для сезонных рабочих. Им были пожертвованы крупные суммы для восстановления и укрепления древних башен Алустона, на украшение храма Феодора Стратилата. На средства Н.Д.Стахеева в 1894 г. построена церковно-приходская школа со службами и уездом в 600 кв.саженей. Н.Д.Стахеев пожертвовал крупную сумму для строительства

по ул. Кутузовой 2-х этажного здания аптеки с усадьбой в 450 кв. саженей.

Алушта в лице Николая Дмитриевича Стахеева имела попечителя образования, культуры, здравоохранения, курорта, именно благодаря ему Алушта активно развивалась как курорт.

Ялта

Писатель-путешественник, литературный критик и этнограф Е.Л.Марков так писал в книге «Очерки Крыма»: «Издали Ялта - крошечный Неаполь. Столько же моря, солнца, красок и жизни…» [17, с. 27]. Статус города Ялта получила только после присоединения Крыма к России в 1837 г. и была объявлена уездным городом лично императором Николаем 1 [13, с. 48]. Но городом Ялту можно было назвать с очень большой натяжкой. В 1864 г. по «Списку населенных мест Таврической губернии» в Ялте значилось всего 53 дома и 1112 жителей.

Строительство шоссе из Симферополя до Ялты ускорило процесс освоения и заселения южнобережья. Дворянская знать, военные и гражданские чины щедро получали участки под застройку. Большая стройка не заставила себя ждать. Подлинный переворот в судьбе Ялты произвело приобретение царской семьей имения в Ливадии неподалеку от города. С этого момента Ялта как ближайший к Ливадии населенный пункт стал местом настоящего паломничества публики, желавшей разделить с царской семьей удовольствия от южного отдыха. Начало курортного бума застало Ялту по существу деревней с территорией в 6 десятин земли, замкнутой между двумя горными речками. Никакой возможности развиваться вширь у городка не было, так как он со всех сторон был стиснут частновладельческими землями.

«Царские приезды настолько оживили предприимчивость и деятельность в окрестностях Ялты, Кореиза и Мисхора, что не верилось глазам.» [18, с. 74]. С лёгкой руки царской династии в Ялте начали возводить роскошные дворцы, разбивать парки, строить фешенебельные гостиницы и небольшие пансионы, доходные дома, модные магазины, обустраивать дачи, налаживать инфраструктуру. Город стал излюбленным местом отдыха не только состоятельных аристократов и крупных чиновников, но и купцов, промышленников, творческой интеллигенции. Ялта упрочила за собой репутацию «русской Ниццы» [14, с. 75]. По определению Г.Г. Москвича: «Ялта по преимуществу – Luftcurort, где лечатся воздухом не только слабогрудые, но ищут отдыха и развлечений очень многие здоровые люди» [19, с. 59].

К услугам первых курортников было всего две гостиницы – гостиница С.П.Галахова и отель Ялта, содержимая французом Собес [22, с. 75]. Получив в 1871 г. городское самоуправление Ялта начинает развиваться быстрыми темпами. Образовались улицы с тротуарами, владелец Массандры граф С.М.Воронцов устроил водопровод. Товарищество для содействия к развитию удобств жизни в г. Ялте строит гостиницу «Россия» на 150 номеров, что привело к появлению здесь столичной публики, стремящейся к комфортному отдыху. В путеводителе 1883 г. отмечается появление первоклассных гостиниц «Эдинбургской» и «Ялтинской», недорогого отеля Крым. В 1888 г. в Ялте пущен водопровод и устроена городская канализация. К 1897 г. население Ялты насчитывалось 13500 жителей, в сезон город принимал до 20 тысяч приезжих. В 1902 г. столица «русской Ривьеры» предлагала услуги 12 гостиниц (почти 600 номеров). Для Ялты, в отличии от Гурзуфа, Симеиза и Алушты, характерно, что о ее развитии как курорта заботились городские власти, а также «Общество содействия благоустройству ялтинского курорта», возникшее в 1898 г.

Развитие предпринимательства в России во II половине XIX в. способствовало формированию заинтересованности у предпринимателей в расширении сферы своего влияния, увеличению их возможности участвовать в развитии территорий. Становление и развитие крымских курортов, связано с тем, что южный берег Крыма становится местом отдыха царской семьи, вслед за которой потянулась в Крым элита российского общества. Крымские курорты были обустроены для отдыхающих разного уровня материального благосостояния и сословной принадлежности: от элитных гостиниц до недорогих, но комфортабельных дач. Курортное дело в Крыму в последней четверти XIX в. не было особо прибыльным для курортоустроителей, зачастую ими двигало патриотическое стремление создания курортов не хуже европейских и социальная ответственность перед жителями.

Тенденция проникновения традиций благотворительности из Центральной России в Крым способствовало формированию экономического и культурного ландшафта полуострова. В благоустройство Южного берега Крыма внесли большой вклад промышленники и предприниматели: Губонин, Мальцов, Стахеев. Они не просто покупали себе здесь имения, но и обустраивали населенные пункты, вкладывая средства в инфраструктуру, образование, здравоохранение и культуру. Главная задача, которую они ставили перед собой - прославлять русский берег Крыма, приучить русских людей отдыхать не за границей, а на родном берегу моря очень актуальна и сегодня. Забота о жизни окружающих их людей является наглядным примером социально ответственного бизнеса.

Список литературы

1. Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Российские предприниматели Мальцовы. Саранск, 2006. 268 с.

2. Большакова О.В. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи к. 18 – н. 20 вв. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История, федеративный журнал. 2005. № 4. С.47-51.

3. Газета «Новости дня» № 37. 1893 г.

4. ГАРК Ф. 26. Оп. 1. Д. 27931. 1883. Л. 24.

5. ГАРК Ф. 42. Оп. 1. Д. 362. 1912. Л.2.

6. Голосова С.А. Курорт Гурзуф П.И.Губонина// Пилигримы Крыма. Симферополь. 2000. Т. 2. С.107-111.

7. Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. М., 1881 ч.1. 186 с.

8. Иванов Е. Ривьера и южный берег Крыма, их лечебные места и средства. СПб, 1897. 132 с.

9. Кеня И.А. Благотворительность династии Мальцовых // Крымский архив. 2015. № 4. С.57-76.

10. Кеня И.А., Лупоядова Л.Ю. Благотворительность династии Мальцовых . Брянск, 2015. 76 с.

11. Кеня И.А. Традиции купеческой и предпринимательской благотворительности в XIX- н. XX века на примере Брянского региона // Genesis: исторические исследования. 2014. - № 3. - С.1-15.

12. Кузьменко В. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. М., 1913. 81 с.

13. Ливицкая З.Г. В поисках Ялты. Записки музейщика. Симферополь: Н. Оріанда, 2013. 248 с.

14. Мазуренко Н.А. Формирование туристского образа Ялты: история и современность//Сервис в России и за рубежом. 2017. № 1. С.73-85.

15. Макарухина Н.М. Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма. Симферополь, 2012. 296 с.

16. Малыгин А. Русская Ривьера. Симферополь, 2004. 352 с.

17. Марков Е.Л. Очерки Крыма (Картины крымской жизни, природы и истории). СПб.– М., 1902. 257 с.

18. Мелега В. Императорская фамилия в Крыму//Русская старина. 1916. Т.167.

19. Москвич Г.П. Иллюстрированный практический путеводитель по Южному берегу Крыма. Одесса, 1889. 287 с.

20. Полянская Е.С. Развитие транспортной системы Крыма во второй половине 19 в. // Экономический архив. 2016. № 2. С.58-72.

21. Проект Организации Акционерного Общества «Гурзуф». М., 1900. 76 с.

22. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. 201 с.

23. Стахеева И.О. Благотворительность династии Стахеевых.//Сборник материалов круглого стола «От меценатов прошлого к меценатам настоящего». Брянск, 2017. С. 12-18.

24. Чугин В. Лечебные места Южного берега Крыма. Руководство для едущих в Крым. Ростов на Дону. 1882. 62 с.

25. Щепетов В.А. Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные свойства. Одесса, 1890. 112 с.

THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN BUSINESSMEN IN THE DEVELOPMENT OF RESORTS OF THE SOUTHERN COAST OF THE CRIMEA IN THE END OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES.

The article deals with the contribution of entrepreneurs of Central Russia in the socio-cultural development of the southern coast of Crimea and the formation of Crimean resorts, the development of charity in the Crimea. The new realities of the development of modern Russia as a Federal state make it urgent to study the issues related to the return of Crimea to Russia. The subject of this study is the history of the emergence and development of the Crimean resorts in the second half of XIX – early XX centuries., a significant contribution to the development of Central Russian benefactors southern coast of Crimea. The factors promoting development of the Crimean resorts are revealed, features of formation of resort business in Gurzuf, Simeiz, Alushta and Yalta are defined. As a result of the study, the little-studied pages of the history of the participation of Russian entrepreneurs in the development of charity on the Crimean Peninsula are covered. The contribution of Industrialists And entrepreneurs p. I. Gubonin, S. I. Maltsov to the infrastructure of Gurzuf and Simeiz, N.D.Stakheeva in the development of education and culture of Alushta. Features of development of the resort of Yalta which was arranged well at the expense of financing of city government, unlike Gurzuf, Simeiz and Alushta financed at the expense of representatives of the Russian Industrialists are revealed. The questions of social responsibility of business in historical retrospect are analyzed.
Keywords: resort business, entrepreneurship, socio-cultural development, charity, Gubonin, Maltsov, Stakheev, Gurzuf, Simeiz, Yalta, Alushta.

References

1. Arsent'ev, N.M., Makushev, A.A. (2006). Russian entrepreneurs Maltsovy [Rossiyskiye predprinimateli Maltsovy]. Saransk. 268 s.

2. Bolshakova, O.V. (2005). Resorts, tourism and recreation in the Crimea in the days of the Empire room 18 – n of the 20th century [Kurorty. turizm i otdykh v Krymu v epokhu imperii k. 18 – n. 20 vv.]// Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: history of the federated log. [Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya. federativnyy zhurnal],4,47-51.

3. Newspaper "News of the day"(1893) [Gazeta «Novosti dnya»].37.

4. GARC [GARK] (1883). F. 26. Op. 1. D. 27931. L. 24.

5. GARC [GARK] (1912). F. 42. Op. 1. D. 362. L. 2.

6. Golosova, S.A. (2000). Gurzuf P. I. Gubonina Resort [Kurort Gurzuf P.I.Gubonina] // The Crimean Pilgrims. [Piligrimy Kryma.] Simferopol. t. 2,107-111.

7. Gorchakova, E. (1881). Memories of Crimea. [Vospominaniya o Kryme]. M., p. 1. 186 s.

8. Ivanov, E. (1897). Riviera and the southern coast of Crimea, their medical places and means. [Rivyera i yuzhnyy bereg Kryma. ikh lechebnyye mesta i sredstva]. SPb.132 s.

9. Kenya, I.A. (2015). Charity of the Maltsov dynasty. [Blagotvoritelnost dinastii Maltsovykh] Crimean archive. [Krymskiy arkhiv]. 4,57-76.

10. Kenya, I.A., Lypoyadova, L.Y. (2015). Charity of the Maltsov dynasty. [Blagotvoritelnost dinastii Maltsovykh]. Bryansk. 76 s.

11. Kenya, I.A. (2014). Traditions of merchant and entrepreneurial charity in the XIX-n. XX century on the example of the Bryansk region [Traditsii kupecheskoy i predprinimatelskoy blagotvoritelnosti v XIX- n. XX veka na primere Bryanskogo regiona]// Genesis: historical research. – [Genesis istoricheskiye issledovaniya]. 3,1-15.

12. Kuzmenko, V. (1913). New Simeiz and its surroundings on the southern coast of Crimea. [Novyy Simeiz i ego okrestnosti na Yuzhnom beregu Kryma]. M. 81 s.

13. Livitskaya, Z.G. (2013). In search of Yalta. Notes of the Museum. [V poiskakh Yalty. Zapiski muzeyshchika.]Simferopol: N. Orianda. 248 s.

14. Mazurenko, N.A. (2017). Formation of the tourist image of Yalta: history and modernity [Formirovaniye turistskogo obraza Yalty: istoriya i sovremennost]//Service in Russia and abroad. [Servis v Rossii i za rubezhom]. 1, 73-85.

15. Makarkina, N.M. (2012). Gurzuf – the first pearl of the southern coast of the Crimea. [Gurzuf – pervaya zhemchuzhina Yuzhnogo berega Kryma.]. Simferopol. 296 s.

16. Maligin, A. (2004). Russian Riviera. [Russkaya Rivyera] Simferopol. 352 s.

17. Markov, E.L. (1902). Essays of Crimea (Pictures of Crimean life, nature and history). [Ocherki Kryma (Kartiny krymskoy zhizni. prirody i istorii)] .SPb.- M. 257 s.

18. Melega, V. (1916). Imperial name in the Crimea [Imperatorskaya familiya v Krymu]/ /

Russian antiquity. [Russkaya starina]. Vol. 167.

19. Moskvich, G.P. (1889). Illustrated practical guide to the southern coast of Crimea. [Illyustrirovannyy prakticheskiy putevoditel po Yuzhnomu beregu Kryma.] Odessa. 287 s.

20. Polyanskaya, E.S. (2016). Development of the transport system of Crimea in the second half of the 19th century [Razvitiye transportnoy sistemy Kryma vo vtoroy polovine 19 v.] / / Economic archive [Ekonomicheskiy arkhiv]. 2,58-72.

21. The Project Of Organization Of Joint-Stock Company "Gurzuf". (1900). [Proyekt Organizatsii Aktsionernogo Obshchestva «Gurzuf»] M. 76 s.

22. Sosnogorova, M. (1871). Guide to the Crimea for travelers. [Putevoditel po Krymu dlya puteshestvennikov]. Odessa. 201 s.

23. Staheeva, I.O. (2017). Charity dynasty Staheevy [Blagotvoritelnost dinastii Stakheyevykh]// Collection of materials of the round table "from patrons of the past to patrons of the present". Bryansk,12-18.

24. Chugin, V. (1882). Medical places of the southern coast of Crimea. Guide for traveling to Crimea. [Lechebnyye mesta Yuzhnogo berega Kryma. Rukovodstvo dlya edushchikh v Krym]. Rostov-on-don. 62 s.

25. Shchepetov, V.A. (1890). Gurzuf on the southern coast of Crimea and its medicinal properties.[Gurzuf na Yuzhnom beregu Kryma i ego lechebnyye svoystva.] Odessa. 112 s.

Об авторе

Кеня Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал) (Россия), E-mail: avanta1919@yandex.ru

Kenya Irina Alekseevna – candidate of legal Sciences, associate Professor of the Russian Academy of national economy and public administration (Bryansk branch) (Russia), E-mail: avanta1919@yandex.ru

УДК 94(5)

Кожемяк Н.С., аспирант, сотрудник Управления по работе со студентами и выпускниками, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Х. АСАДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУЗСКОЙ ОБЩИНЕ СИРИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию взаимоотношений режима Х. Асада (1970-2000 гг.) и друзской общины Сирии — этноконфессионального меньшинства, составляющего около 2-3% населения страны и компактно проживающего в южной провинции Сувейда. Будучи наиболее замкнутой и автономной группой населения Сирийской Арабской Республики, друзы на протяжении десятилетий противостояли центральным властям страны вне зависимости от их идеологического и политического курса. После того, как община пережила свой «золотой век» в сирийской политике в 1960-х гг., практически все её представители были смещены со сколько-нибудь важных постов в Сирии после пришествия к власти в 1970 г. Хафеза Асада. Однако необходимость замирения сепаратистской общины вынудила новый политический режим предпринять в отношении друзов ряд политических, идеологических и социально-экономических мер, направленных на борьбу с традиционной феодальной аристократией, широкими полномочиями религиозных властей, а также символами и проявлениями друзского коммунализма. Анализ данных мер и их результатов составляет предмет исследования данной статьи. Отдельно рассматривается трансформация форм и моделей участия друзов в политической жизни страны, а также их вовлечённость в новую баасистскую элиту.
Ключевые слова: друзы, Сирия, Сувейда, Джебель-Друз, БААС, баасизм, Хафез Асад, коммунализм, сепаратизм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-47-55

Рассмотрение взаимоотношений государства с этноконфессиональными общинами страны является одним из приоритетных направлений исследований современной Сирии. Существует целая серия книг западных специалистов, посвящённых этноконфессиональной проблематике данной страны в период президентства Х. Асада и Б. Асада (1970 гг. - настоящее время). Среди них особенно выделяются «The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980» Николаса Ван Дама [18], «The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant» под редакцией М. Керра и К. Ларкина [11] и «Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria» Р. Лефевра [16]. Тем не менее, упомянутые работы, как и другие, уделяют внимание лишь такому аспекту, как противостояние в рамках борьбы за власть в Сирии между радикальными суннитскими элементами и алавитской общиной, при этом практически не затрагивая положение таких важных элементов сирийского общества, как друзы, христиане и исмаилиты. Большинство работ, посвящённых друзской общине, таких, как «A History of the Drupe» К. Фирро [6] и «The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status» Н. Дана [4] охватывают лишь период до начала-середины XX в., мало касаясь современного (после 1970 г.) положения данной группы. Принимая во внимание традиционно большую роль друзов страны в политической, социально-экономической и культурной жизни Сирии, представляется актуальным восполнить подобный пробел и рассмотреть политику в их отношении со стороны власти Х. Асада, создавшего современную Сирию и заложившего основы взаимодействия её общин на будущие десятилетия.

Друзская община является одной из ключевых этноконфессиональных групп населения Сирии. Составляя около 3% населения страны, друзы компактно проживают в южной провинции страны Сувейда. Также несколько десятков тысяч членов общины сконцентрировано на севере Сирии в районе Джебель Суммак в провинции Идлиб. Существенное друзское населелние имеется в пригороде Дамаска Джарамане, а также на границе с Ливаном в горах Хермон [1].

Исповедуя монотеистическую религию, совмещающую черты ислама, христианства, гностических верований и греческой философии, друзы (самоназвание «муваххиды» - «единобожники») на протяжении веков вели изолированный образ жизни в ливанских горах, а затем, начиная с XVIII века, в южной горной части Сирии, называемой Джебель-Друз -

«друзские горы». Попытки внешних сил поставить «еретическую» общину под контроль привели к формированию в друзской среде замкнутого и автономного самосознания, коммуналистского и сепаратистского восприятия мира. Постоянное противостояние центральным властям — османским, французским и сирийским — в целях сохранения своей автономии и фактической независимости вылилось в двадцать вооружённых восстаний друзов в период с начала XIX по середину XX вв. (восемнадцать антиосманских, одно антифранцузское (1925-1927 гг.) и одно антисирийское (1950-е гг.) [2, с. 111]. По этой причине взаимоотношения с неспокойным регионом Джебель-Друз, обладающим стратегической значимостью ввиду близости к Дамаску, являлись одним из наиболее сложных и болезненных вопросов для любого правительства страны.

Тем не менее, ещё до обретения Сирией независимости в среде друзской общины появился сегмент, стремящийся встать на путь интеграции в новое национальное государство. Светская партия БААС, рассматривавшая общину как часть арабской нации невзирая на конфессиональные особенности, и молодая национальная армия, принявшая в свои ряды множество традиционно воинственных друзов, стали единственными институтами, в которых представители данной группы сирийского населения могли с относительной лёгкостью делать карьеру и подниматься по социальной лестнице. В результате с установлением в стране баасистской власти друзы пережили свой короткий «золотой век» в сирийской политике. После того, как в 1963 г. друзским офицером Салимом Хатумом был осуществлён переворот, приведший к власти партию БААС, в период 1963-1966 гг. при своей незначительной доле в населении страны (2-3%) друзы составляли ок. 20% в главном партийном органе — Региональном командовании, фактически управлявшем Сирией [18, с. 108]. Друзские военные и партийные функционеры — Х. Убейд, М. Атраш, Дж. Шайя и С. Хатум — играли ключевую роль в национальной политике и, благодаря сплочённости и конфессиональному самосознанию, создали целую друзскую группировку. Однако после переворота 1966 г., осуществлённого алавитами С. Джадидом и Х. Асадом, друзы, хотя и поддержали победившую сторону, были отстранены от основных рычагов власти [3, с. 95]. Два неудачных выступления в августе 1966 г. и 1967 г. привели к тому, что новое руководство страны организовало несколько масштабных чисток вооружённых сил, партии и правительства, в результате которых друзы лишились практически всех сколько-нибудь значимых постов. Таким образом, к началу правления Х. Асада представители исследуемой общины, ещё недавно занимавшие ключевые места в руководстве Сирии, вновь оказались вытесненным на периферию национальной жизни этноконфессиональным меньшинством.

Осознавая важность завоевания поддержки всех этноконфессиональных меньшинств страны для сохранения своей власти, Х. Асад не мог игнорировать важность друзского вопроса. Вместе с тем, традиционный друзский коммунализм и сепаратизм представляли очевидную угрозу новому режиму. Политика баасистского правительства по отношению к друзам, следовательно, должна была быть направлена на слом традиционных институтов власти в общине, изменение форм политического участия и борьбу с символами узкой конфессиональной идентичности, взамен которой требовалось интегрировать друзов в сирийское общество в политическом, правовом и идеологическом плане.

Одним из главных направлений политики правительства Х. Асада по отношению к друзам Сирии стало сведение на нет роли традиционной аристократии — т. н. «шуюх аз-заман» («мирских шейхов») и выдвижение на место политических лидеров представителей средних и бедных слоёв общины.

Будучи достаточно замкнутой и автономной общиной, на протяжении столетий друзы Ближнего Востока управлялись группой феодальных кланов, обладавших большими наделами земли, административными функциями и правом осуществления власти на местах. Эти кланы, члены которых в определённые периоды превращались в де-факто независимых правителей друзских регионов, выступали лидерами общины во взаимоотношениях со внешним миром и играли консолидирующую роль для противодействия центральным властям, борьбы с завоевателями, а

также в вопросах преодоления социально-экономических кризисов. Среди сирийских друзов с середины XVIII века наибольшим политическим и экономическим весом пользовался клан аль-Атраш, в начале XX в. добившийся беспрецедентно высокого статуса благодаря харизме и авторитету Султана-паши аль-Атраша, лидера антифранцузского восстания 1925-1927 гг. [2, с. 26]. Немного менее могущественным, однако чрезвычайно важным являлся клан аль-Амер, обладавший властью в северной части Джебель-Друз. Эти семьи находились во главе иерархии, состоявшей из многочисленных землевладельческих кланов меньшей значимости, которые существовали во всех друзских селениях и имели как экономический вес благодаря владению землёй, так и общественный авторитет благодаря наследственным привилегиям и воинской силе [2, с. 26].

Однако в период правления баасистов и, в особенности, Х. Асада традиционно большая роль друзской феодальной аристократии в Сирии сошла на нет. Экономическое могущество кланов было подкошено аграрными реформами 1960-х гг., приведших к более уравнительному распределению земельных наделов по всей Сирии [12, с. 71]. Политическая и общественная значимость аристократических семей также была подорвана благодаря их маргинализации в органах управления и недопуску к рычагам власти в местах проживания. Так, в Джебель Суммак, районе компактного проживания друзов в провинции Идлиб, феодальная власть клана Аль-Кихья в конце XX в. уступала власти местного партийного функционера - друза низкого происхождения [13, с. 146]. В северном Джебель Друзе клан аль-Амер, по свидетельству самих жителей провинции, потерял не только экономическую силу, но и авторитет в обществе, лишившись особого статуса [2, с. 28]. Наконец, самый влиятельный среди сирийских друзов клан аль-Атраш также пришёл в упадок. «Лидер национального восстания» Султан паша аль-Атраш на протяжении правления Х. Асада не только перестал быть неформальным лидером общины во взаимоотношениях с Дамаском, но и вовсе не отметился никакой, даже минимальной, политической активностью. До самой своей смерти он проживал в Сувейде как частное лицо, хоть и пользуясь почётом и уважением земляков. После его смерти в 1982 г. высокое положение Атрашей стало номинальным. Они сохранили определённые атрибуты, титулы и уважение в среде единоверцев, однако перестали иметь какое-либо реальное влияние на положение дел в друзской общине и политику даже на местном уровне. Так, сын Султан-паши Мансур аль-Атраш, в 1960-х гг. важное лицо в партии БААС, после 1969 г. самоустранился из политики и, хотя и назывался рядом исследователей «выразителем мнения» друзской общины [15], в реальности не играл никакой заметной политической роли. В 1984 г. кланом был избран новый предводитель — аль-Амир Салим аль-Атраш, однако данный пост стал абсолютно символическим в отсутствие реальной власти [2, с. 28]. Очень немногие представители клана занимали государственные посты при Х. Асаде — в основном, на дипломатической службе. При этом в сирийских реалиях дипломатические назначения чаще всего являлись формой почётной ссылки, а не поощрения или признания.

В целом, практически ни один из представителей друзской традиционной феодальной аристократии не находился на важных должностях в системе власти в период президентства Х. Асада. Взамен баасистский режим выдвигал на значимые должности друзов скромного социально-экономического происхождения, далёких от феодальных семей, а также разделяющих политику партии с «аграрным уклоном» и всецело обязанных своим положением благоволению Х. Асада и его правительства. Так, оба друза, входивших в состав Регионального Командования БААС (главный партийный орган при Х. Асаде) в 1970-2000 гг. (всего они составляли 4.2% всех членов, что не только соответствовало, но и превосходило их долю в населении страны) — Мутиб Шнан и Тауфик Сальха - по происхождению принадлежали к крестьянам или мелким землевладельцам (то есть крестьянам, владеющим землёй) [2, с. 344, 349]. Из этих же слоёв происходили все друзы-партийные функционеры на местах и в центре [9, с. 158-62, 463-67].

Таким образом, в период президентства

Х. Асада традиционная феодальная друзская элита фактически потеряла всё то влияние, которое находилось в её руках на протяжении столетий. Взамен партийные и государственные посты получали представители общины, принадлежащие к бедным и средним городским слоям, преимущественно крестьянам и мелким землевладельцам. Эти изменения особенно заметны при сравнении с соседними Ливаном и Израилем, в которых традиционная друзская аристократия сохранила, хотя и в изменённой форме, свои статус и положение. Так, клан Джумблат в Ливане, управлявший друзами страны на протяжении двух столетий, во вторую половину XX в. ещё более упрочил свои позиции благодаря лидерству В. Джумблата и К. Джумблата во время гражданской войны и после неё. Семейство Джумблат стоит во главе мощной клановой иерархии, кроме того, оно институционализировало свою власть через созданную в 1949 г. Прогрессивную социалистическую партию, а также через ряд объединений и фондов [19]. В Израиле феодальный клан Тариф, обладавший властью среди друзов ещё во времена мандата, встал с одобрения израильского руководства во главе религиозных и судебных учреждений в 1950-е гг. [5, с. 172]. Несмотря на то, что друзская система судов представляла собой в первую очередь религиозную и судебную инстанцию, исследователи отмечают, что друзские кланы, занявшие в ней важные места, фактически сохранили и часть своей политической власти [14, с. 13-14]. В целом лидеры общины смогли поддержать свой авторитет в общине и частично власть в её внутренних делах благодаря лояльной позиции по отношению к властям страны [7, с. 51]. На фоне этих стран трансформация баланса сил в друзской общине Сирии кажется наиболее впечатляющей. Интересно, что в других регионах Сирии старая феодальная знать далеко не всегда отстранялась от власти. Так, исследователи отмечают, что в некоторых суннитских районах могущественные кланы интегрировались в партийные и государственные органы, фактически сохраняя своё положение [2, с. 24]. Однако в отношении друзов главной задачей баасистского руководства являлся подрыв традиционного коммунализма и сепаратизма общины. В связи с этим феодальные вожди и лидеры как вдохновители и «живые символы» друзской самостоятельности должны были лишиться своего статуса. Показательно, что, несмотря на соболезнования, которые Х. Асад лично выразил семье аль-Атраш в 1982 г. в связи со смертью Султана-паши, по многочисленным свидетельствам силовые структуры препятствовали в последующие годы проведению мероприятий в годовщину его кончины, а его роль в сирийской истории целенаправленно умалчивалась [20], что также отражает общую линию Баас на борьбу с друзским коммунализмом.

Другим важнейшим изменением, затронувшим традиционные формы власти в друзской общине в период президентства Х. Асада, является снижение роли института «шуюх аль-акль» - «шейхов разума», верховных религиозных деятелей, обладающих в традиционной друзской общине высшими судебными полномочиями, авторитетом относительно важнейших религиозных и светских вопросов, правами улаживания конфликтов и спорных ситуаций. Пример Ливана, где проживает около 40% друзов в мире, показывает важность роли шуюх аль-акль для друзской общины. Должность шейх аль-акля в стране является государственной. Занимающий это положение шейх с собственным аппаратом (машйяхат аль-акль) осуществляет надзор за шестью друзскими судами в разных районах страны, которые возглавляются шейхами-судьями рангом ниже [13, с. 119]. На шейх аль-акле, таким образом, замыкается вертикаль друзской судебной системы. Он обладает властью в вынесении важнейших приговоров и решений. В Израиле же действует похожая система — для друзов с 1960-х гг. действуют отдельные друзские суды под начальством судей, главным из которых был шейх аль-акль из рода Тариф [14, с. 13-14].

Институт шуюх аль-акль в Сирии с середины XIX в. находился в руках трёх семей — Джарбуа, Хиннави и Хаджари, члены которых, назначаемые на этот пост, выполняли традиционные судебные и законодательные функции, а также выносили фетвы по религиозным вопросам. Однако с приходом к власти Х. Асада ситуация изменилась. Стремясь

к унификации судебной системы по всей стране, президент не мог допустить существования автономных друзских судов. В связи с этим судебные функции были изъяты из ведения шуюх аль-акль и переданы гражданским судам, возглавляемым обычными чиновниками, многие из которых даже не были друзами. Единственным условием их функционирования было следование друзскому обычному праву в вопросах брака, развода, наследования и других дел [13, с. 133]. Шуюх аль-акль потеряли возможность управлять этими судами. Таким образом, система религиозных судов в друзских районах была упразднена. Характерно, что, несмотря на эти шаги, шуюх аль-акль продолжили осуществлять «теневые» функции арбитров и миротворцев при возникновении конфликтных ситуаций между людьми, семьями и кланами. Фактически конкурируя с официальными судами, шейхи продолжили быть для традиционной части общины высшими авторитетами, посредничества которых просили при возникновении затруднительных ситуаций и нежелании обращаться в государственный суд [13, с. 133].

Лишив шуюх аль-акль официальных судебных и законодательных функций, Х. Асад не стал упразднять сам институт. Напротив, принимая во внимание религиозный и моральный авторитет этих старейшин, правящий режим предпочёл выстроить с ними доверительные и партнёрские отношения. Почётные места были сохранены за тремя традиционными семьями. Конкретные люди назначались на пост шейх аль-акль с одобрения властей, таким образом, впадая от последних в определённую зависимость. Взамен они демонстрировали в целом проправительственную позицию и солидарность с действующей властью по важнейшим вопросам [8]. Также шуюх аль-акль сохранили право распоряжаться пожертвованиями со всех друзских святынь и мест поклонения в стране, что, учитывая центральную роль подобных мест в друзской религиозной жизни, приносило значительные финансовые ресурсы.

Третьим значимым новшеством в жизни друзской общины периода президентства Х. Асада является изменение *модели* участия друзов в политической жизни страны. Традиционной формой участия друзов в «большой политике» являлось действие в рамках группы, когда вокруг лидера-друза собирались его единоверцы и земляки, выступая, таким образом, единым фронтом в конфликтах и взаимодействии с центральными властями. При этом конкуренция между различными друзскими политиками или военными практически сходила на нет при необходимости взаимодействия с «чужими». Таким образом, на политической арене друзы представляли собой монолитную, сплочённую группу, объединённую вокруг главной фигуры, претендующей на право представлять на национальном уровне всю общину. В первой половине XX в. подобная ситуация наблюдалась, когда Зухейр и Султан аль-Атраши представляли всю общину перед османскими, арабскими, французскими и сирийскими властями при отсутствии какой-либо значимой оппозиции в друзской среде. Инстинктивно община сплачивалась вокруг сильных лидеров, и лишь их традиционные феодальные противники из клановых соображений не присоединялись к ним. В 1960-х гг., когда друзы-военные и баасисты стали добиваться высот власти в Дамаске, ситуация повторилась вновь: в отличие от суннитов и алавитов, постоянно делящихся на противоборствующие группировки и имеющих целый ряд лидеров, друзы во всех переворотах и противоборствах выступали единым фронтом в составе группы Убейда-Хатума. Показателен пример неудачного восстания 1967 г., когда двое политиков друзского происхождения, не имеющих ничего общего, кроме этноконфессиональной принадлежности — Салим Хатум и Мансур аль-Атраш — объединили силы для борьбы с Х. Асадом и С. Джадидом [17, с. 283]. Мансур аль-Атраш по происхождению принадлежал к самой знатной семье Джебель Друза, а идеологически относился к «старым» гражданским баасистам, которые потеряли своё влияние из-за роста роли военных. Салим Хатум, напротив, происходил из среднего землевладельческого класса, а также был одним из тех военных, которые отстранили гражданских баасистов от власти. Тем не менее, эти политики объединились друг с другом и с прочими друзами в одну группировку, основанную, таким образом, по этноконфессиональному принципу. Следова-

тельно, групповое участие в политике было отличительной чертой сирийских друзов в доасадовский период.

Однако с приходом к власти Х. Асада данная модель политического участия друзов ушла в прошлое. Сталкиваясь с друзским коммунализмом на протяжении своего пути к власти, президент осознавал, что подобная практика несёт в себе угрозу его режиму, учитывая степень сплочённости и кровно-земляческих уз друзской общины. Политическая целесообразность диктовала ему необходимость не допускать во власть друзов, имеющих прочную социальную базу, во избежание появления новых друзских группировок. Однако необходимость завоевать лояльность воинственной общины исключала вариант полной маргинализации друзских политиков во власти. В итоге для общины сложилась новая форма политической активности. В то время, как в Ливане и Израиле в исследуемый период друзы продолжали играть роль в политике лишь благодаря своей сплочённости и действиям в качестве коммуналистского меньшинства [6, с. 363], в Сирии они могли рассчитывать на продвижение лишь путём индивидуального участия в общенациональных институтах, принимая (хотя бы официально) идеологию панарабизма. К важным государственным и партийным постам допускались отдельные выходцы из общины, сами по себе не обладавшие политическим весом и обязанные своим положением исключительно воле правящего режима [6, с. 363]. Они никогда не блокировались и не образовывали группировок или коалиций внутри партии и правительства.

Наконец, в контексте идеологической политики правительства Х. Асада в отношении друзов стоит затронуть вопрос о друзских организациях и объединениях в Сирии в исследуемый период. В целях противодействия коммунализму и размывания партикуляристского самосознания баасистский режим утвердил негласный запрет на общинные организации — фонды, клубы и объединения, продвигающие определённую этническую или конфессиональную идентичность. Так, на фоне распространённого мнения об «алавитском режиме» и в целом засилья алавитов на высших должностях удивляет тот факт, что в стране в 1970-2000 практически отсутствовали не только религиозные, но и культурно-образовательные алавитские организации. Так, единственной попыткой создания подобного объединения был клуб Аль-Муртада Джамиля Асада. Однако, просуществовав около двух лет, клуб был запрещён по указанию президента [10]. О прочих «алавитских» организациях в Сирии неизвестно. При этом такое положение дел не может являться следствием «закрытого» характера алавитского вероучения и тайной доктрины: в Турции, Ливане, США, Латинской Америке и других странах существуют многочисленные алавитские культурные и религиозные организации. Следовательно, отсутствие конфессиональных объединений является специфической чертой асадовской Сирии.

Друзские организации при Х. Асаде постигла та же участь. Единственный благотворительный Друзский сиротский приют, существовавший в стране с 1930-х гг., в 1972 г. вынужден был сменить название на Благотворительное общество (чтобы отойти от конфессионального элемента в названии), несколько изменить направления своей деятельности и перешёл под юрисдикцию государства [13, с. 164]. Вообще, баасисты поставили под контроль большую часть благотворительной деятельности (кроме упомянутых выше религиозных пожертвований), традиционно игравшей большую роль в друзской общине. В Сувейде и в целом по стране отсутствовали друзские политические и культурные объединения. В этот же период в странах Ближнего Востока и мира существовал целый ряд друзских обществ и клубов. В Ливане имеются «друзские» Социалистическая прогрессивная партия, Центр друзской общины и прочие объединения. В эмиграции наиболее известны Американское Друзское Общество, Друзская Лига в Мексике, Благотворительная друзская ассоциация в Аргентине, Друзское культурное общество в Венесуэле, Британское и Французское друзские общества. Счёт более малочисленным, провинциальным объединениям по всему миру идёт на десятки [3, с. 92]. Учитывая этот факт, становится очевидным, что отсутствие друзских организаций в Сирии является прямым следствием

политики правящего режима по борьбе с узкоконфессиональной идентичностью друзов, что соответствовало общей линии правительства Х. Асада по отношению к этноконфессиональным меньшинствам, которым, с точки зрения баасистской идеологии, следовало воспринять общесирийскую идентичность и отказаться от изоляции и коммунализма.

В период правления Х. Асада в друзской общине Сирии произошли важные изменения, ставшие результатом политики власти по отношению к сепаратистской общине. Во-первых, власть и влияние потеряла феодальная аристократия, некогда являвшаяся фактически правящим классом в общине. Во-вторых, пришёл в упадок институт шуюх аль-акль, регулирующий до этого судебные, религиозные и законодательные аспекты жизни друзской общины. В-третьих, был положен конец групповому, конфессионально-земляческому участию друзов в национальной политике. Взамен традиционных структур власть перешла в руки партийных и государственных институтов, а на руководящие посты избирались друзы-баасисты низкого происхождения. Государство поставило под контроль судебную систему и (в значительной степени) благотворительность. Друзские конфессиональные объединения перестали существовать. Эти аспекты стали отражением генеральной линии баасистского руководства на «деконфессионализацию» сирийского общества и утверждение общенациональной идентичности граждан взамен устоявшейся на протяжении столетий самоидентификации по этнорелигиозному и общинному принципу.

Список литературы

1. Al-Assil, I., Slim, R. The Syrian Druze at a Crossroads // Middle East Institute. 13.07.2015 . [Электронный ресурс]. URL: http://www.mei.edu/content/article/syrian-druse-crossroads (дата обращения 11.09.2018)

2. Batatu, H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. 413 p.

3. Betts, R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. 192 p.

4. Dana N. The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status. 5. Brighton and Portland: Sussex Academic Press; 2003. 227 p.

5. Einhorn, T. Private international law in Israel. Kluwer Law International, 2009. 552 p.

6. Firro K. M. A History of the Druzes. Brill; 1992. 403 p.

7. Firro, K. M. Reshaping Druze Particularism in Israel // Journal of Palestine Studies. 2001. №3. pp. 40-53.

8. Gambill, G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpri.org/docs/Gambill_-_Syrian_Druze.pdf (дата обращения 15.10.2018)

9. International Bank for Reconstruction and Development, The Economic Development of Syria. 1990.

10. Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17 December 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1 (дата обращения 03.10.2018)

11. Kerr M., Larkin C., editors. The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. Oxford University Press; 2015. 384 p.

12. Khalaf, S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria. Syria: Society, Culture, and Polity. 1991. pp.63-78.

13. Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets; 2004. 295 p.

14. Landau, J. M. The Arabs in Israel: A political study. Routledge, 2015. 313 p.

15. Landis, J. Mansour al-Atrash has Died at 80 // Syria Comment. 16.11.2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.joshualandis.com/blog/mansour-al-atrash-has-died-at-80/ (дата обращения 02.10.2018)

16. Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA; 2013. 272 p.

17. Schiffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. 319 p.

18. Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980. Croom Helm; 1981. 257 p.

19. Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm (дата обращения 02.10.2018)

20. معروف؟ أبـ ناء خذلـه فـ هل الأ سد هـ شه الأطرش بـ ا شا سـلطان الـ جلاء ذكرى فـ ي [Фи зикраль-джаля Султан Паша Аль-Атраш хамашахуль-Асад фахаль хазаляху абна уль-маруф?] (В годовщину смерти Султана-паши Аль-Атраша: Асад отстранил его, но забыли ли о нём друзы?) // Orient Net. 16.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.orient-news.net/ar/news_show/86756/0/فـ ي معروف؟ أبـ ناء خذلـه فـ هل الأ سد هـ شه الأطرش بـ ا شا سـلطان الـ جلاء ذكرى (дата обращения 13.10.2018)

POLICY OF HAFEZ ASSAD TOWARDS THE SYRIAN DRUZE COMMUNITY: POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS

The article is devoted to the study of the relations between the regime of Hafez Al-Assad (1970-2000) and the Druze community — a compact ethno-religious minority which constitutes 2-3% of the Syrian population and dwells primarily in the southern governorate of Suwaida. Being the most secretive and self-contained group of the Syrian Arab Republic's population, the Druze had been opposing the central Syrian government for decades irrespective of the latter's ideological affiliation or policy adopted. In order to put an end to the exclusiveness and closeness of the rebellious and particularist community the Ba'thi government had to implement a series of socio-economic, political and ideological measures which were aimed at breaking down traditionally high role of the feudal notability, authority of religious powers, and symbols and manifestations of the Druze confessionalism. Both these measures and new forms of the Druze political participation in political life are examined in the article below.

Keywords: Syria, the Druze, Suwaida, Jebel Druze, Ba'thism, Hafez al-Assad, sectarianism, confessionalism.

References

1. Al-Assil, I., Slim, R. The Syrian Druze at a Crossroads // Middle East Institute. 13.07.2015 - from http://www.mei.edu/content/article/syrian-druse-crossroads.

2. Batatu, H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. 413 p.

3. Betts, R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. 192 p.

4. Dana N. The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status. 5. Brighton and Portland: Sussex Academic Press; 2003. 227 p.

5. Einhorn, T. Private international law in Israel. Kluwer Law International, 2009. 552 p.

6. Firro K. M. A History of the Druzes. Brill; 1992. 403 p.

7. Firro, K. M. Reshaping Druze Particularism in Israel // Journal of Palestine Studies. 2001. №3. pp. 40-53.

8. Gambill, G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. 2013 - from https://www.fpri.org/docs/Gambill_-_Syrian_Druze.pdf (дата обращения 15.10.2018)

9. International Bank for Reconstruction and Development, The Economic Development of Syria. 1990.

10. Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17 December 2004 - from http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1

11. Kerr M., Larkin C., editors. The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. Oxford University Press; 2015. 384 p.

12. Khalaf, S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria. Syria: Society, Culture, and Polity. 1991. pp.63-78.

13. Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets; 2004. 295 p.

14. Landau, J. M. The Arabs in Israel: A political study. Routledge, 2015. 313 p.

15. Landis, J. Mansour al-Atrash has Died at 80 // Syria Comment. 16.11.2006 – from https://www.joshualandis.com/blog/mansour-al-atrash-has-died-at-80/

16. Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA; 2013. 272 p.

17. Schiffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. 319 p.

18. Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980. Croom Helm; 1981. 257 p.

19. Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005 – from http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm

20. معروف؟ أبناء خذله فهل الأسد هشه الأطرش باشا سلطان الجلاء ذكرى في [Fiz-zikral jala Sultan Basha Al-Atrash hamashahul-Assad fahal hathalahu abna ul-maruf?] (On the anniversary of Sultan Pasha Al-Atrash's death: Assad marginalized him, but did the Druze forget him?) // Orient Net. 16.04.2015 – from https://www.orient-news.net/ar/news_show/86756/0/باشا سلطان الجلاء ذكرى في معروف؟ أبناء خذله فهل الأسد هشه الأطرش

Об авторе

Кожемяк Никита Сергеевич – аспирант, сотрудник Управления по работе со студентами и выпускниками Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru

Kozhemyak Nikita Sergeevich – PhD student at the MGIMO University and an employee at the MGIMO Department for Work with Students and Graduates. E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru.

УДК 327.7+341.24

Колегова О.Ю., соискатель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, старший преподаватель 4-ой кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАРРАТИВА СТРАН-УЧАСТНИЦ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

В статье исследуется развитие нарратива стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества посредством метода контент-анализа. В основу контент-анализа легли декларации Шанхайской организации сотрудничества, выступления Генеральных секретарей ШОС и интервью политических лидеров стран ШОС. Автор выделяет как общие, так и отличающиеся особенности акцентов в деятельности каждой страны-участницы в рамках Организации. Отмечается, что в деятельности ШОС в первоначальный период работы организации больше внимания акцентировалось на вопросах безопасности, а именно на противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму, решению трансграничных проблем. С течением времени и изменения глобальной конъюнктуры, после кризиса 2008 г. Китай больше внимания стал уделять развитию экономического сотрудничества в рамках Организации, примеру которого последовали центрально-азиатские республики. Россия остается единственной страной, отдающей преимущество развитию военно-политического сотрудничества в ШОС.

Ключевые слова: ШОС, контент-анализ, Россия, Китай, Центральная Азия, региональное сотрудничество, безопасность

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-56-72

Систематизированное изучение содержания основных заявлений и деклараций ШОС, принятых за время существования организации, с применением методик прикладного анализа текстовой информации позволяет доказать, что она проявила готовность взять на себя обязательства по решению целого ряда проблем, выступая региональным центром силы. В качестве методики проведения такого исследования в наибольшей степени подходит направленный контент-анализ.

Направленный количественный и качественный контент-анализ предполагает на основе составления определенного перечня категорий, относящихся к изучаемому объекту - проблем, которыми занимается ШОС - определить главные характеристики текстового материала. На основе категорий выделяется перечень документов, которые затем структурируются и обрабатываются. Этот вид анализа исходит из того, что обычно в вербальном потоке можно посчитать частоту обращения к определенной теме, наличие или отсутствие каких-то тем, связь между темами, причем основные темы, которые определяются соответствующими количественными показателями, отражают главный смысл текстового материала [**7**: 59].

Контент-анализ документов дает возможность провести качественную прикладную оценку ситуации внутри той или иной организации, найти ответы на самые разные вопросы - от направленности того или иного объединения до степени взаимопонимания между его участниками. Вопрос или тема изучения представляют собой слово или сочетание слов и понятий, несущих смысловую нагрузку, воплощенных в предложении или даже абзаце, которые подсчитываются по частоте своего употребления в массе отобранных для исследования материалах.

В рамках изучения ШОС направленный количественный контент-анализ применен для определения, какие проблемы мировой политики и какого уровня интересуют ШОС. Для анализа были использованы принимаемые на саммитах ежегодные политические декларации ШОС в период с 2001 по 2018 г., так как именно они позволяют проследить развитие повестки дня ШОС и то, как изменяется отношение лидеров государств к существующим вызовам. Все основные темы, которыми организация занимается, обозначены в основополагающих документах ШОС, которые и были отобраны в качестве текстового материала для прикладного анализа. Среди отобранных документов выделим декларации Шанхайской организации сотрудничества, выступления Генеральных секретарей ШОС и интервью политических лидеров стран ШОС.

Первая группа документов может быть определена как официальная, так как содержит материалы, согласованные и одобренные всеми

государствами-участниками организации. Они представляют официальную точку зрения ШОС на основные проблемы современности.

Вторая группа документов также может быть рассмотрена в качестве официальной, так как выступления генеральных секретарей организации отражает точку зрения организации в целом. Что касается третьей группы, то с точки зрения самой организации они могут быть определены как полуофициальные, так как отражают позиции национальных лидеров, а не организации как таковой.

На первом этапе было осуществлено выделение проблем, с которыми сталкиваются государства-члены ШОС. Был составлен список из следующих проблем: 1) ядерное нераспространение; 2) нарушение суверенитета; 3) энергетическая безопасность; 4) распространение наркотиков и оружия; 5) терроризм, сепаратизм и экстремизм; 6) возникновение межэтнических и межконфессиональных и др. конфликтов; 7) выравнивание уровней социально-экономического развития; 8) устойчивость экономики; 9) плохая экология; 10) информационная уязвимость; 11) сохранение культурного разнообразия; 12) соблюдение норм международного права; 13) борьба с бедностью; 14) распространение инфекционных заболеваний; 15) техногенные катастрофы; 16) незаконная миграция; 17) нарушение прав человека;

Анализ ранних документов организации показал, что часть проблем ШОС воспринимается как исключительно внутрирегиональные, несмотря на их трансграничный и трансрегиональный характер, поэтому возникла необходимость разделить их по типам на региональные и международные.

ШОС в качестве основной угрозы безопасности глобального уровня признает проблему терроризма, экстремизма и сепаратизма, о чем свидетельствует тот факт, что эта проблема упоминается наиболее часто - 37 раз. Угрозу терроризма, тесно связанную с распространением наркотиков, основным путем транзита которых стал Афганистан после начала проведения международной операции в 2001 году, ШОС предлагает решить созданием международно-правовой базы антитеррористической деятельности, обязательной для соблюдения всеми странами-членами без применения практики двойных стандартов. Практика двойных стандартов упоминается и как основная причина нарушения норм международного права, несоблюдение которого также названо ШОС в качестве одной из основных угроз безопасности глобального уровня. Причиной многих проблем глобального уровня упоминается деструктивная деятельность внешних акторов, без чего, очевидно, многих проблем удалось бы избежать.

Например, проблема ядерного нераспространения связана с отсутствием механизма равной для всех безопасности. Причины угроз безопасности конкретно ШОС не упоминаются и основным способом их решения признаются совместные усилия стран-участников организации. Основными проблемами такого уровня стали: возникновение межэтнических и межконфессиональных и др. конфликтов (упоминается 8 раз); сохранение культурного разнообразия (8 раз); плохая экология (7 раз); устойчивость экономик стран региона (6 раз); техногенные катастрофы (6 раз); незаконная миграция (5 раз).

Таблица 1

Проблемы	Уровень проблемы	Тип проблемы	Иерархия по частоте	Источники проблем	Способ решения проблемы
Терроризм, сепаратизм, экстремизм	международный	Проблема безопасности	37		Создание международно-правовой базы антитеррористической деятельности; ликвидация нищеты, создание региональной антитеррористической структуры

Распространение наркотиков и оружия	международный	Проблема безопасности	17	Бедность, источник финансирования терроризма	Интенсификация многостороннего сотрудничества по противодействию наркоугрозе, исходящей из Афганистана
Ядерное нераспространение	международный	Проблема безопасности	15	Отсутствие механизма обеспечения равной безопасности	Скорейшее присоединение всех стран к Договору о нераспространении ядерного оружия, а также подписание и ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний теми государствами, которые этого еще не сделали
Сохранение культурного разнообразия	региональный	Гуманитарная проблема	8	Целенаправленный экспорт конкретных моделей общественного развития	Наращивание сотрудничества
Соблюдение норм международного права	международный	Проблема безопасности	8		Усиление роли ООН в международных делах, дальнейшее повышение эффективности и авторитета Совета Безопасности ООН
Нарушение суверенитета	международный	Проблема безопасности	7	Применение "двойных стандартов" в вопросах прав человека, решения внутренних конфликтов	Строительство системы региональной безопасности
Возникновение межэтнических и межконфессиональных и др. конфликтов	региональный	Проблема безопасности	7		Создание в рамках ШОС механизма предотвращения региональных конфликтов
Плохая экология	региональный	Экологическая проблема	7		сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования
Устойчивость экономики	региональный	Экономическая проблема	6		Реализация Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества в ШОС, региональ-

					ных проектов в приоритетных сферах экономики, переход к свободному передвижению товаров, капиталов, услуг и технологий.
Техногенные катастрофы	региональный	Экологическая проблема	6		Проведение мониторинга, обмен аналитической информацией
Информационная уязвимость	региональный	Проблема безопасности	5	Использование ИКТ в ущерб международной безопасности	Проекты многостороннего сотрудничества в сфере информационных технологий
Незаконная миграция	региональный	Проблема безопасности	5		Проекты многостороннего сотрудничества в сфере экономики
Нарушение прав человека	международный	Гуманитарная проблема	5		Создание правовой базы
Энергетическая безопасность	региональный	Проблема безопасности	3	Уязвимость коридоров транспортировки	Проекты по строительству трубопровода
Выравнивание уровней социально-экономического развития	региональный	Экономическая проблема	3		Проекты многостороннего сотрудничества в сфере экономики
Распространение инфекционных заболеваний	региональный	Гуманитарная проблема	3		Проекты сотрудничества в сфере здравоохранения

Контент-анализ основных документов ШОС показывает, что с момента образования организация занялась решением широкого круга проблем, основными из которых являются проблемы безопасности глобального характера. При этом, многие вызовы и угрозы глобального характера членами организации воспринимаются как региональные, требующие сосредоточения усилий по их решению внутри конкретного региона, что свидетельствует о том, что ШОС представляет организацию стран, стремящихся доказать, что они способны внести вклад в решение глобальных проблем, опираясь на собственные силы, и одновременно ограничить влияние других игроков в зоне своей ответственности. В тексте документов неоднократно подчеркивается, что многие проблемы частично возникают при использовании «двойных стандартов» в противостоянии глобальным вызовам, а именно продвижения своих собственных интересов под предлогом помощи в решении, например, внутренних конфликтов.

В то же время вызовы и угрозы, которыми занимается ШОС, воспринимаются членами организации неодинаково. Для кого-то некоторые из них представляют большую опасность, для кого-то меньшую. В этой связи целесообразно провести еще один контент-анализ выступлений, интервью основных политических лидеров стран-членов организации (всего 31 материал), направленный на выявление приоритетности той или иной угрозы для каждого члена организации. За единицы анализа были взятые те же проблемы, что и для предыдущего анализа с добавлением ряда новых позиций. Расширение списка связано с тем, что данная группа материалов отражает позиции, в том числе, политических лидеров стран ШОС, которые выходят за границы влияния и распространения ШОС как региональной организации.

Таблица 2

Проблемы	Киргизия	Казахстан	Россия	Китай	Таджикистан	Узбекистан	Индия	Пакистан
Ядерное нераспространение		1						
Нарушение суверенитета				1			1	1
Энергетическая безопасность								1
Распространение наркотиков и оружия	6	3	3	4	3		1	1
Терроризм, сепаратизм, экстремизм	3	3	5	5	4	1		
Возникновение межэтнических и межконфессиональных и др. конфликтов	1							
Выравнивание уровней социально-экономического развития	1		1				1	1
Устойчивость экономики	10	7	2	1	1	4	2	2
Плохая экология	1	1						
Информационная уязвимость		2	2				1	
Сохранение культурного разнообразия	3		2				1	1
Соблюдение норм международного права		1						
Борьба с бедностью	1						1	
Распространение инфекционных заболеваний								
Техногенные катастрофы								
Незаконная миграция	1		1		1			
Нарушение прав человека						2		
Афганистан	1	4	6	4		1	1	2

Анализ показал, что на сегодняшний день основными проблемами безопасности все члены организации признают распространение наркотиков и оружия, терроризм и проблемы, связанные с Афганистаном. Однако идеи противодействия им лоббируются прежде всего представителями России и Китая (так, например, афганская проблема поднимается во всех выступления генерального секретаря ШОС Д.Ф. Мезенцева с 2013 по 2015 год). Эти проблемы обычно имеют более глобальный уровень, в то время как Киргизия, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан заинтересованы в решении национальных экономических проблем и потому на уровне организации выступают за решение прежде всего экономических вопросов.

Так, еще одной проблемой, находящейся в фокусе внимания стала проблема устойчивости экономики. Страны ЦА обращаются к ней чаще (Киргизия – 10 раз, Казахстан - 7, Таджикистан – 4). Например, уже в первых строках выступления Генерального секретаря ШОС М.С. Иманалиева в ходе заседания Совета глав правительств 2010 г. говорится, что «ШОС будет прилагать необходимые усилия для создания благоприятных условий для торговой и инвестиционной деятельности, реализации совместных региональных и региональных проектов развития транспортной и коммуникационной инфраструктуры в целях повышения экономической конкурентоспособности государств-членов» [**11**].

В результате, мы можем сделать выводы по всем государствам-участникам ШОС:

1. В самом начале деятельности организации, Россия помимо противодействия традиционным угрозам «трех зол» считала очень важным направлением для себя повышение роли организации на международной арене, а также борьбу с наркотиками, однако уже в 2008 году, большое значение начинают иметь не только проблемы безопасности, но и экономическое развитие, а также актуальная и по сей день проблема Афганистана: «Стабилизация положения в Афганистане особенно важна для России. В результате употребления наркотиков, поступающих из Афганистана через Центральную Азию, Россия и другие страны несут огромные людские потери». [**23**:10]

С российской стороны начинают высказываться идеи о необходимости создания общей инфраструктуры, транспортных сетей и совместное развитие энергетики. В дальней-

шем, угрозы практически не меняются, однако Россия начинает видеть в организации все большее количество перспектив развития. Так, все больше начинают обсуждаться пути усиление кооперации ШОС, такие как создание общего координационного центра, а также утверждение направления развития. После прогремевшего в 2008 году кризиса встал вопрос о том, что нужно усиливать экономическую кооперацию с целью ликвидировать его последствия и в риторике российских представителей появляются идеи о снятии торговых барьеров и ограничения перевозок. Также большой импульс получают идеи о принятии новых членов в организацию и развитие университета ШОС. Как отмечал В.В. Путин на саммите в Ташкенте в 2016 г., «расширение сфер, которыми занимается Шанхайская организация сотрудничества, и увеличение количества членов за счёт таких мощных стран, которые я только сейчас назвал, конечно, делают эту организацию очень мощным международным объединением, весьма авторитетным и востребованным в регионе, да и во всём мире». [**35**]

В дальнейшем сферы сотрудничества только расширяются и туда начинают включать и аспект туризма, что было высказано В.В. Путиным во время выступления на саммите в Уфе создание центров проектного финансирования и других финансовых структур ШОС. Таким образом, для России угрозы, которым должна противодействовать ШОС, остаются практически неизменными, в то время как её представители видят в ней потенциал не только для сотрудничества по вопросам безопасности, но для развития её многофункциональности.

2. Позиция Китая является наиболее созвучной позиции России из всех входящих в организацию стран. Первоначально КНР, также, как и Россия, видела в организации прежде всего потенциал для построения пространства безопасности и противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. К 2008 году также выделяются проблемы социально-экономического развития, обеспечение стабильного развития отношений и Афганистан. В дальнейшем выделяются такие проблемы как необходимость справляться с последствиями финансового кризиса, борьба с наркоторговлей и транснациональной преступностью. Сферами сотрудничества Китай, как и РФ, видит усовершенствование транспортной инфраструктуры и создание механизмов, которые будут позволять аккумулировать финансовые ресурсы стран-членов и эффективно перераспределять их. Затем Китай выделяет проблему того, что темпы организации слишком малы и для этого предлагает создание ряда механизмов, таких как «Один пояс, один путь», создание банка ШОС и прочих инициатив, призванных ускорить наращивание экономической мощи странами-членами. Как отмечает китайская сторона, «Все страны поддерживают создание банка развития ШОС, это весьма важно для укрепления экономического сотрудничества». [**25**] На сегодняшний день банк ШОС остается нереализованной инициативой, которая, на наш взгляд, в ближайшем будущем не найдет своего практического воплощения, несмотря на то, что на Саммитах ШОС главы государств ежегодно отмечают важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС, а также дают поручения продолжить усилия в целях ее скорейшего завершения.

В перспективе важным для Китая становится сотрудничество молодежи. Таким образом, можно заключить, что позиции Китая и РФ являются весьма сходными, а главное отличие заключается в том, что Китай считает, что ШОС необходимо придерживаться более агрессивной и быстрой стратегии экономического развития. Причиной этого, как отмечает Е. Шулян, является то, что при помощи ШОС Китай намерен «разносторонне развивать ресурсы потребления энергии, а также усиливать свое политическое и экономическое влияние в Центральной Азии». [**38**: 101]

3. Для Казахстана особой чертой является то, что помимо трех зол и наркотрафика его лидеры акцентируют внимание также и на проблеме незаконной миграции [**36**: 176], что связано прежде всего с тем, что существует опасность проникновения боевиков из Афганистана на территорию страны. В связи с этим же фактором в качестве перспективных направлений развитие представителем Казахстана называется создание механизмов урегулирования пограничных вопросов, а также

усиление региональной безопасности. В дальнейшем, количество проблем, которые видит Казахстан увеличивается и туда начинают входить также незаконный оборот оружия, киберпреступность, техногенные катастрофы и инфекционные заболевания. Перспективы сотрудничества связаны прежде всего с экономической сферой, что включает развитие сельскохозяйственной кооперации, технологический и научный обмен. Постоянно актуальной для страны проблемой является наличие точек нестабильности в регионе, а также необходимость обеспечения продовольственной и информационной безопасности. [**27**] Казахстан так же, как и другие страны-члены, говорит о необходимости создания координационных и финансовых структур для ускорения темпов развития организации. Для представителей Казахстана важным, прежде всего, является вопрос безопасности и стабильности ситуации в регионе, отсутствие внешних военных угроз, и кибербезопасность, что скорее всего связано с тем, что в стране существуют центры по изучению космоса, информация из которых может являться бесценной для террористов, а уровень подготовки специалистов на сегодняшних день недостаточно хорош, чтобы была абсолютная уверенность в сохранности данных.

4. Для Таджикистана ключевой проблемой являются заявленные в самом начале работы организации проблемы, такие как терроризм, сепаратизм, экстремизм и наркотрафик. Однако для него очень важной перспективой является ускорение экономического развития и сотрудничество в этой сфере, а также в своих выступлениях его представители часто обсуждают возможное расширение организации, в том числе за счет Ирана. Как отмечают в самом Таджикистане, «наряду с вопросами обеспечения стратегической стабильности в регионе, в спектре внимания ШОС по-прежнему остаются вопросы, связанные с борьбой с «тремя злами», незаконным оборотом наркотиков и оружия, а также развитием торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества». [**37**: 5-6] По мнению же таджикского исследователя Ф. Муминовой, «на рынке ШОС есть возможности в плане развития торговли и производственной кооперации». [**26**: 61]

Также, как и у других стран, после 2008 года появляются проблемы, связанные с финансовым кризисом, нестабильностью в Афганистане, а в перспективах развития выделяются те же аспекты, что и другими, уже перечисленными государствами, а именно необходимость формирования новой, более эффективной инфраструктуры, создание транспортных и коммуникационных сетей, создание координационных центров по финансовым и энергетическим вопросам. Ключевым вопросом для Таджикистана является поиск средств финансирования своих экономических проектов, в связи с чем он выступает за создание банка развития ШОС. Президентом Таджикистана особенно акцентируется то, что ШОС является невоенным союзом и прежде всего занимается вопросами безопасности. Также он продвигает усиление образования молодежи и создание новых молодежных проектов.

5. Представители Узбекистана в своих выступлениях акцентируют внимание прежде всего на проблемах безопасности, таких как терроризм, транснациональная преступность и наркотрафик, однако важным для них направлением развития в самом начале функционирования организации является экономическая кооперация. В список проблем постепенно добавляется потенциальная угроза из Афганистана и последствия экономического кризиса. Экономические проекты сходны по своей сути и с другими, предлагаемыми членами организации. Это формирование общей транспортной, информационной сетей и усовершенствование инфраструктуры. По этой причине в выступлениях лидера Узбекистана часто звучит риторика поддержки «Экономического пояса шелкового пути». И здесь необходимо отметить, что «и Казахстан, и Узбекистан продолжают неявное соперничество за региональное лидерство» [**29**: 66], что создает дополнительные проблемы в рамках решения тех или иных вопросов в рамках ШОС.

Очень интересной предложение о необходимости переосмысления в рамках ШОС переосмысления проблемы радикального Ислама, а именно с помощью создания комиссии по Исламу. Однако помимо этого, важнейшими направлениями развития, которые рассматривает Узбекистан являются всё-таки экономические вопросы.

6. Киргизия также солидарна в своём видении проблем с остальными государствами организации. Для них - это терроризм, сепаратизм, экстремизм и наркотрафик. После экономического кризиса они также выделяют необходимость формирования координационных механизмов для борьбы с последствиями экономического кризиса и содействия экономическому развитию. Среди перспектив они выделяют создание координационного центра ШОС, фонда ШОС, банка развития ШОС и прочих структур, необходимых для укрепления экономических и финансовых связей. Следует отметить, что из всех государств-членов ШОС лишь Киргизия попыталась на практике опробовать механизм коллективной безопасности в ходе событий 2010 г. Однако, «несмотря на отработку практических навыков по ликвидации стремящихся к смене государственной власти банд-формирований, на практике ни ОДКБ, ни ШОС не отозвались на призыв Киргизии ввести контингенты в ходе революционных событий в этой стране весной и летом 2010 г., объяснив это нежеланием вмешиваться во внутренние дела государства». [**30**: 46]

7. Для Индии, по словам вице-президента Исследовательского фонда "Обсервер" Нандана Унникришнана, изначально приоритетны следующие факторы. Возможность ШОС внести вклад в региональное экономическое развитие в Евразии. Что даст возможность и самой Индии реализовать часть своих проектов. Важна деятельность ШОС в вопросах решения проблемы международного терроризма и новый подход к проблеме двусторонних пакистано-индийских отношений. Также у Индии в виду регулярного взаимодействия со странами Центральной Азии появится реальная возможность повысить свой статус и углубить культурные и гуманитарные связи с центрально-азиатским регионом.

8. Для Пакистана также огромную роль играет возможность решения проблем безопасности в регионе, в частности, проблемы Афганистана. Также Пакистан активно развивает экономическое сотрудничество с Китаем, особенно в рамках проекта "Один пояс — один путь", где основные китайские инвестиции связаны именно с Пакистаном. Что касается, неразрешенных проблем между Индией и Пакистаном, то обе страны предполагают, что после вхождения в ШОС в рамках этой организации возможно ведение продуктивного диалога.

Таким образом, проведенный анализ позволяет продемонстрировать, что данная организация в полной мере готова взять на себя обязательства по решению целого ряда проблем как регионального, так и глобального характера. По целому ряду проблем современной мировой политики, таким как ядерное нераспространение, нарушение суверенитета, энергетическая безопасность, распространение наркотиков и оружия, терроризм, сепаратизм, экстремизм, возникновение межэтнических и межконфессиональных и др. конфликтов, выравнивание уровней социально-экономического развития, устойчивость экономики, плохая экология, информационная уязвимость, сохранение культурного разнообразия, соблюдение норм международного права, борьба с бедностью, распространение инфекционных заболеваний, техногенные катастрофы, незаконная миграция и нарушение прав человека государства-участники ШОС выражают консолидированную официальную позицию. Угрозы воспринимаются государствами практически одинакового и средства для их разрешения тоже являются схожими, что показывает устойчивость организации и сплоченность внутри неё.

Взаимодействие в рамках ШОС производно от общности политических представлении и близости видения путей обеспечения безопасности государствами-участниками. В основе их объединения лежат общие положения, связанные с необходимостью формирования многополярной системы международных отношений и признания верховенства государственного суверенитета. Данные позиции следует рассматривать в качестве базовых для решения проблем региональной безопасности и сближения в рамках ШОС.

Список литературы

1. Interview: Kyrgyz president upbeat on SCO's prospects // People.com.cn – 5 b.kz 2006 – Режим доступа: http://en.people.cn/200606/08/eng20060608_271935.html - Дата обращения: 20.08.2018

2. Interview: SCO becomes influential international group - Kyrgyz president Official Website of SCO Summit 2012 – Режим доступа: http://www.scosummit2012.org/english/2012-06/04/c_131629817.htm // - Дата обращения: 20.08.2018

3. Interview: SCO is an important instrument for stability, development: Chinese ambassador to Russia // Xinhua News - 12 сентября 2014 – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-09/12/c_133637897.htm - Дата обращения: 20.08.2018

4. А. Атамбаев: необходимо сообща бороться с угрозой «трёх зол» // Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014-2015 годах - 30 июня 2015 – Режим доступа: http://sco-russia.ru/news/20150630/1013490676.html - Дата обращения: 20.08.2018

5. А. Атамбаев: ШОС необходим действенный финансовый механизм // ИТАР-ТАСС - 6 июля 2015 – Режим доступа: http://tass.ru/opinions/interviews/2095678 - Дата обращения: 20.08.2018

6. Алимов: государства ШОС будут развивать сотрудничество в транспортной сфере. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5667828

7. Аскар Акаев рвется домой и мечтает о научной работе // Радио Азаттык: 14 июля 2005 – Режим доступа: http://rus.azattyk.org/archive/ky_news_in_russian_ru/20050919/4795/4795.html?id=2428226 - Дата обращения: 20.08.2018

8. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005.

9. Владимир Путин: сам факт взаимодействия Китая и РФ - фактор стабильности в мировых делах. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3389739

10. Выступление В. В. Путина и И.А. Каримова в Душанбе // Youtube – 12 сентября 2014 / Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=bgkALaqw8Rk - Дата обращения: 20.08.2018

11. Выступление на встрече с Премьер-министрами ШОС // Сайт Президента Республики Таджикистан - 21 ноября 2010 – Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/2296 - Дата обращения: 20.08.2018

12. Выступление на заседании совета глав государств-членов ШОС // Сайт Президента Республики Таджикистан – 13 сент. 2015 - Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/5106 - Дата обращения: 20.08.2018

13. Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заседании Совета глав государств ШОС в расширенном составе // Посольство Республики Узбекистан в Кыргызской Республике - 11 июня 2010 – Режим доступа: http://uzbekistan.kg/press/press265.htm - Дата обращения: 20.08.2018

14. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече глав государств Шанхайской организации сотрудничества // Сайт Президента Российской Федерации – 7 июня 2002 – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21927 - Дата обращения: 20.08.2018

15. Глава МИД КНР: Китай и Россия противостоят гегемонии и политике силы. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/5383917

16. Ерлан Идрисов: ШОС необходимо усилить взаимодействие с ЕАЭС. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3366129

17. И.А Каримов. Выступление на саммите БРИКС и ШОС // Журнал «Экономическое обозрение» - Режим доступа: http://review.uz/index.php/novosti-main/item/3545-tekst-vystupleniya-prezidenta-uzbekistana-na-sammite-shos - Дата обращения: 20.08.2018

18. Из интервью Президента Кыргызской Республики К. Бакиева агентству РИА Новости // Организация Договора о коллективной безопасности – 5 мая 2012 – Режим доступа: http://odkb-csto.org/information/detail.php?ELEMENT_ID=138 - Дата обращения: 20.08.2018

19. Интервью А. Атамбаева агентству ТАСС // Сайт президента Кыргызстана / Режим доступа: http://www.president.kg/ru/news/intervju/6187_tekst_intervyu_prezidenta_kyirgyizskoy_respubliki_almazbeka_atambaeva_informatsionnomu_agentstvu_tass. Дата обращения: 20.08.2018

20. Интервью Н. Назарбаева китайским СМИ // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации – 12 мая 2006 – Режим доступа: http://kazembassy.ru/ru/posol/oficialnayaastana/vistupleniaprezidentark/285-visgoslic104 - Дата обращения: 20.08.2018

21. Интервью Первого заместителя министра иностранных дел Таджикистана газете Asia-Plus // Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации – 15 сент. 2015 -Режим доступа: http://tajembassy.ru/ru/press/news/10-politika/129-intervyu-pervogo-zamestitelya-ministra-inostrannykh-del-respubliki-tadzhikistan-rakhmon-ozody-emomali - Дата обращения: 20.08.2018

22. Интервью президента Киргизии Курманбека Бакиева // Zakon.kz –-5 b.kz 2007 - http://www.zakon.kz/4465161-intervju-prezidenta-kirgizii-kurmanbeka.html - Дата обращения: 20.08.2018

23. Интервью Президента Кыргызской Республики Алмазбека Атамбаева МТРК «Мир» // Сайт Президента Кыргызской Республики – 14 сент. 2015 – Режим доступа: http://www.president.kg/ru/news/1707_stenogramma_intervyu_prezidenta_kyirgyizskoy_respubliki_almazbeka_atambaeva_mtrk_mir - Дата обращения: 20.08.2018

24. Интервью президента республики Таджикистан Эмомали Рахмона китайским журналистам // Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» - 5 июля 2007 – Режим доступа: http://khovar.tj/rus/archive/313-intervyu-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-kitayskim-zhurnalistam.html - Дата обращения: 20.08.2018

25. Интервью Ху Цзиньтао ведущим СМИ стран Шанхайской организации сотрудничества // "ИнфоШОС.Ру" - 06.06.2012 – Режим доступа: http://infoshos.ru/ru/?idn=10022 - Дата обращения: 20.08.2018

26. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Узбекистана в России Зиядулла Пулатходжаева // ИнфоШОС – 28 августа 2011 -Режим доступа: http://infoshos.ru/ru/?idn=8728 - Дата обращения: 20.08.2018

27. Колдунова Е., Дас Кунду Н. Роль России в ШОС и Центральной Азии: вызовы и возможности. Международный дискуссионный клуб «Валдай». М. 2014.

28. Курманбек Бакиев: Создание ШОС одно из самых значимых событий начала XXI века // ИнфоШОС – 28 августа 2008 – Режим доступа: http://infoshos.ru/ru/?idn=2713 - Дата обращения: 20.08.2018

29. МИД КНР: Банк развития ШОС не противоречит стратегиям БРИКС и АИВ // РИА Новости - 10.07.2015 – Режим доступа: https://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html - Дата обращения: 20.08.2018

30. Муминова Ф. Республика Таджикистан и экономическое сотрудничество в рамках ШОС // Ежегодник ИМИ – 2015 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска А.Д. Дикарев, А.В. Лукин. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 2 (12).

31. Н. Назарбаев перечислил нерешенные проблемы между странами ШОС // Forbes. Kazakhstan - 12 сентября 2014 – Режим доступа: http://forbes.kz/process/nazarbaev_perechislil_nereshennyie_problemyi_mejdu_stranami_shos - Дата обращения: 20.08.2018

32. Н. Назарбаев. Встреча с лидерами БРИКС // "Zakon.kz" - 10 июля 2015 -Режим доступа: http://www.zakon.kz/4726990-nazarbaev-vozmozhnosti-eajes-shos-i.html - Дата обращения: 20.08.2018

33. Нафис Закария: Исламабад готов сотрудничать с Москвой в соответствии с "шанхайским духом". – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3354862

34. Никитин А.И. Сотрудничество ШОС с ОДКБ и другими международными организациями // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин,19–21мая 2008 г.). Под редакцией А.В. Лукина. Москва. МГИМО – Университет.2008.

35. Никитина Ю. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс Безопасности. № 2 (97), Том 17.

36. Нурсултан Назарбаев: мы будем обсуждать в Ташкенте вопросы дальнейшего развития. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3393836

37. От Великой до Кремлевской: десять лет стратегического партнерства России и Китая. Интервью китайского лидера // Российская газета – 31 мая 2006 – Режим доступа: http://www.rg.ru/2006/05/31/kitay.html - Дата обращения: 20.08.2018

38. Ответы на вопросы журналистов по завершении заседания Совета глав государств – членов ШОС // Сайт Президента Российской Федерации – 28 августа 2008 – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1242 - Дата обращения: 20.08.2018

39. Отунбаева назвала промахи ШОС // Tengri News – 15 июня 2011 - Режим доступа: http://tengrinews.kz/sng/otunbaeva-nazvala-promahi-shos--190604/ - Дата обращения: 20.08.2018

40. Панкадж Саран: отношения России и Индии являются примером партнерства. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3539245

41. Президент Киргизии: сотрудничество с Россией имеет особую значимость. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/5195365

42. Пресс-конференция по итогам саммитов ШОС и БРИКС // Russia Today. (10 июля 2015). – Режим доступа: http://russian.rt.com/article/102551. - Дата обращения: 20.08.2018

43. Путин: новые страны помогут ШОС решить международные проблемы // Спутник. Таджикистан – 23 июня 2016 – Режим доступа: http://ru.sputnik-tj.com/asia/20160623/1019963980.htm - Дата обращения: 20.08.2018

44. Путин: ШОС нужна не для противостояния, а для прогресса. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/2426945.html

45. Рашид Алимов: сотрудничество между ООН и ШОС выходит на новую траекторию. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3787840

46. Рашид Алимов: борьба с угрозами региональной и глобальной безопасности – главная цель ШОС. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/3202936

47. Реализация и усиление "шанхайского духа", формирование новых подходов сотрудничества. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/06/03/interviu-posla-knr-v-rf-li-hueia-v-preddverii-sammita-shos-v-cindao.html

48. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования. Под редакцией И. Молодиковой и Ф. Дювеля. М. Университетская книга. 2009.

49. Шанхайская организация сотрудничества сегодня: взгляд из Душанбе. Под общей редакцией С. Аслова. Душанбе. 2014.

50. Шулян Е. Шанхайская организация сотрудничества: активность Китая в региональной политике // Уральское востоковедение. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — Вып. 4.

51. Э. Рахмон: ШОС показала миру свою состоятельность // Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» - 20.10.2015 – Режим доступа: http://khovar.tj/old/rus/archive/300-emomali-rahmon-shos-pokazala-vsemu-miru-svoyu-sostoyatelnost.html - Дата обращения: 20.08.2018

52. Эксклюзивное интервью Министра иностранных дел Казахстана Ержана Казыханова агентству Синьхуа в преддверии Саммита ШОС в Пекине // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации – Режим доступа: http://kazembassy.ru/en/posolen/oficialnaya-astanaen/vistupleniagosudlicen163-visgoslic3 - Дата обращения: 20.08.2018

Список Деклараций Шанхайской организации сотрудничества

1. Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2011 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=474

2. Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 13 сентября 2013 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=699

3. Бишкекская декларация от 16 августа 2007 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=111

4. Декларация глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества от 7 июня 2002 года. – Режим доступа:http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=91

5. Декларация глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества от 16 июня 2003 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=94

6. Декларация глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества от 5 июля 2005 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=98

7. Декларация глав-государств Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания от 7 июня 2012 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=646

8. Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 11 июня 2010 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=39511.

9. Декларация о создании ШОС от 6 июня 2001 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83

10. Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества от 6 июня 2006 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=108

11. Душанбинская декларация 2008 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=11

12. Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 10 июля 2014 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/2014.asp

13. Екатеринбургская декларация 2009 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=230

14. Ташкентская декларация глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества от 17 июня 2004 года. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=96

15. Уфимская декларация. – Режим доступа: sco-russia.ru/load/1013640909

16. Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – Режим доступа: http://rus.sectsco.org/load/442935/

MAIN CONCLUSIONS OF THE CONTENT ANALYSIS OF SCO MEMBER-STATES' NARRATIVE BEFORE INDIA AND PAKISTAN JOINING

The article explores the member countries' narrative development within the Shanghai Cooperation Organization applying the method of content analysis. Declarations of the Shanghai Cooperation Organization, speeches of SCO secretaries-general and interviews of the political leaders of the SCO countries were used for the study. The author identifies both general and distinctive features of the activities of each participating country within the Organization. It is noted that at the dawn of the SCO activity more attention was paid to the security issues, namely, on countering terrorism, separatism and extremism, and solving cross-border problems. Over time and with changes in the global environment, namely, after the crisis of 2008, China paid more attention to the development of economic cooperation within the Organization, which was transferred to the Central Asian republics' narrative as well. Russia remains the only country placing the development of military and political cooperation in the SCO on the predominant place.

Keywords: SCO, content analysis, Russia, China, Central Asia, regional cooperation, security,

References

1. Kyrgyz president upbeat on SCO's prospects//People.com.cn – 5 b.kz 2006. Retrieved 20.08.2018 from http://en.people.cn/200606/08/eng20060608_271935.html.

2. Interview: SCO becomes influential international group - Kyrgyz president Official Website of SCO Summit 2012. Retrieved 20.08.2018 from http://www.scosummit2012.org/english/2012-06/04/c_131629817.htm//.

3. Interview: SCO is an important instrument for stability, development: Chinese ambassador to Russia//Xinhua News - on September 12, 2014. Retrieved 20.08.2018 from http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-09/12/c_133637897.htm.

4. A. Atambaev: neobhodimo soobshcha borot'sya s ugrozoj «tryoh zol» [A. Atambayev: it is necessary to fight together against the threat of "three evils"] // Sajt predsedatel'stva Rossijskoj Federacii v Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v 2014-2015 godah - 30 iyunya 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://sco-russia.ru/news/20150630/1013490676.html.

5. Atambaev: SHOS neobhodim dejstvennyj finansovyj mekhanizm [SCO needs an effective financial mechanism] // ITAR-TASS - 6 iyulya 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://tass.ru/opinions/interviews/2095678.

6. Alimov: gosudarstva SHOS budut razvivat' sotrudnichestvo v transportnoj sfere [Alimov: the SCO states will develop cooperation in the transport sphere]. Retrieved from https://tass.ru/ekonomika/5667828.

7. Askar Akaev rvetsya domoj i mechtaet o nauchnoj rabote [Askar Akayev seeks home and dreams of scientific work] // Radio Azattyk: 14 iyulya 2005. Retrieved 20.08.2018 from http://rus.azattyk.org/archive/ky_news_in_russian_ru/20050919/4795/4795.html?id=2428226.

8. Borishpolec, K.P. (2005). Metody politicheskih issledovanij [Methods of political research]. M.: Aspekt Press, 2005.

9. Vladimir Putin: sam fakt vzaimodejstviya Kitaya i RF - faktor stabil'nosti v mirovyh delah [Vladimir Putin: the fact of interaction of China and the Russian Federation is a stability factor in world affairs]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3389739

10. Vystuplenie V. V. Putina i I.A. Karimova v Dushanbe [V.V. Putin's and I.A. Karimov's speeches in Dushanbe] // Youtube – 12 sentyabrya 2014. Retrieved 20.08.2018 from http://www.youtube.com/watch?v=bgkALaqw8Rk.

11. Vystuplenie na vstreche s Prem'er-ministrami SHOS [Speech at the meeting of SCO Prime ministers] // Sajt Prezidenta Respubliki Tadzhikistan - 21 noyabrya 2010. Retrieved 20.08.2018 from http://www.prezident.tj/ru/node/2296.

12. Vystuplenie na zasedanii soveta glav gosudarstv-chlenov SHOS [Speech at the board meeting of the heads of SCO states] // Sajt Prezidenta Respubliki Tadzhikistan – 13 sent. 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://www.prezident.tj/ru/node/5106.

13. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Islama Karimova na zasedanii Soveta glav gosudarstv SHOS v rasshirennom sostave [Speech of the President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov at the board meeting of the heads of SCO states in expanded format]// - 11 iyunya 2010. Retrieved 20.08.2018 from http://uzbekistan.kg/press/press265.htm.

14. Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina na vstreche glav gosudarstv SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Speech of the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the meeting of the heads of SCO states] // Sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii – 7 iyunya 2002. Retrieved from http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21927.

15. Glava MID KNR: Kitaj i Rossiya protivostoyat gegemonii i politike sily [Foreign Minister of the People's Republic of China: China and Russia resist to hegemony and strong-arm tactics]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/5383917.

16. Erlan Idrisov: SHOS neobhodimo usilit' vzaimodejstvie s EAEHS [Erlan Idrisov: SCO needs to strengthen interaction with EEU]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3366129.

17. Karimov, I.A. Vystuplenie na sammite BRIKS i SHOS [Speech at the BRICS and SCO Summit] // ZHurnal «EHkonomicheskoe obozrenie». Retrieved 20.08.2018 from http://review.uz/index.php/novosti-main/item/3545-tekst-vystupleniya-prezidenta-uzbekistana-na-sammite-shos.

18. Iz interv'yu Prezidenta Kyrgyzskoj Respubliki K. Bakieva agentstvu RIA Novosti [From the interview of the President of the Kyrgyz Republic K. Bakiyev to RIA Novosti news agency] // Organizaciya Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti – 5 maya 2012. Retrieved 20.08.2018 from http://odkb-csto.org/information/detail.php?ELEMENT_ID=138.

19. Interv'yu A. Atambaeva agentstvu TASS [A. Atambayev's interview to the TASS agency] // Sajt prezidenta Kyrgyzstana. Retrieved from: http://www.president.kg/ru/news/intervju/6187_tekst_intervyu_prezidenta_kyirgyizskoy_respubliki_almazbeka_atambaeva_informatsionnomu_agentstvu_tass.

20. Interv'yu N. Nazarbaeva kitajskim SMI [N. Nazarbayev's interview to the Chinese media]. Retrieved 20.08.2018 from http://kazembassy.ru/ru/posol/oficialnayaastana/vistupleniaprezidentark/285-visgoslic104.

21. Interv'yu Pervogo zamestitelya ministra inostrannyh del Tadzhikistana gazete Asia-Plus [Interview of the First Deputy Minister of Foreign Affairs of Tajikistan to the Asia-Plus newspaper] // Posol'stvo Respubliki Tadzhikistan v Rossijskoj Federacii – 15 sent. 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://tajembassy.ru/ru/press/news/10-politika/129-intervyu-pervogo-zamestitelya-ministra-in-ostrannykh-del-respubliki-tadzhikistan-rakhmon-ozody-emomali.

22. Interv'yu prezidenta Kirgizii Kurmanbeka Bakieva [An interview of the President of Kyrgyzstan Kurmanbek Bakiev] // Zakon.kz –—5 b.kz 2007. Retrieved 20.08.2018 from http://www.zakon.kz/4465161-intervju-prezidenta-kirgizii-kurmanbeka.html.

23. Interv'yu Prezidenta Kyrgyzskoj Respubliki Almazbeka Atambaeva MTRK «Mir» [An interview of the President of the Kyrgyz Republic Almazbek Atambayev to MTRK "World"] // Sajt Prezidenta Kyrgyzskoj Respubliki – 14 sent. 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://www.president.kg/ru/news/1707_stenogramma_intervyu_prezidenta_kyirgyizskoy_respubliki_almazbeka_atambaeva_mtrk_mir.

24. Interv'yu prezidenta respubliki Tadzhikistan EHmomali Rahmona kitajskim zhurnalistam [An interview of the President of the Republic of Tajikistan Emomalii Rahmon to the Chinese journalists] // Nacional'noe informacionnoe agentstvo Tadzhikistana «Hovar» - 5 iyulya 2007. – Retrieved 20.08.2018 from http://khovar.tj/rus/archive/313-intervyu-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-kitayskim-zhurnalistam.html.

25. Interv'yu Hu Czin'tao vedushchim SMI stran SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Hu Jintao's interview to the leading media of the countries of the Shanghai Cooperation Organization] // - 06.06.2012. Retrieved 20.08.2018 from http://infoshos.ru/ru/?idn=10022.

26. Interv'yu CHrezvychajnogo i Polnomochnogo Posla Uzbekistana v Rossii Ziyadulla Pulathodzhaeva [An interview of the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Uzbekistan in Russia Ziyadull Pulatkhodzhayev] // InfoSHOS – 28 avgusta 2011. Retrieved 20.08.2018 from http://infoshos.ru/ru/?idn=8728.

27. Koldunova E., Das Kundu N. Rol` Rossii v SHOS i Central`noj Azii: vyzovy i vozmozhnosti [Russia's role in the SCO and Central Asia: challenges and opportunities]. Mezhdunarodnyj diskussionnyj club «Valdaj». M. 2014.

28. Kurmanbek Bakiev: Sozdanie SHOS odno iz samyh znachimyh sobytij nachala XXI veka [Kurmanbek Bakiev: Creation of SCO is one of the most significant events of the beginning of the 21st century] // InfoSHOS – 28 avgusta 2008. Retrieved 20.08.2018 from http://infoshos.ru/ru/?idn=2713.

29. MID KNR: Bank razvitiya SHOS ne protivorechit strategiyam BRIKS i AIIB [The development bank of SCO does not contradict the strategy of BRICS and AIIB] // RIA Novosti - 10.07.2015. Retrieved 20.08.2018 from https://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html.

30. Muminova, F. (2015). Respublika Tadzhikistan i ehkonomicheskoe sotrudnichestvo v ramkah SHOS [The Republic of Tajikistan and economic cooperation within SCO] // Ezhegodnik IMI – 2015 / Gl. red. A.A. Orlov, red. vypuska A.D. Dikarev, A.V. Lukin. – M.: MGIMO-Universitet, 2015. Vyp. 2 (12).

31. N. Nazarbaev perechislil nereshennye problemy mezhdu stranami SHOS [N. Nazarbayev enumerated unresolved problems among SCO countries] // Forbes.Kazakhstan - 12 sentyabrya 2014. Retrieved 20.08.2018 from http://forbes.kz/process/nazarbaev_perechislil_nereshennyie_problemyi_mejdu_stranami_shos.

32. N. Nazarbaev. Vstrecha s liderami BRIKS [N. Nazarbayev. A meeting with BRICS leaders] // "Zakon.kz" - 10 iyulya 2015. Retrieved 20.08.2018 from http://www.zakon.kz/4726990-nazarbaev-vozmozhnosti-eajes-shos-i.html.

33. Nafis Zakariya: Islamabad gotov sotrudnichat' s Moskvoj v sootvetstvii s "shanhajskim duhom" [Nafis Zachariah: Islamabad is ready to cooperate with Moscow according to "the Shanghai spirit"]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3354862

34. Nikitin, A.I. (2008). Sotrudnichestvo SHOS s ODKB i drugimi mezhdunarodnymi organizaciyami [Cooperation of SCO with the CSTO and other international organizations] // SHanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: ot stanovleniya k vsestoronnemu razvitiyu (materialy Tret'ego zasedaniya Foruma SHOS, Kitaj, g. Pekin,19–21maya 2008 g.). Pod redakciej A.V. Lukina. Moskva. MGIMO – Universitet.

35. Nikitina, YU. ODKB i SHOS kak modeli vzaimodejstviya v sfere regional'noj bezopasnosti [CSTO and SCO as interaction models in the sphere of regional security] // Indeks Bezopasnosti. № 2 (97), Tom 17.

36. Nursultan Nazarbaev: my budem obsuzhdat' v Tashkente voprosy dal'nejshego razvitiya

[Nursultan Nazarbayev: we will discuss issues of further development in Tashkent]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3393836.

37. Ot Velikoj do Kremlevskoj: desyat' let strategicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya. Interv'yu kitajskogo lidera [From the Great Wall to the Kremlin one: ten years of strategic partnership of Russia and China. An interview of the Chinese leader] // Rossijskaya gazeta – 31 maya 2006. Retrieved 20.08.2018 from http://www.rg.ru/2006/05/31/kitay.html.

38. Otvety na voprosy zhurnalistov po zavershenii zasedaniya Soveta glav gosudarstv – chlenov SHOS [Answers to questions of journalists at the end of the the board meeting of the heads of SCO states] // Sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii – 28 avgusta 2008. Retrieved 20.08.2018 from http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1242.

39. Otunbaeva nazvala promahi SHOS [Otunbayeva named misses of SCO] // Tengri News – 15 iyunya 2011. Retrieved 20.08.2018 from http://tengrinews.kz/sng/otunbaeva-nazvala-promahi-shos--190604/.

40. Pankadzh Saran: otnosheniya Rossii i Indii yavlyayutsya primerom partnerstva [Pankaj Saran: the relations of Russia and India are an example of partnership]. Retrieved 20.08.2018 from https://tass.ru/interviews/3539245.

41. Prezident Kirgizii: sotrudnichestvo s Rossiej imeet osobuyu znachimost' [President of Kyrgyzstan: cooperation with Russia is of special importance]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/5195365.

42. Press-konferenciya po itogam sammitov SHOS i BRIKS [A press conference following the results of the summits of SCO and BRICS] // Russia Today. (10 iyulya 2015). Retrieved 20.08.2018 from http://russian.rt.com/article/102551.

43. Putin: novye strany pomogut SHOS reshit' mezhdunarodnye problem [Putin: new countries will help SCO to solve international problems] // Sputnik. Tadzhikistan – 23 iyunya 2016. Retrieved 20.08.2018 from http://ru.sputnik-tj.com/asia/20160623/1019963980.htm.

44. Putin: SHOS nuzhna ne dlya protivostoyaniya, a dlya progressa [Putin: we need SCO not for opposition but for progress]. Retrieved from https://regnum.ru/news/2426945.html.

45. Rashid Alimov: cotrudnichestvo mezhdu OON i SHOS vyhodit na novuyu traektoriyu [Rasheed Alimov: cooperation between the UN and SCO comes to a new trajectory]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3787840.

46. Rashid Alimov: bor'ba s ugrozami regional'noj i global'noj bezopasnosti – glavnaya cel' SHOS [Rasheed Alimov: fight against threats of regional and global security is the main goal of SCO]. Retrieved from https://tass.ru/interviews/3202936.

47. Realizaciya i usilenie "shanhajskogo duha", formirovanie novyh podhodov sotrudnichestva [Realization and strengthening of the "Shanghai spirit", formation of new approaches to cooperation]. Retrieved from https://rg.ru/2018/06/03/interviu-posla-knr-v-rf-li-hueia-v-preddverii-sammita-shos-v-cindao.html.

48. Tranzitnaya migraciya i tranzitnye strany: teoriya, praktika i politika regulirovaniya [Transit migration and transit countries: theory, practice and policy of regulation.] (2009). Pod redakciej I. Molodikovoj i F. Dyuvelya.M. Universitetskaya kniga.

49. SHanhajskaya organizaciya sotrudnichestva segodnya: vzglyad iz Dushanbe [Shanghai Cooperation Organization today: a vision from Dushanbe] (2014). Pod obshchej redakciej S. Aslova. Dushanbe.

50. SHulyan, E. (2011). SHanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: aktivnost' Kitaya v regional'noj politike [Shanghai Cooperation Organization: activity of China in regional policy] // Ural'skoe vostokovedenie. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Vyp. 4.

51. EH. Rahmon: SHOS pokazala miru svoyu sostoyatel'nost' [E. Rahmon: SCO showed to the world its solidity] // Nacional'noe informacionnoe agentstvo Tadzhikistana «Hovar» - 20.10.2015. Retrieved 20.08.2018 from http://khovar.tj/old/rus/archive/300-emomali-rahmon-shos-pokazala-vsemu-miru-svoyu-sostoyatelnost.html.

52. EHksklyuzivnoe interv'yu Ministra inostrannyh del Kazahstana Erzhana Kazyhanova agentstvu Sin'hua v preddverii Sammita SHOS v Pekine [An exclusive interview of the Minister of

Foreign Affairs of Kazakhstan Yerzhan Kazykhanov to the Xinhua agency in the run-up to the Summit of SCO in Beijing]. Retrieved 20.08.2018 from http://kazembassy.ru/en/posolen/oficialna-yaastanaen/vistupleniagosudlicen163-visgoslic3.

List of Declarations of the Shanghai Cooperation Organization

1. Astaninskaya deklaraciya desyatiletiya SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 15 iyunya 2011 goda [Astana declaration of the decade of the Shanghai Cooperation Organization of June 15, 2011]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=474

2. Bishkekskaya deklaraciya glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 13 sentyabrya 2013 goda [Bishkek declaration of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of September 13, 2013]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=699.

3. Bishkekskaya deklaraciya ot 16 avgusta 2007 goda [Bishkek declaration of August 16, 2007]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=111.

4. Deklaraciya glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva ot 7 iyunya 2002 goda [Declaration of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of of June 7, 2002]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=91.

5. Deklaraciya glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva ot 16 iyunya 2003 goda [Declaration of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of June 16, 2003]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=94.

6. Deklaraciya glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva ot 5 iyulya 2005 goda [Declaration of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of July 5, 2005]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=98.

7. Deklaraciya glav-gosudarstv SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva o postroenii regiona dolgosrochnogo mira i sovmestnogo procvetaniya ot 7 iyunya 2012 goda [Declaration of the heads of states of the Shanghai Cooperation Organization on creation of the region of the long-term peace and joint prosperity of June 7, 2012]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=646

8. Deklaraciya desyatogo zasedaniya Soveta glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 11 iyunya 2010 goda [Declaration of the tenth board meeting of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of June 11, 2010]. Retrieved from: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=39511.

9. Deklaraciya o sozdanii SHOS ot 6 iyunya 2001 goda [Declaration on creation of SCO of June 6, 2001]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83.

10. Deklaraciya pyatiletiya SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 6 iyunya 2006 goda [Declaration of the fifth anniversary of the Shanghai Cooperation Organization of June 6, 2006]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=108.

11. Dushanbinskaya deklaraciya 2008 goda [Dushanbe declaration of 2008]. – Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=11.

12. Dushanbinskaya deklaraciya glav gosudarstv – chlenov SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 10 iyulya 2014 goda [Dushanbe declaration of the heads of member states of the Shanghai Cooperation Organization from July 10, 2014]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/2014.asp.

13. Ekaterinburgskaya deklaraciya 2009 goda [Ekaterinburg declaration of 2009]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=230.

14. Tashkentskaya deklaraciya glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva ot 17 iyunya 2004 goda [Tashkent declaration of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states of June 17, 2004]. Retrieved from http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=96.

15. Ufimskaya deklaraciya [Ufa declaration]. Retrieved from sco-russia.ru/load/1013640909

16. Cindaoskaya deklaraciya Soveta glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Qingdao declaration of the board meeting of the heads of the Shanghai Cooperation Organization states]. Retrieved from http://rus.sectsco.org/load/442935/.

Об авторе

Колегова Оксана Юрьевна – соискатель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, старший преподаватель 4-ой кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Kolegova Oksana Yurevna – Doctoral Candidate of the Department of Political Studies and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Senior Lecturer of the 4th Department of English of Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia

УДК 942.073

Колмаков М.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОБЕРТА УОЛПОЛА В 1730-1736 ГОДАХ

В статье рассматривается влияние налоговой политики премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола на социальные слои британского общества в 1730-1736 гг. Глава правительства предлагал палате общин провести ряд налоговых реформ для пополнения бюджета страны. Уолпол, заручившись поддержкой вигов в парламенте из числа крупных английских землевладельцев, уменьшил налог на землю и попытался ввести акциз на подавляющее число английских товаров. Но акцизную схему Уолпола не поддержала оппозиция, корона и подавляющее большинство населения страны. В результате акцизный проект решено было заменить налогом на алкогольную продукцию. Однако высокий налог на спиртные напитки, введенный в 1736 г., не прибавил Уолполу популярности.
Ключевые слова: налог, акциз, пошлина, таможня, парламент, виги, тори, палата общин, Р. Уолпол, оппозиция.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-73-82

Проводя политику мира и максимального благоприятствования коммерции и торговле, Уолпол ставил себе целью снижение накопленного за бурный период войн рубежа XVII–XVIII вв. государственного долга. Ради этого им была предложена и реализована идея амортизационного фонда – накопления излишков денег в бюджете на досрочное покрытие займов. Фонд достиг своей цели и помог уменьшить долг страны за несколько лет. Средства фонда Уолпол использовал и на покрытие текущих расходов: например, в 1727 г. прибавка к цивильному листу состоялась из его средств [2, с. 13-29].

В связи с этим возникает вопрос - откуда брал деньги Уолпол для финансирования своей власти и к каким политическим манёврам прибегал, чтобы достичь поставленной цели?

В начале XVIII в. в Англии практиковались три типа налогов: пошлины, земельный налог и акцизы. Так как пошлины собирались со средневековья, англичане относились к ним как к чему-то привычному. Земельный налог также имел давнюю историю и собирался с XIV в., но самым выгодным для правительства являлся акцизный налог, который был неподвластен влиянию внешней конъюнктуры и собирался профессиональными бюрократами, а значит более эффективно [17, p. 24-25].

Одновременно в Великобритании акциз считался, по выражению знаменитого английского писателя XVIII в. Уильяма Карра, «проклятым налогом, придуманным негодяями» [8, p. 331]. А в XX в. современный американский исследователь Чарльз Адамс заметил по этому поводу, что «английская ненависть к акцизам граничит с безумием, потому что на самом деле этот налог имеет много достоинств, им можно обложить товары не первой необходимости и избавить бедняков от его уплаты. Его легко собирать, потому что достаточно контролировать только торговцев. Но англичане не видели этих достоинств. Для них акциз означал ущемление свободы» [1, с. 320].

И когда британский премьер-министр Роберт Уолполв 1723 г. предложил парламенту ввести акцизы на чай и кофе, один из его членов возмутился: «Мы что, должны пожертвовать английскими правами и свободами ради того, чтобы избежать некоторого снижения государственных доходов?» [9, p. 300] Подобные мнения сделались основными в английском общества и имели, конечно, большое влияние на главу министерства.

Но Уолпол видел свою задачу в удовлетворении интересов землевладельцев, освобождая их от налогов и представляя возможность зарабатывать больше денег. Тогда Уолпол начал осуществлять на практике планы непопулярные в английском обществе, но выгодные для крупных землевладельцев. И первым важным шагом в этом направлении было возобновление в 1732 г. налога на соль.

Налог на соль был всегда самым востребованным среди прочих акцизов и таможенных пошлин (10 пенсов на галлон с привезенной соли). Но одновременно он тяжело давил на бедные слои, повышая цену на этот необходимый для всех продукт. Кроме того, он наносил существенный ущерб многим важным фабрикациям, таким, как стеклянная. Налог мешал также рыболовству, столь необходи-

мому не только для экономики, но и для морских сил страны [9, p. 335].

В 1729 г. бюджет был очень благоприятный, но в обществе и парламенте среди общих жалоб раздавались голоса за уничтожение налога на соль. В результате из-за негативной реакции общественности прошёл билль о прекращении акциза и таможенной пошлины на соль, начиная с рождества 1730 г. Но это противоречило планам Уолпола, он не собирался покончить с соляным налогом навсегда. Администрация соляного ведомства не была распущена. Под предлогом того, чтобы не лишать целую массу чиновников жалованья, Уолпол своим указом продлил её содержание ещё на полтора года. Прежде чем срок истёк, министерство занялось восстановлением налога [9, p. 335].

К 1731 г. Позиции Уолпола в парламенте стали колебаться. Он считал: нужно усилить группировку вигов, полагая, что: «необходимо войти в большую милость у землевладельцев» [9, p. 336]. А для этого стоило понизить поземельный налог с 3 на 1 шил. с фунта и заменить его старым налогом на соль.

Чтобы не вредить поземельному и торговому интересу, он советовал, отступая от прежнего плана, наложить одну часть податной тягости на акциз, а другую на таможенные пошлины и притом в первом случае разложить акциз на большее число товаров, чтобы не наносить ущерба одной какой-либо отрасли, в том числе, и промышленной. Уолпол считал: «акциз должен быть как можно дальше от земли» [9, p. 335], то есть не наносить ущерба интересам землевладельцев. На этом основании он осуждал налог на солод в той форме, в которой он существовал [15, p. 119].

Предложение Уолпола и вместе с ним министерства возбудило сильные прения в палате общин. Оппозиция в лице Полтни, известного противника министра, представила ряд возражений. Полтни, ссылаясь на тронную речь короля, в которой исчислялся весь вред соленого сбора говорил: «налог был уничтожен два года назад для облегчения бедных рабочих и ремесленников, которые не могли его платить…» [23, p. 82]. Политик высказывал мысль, если соленой акциз будет возобновлён, «налог будет составлять не менее 1 шил. в год на человека, в результате для семьи бедняка налог обойдётся в 4-5 шил. А лишние годичные траты составят очень большие расходы, одновременно когда даже один фартинг имеет для них цену» [23, p. 82]. Сверх того оппозиция указывала на дороговизну содержания налога: значительная часть дохода не поступает в общественную кассу, а тратится на жалованье чиновников и взятки. Многочисленные налоги успели уже произвести столь серьёзное подорожание всех предметов, что многие английские мануфактурные товары не могут конкурировать за границей с иностранными. Через восстановление соляного акциза это зло увеличится.

Уолпол подробно отвечал на эти возражения, доказывая, наоборот, сравнительную лёгкость соляного и тягость поземельного налога. Уолпол говорил: «Превосходство налога на соль, заключается в том, что каждый человек несёт общественную тягость сообразно своему состоянию» [9, p. 336]. Другие доводы состояли в том, что будто бы соляной налог долгое время не беспокоил народ, его уничтожение принимали без особой радости и никаких выгодных последствий для английского народа не ощущали[21, p. 92].Относительно тягости и вреда поземельного налога министр ссылался на мнения «лучших людей» и «патриотов всех стран»[21, p. 93], которые держатся такого убеждения.

В итоге билль прошёл большинством 225 голосов против 187 и соляной налог был восстановлен на 3 года, а поземельный понижен до 1 шил.на фунт стерлингов [9, p. 923-937]. Все предложения, сделанные потом о введении некоторых изъятий в акциз соли для рыболовства и фабрикации, были отвергнуты [9, p. 938].

До какой степени эта мера мало совпадала с истинными интересами государства, можно судить из того обстоятельства, что взимание соляного налога поглощало 75 тыс.ф.ст. в год. В итоге оставалась сумма, способная сравниться с теми деньгами, которые собирали в качестве поземельного налога без расходов на содержание чиновников. По расчету министра финансов Коннингэма, государство теряло при этом 35 тыс.ф.ст., шедших на управление и содержание фискальной службы. Ощущались и вредные последствия налога на соль для развития рыболовства и мореплавания [12, p. 218]. Но никто из парламентариев не обращал внимание на эти доводы.

Удача с налогом на соль подала Уолполу идею применить свой план в более широких масштабах. В общих чертах он заключался в том, чтобы все пошлины превратить в акцизные налоги и улучшить законы акциза таким образом, чтобы предотвратить злоупотребления в торговле. Все товары предполагалось разделить на обложенные и необложенные: первые ограничить только некоторыми предметами общего употребления.Так например грубые материалы мануфактуры должны быть совершенно изъяты из обложения. Уолпол утверждал, что: «свободный ввоз это необходимость жизни… . Хотелось конечно сделать их дешевле и уменьшить цену труда (the price of labour). Уменьшение цены труда уменьшило бы также и цену домашних мануфактурных производств, а через год увеличило их спрос на иностранных рынках. Весь остров [т.е. Англия] сделался бы одним всемирным свободным портом» [11, p. 223]. Торговля обложенными товарами также увеличилась благодаря выгодам, представленным через новый план: товары для вывоза за границу освобождаются от акциза и прямо отправляются на склады, а при внутренней торговле иностранными продуктами купец не обязан платить пошлину впредь при ввозе, и, следовательно, товар не будет повышен в цене более цифры налога [11, p. 226].

Пробой при осуществлении этой схемы должен был послужить налог на табак. Уже давно возникланеобходимость реформы. Многочисленные неудобства таможенных пошлин и злоупотребления торговцев вредно действовали на государственный доход. Благодаря существованию возвратной пошлины (drawback) беспрестанно повторялись такого рода обманы: негодные к употреблению части табака, смешенные с разными составами, вывозились за границу и пошлина возвращалась, как бы за настоящий табак. Кроме того употреблялись нередко двойные счёты, фальшивые весы; в результате развивалась контрабанда, подрывавшая репутацию честных торговцев [11, p. 230]. Казна теряла много денег от финансовых махинаций со стороны купцов, которые уплачивали по отсроченным платежам пошлины. А размах контрабанды виден из донесений особого комитета, назначенного её исследовать в 1732 г.: за 9 лет 9 тыс. лиц были осуждены за производство контрабанды; свыше 251.00 фунтов чая и 625.424 гал. водки было захвачено таможенными чиновниками, при этом 250 сотрудников таможенной службы были изувечены и 6 убито [25, p. 413].

Для борьбы со злом Уолпол предложил превратить большую часть пошлины в акцизный сбор. В различное время установленные пошлины на табак составляли всего 6 1/3 пенса. Этот налог Уолпол думал понизить до 4 3/4 пенса за один фунт. В результате купец, привезший табак, который был весь иностранного произрастания, складывал его при таможне в особые кладовые, от которых один ключ хранился у него, другой- у заведующего складами. Табак лежал там, пока купец не найдёт для него сбыта, и тогда, если он шёл на внутренне потребление, тот платил 3/4 пенни таможенной пошлины и 4 пенса акциза. Если же товар отправлялся за границу, то вывозился уже свободным от всякого налога и без дальнейших хлопот [11, p. 323]. План Уолпола объективно не имел значимых минусов и сулил как значительное улучшение для казны, так и пользу частным лицам. Но «табачный билль» стал началом для ряда реформ, которые обязывали большую часть таможенных пошлин уничтожить, и распространить акциз на все социально значимые потребности человека [4, p. 125].

В связи с активацией акцизного билля рассматривалась возможность отменыналога на землю. В 1732 г. вышла брошюра, написанная по поручению Уолпола и наделавшая много шума. В трактате обосновывалась необходимость уничтожения поземельного налога и учреждения общего акциза на всё домашнее потребление [22, p. 12]. Ссылаясь на текст брошюры, большинство министров вигов солидаризовалось с акцизной политикой Уолпола [22, p. 13]. А в остальном памфлет отражал взаимовыгодные условия сотрудничества Уолпола с крупными землевладельцами.

Однако в английском парламенте, где рассматривалось предложение Уолпола малочисленные тори и другие оппозиционные группировки встретили билль протестом. Как позже с юмором заметил Джон Рассел: «Было бы меньше волнения в обществе, - ежели бы Уолпол предложил уничтожить Habeas Corpus, или ввести инквизицию» [25, p. 412]. Собирались многочисленные митинги, на которых билль

подвергался ожесточённым нападкам. Толпы народа окружали парламент, врывались в коридоры, угрожали лицам, которые являлись единомышленниками Уолпола [18, p. 179].

Из разных городов и местечек приходили письма и воззвания с просьбой протестовать против всякого расширения акциза [5]. Так 10 апреля 1733 г. поступила петиция города Лондона против акцизного билля. В ней попытка распространения акцизных законов рассматривалась, как «увеличение гнёта, и без того сильно ощущаемого» [18, p. 180]. В петиции говорилось: «Существующие законы, которые добросовестно соблюдают -торговцы и промышленники выполнялись до сих пор без ропота, надеясь, что эти законы, которые могла создать лишь общественная нужда, будут отменены, как только она прекратится. Если же, противно этому ожиданию, акцизные законы, вместо того, чтобы быть смягчаемы, будут распространены на многие другие предметы, то следует ждать через них самых пагубных последствий для торговли и мореплавания Великобритании» [10, p. 1-7].

В самой палате общин Уолпол также встретил сильную оппозицию. Она указывала на недостатки плана: «Всякое расширение акциза приведёт к увеличению штата чиновников и их влияния на промышленность и это вредно отразится на выборах. Мы хотим предотвратить обман в собирании общественных денег и если потребуется мы можем пожертвовать свободой страны ради общего блага» [10, p. 7]. По мнению депутатов, введение общего акциза навредит конституции, отнимет политическое влияние у парламента и учредит абсолютную власть. Популярность Уолпола снижалась с каждым днём. Публиковались анонимные памфлеты, в которых предупреждали, что в случае принятия акцизного билля «все торговцы получат право на восстание» [21, p. 638].

Под давлением общественного мнения он сначала отсрочил вторичное чтение билля, а вскоре и совсем отказался от проекта. Поводом к таким действиям, как министр объяснил на митинге своих приверженцев, послужил тот факт, что: «При теперешнем разгоряченном состоянии народа, акт не мог бы быть приведен в исполнение без вооруженной силы… Я не желаю взимать налоги ценою крови» [10, p. 8]. Уолпол также говорил: «Игра окончена. Я хотел сделать Англии благо, но вызвал гнев народа. Оказалось, что мои налоговые законопроекты можно ввести в действие только с помощью армии. А если бюджетные доходы нужно обеспечивать мечом, это означает конец свободе в Англии. Я не хочу быть министром, который из-за налогов проливает кровь» [10, p. 9]. В действительности причина была другой. Уолпол чувствовал себя и свою группировку уже недостаточно сильными, чтобы идти наперекор воле большинства народа, а потому и отказался от предложения.

Поражение схемы шумно праздновалось в Лондоне и иных местах королевства, как великая национальная победа. Зажигались иллюминации, пускался фейерверк, и толпы народа ходили по улицам; повсюду виднелись надписи: «Свобода! Собственность! И прочь акциз!» [10, p.9].

Периодическая печать приняла деятельное участие в борьбе против акцизной схемы, где авторами выступали противники политики Уолпола. Но с конца XVII в. и до 1733 г. система акцизных налогов быстро разрослась на значительное количество предметов и тяжело отражалась на положении бедных сословий общества и на самой промышленности. Газеты, журналы брошюры за этот период или молчали по данному вопросу, или поддерживали политическую линию вигов, воззрения которых далеко не всегда совпадали с интересами народа. Между периодическими изданиями, игравшими большую роль в противостоянии, первое место занимал лондонский журнал «Craftsman», напечатавший целый ряд живых и резких очерков об акцизе, вышедших потом отдельными книгами [6]. В очерках доказывалась опасность акциза, вследствие необходимого увеличения численности и роли акцизных чиновников. Деятельность Уолпола, говорилось в многочисленных памфлетах, может влиять через чиновников на парламентские выборы. А именно на право назначения штрафа и смягчения. Данное обстоятельство ставило многих торговцев и промышленников в тяжелую зависимость от должностных лиц. В результате английские предприниматели лишались благодаря акцизным законам, одной из

основных привилегий, дарованных через Великую хартию вольностей, – появления суда присяжных и подчинялись произволу чиновников, которые являлись не только преследователями и свидетелями, но в то же время и судьями в их собственном деле. В памфлетах прослеживалась мысль, что, находясь в абсолютной зависимости от короны, чиновники могли при дурных королях выносить несправедливые приговоры против предпринимателей, с целью угодить меркантильным интересам министров [10, p. 14].

Подобный ряд аргументов излагается в целой серии брошюр, изданной журналом «Craftsman» в 1733 году [26, p. 331].В следующем году появилась новая работа с критикой акцизного проекта. Неизвестный автор памфлета посвятил свой труд гражданам Лондона, восхваляя их протест против билля. Разбирая конструкцию пункт за пунктом, он обращает внимание прежде всего на то обстоятельство, что, по плану Уолпола, налог на табак делается вечным из временного и таким образом увеличиваются средства, при которых король может обходиться без согласия парламента. Удобств за схемой автор не признаёт никаких: купцу, по его словам, придётся иметь дела с большим числом чиновников, а, следовательно, купцу предстоит тратить гораздо больше денег на взятки и подарки. Ещё очень важен пункт, который разрешал чиновникам входить в любой частный дом, приняв только присягу перед судьёй. Таким образом право неприкосновенности жилища нарушалось. А виновные в нарушении акцизных законов, вместо того, чтобы ждать суда перед присяжными, ставились в полную зависимость от произвола комиссионеров акциза, коим принадлежит право смягчения наказания [29, p. 88].

Протест и критика акцизной концепции произвели большое движение в периодической печати и обратили внимание общества на само действие косвенных налогов, а также и на темные стороны поведения администрации. Амстердамский купец Метью Деккер, находившийся в Лондоне, написал брошюру под названием «Очерк о причинах упадка внешней торговли, следовательно, о стоимости земель Великобритании и о способах восстановления» [16]. Он старался прояснить - какую тяжесть несет народ в форме налогов на потребление? По его расчёту, на каждого человека в Англии падает в среднем 40 шил., а на семью в 7 человек 14 ф. стерлингов [27, p.332].Тяжесть - громадная для того времени.

По словам историка Каннингэма [13], в первой трети XVIII из каждых 20 шил., которые тратил англичанин на нужды свои и своего семейства, он расходовал 10 шил. собственно на налог. То есть государство получало в форме косвенных налогов 50% расходов на каждого подданного[p.185]. Главным образом (две третьи всей суммы), эта тягость направлялась на предметы первой необходимости. И при том, по свидетельству многих современников, сумма акцизных налогов помножалась втрое, проходя через несколько рук с надбавкой процентов на налог [7, p. 37]. Естественно это вызвало бурю возмущений со стороны общества.

В 1733 г. один из представителей тори высказался в парламенте по поводу налоговой системы: «Я не знаю необходимости жизни, на которую бы мы не платили того или другого налога, исключая только питьевую воды. Впрочем, мы не можем присоединить к ней какого-либо ингредиента, чтобы сделать приятной и вкусной, без того, чтобы не заплатить налог. Мы платим за воздух, за дневной свет и солнечное тепло посредством налогов на окна, а за ночной свет и тепло - посредством налогов на уголь и свечи; мы платим налог на хлеб, коренья и травы всякого рода посредством налога на соль; мы платим налог на пиво посредством налога на солод и тяжёлую добавочную подать на пиво путем акциза. Мы не можем ни одеться, ни даже умыться, не платя налога на шерсть, лён, мыло и т.п.» [28, p. 72].

Но все запреты и общественное недовольство не остановили Уолпола. Он в дальнейшем смог реализовать акцизные планы в более узком направлении, введя налог на алкоголь. К тому времени самым высоким в процентном отношении к ценности продукта из всех тогдашних акцизов был налог на спиртные напитки. Цель налога, по мнению Уолпола, посредством возвышения цены напитков уменьшить пьянство.

Первый важный шаг в этом отношении был сделан в 1729 г. В палате общин было решено ввести налог в размере-5 шил.на галлон

спирта и 20 ф.с. за разрешение (лицензию) розничной торговли напитками количеством менее одного галлона. Однако эта мера скоро показалась недостаточной. Высокая плата за лицензию (20 ф.с.) сокращала число трактиров и пабов, но не уменьшала пьянство. И как следствие законопроект решено было отменить.

Но в 1736 г. 20 февраля в парламенте была представлена петиция от мировых судей Миддлсекса против чрезмерного употребления спиртосодержащих напитков. В ней говорилось: «Что питье водки и других дистиллированных спиртных напитков за последние годы значительно распространялось, особенно между людьми низших слоёв английского общества. Постоянное и чрезмерное употребление спиртных напитков уже погубило тысячи подданных его величества и сделало большое число других неспособными к полезной работе и службе, развратив в то же время их нравственность и втянув в разного рода пороки и страдания. И что этот зловредный напиток продается не только дистилляторами вкабаках, но иным лицам есть возможность в разных, не предназначенных для употребления алкоголя, местах купить спиртосодержащею продукцию. От чего ученикам, подмастерьям и прислуге представлялся часто случай познакомиться с употреблением этого напитка, а попробовавши, они начинают пить уже без меры». Общественные деятели опасаются, что «национальное благосостояние, безопасность, наконец и торговля потерпят значительный ущерб от злоупотребления спиртными напитками» [10, p. 1032-1033]. На этом основании, видя весь вред для здоровья, сил, спокойствия и нравов народа, широкая общественность просила палату общин обратить серьёзное внимание на зло и принять строгие меры против него [10, p. 1034].

Уолпол отреагировал сочувственно на петицию, образовав комитет по решению наболевшего вопроса. А сэр Джозеф Джекилв палате общин через несколько дней представил резолюцию, где было сказано:

1) Низкая цена спиртных напитков есть главное побуждение к чрезмерному и пагубному употреблению их;

2) Для того, чтобы предотвратить такое употребление, должно быть произведено препятствие ему через налог, накладываемый на все подобные напитки при розничной торговле;

3) Продажа этих напитков должна быть ограничена лицами, содержащими кабаки, харчевни, кофейни, пабы и гостиницы, а также аптекарями, которые употребляли бы их только в форме лекарства;

4) Ни одно из лиц, содержащих вышеперечисленные заведения, не должно продавать напитки, не имея на то лицензии, выдаваемой за особый налог [10. p. 1034].

Эти предложения поддержал комитет, а потом и палата общин. Против него возражал только член оппозиции со стороны тори сэр Пёльтепей. Единственное, за что он опасался, - разорение торговцев вином из-за быстрого проведения строгой меры. Но его никто не услышал.

Изначально в 1735 г. палата общин приняла знаменитый «Spirit Duties Act», а затем 20 апреля 1736 г. более известный под народным названием «Gin Act». По резолюции сэра Джекела палата общин постановила ввести -20 шил. налога на галлон алкоголя и 50 фун. стерл. за лицензию на продажу спиртных напитков. По высоте, до которой Уолпол довёл цену водки, этот закон во многом запрещал её продажу (к примеру: водка стоила около 7 шил. за бутылку). В этом же направлении действовал тогдашний парламент, который, предвидя упадок акцизного дохода с вина, обещал королю возместить недостачу в цивильный лист суммой в 70.000 ф.с. из других источников. Так сторонники реформы хотели не только уменьшить, но и искоренить порок пьянства. Акт, по своей строгости, мог удовлетворить самого заклятого врага джина, потому что за низкую стоимость водки, проданную без акциза, назначался штраф в 100 ф.с. Соразмерно этому штрафу были наказания за нелегальную продажу других видов алкогольной продукции. Одновременно в Англии начался бум продажи некачественной водки без лицензии.

И как следствие результаты были совершенно противоположны ожидаемым. Оказалось, что порядочные люди отказались от торговли, осуждаемой законодательством. Один из тори кричал с трибуны в палате общин, что «алкогольный промысел очутился в руках низких и распутных людей, которые, понимали, что терять им нечего… Торговцы спиртным не стесняются наказаний и нарушают за-

кон!». Английский народ в этом, как и в подобных случаях, принимал сторону харчевников и незаконных торговцев. Чиновники, которые раздавали акциз, осаждались на улицах Лондона и других городов. На доносчиков охотились, как на диких зверей. Пьянство, беспорядочность, преступления увеличивались со страшной быстротой[31, p. 40].

За два года существования акт сделался ненавистным и презираемым в обществе. Политика и гуманность заставляли часто комиссионеров акциза смягчать показания. В течении двух лет не менее 12 тыс. человек осуждено за нарушения, связанные с торговлей спиртными напитками. Ноникакие усилия чиновников и полиции не могли остановить потока продажи нелегальной водки [19, p. 1316]. Согласно представлению, сделанному графом Кольмонделли в палате лордов, видно, что в это самое время, когда торговля спиртными напитками была практически объявлена незаконной, и всё делалось для её подавления, свыше 7 мил.галлонов водки в год потреблялось в Лондоне с его ближайшими окрестностями, тогда как, до введения акта, это число не превосходило и 5 мил. галлонов[19, p. 1320]. Высокий налог на водку, введенный в 1736 г., не прибавил Уолполу популярности.

Так во время акцизного кризиса 1733 г. Уолпол столкнулся не только с оппозицией в парламенте, но и с недовольством своих сторонников из числа немногочисленной (не более 40 депутатов) радикальной группы, известной как «старые виги». Они защищали истинно вигские идеалы. Сложные отношения были и с группой вигов, которые отстаивали интересы англиканской церкви. Виги могли управлять церковными должностями и составляли сплоченную группу в палате лордов, которая управлялась Эдмундом Гибсоном, епископом Лондона. Хотя Уолпол в конечном итоге отозвал билль об акцизе, во время парламентской кампании он вынужден был опираться на малые парламентские группы, включая старых вигов. Ощущая свою значимость для правительства, они предложили два антиклерикальных билля. Учитывая, что кризис сильно потрепал уверенное правительственное большинство, ради удержания старых вигов Уолполу пришлось заигрывать с ними и после кризиса. Но это, в свою очередь, беспокоило клерикальных лордов [17, p. 421-424].

Острый характер приобрела дискуссия по вопросам внутренней политики вигов и системы налогообложения. Тори были противниками введения акцизов и доказывали, что они затруднят жизнь мелких ремесленников и торговцев. «Удивительно, что так много джентльменов согласны в угоду мнению наказать свой собственный карман. Но зато вполне понятно, какие мотивы продиктовали другим лицам действовать в этом направлении, ибо каждый, кто имеет "место", выиграет на сборе налогов, начиная от высокопоставленного джентльмена и кончая самым мелким акцизным чиновником», — писал орган тори[14, p. 120].

Уолпол ревниво относился к своей власти и движимый этим удалял из правительства одного коллегу за другим. Они становились лидерами группировок, главной целью которых было убрать Уолпола с поста премьера. Жажда власти брала у Уолпола верх над здравым смыслом. Тауншенд был изгнан из правительства в 1730 г.; лорд Честефильд - в 1733 г. Таким образом, начав правление в составе наиболее способной администрации, какую только знала страна, Уолпол после двенадцати лет пребывания у власти остался во главе кабинета, где был только один талантливый человек - канцлер лорд Хардвик. Изгнанные министры (за исключением Тауншенда) объединились в самую раскольническую, самую беспринципную оппозицию. "Патриоты", как они себя называли, во главе с Пултенеем получили подкрепление в виде группы молодых вигов. Последние были недовольны налоговым курсом Уолпола.

Тем не менее акцизная политика Уолпола при всем её несовершенстве являлась первым мероприятием, в котором проявилась реальное понимание принципов налогообложения. Одновременно мудрость Уолпола была вознаграждена быстрым ростом благосостояния. Английский экспорт, составлявший шесть миллионов в начале века, удвоился к его середине. Быстрое развитие колониальной торговли обогатило Великобританию еще больше. В Манчестере и Бирмингеме, продукция промышленности которых приобрела важное значение, население за тридцать лет выросло вдвое; Бристоль, главный порт в тор-

говле с Вест-Индией стал богатым и процветающим городом; Ливерпуль, возникший как перевалочный пункт в торговле с Западом, из небольшого поселка превратился в третий по величине порт королевства. Мир и безопасность принесли с собой богатство страны, а также повышение стоимости земли и доходов каждого сельского джентльмена. Но, несмотря на этот рост благосостояния, Уолпол ни разу не позволил себе уклониться от жесткой экономии, от неуклонного снижения государственного долга.

Список литературы

1. Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. М., 2018.
2. Сидоренко Л. В. Роберт Уолпол, оппозиция и пропаганда в акцизном кризисе 1733 г.// Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Санкт-Петербургский государственный университет, № 14. Спб., 2015
3. Гринн Д. История Англии и английского народа. М., 2017.
4. A Letter to a Freeholder on the Reduction of the Land-Tax. L., 1732.
5. A Collection of Letters from several Counties, Cities and Boronghs. 1773. Bibl. Grenvil.№ 12166/4.
6. An Argument against Excises in several Essays lately Published in the “ Craftsman” and newly collected together. By Caleb D` Anvers of Gray`s Inn Esq. 1733
7. An Essay on the Inequality of our Present Taxes, L., 1746.
8. Claydon A. William III. L., 2014.
9. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates”. Vol. 6. L., 1810.
10. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates”. Vol. 9. L., 1811.
11. CoxeW.Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Original Correspondence. Volumes 1-2. L., 1816
12. Cunningham W. The History of the Customs, Aids, Subsidies, National Debts and Taxes of England from William the Conqueror to the Year 1778. L., 1778
13. Cunningham W. Growth of English Industry and Commerce in Modern Times: The Mercantile System. Cambridge. 1907
14. Craftsmen. 1732. № 310.
15. Davenant C. An Essay upon Ways and Means for supplymg the War. L., 1701.
16. Decker M. An Essay on the Causes of the Decline of the Foreign Trade: Consequently of the Value of the Lands of Britain, and on the Means to Restore Both. L., 1923
17. Kendrick T. F. J. Sir Robert Walpole, the old Whigs and the Bishops,1733–1736:A Study in Eighteenth-Century Parliamentary Politics // The Historical Journal. 1968. Vol. 11. № 3.
18. Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. L., 2003.
19. Mc Culloch's . Commercial Dictionary, ed. by 2. L., 1871.
20. Mobley V. A. The Consolidation of the First British Empire. A dissertation submitted to the Graduate School of the University of Wisconsin-Madison in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Wisconsin-Madison, 1999.
21. Norris A. The economic policy of Robert Walpole// Studies in History, Economics, and Public Law. L.,1907.
22. Pamphlets on British Taxation: Letter to a freeholder, on the late reduction of the land tax to one shilling in the pound. L., 1732.
23. Pulteney W. Some Considerations on the National Debts. 1729. L., P.82
24. Remarks on the Review of the Excise Scheme // The Gentleman’s Magazine, Vol. 3 December 1733.
25. Russel J. Memoirs of the Affairs of Europe from the Peace of 1824. L.,2004.
26. Some Reasonable Animadversions on Excises etc. 1733.

27. Seriouse Considerations on the Several High Duties etc-5 edition, 1744.
28. Torbuck`s. Debates., v 15; 2.
29. The Rise and Fall of the late projected Excises impartially considered, 1773.
30. The History of the Customs. Aids etc.3 ed. L., 1778.
31. Yeomans H. Alcohol and Moral Regulation: Public Attitudes, Spirited Measures and Victorian hangovers. L., 2014.

THE TAX POLICY OF ROBERT WALPOLE 1730-1736.

The article discusses the influence of the tax policy of British Prime Minister Robert Walpole on the social strata of British society in the years 1730-1736. The head of government proposed to the House of Commons to carry out a number of tax reforms to supplement the country's budget. Walpole enlisted the support of the Whig in the parliament among the large British landowners, reduced the land tax and tried to impose an excise on the overwhelming majority of British goods. But the Walpole excise scheme was not supported by the opposition, the crown and the vast majority of the population. As a result, the excise project was decided to replace the tax on alcohol products. However, a high tax on alcoholic beverages introduced in 1736 did not increase the popularity of Walpole.
Keywords: tax, excise, duty, customs, parliament, Whigs, Tories, House of Commons, R. Walpole, opposition.

References

1. Adams C. Vliyanie nalogov na stanovlenie civilizacii. [The impact of taxes on the formation of civilization]. M., 2018.
2. Sidorenko L.V. Sidorenko L. V. Robert Uolpol oppoziciya i propaganda v akciznom krizise 1733 g. [Robert Walpole, opposition and propaganda in the excise crisis of 1733]. // Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet № 14. Spb., 2015.
3. Grinn D. Istoriya Anglii i anglijskogo naroda. [History of England and the English people]. M., 2017.
4. A Letter to a Freeholder on the Reduction of the Land-Tax. L., 1732. P. 125
5. A Collection of Letters from several Counties, Cities and Boronghs. 1773. Bibl. Grenvil.№ 12166/4.
6. An Argument against Excises in several Essays lately Published in the “ Craftsman” and newly collected together. By Caleb D` Anvers of Gray`s Inn Esq. 1733
7. An Essay on the Inequality of our Present Taxes. L.,1746.
8. Claydon A. William III. L., 2014.
9. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates”. Vol. 6. L., 1810.
10. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates”. Vol. 9. L., 1811.
11. Coxe W. Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Original Correspondence. Volumes 1-2. L., 1816.
12. Cunningham W. The History of the Customs, Aids, Subsidies, National Debts and Taxes of England from William the Conqueror to the Year 1778. L., 1778.
13. Cunningham W. Growth of English Industry and Commerce in Modern Times: The Mercantile System. Cambridge. 1907
14. Craftsmen. 1732. № 310.
15. Davenant C. An Essay upon Ways and Means for supplymg the War. L., 1701.
16. Decker M. An Essay on the Causes of the Decline of the Foreign Trade: Consequently of the Value of the Lands of Britain, and on the Means to Restore Both. L., 1923.
17. Kendrick T. F. J. Sir Robert Walpole, the old Whigs and the Bishops,1733–1736:A Study in Eighteenth-Century Parliamentary Politics // The Historical Journal. 1968. Vol. 11. № 3.
18. Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. L., 2003.
19. Mc Culloch's . Commercial Dictionary, ed. by 2. L., 1871.
20. Mobley V. A. The Consolidation of the First British Empire. A dissertation submitted to

the Graduate School of the University of Wisconsin-Madison in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Wisconsin-Madison, 1999.

21. Norris A. The economic policy of Robert Walpole// Studies in History, Economics, and Public Law. L.,1907.

22. Pamphlets on British Taxation: Letter to a freeholder, on the late reduction of the land tax to one shilling in the pound. L., 1732.

23. Pulteney W. Some Considerations on the National Debts. L.,1729.

24. Remarks on the Review of the Excise Scheme // The Gentleman's Magazine, Vol. 3 December 1733.

25. Russel J. Memoirs of the Affairs of Europe from the Peace of 1824. L., 2004.

26. Some Reasonable Animadversions on Excises etc. 1733.

27. Seriouse Considerations on the Several High Duties etc-5 edition, 1744.

28. Torbuck`s. Debates., v 15; 2.

29. The Rise and Fall of the late projected Excises impartially considered, 1773.

30. The History of the Customs. Aids etc.3 ed. L., 1778.

31. Yeomans H. Alcohol and Moral Regulation: Public Attitudes, Spirited Measures and Victorian hangovers. L., 2014.

Об авторе

Колмаков Михаил Александрович – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kolpak.89@mail.ru

Kolmakov Mikhail Aleksandrovich – a postgraduate student of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kolpak.89@mail.ru

УДК 94 (47+57)

Кучурин В.В., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления, Ленинградский областной институт развития образования (Россия)
Дубровский А.М., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОГРАММАМИ КУРСА ЛЕКЦИЙ С.М. СОЛОВЬЁВА В 1840-Х – 1850-Х ГГ.

В статье рассмотрены важные источники по истории преподавательской и исследовательской деятельности в Московском университете С.М. Соловьёва – программы курса лекций, которые он читал в 1848-1850-х гг. Молодой профессор и развивал некоторые традиции своего предшественника Н.М. Карамзина и отходил от них. Самой важной чертой является то, что он уже в 1848-49 г. вёл освоение материалов по истории России в XVII в., которые ещё не были известны науке. При этом его главное внимание было посвящено политическим событиям. С 1850-51 г. он начал преподавать новую историю России (XVIII в.). Позже Соловьёв перестал преподавать курс древней российской истории. С 1860-х гг. эта история стала введением в его курс новой истории России, наполнилась новым идейным содержанием. Поэтому программы лекционного курса 184-х – 1850-х гг. важны как отражение ранней поры в научном творчестве историка. В них закладывались основы главного труда Соловьёва – «Истории России с древнейших времён».
Ключевые слова: С.М. Соловьёв, программа курса лекций, древняя история, новая история, политические события, внутренняя жизнь.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-83-93

Преподавательской деятельности С.М. Соловьёва посвящена обстоятельная статья А.Н. Шаханова [14]. В ней автор рассмотрел лекционную работу великого историка в целом. В настоящей работе предметом исследования являются программы лекционного курса Соловьёва. Эти источники ещё не привлекались к рассмотрению исследователями жизни и творчества великого учёного. Между тем, они важны для изучения первых лет работы Соловьёва в качестве лектора в Московском университете. Дело в том, что к настоящему времени не сохранилось полного текста лекций, которые он читал на рубеже 1840-х – 1850-х гг. Программы, составленные Соловьёвым, - это те немногие источники, которые позволяют судить о содержании его лекционного курса.

От указанного времени до наших дней дошли три программы. Сама ранняя, получившая в архиве наименование «Конспект курса лекций по русской истории», относится к 1848-1849 гг. [9]. Вторая, судя по названию, составлена перед началом второго полугодия 1849-1850 г. Сохранился неполный экземпляр этой программы [10]. Третья была составлена в связи с преобразованием философского факультета, где раньше (в числе других) получали образование и историки. Теперь из его состава был выделен историко-филологический факультета. Отечественная история теперь преподавалась не только на третьем курсе, но и на четвёртом. Соловьёв представил изложение программ преподавания своего предмета и на третьем и на четвёртом курсах в 1850-1851 гг. [11]. Взятые в совокупности эти программы дают возможность проследить ход работы историка как лектора на рубеже 1840-1850-х гг. В отличие от статьи Шаханова, освещающей преподавательскую работу Соловьёва в целом, в настоящей работе внимание сосредоточено на времени становления Соловьёва как автора лекционного курса.

Как указывалось в отчёте Московского университета, в 1848-49 академическом году «экстраординарный профессор Соловьёв преподавал русскую историю студентам 3-го и 4-го курсов 1-го отделения философского и 2-го курса юридического факультетов по 6 часов в неделю по собственным запискам» [6, с.11]. Таким образом, «Отчёт» с полной ясностью свидетельствовал о том, что лектор не придерживался какого-то определённого пособия (как в своё время учитель Соловьёва М.П. Погодин – «Истории» Н.М. Карамзина), а читал вполне самостоятельный курс, что и отражала составленная им программа. В том же «Отчёте» говорилось о том, что профессор «подготовляет к печати первый том своего сочинения: "История России"» [6, с.74].

Работа над содержанием лекций и «Истории России» шла у Соловьёва одновременно. И лекции и будущий труд с течением времени насыщались новыми фактами и идеями, подпитывая друг друга.

Текст программы 1848-49 г. написан не Соловьёвым, в нём заметны явные отличия авторского почерка от почерка Соловьёва. Это аккуратно и ясно написанная копия авторской рукописи. Текст расположен на квадратных карточках небольшого формата. Содержание каждой карточки конспективно (в виде плана) отражает содержание отдельной лекции. Всего карточек 39. Одна явно утеряна. Это понятно потому, что рядом с названием темы автор ставил её номер. Карточки № 17 нет. Тем не менее, программа позволяет понять, каково было содержание курса лекций Соловьёва, чему преподаватель уделил наибольшее внимание, каким традициям и в какой мере следовал. Эти вопросы пока не разрешены со всей полнотой и доказательностью исследователями творчества историка.

С октября 1845 г. Соловьёв начал преподавание в Московском университете. В том же месяце состоялась защита его первой диссертации «Отношения Новгорода к московским великим князьям». Этот труд открывал ему дорогу к должности профессора и давал право читать лекционный курс.

Как писал биограф Соловьёва В.Е. Илерицкий, «в первом учебном году Соловьёв, как и все начинающие, был крайне перегружен впервые читаемым лекционным курсом. Тем не менее, он немедленно приступил к работе над докторской диссертацией, которую и завершил необычайно быстро – во время летних каникул 1846 г.» [1, с.32]. Таким образом, в лекционном курсе, отражённом в программе 1848-1849 гг., Соловьёв мог использовать материал не только обобщающего труда по истории России – «Истории Государства Российского» Карамзина, но и своей последней диссертации, тем более, что она охватывала отечественную историю от Киевской Руси до Ивана Грозного и была опубликована в 1847 г. Это была хорошая основа для чтения лекций.

К 1848 г. Соловьёв три раза прочитал свой курс лекций – с 1845-46 учебного года до 1848-49-го. За это время он накапливал материал, продумывал его и в итоге имел возможность представить своим слушателям историю России иначе, чем это было сделано у Карамзина.

Соловьёв начал свой курс с обзора научной литературы по отечественной истории, чего не было в работе Карамзина. Этим была заложена традиция, которая соблюдалась преподавателями Московского университета вплоть до XX в.

После ознакомления слушателей с имеющимися трудами по российской истории Соловьёв перешёл к показу географических условий, в которых жила Русь: «Природа страны, её влияние на историю. Огромность Российского государства; главные условия этой огромности. Разделение на северную и южную» [9, л.5]. Эта черта курса, так рано проявившаяся, в дальнейшем займёт своё прочное место в других, более поздних курсах Соловьёва. Она же будет включена в его «Историю России».

Далее историк освещал события первых веков жизни Руси. Продвинувшись по этому пути до времени Ярослава Мудрого, лектор остановил свой рассказ и обратился к показу внутренней жизни страны. Эта традиция была у Карамзина, Соловьёв поддержал её сперва в лекционном курсе, потом - в своём основном труде. Однако, следуя карамзинской традиции, Соловьёв в то же время несколько отошёл от неё. Карамзин в конце первого тома «Истории Государства российского» после рассмотрения правления князя Владимира поместил главу «О состоянии древней России». В глазах Карамзина после Владимира правление его сына Ярослава Мудрого открывало новую страницу в истории отечества, а правление Святополка Окаянного (с него начинался второй том) было как бы предысторией прихода Ярослава к власти. Соловьёв дал обзор внутренней жизни общества не до, а после рассказа о правлении Ярослава. Эта деталь сохранилась и в его «Истории России с древнейших времён».

Внутренней жизни страны в первые века её истории Соловьёв посвятил две лекции – 11 и 12. Материал у него был готов, он пересказывал часть своей докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». То же использование материалов диссертационного исследования видно и в тексте «Истории России».

Рассматривая в «Истории России» Соловьёва главы, посвящённые внутренней жизни страны, ещё М.О. Коялович справедливо отметил: «Везде, однако, более или менее выдерживается один план в распределении событий внутреннего быта. Начинается этот отдел обозрением жизни князей и царей, затем идут обозрения состояния высших сословий и учреждений, далее – жизни городов, жизни жителей сёл, торговли, законов, духовного и светского просвещения, литературы, нравов» [3, с. 337].

Этот план ясно заметен уже в программе его ранних лекций. Так, в 11-й лекции Соловьёв думал изложить материал в таком порядке: «Состояние Руси при первых князьях. Значение слова князь. Значение князя на Руси. Отношение его к дружине и войску. Разделение дружины. Тысяцкий. Как назывался остальной народ и разделение его на три степени. Вече и его устройство Вервь. Духовное сословие» [9, л. 11].

Оценивая этот порядок изложения, нужно отметить, что в нём ясно видна определённая система: перед слушателями воссоздавалась социальная пирамида, обозреваемая лектором от вершины до её широкого основания.

Здесь Соловьёв особенно тесно сближался с теми из своих современников, которые в истории исторической науки получили наименование «государственно-юридическое направление», «государственная школа». По традиции, шедшей от М.Н. Покровского, во взглядах представителей этого направления усиленно подчёркивалось представление о государстве (центральной власти) как о некоем творце истории, самостоятельной силе. С точки зрения «русского марксизма», это было в корне неправильно. Критикуя эти воззрения, советские авторы историографических работ потеряли основное рациональное зерно: «государственники» включили в сферу исторического анализа общественные отношения, открыли совершенно новые аспекты исследования прошлого. Соловьёв ввёл их новации в общий курс отечественной истории, сочетая анализ общественных отношений (социальные структуры) с событийной историей.

Далее лектор снова переходил к изложению событий. «Об отношениях между князьями от смерти Ярослава I до смерти Ярополка Владимировича Мономаховича в 1139 году» (лекция 13) и т.д. С 13 по 16 лекцию включительно профессор излагал ход политических событий, уделив особое внимание истории Новгорода и отличиям Южной Руси от Северной (лекция 15).

Карамзин, освещая то же время, оформлял свой рассказ о правлении того или иного князя в отдельную главу. Как видно из названия 13-й лекции, в отличие от своего предшественника, Соловьёв группировал материал по относительно небольшим периодам и темам, что значительно более соответствовало характеру изучаемой эпохи – политической раздробленности страны, множеству правителей. Такой приём позволял лучше охватить материал, осмысливать его, не разбрасывая внимание на мелкие детали политической жизни, что особенно важно при чтении лекций о восприятии их содержания на слух.

Как уже указывалось, карточка с планом 17-й лекции к настоящему времени не сохранилась. Судя по содержанию следующей лекции, в утерянной части программы продолжался рассказ о политических событиях отечественной истории. Карамзин в третьем томе своего труда назвал последнюю главу «Состояние России с XI до XIII века», показывая домонгольское общество на Руси. Соловьёв же 18-ую лекцию назвал следующим образом - «Монгольское нашествие. Внутреннее состояние Русского общества до половины XIII века и о монгольском влиянии». Известно, что историк не признавал особого «монгольского периода» в отечественной истории, в отличие от своего учителя Погодина, который пользовался такой периодизацией. В противовес Погодину, Соловьёв отрицал решающее воздействие завоевателей на развитие Руси как внешнего фактора, признавая определяющую роль только внутренних факторов развития страны. Видимо, в 18-й лекции он и объяснял свою точку зрения, говоря о «монгольском влиянии».

Далее, используя материал докторской диссертации, в лекциях с 19 по 26 Соловьёв излагал историю отношений между князьями: «Борьба между сыновьями Невского» (лекция 20), «Борьба между Москвой и Тверью. Иван Калита. Симеон Гордый. Иоанн Иоаннович» (лекция 21). «Димитрий Донской, его войны с Рязанью, Тверью, Литвою и татарами» (лекция 22) и т.п. [9, л. 19-21]

У Карамзина пятый том завершался

главой «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III». Этим историк подчёркивал то значение, которое он придавал деятельности Ивана, объединителя Руси. Нужно отдать справедливость Карамзину в том, что последовавший период – время Московского царства - отличался внутренними порядками от предыдущей полосы раздробленности. Соловьёв же почему-то не остановился на этом важном вопросе, а перешёл к освещению событий в XVI в., начиная с правления Ивана Грозного.

Здесь изложение программы становится довольно подробным. Говоря о царе Иване, Соловьёв думал осветить в лекции следующие сюжеты: «Его малолетство, боярские смуты, его венчание на царство, отношение к боярам. Адашев, Сильвестр, поход на Казань. Болезнь Иоанна, смута бояр по этому случаю и их следствия, переписка с Курбским; война с Ливон[ией] и Стефаном Баторием. История Малороссии» [9, л.26].

Не удивительно, что речи нет о реформах Избранной Рады. Скупые известия об этих реформах были разбросаны по разным источникам и долго не складывались в одну картину. Впоследствии Соловьёв очень коротко говорил о некоторых из них. Только в XX в. в небольшой книжке «Иван Грозный» С.Ф. Платонов смог дать более или менее цельное представление о том какие именно реформы проводились и в чём было их значение [7]. Удивительно иное. В программе ни слова не говорится об опричнине. Впоследствии в «Истории России» Соловьёв посвятил ей целую главу. Материал об опричнине был изложен Карамзиным, чем мог воспользоваться лектор. Убедительного объяснения такого умолчания не находится.

Дальнейший ход событий Соловьёв излагал так же подробно, чувствуется, что сюда сдвигалась сфера его научных интересов. 28 лекция была посвящена правлению Фёдора Ивановича, 29 – правлению Годунова. В 28-й лекции очень коротко профессор осветил «внутреннее состояние Московского государства». Здесь он вышел за хронологические пределы своей докторской диссертации. Ориентиром тут мог быть труд Карамзина в сочетании с теми источниками, с которыми Соловьёв познакомился уже в ходе преподавательской работы. Рассказ историка сосредоточился на политических событиях, их легче можно было реконструировать на основе летописных источников, чем внутреннюю жизнь общества, социальные отношения.

С той же, если не большей, степенью подробности Соловьёв освещал историю «Смуты» - событие, на неполном изложении которого завершилась работа его предшественника. В 1848-1849 гг. в журнале «Современник» Соловьёв опубликовал большой очерк под названием «Обзор событий русской истории от кончины царя Фёдора Ивановича до вступления на престол дома Романовых» [13]. По сути, это была полная история внутренней войны в России, доведённая до своего конца, чего не было у Карамзина. Таким образом, уже с начала педагогической деятельности Соловьёв приступил к освоению материала по истории России в XVII в. Известно, что именно Соловьёв был, так сказать, первопроходцем в исследовании и освещении истории России в указанное столетие, что нашло отражение главным образом в его «Истории России». Как видно из рассматриваемой программы, изучение этого периода молодой историк начал давно, даже задолго до публикации первых томов своего главного труда.

Истории гражданской войны Соловьёв посвятил 5 лекций (№№30-34). В центре внимания первых двух – судьба Лжедмитрия I: «30. Лжедмитрий. Мнения о его происхождении, характер его; первая его судьба. Явление его в Польше. Поход на Москву, борьба с Годуновыми и свержение Годуновых».

В лекции 31 продолжался рассказ о первом самозванце: «Вступление в Москву Лжедмитрия и венчание на царство. Характеристика его внутренней деятельности, его придворная жизнь, отношения с Польшей, с римским двором; забота последнего о союзе Польши с Димитрием. Неудовольствия бояр против Лжедмитрия. Заговор против него и низложение» [9, лл.29-30].

Соловьёв обратил значительное внимание на ход событий, связанных с именем Лжедмитрия. В программе не уделено особого внимания социальному смыслу событий, как это впоследствии будет представлено в «Истории России» Соловьёва – борьбе государственных элементов с антигосударственными (казачеством).

Далее, при освещении событий, последовавших после свержения Лжедмитрия, Соловьёв разворачивал перед слушателями широкую панораму военных действий как в центре страны, так и на западе и севере: « Избрание Шуйского на царство, коронование его. Противники Шуйского. Явление второго самозванца. Борьба с ним. Успехи на севере. Явление новых самозванцев. Война с тушинцами и Сигизмундом. Осада Троицкой лавры. Продолжение борьбы с самозванцем. Война с Польшею. Осада Смоленска Сигизмундом; союз последнего с тушинцами и договор. Смерть Скопина. Новая война с самозванцем, успех последнего. Низложение Шуйского» (лекция 32) [9, л.31]; «История междуцарствия. Опасность со стороны Жолкевского и самозванца. Присяга Владиславу. Деятельность Жолкевского; сношения с Сигизмундом. Смерть самозванца. Первое ополчение» (лекция 33) [9, л.32].

Начиная с 34-й лекции, рассказ Соловьёва освещал такую пору, которая не была затронута исследованием Карамзина. Историк повествовал о Втором ополчении, освобождении Москвы от поляков, избрании Михаила Фёдоровича Романова на московский престол [9, л.33].

Таким образом, в лекционном курсе Соловьёва история «Смуты» была дана полнее, чем у Карамзина. Молодой историк, освещая эту историческую эпопею, расширил хронологические рамки своего исследования, что было достижением, немаловажным не только для преподавания отечественной истории, но и для науки, пока ещё не освоившей материал XVII в.

Далее Соловьёв реконструировал события первой половины столетия – историю правления Михаила Романова и начало правления Алексея Михайловича, что выходило за рамки его «Очерка», опубликованного в журнале «Современник».

Освещение истории правления Михаила Романова было распределено в программе на три лекции. Однако, содержание каждой из них не было представлено так подробно, как в лекциях по истории «Смуты»: лекция 35 «Царствование Михаила Феодоровича. Дела казацкие, война со Швециею. Первая война с Польшею», лекция 36 «Вторая война Михаила Феодоровича с Польшею. Поражение Шеина и его участь. Отношения с другими государствами», лекция 37 «Значение патриарха Филарета. Дела при дворе. Пожарский. Минин» [9, л.34-36]. Судя по названиям частей лекций, в центре внимания историка были политические события, им посвящены две лекции из трёх.

История правления следующего царя – Алексея Михайловича – в программе распределена на три лекции. 38 – «Царствование Алексея Михайловича. Боярские фамилии. Морозов», 39 – «Никон, его деятельность до вступления на патриарший престол», 40 – «Никон, его деятельность по вступлении на патриарший престол» [9, л.37, 38, 39]. Получалось так, что в центре внимания Соловьёва оказывалась реформа Никона. Дело, видимо, было в том, что историк считал эту реформу близкой к петровским преобразованиям, видел в ней преодоление замкнутости страны; это придавало особое значение реформе.

Таким образом, уже в 1848-49 г., если не раньше, Соловьёв начал читать лекции по истории России в XVII в., а не «с начала 1850-х гг.» он в своих лекциях «вышел на рубеж Смутного времени», как считалось ранее [14, с.101].

Тема последней лекции наводит на вопрос – сохранились ли последние карточки с содержанием программы Соловьёва? Слишком уж резко, без итоговой лекции, без обозрения внутреннего состояния общества завершился курс. За его пределами остались такие события как городские восстания, восстание С. Разина, внешняя политика России. В своём раннем курсе историк остановился перед петровской эпохой, совершенно не разработанной в его время. В литографированном курсе лекций 1867-1868 учебного года насчитывается 32 лекции, в курсе лекций 1873-1874 учебного года, опубликованном в сочинениях Соловьёва, 44 лекции. Видимо приблизительно такое же количество лекций он читал и в 1848-1849 гг. Это укрепляет в предположении, что последней карточки (последних карточек?) в архивном деле нет, но сохранившиеся свидетельствуют о том, что абсолютное большинство материалов в программе представлено. В указанном году Соловьёв ничего не говорил о петровской эпохе, тем более о поздних, послепетровских, временах.

Программа 1849-1850 г. относилась только ко второму полугодию. Поэтому в ней

не содержится освещения первых веков отечественной истории. Текст программы размещён на двух листах, исписанных характерным почерком Соловьёва – мелким и нелегко читаемым. Содержание программы обрывается на изложении событий «Смуты», не освещает истории страны в XVII в., хотя историком этот материал был уже обработан и включён в его лекционный курс, о чём ясно говорит программа 1848-49 г. Итак, один или два листа с текстом программы не сохранились.

Лектор должен был напомнить, что в первом полугодии изложение материала остановилось на внутренней деятельности Ивана Грозного. Следовательно, во втором полугодии речь должна идти в первую очередь о внешнеполитической деятельности царя Ивана.

И тут Соловьёв продемонстрировал, насколько вырос его курс в фактологическом отношении. По крайней мере, по отношению к его лекциям этого времени нельзя говорить о том, что в них действовала «тенденция к сокращению подачи конкретных фактов русской истории», тем более ошибочно считать эту тенденцию уже в это время «определяющей», как считал А.Н. Шаханов [14, с.101]. Наоборот, в программе Соловьёв расширял географические и тематические рамки обозрения исторической действительности. «Прежде будут показаны отношения к западным державам и во 1) к Ливонскому ордену: состояние Ливонии в описываемое время, причины её изнеможения, отношения к России, новый характер этих отношений, начиная с Иоанна III, характер отношений московского двора вообще к дворам Западной Европы в описываемое время», - такое введение он решил предпослать очерку о внешней политике Ивана [10, л.1]. В программе появляется такая важная деталь как обозрение состояния разных стран, с которыми имела отношения Россия: «Взгляд на состояние Польши при последних Ягеллонах». Историк ввёл характеристики зарубежных политических деятелей и социальных групп, определение значения их поведения: «роль Сигизмунда Августа и Радзивиллов», «действия высшего католического духовенства», «Антоний Поссевин и его значение в истории Восточной Европы» Рост объёма материала был чрезвычайный.

Показав политику Ивана IV, Соловьёв осветил правление его сына Фёдора. Здесь сказалось стремление историка связать то или иное событие с определённой закономерностью. При том, что Соловьёв считал Годунова виновником убийства Димитрия, о гибели царевича в Угличе он писал: «Царевич погиб, подобно предшествовавшим удельным князьям, жертвою старинных отношений между членами владетельной семьи» [10, л.1], о введении патриаршества в России: «Учреждение патриаршества, причины его не в чьих-либо личных стремлениях, но в самом положении восточной русской церкви относительно церквей западнорусской и константинопольской» [10, л.1-1 об.]. Историк показывал, как явление вписывалось в эпоху, соответствовало её характеру, обстановке, и, таким образом, в его освещении теряло всякую случайность. Оно, как любил говорить Соловьёв, было «естественно и необходимо».

В рассказе о правлении Бориса Годунова Соловьёв в первую очередь показал его внешнюю политику. В своём курсе историк не придерживался строго определённого плана изложения: то картина внешнеполитических действий предшествовала внутренней, то помещалась после неё. Во внешнеполитических событиях времени Годунова Соловьёв отметил следующие: «Сношения с Польшею и Швециею, происки в Ливонии, немцы при дворе московском… Сношения с Англиею, Григорий Микулин и его поступок. Сношения с Империею, папою, герцогом тосканским, Ганзою. Старания Бориса найти в иностранных владетельных семьях жениха и невесты для своих детей, судьба датского принца Иоанна Шведского Густава в России. Отношения к ногаям, Крыму; неудачи в Грузии. Дела сибирские, дальнейшее покорение края, характер битв и завоевания; распоряжения Бориса относительно новоприобретенного края» [10, л.1 об.].

Как видно, программа обещала очень подробное освещение внешней политики Годунова, с различными направлениями, с детальным освещением этой политики, вплоть до значимых эпизодов, на которых лектор хотел остановиться отдельно. Здесь уже чувствуется близость к будущему тексту «Истории России» с его детальными подробностями относительно внешнеполитических

дел правительства.

Далее программа освещала ход «Смуты». Здесь ещё не было предусмотрено осмысления глубоких причин этой внутренней войны, что было обстоятельно преподнесено позже в «Истории России». Изложение начиналось с поверхности явления – с придворных событий, большое внимание уделялось личностным чертам Годунова, его отношениям с различными боярскими фамилиями: «Подозрительность Бориса; доносы, гонения на Романовых и их приверженцев; поведение Бориса относительно Шуйских и Мстиславских» [10, л.1 об.].

В программе бросается в глаза подробность изложения событий гражданской войны. Тут и поступки отдельных лиц, и перепады в настроениях народа, положение и действия социальных групп: «весть о самозванце в Москве, расположение умов, явное доброжелательство мнимому царевичу», «выражение народного неудовольствия в Москве на поведение Лжедмитрия; обличители поведения поляков и казаков», «бегство Болотникова от Москвы; усмирение восточных областей. Оживление южного народонаселения», «дела во Пскове; вражда между лучшими гражданами и мелкими людьми, причины этой вражды. Старание лучших людей изгубить главных из мелких, последние принимают сторон Лжедмитрия, потому что лучшие держатся Шуйского», «северные города, характер их народонаселения; причины скорого занятия некоторых из них тушинскими войсками, характер этих занятий», «поведение двинских городов» [10, л.1 об., 2]. Уже из этого краткого перечня цитат заметно внимание Соловьёва к социальной стороне событий, к действиям социальных слоёв, к особенностям той или иной местности и их отражению в событиях «Смуты». В дальнейшем эта черта получит развитие в рассуждениях историка о нравственном состоянии народа как предпосылке внутренней войны, в его мысли о государственных и антигосударственных элементах среди участников событий.

Программа обрывается на событиях, связанных с выдвижением кандидатуры польского королевича Владислава на московский престол. Впереди у лектора был ещё значительный материал о «Смуте». Если в программе 1848-49 г. этой теме было уделено 5 лекций, то, думается, исходя из объёма разросшегося материала, в следующем учебном году таких лекций было несколько больше.

Другая программа 1850-51 г. представляет собою рукопись Соловьёва на двух листах. В отличие от двух предыдущих, эта программа сохранилась полностью. Автор подробно осветил содержание своего курса. Теперь он состоял из двух частей – для 3-го курса студентов и для 4 курса. Первая часть была посвящена древней истории России, вторая – новой. Ранее такой системы не было. В «Обозрении преподавания наук в Императорском Московском университете в 1849-50 академическом году» сообщалось, что, начиная с этого года профессор С.М. Соловьёв «преподаёт студентам 3-го курса 1-го отделения философского и 2-го курса юридического факультетов, соединённо, Русскую Историю по 4 часа в неделю и студентам 4-го курса 1-го отделения философ факультета тот же предмет по 2 часа в неделю» [5, с.2]. То есть с 1849-1850 г. Соловьёв уже накопил столько материала по новой истории России (XVIII в.), что был готов читать курс лекций, освещая эту область исторического знания, которая ещё не была освоена наукой его времени.

Сопоставление программ приводит к выводу о том, что лектор обогатил обзор научной литературы по отечественной истории. В программе 1850-51 г. говорилось о том, что в лекции «обозреваются труды по русской истории в XVIII-м и в первой половине XIX–го века с разделением обзора на три отдела: от начала XVIII века до вступления на престол императрицы Екатерины II-й, от вступления на престол Екатерины II-й до появления "Истории Государства Российского" Карамзина, и от Карамзина до 1850 года» [11, л.1]. Этой периодизации не было в программе 1848-49 гг. Видимо, она потребовалась из-за роста количества упоминаемых в лекциях трудов. Кроме того, заметно и то, что Соловьёв связывал выходившие в ту или иную пору исторические труды с обстановкой, в которой они создавались.

В лекционном курсе Соловьёва получала развитие важная черта, которая – теперь он показывал была подмечена в его программе 1849-50 г. - освещение состояние других стран, соседних с Русью. Так, в программе 1850-51 г. предполагалось, что до

освещения деятельности первых князей лектор даст «краткий обзор состояния соседних государств, преимущественно славянских, в эпоху образования русского государства» [11, л.1]. Видимо, для иллюстрации, демонстрирующей действие определённых исторических закономерностей, Соловьёв хотел сопоставлять Русь и другие страны.

В новой программе Соловьёв предусмотрел такой фрагмент, какого не было в программе 1848-49 г., – «Внутреннее состояние общества в обеих половинах Руси от половины XIII века до половины XV-го» [11, л.2]. Кроме важности самой темы, такая часть лекции оттеняла значение деятельности Ивана III, которая до этого у Соловьёва была как бы сглажена. При этом в лекцию включался «краткий обзор состояния других европейских государств, преимущественно славянских», так утверждалась устойчивая, характерная и оригинальная черта лекционного курса Соловьёва.

Об Иване III теперь говорилось подробнее, признавались «новые порядки вещей», вводимые в правление великого князя, а также «участие в переменах самого Иоанна, участие жены его Софьи Палеолог» [11, л.2].

В истории Московского государства Соловьёв прослеживал такую линию как движение внешней политики правительства в разных направлениях. При Иване III это «движение на север и восток», при Иване IV это «движение на восток». Видимо, в этих наблюдениях – эмбрион известной идеи Соловьёва о значении колонизации русским народом доставшейся ему огромной равнины.

Программа 1850-51 гг. для студентов 3 курса завершалась концом XVI в. Далее, в программе для 4 курса Соловьёв уже вёл речь о предшественниках Петра. При этом из программы выпал XVII в. с его бурной историей и уже в какой-то мере разработанный молодым профессором.

В истории царя Петра Соловьёву уже была ясна связь дел Петра с деятельностью его предшественников, из них он поминал пока только Фёдора Алексеевича. Об этом говорится в самом начале программы как о важной мысли. Потом она получит полное развитие в «Истории России» и станет основополагающей, концептуальной идеей при освещении Соловьёвым истории России в XVII в.

Соловьёв писал о «самостоятельной деятельности Петра как новом порядке вещей». Он хотел показать азовские походы, поездку Петра за границу, его возвращение, «казнь стрельцов, бунт астраханский, бунт Булавина». Лектор думал подробно излагать ход Северной войны, касаясь и состояния Швеции и характера Карла XII.

По принятой им от Карамзина традиции Соловьёв предусматривал освещение такой темы как «состояние общества в первой четверти XVIII века», предполагал говорить о литературе, в частности о сочинениях И. Посошкова.

Далее при чтении программы создаётся впечатление, что рассказ Соловьёва о событиях после смерти Петра сосредоточивается на жизни при дворе, на лицах, действовавших в ту пору, на интригах: «Меншиков, его поведение и свержение, характер …действующих лиц», «поведение Долгоруких и Пётр», «поведение приверженцев монархии…. Борьба их с верховниками и торжество», «регентство Бирона, его свержение, регентство Анны Леопольдовны, её свержение» [11, л.2 об.]. Изложение событий завершалось вступлением на престол Елизаветы Петровны.

Таким образом, во второй части своей учебной программы Соловьёв показал, что он освоил значительный материал по истории России в XVIII в., смог реконструировать картину событий, начиная с конца XVII столетия и до 1740-х гг. Правда, по степени подробности его рассказ о петровском и послепетровском времени заметно уступал ряду тем из XVI и XVII вв. Та социальная история, которая была основательно представлена в освещении предыдущих веков, при показе истории России в XVIII в. была совершенно заслонена описанием политических событий.

В конце всей рукописи историк сделал важную запись. Он указал на то, что основным стремлением, реализованным во всём его учебном курсе было «следить за постепенным и неослабным установлением государственного порядка, или наряда, в русской земле» [11, л.2 об.]. Эта мысль, так рано сформулированная, характеризовала его научное творчество в целом. Недаром коллеги, знавшие Соловьёва в пожилые годы, считали его историком созидания.

Позже, содержание курса лекций Соловьёва изменилось. В 1860 г. по его рекомендации должность доцента кафедры получил его ученик Н.А. Попов. Теперь он читал курс древней русской истории, а Соловьёв сосредоточился на преподавании истории новой – с правления Петра. В его курсах древняя история стала своего рода введением в изучение новой. Она подавалась слушателям обобщённо. В курсе 1867-1868 гг. древняя история освещалась в 9 лекций из 32, в курсе 1873-1874 года – в 15 из 44. Здесь историк проводил уже иные идеи – о расширении исторической сцены, на которую вступает то один, то другой народ, принимая участие общей жизни, о значении промышленного и торгового развития, об осознании русским народом необходимости поворота от Востока к Западу. То есть теперь Соловьёв прослеживал такие процесс в древней истории, которые шли на протяжении столетий, подготавливая переход к новой истории России.

Рассмотренные программы лекционного курса Соловьёва отражают начало его исследовательской и преподавательской деятельности. Обе эти линии были взаимосвязаны в работе историка – освоенные новые материалы включались в лекционный курс. Молодой профессор и развивал традиции Карамзина и всё больше отходил от того содержания отечественной истории, которое было запечатлено в труде его предшественника, в частности, от организации преподносимого материала. Довольно рано он стал осваивать материалы по истории России в XVII в. и включать их в общую картину истории страны. В его лекционном курсе 1840-х гг. уже проглядывали контуры будущего монументального труда «Истории России с древнейших времён», первый том которого вышел в свет в 1851 г. А в программе 1850-1851 г. были заложены некоторые основы освещения истории России в XVIII в. Именно в это время он начал систематическое изложение политической истории России в XVIII в., а не «десятилетием спустя», отсчитывая срок с начала 1850-х гг., как думал А.Н. Шаханов [14,с.101].

Тексты программ лекционного курса Соловьёва имеют свою специфику. В них не только сжато передано содержание лекций, но и указаны степень подробности изложения (обзоры), определены те явления, которые специально осмыслял автор. В системе понятий, которые отличали тексты программ Соловьёва, значительную роль играли такие понятия как «отношения», «характер», «значение». С их помощью учёный отражал связи между историческими явлениями, давал определения и отдельным личностям и большим историческим явлениям.

Анализ учебных программ, созданных Соловьёвым, показывает, что при изучении его преподавательской работы их необходимо рассматривать наряду с текстами его сохранившихся лекций как равноправные и важные источники. Без этого невозможно полностью реконструировать в динамике развитие научно-педагогической деятельности великого историка.

Список литературы

1. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М., 1980.
2. Карамзин Н.М. История государства российского. Т.I-XII. М., 1993.
3. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
4. Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1845-46 академическом году. М., 1845.
5. Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1849-50 академическом году. М., 1849.
6. Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1848-1849 гражданский годы. М., 1849.
7. Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пгд., 1923.
8. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.10-15. М., 1959-1966.
9. Соловьёв С.М. Конспект курса лекций по русской истории // НИОР РГБ. Ф. 285. К.3. Д.2.
10. Соловьёв С.М. Программа по кафедре русской истории, преподаваемой экстраординарным профессором Соловьёвым во втором полугодии 1849-1850 академического года. Для

3 курса 1-го отделения философского факультета // ОР РНБ. Ф.285. к.9. д.10. л.1-2. Ф.285. к.9. д.10. л.1-2.

11. Соловьёв С.М. Программа по кафедре русской истории, составленная экстраординарным профессором С.М. Соловьёвым на первое полугодие 1850-1851 академического года. Для 3-го курса историко-филологического факультета. 1850 // НИОР РГБ. Ф.285. К. 3. Д.3.

12. Соловьёв С.М. Лекции по русской истории 1873-74 г. // Сочинения. Кн. XXI Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998.

13. Соловьёв С.М. Обзор событий русской истории от кончины царя Фёдора Ивановича до вступления на престол дома Романовых // Современник. 1848, т.7. №1-2; 1849, т.8, № 3-4, т.13. № 1, 2, 3, 11, 12, т.14, № 3-4, т.18, № 11-12, т.29, № 9.

14. Шаханов А.Н. С.М. Соловьёв как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С.96-137.

OBSERVATION AND REFLECTIONS ON THE PROGRAM OF LECTURES BY S.M. SOLOVIOV, 1848-1849

The article is devoted to the important sources which brings a light to history of Soloviov's teaching and investigating in Moscow university – a programs of lectures which he delivered in 1848-1850's. These programs show that young professor developed some Karamzin's traditions and in the same time deviated from them. The main feature of his work was investigation of the materials of Russian history in XVII c. which were unknown to science of Soloviov's time. Soloviov paid the main attention to political events. In 1850-1851 he began to deliver Russian history in XVIII c. It was unknown field of history in Soloviov's time. Later he stopped lecturing of ancient Russian history. From 1860's this history had become an introduction to modern Russian history, it inflated of new ideas. So, the programs 1848-1850s are very important as a sources about the earliest period of scientific activity of the outstanding historian. In these programs the basis of famous "History of Russia from Ancient Times" was began to create.

Keywords: S.M. Soloviov, program of lectures, ancient history, modern history, political events, inside life

References

1. Illerickij V.E. Sergej Mihajlovich Solov'yov. M., 1980.

2. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva rossijskogo[History of the Russian state]. T.I-XII. M., 1993.

3. Koyalovich M.O. Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam[The history of Russian identity on historical monuments and scientific works]. Minsk, 1997.

4. Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom Moskovskom universitete v 1845-46 akademicheskom godu. M., 1845.

5. Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom Moskovskom universitete v 1849-50 akademicheskom godu. M., 1849.

6. Otchyot o sostoyanii i dejstviyah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1848-1849 grazhdanskij gody. M., 1849.

7. Platonov S.F. Ivan Groznyj. Pgd., 1923.

8. Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon[History of Russia since ancient times]. T.10-15. M., 1959-1966.

9. Solov'yov S.M. Konspekt kursa lekcij po russkoj istorii // NIOR RGB. F. 285. K.3. D.2.

10. Solov'yov S.M. Programma po kafedre russkoj istorii, prepodavaemoj ehkstraor-dinarnym professorom Solov'yovym vo vtorom polugodii 1849-1850 akademicheskogo goda. Dlya 3 kursa 1-go otdeleniya filosofskogo fakul'teta // OR RNB. F.285. k.9. d.10. l.1-2. F.285. k.9. d.10. l.1-2.

11. Solov'yov S.M. Programma po kafedre russkoj istorii, sostavlennaya ehkstraordi-narnym professorom S.M. Solov'yovym na pervoe polugodie 1850-1851 akademicheskogo goda. Dlya 3-go kursa istoriko-filologicheskogo fakul'teta. 1850 // NIOR RGB. F.285. K. 3. D.3.

12. Solov'yov S.M. Lekcii po russkoj istorii 1873-74 g. // Sochineniya. Kn. XXI Dopolnitel'naya. Raboty raznyh let. M., 1998.

13. Solov'yov S.M. Obzor sobytij russkoj istorii ot konchiny carya Fyodora Ivanovi-cha do vstupleniya na prestol doma Romanovyh // Sovremennik. 1848, t.7. №1-2; 1849, t.8, № 3-4, t.13. №

1, 2, 3, 11, 12, t.14, № 3-4, t.18, № 11-12, t.29, № 9.

14. SHahanov A.N. S.M. Solov'yov kak prepodavatel' // Istoriya i istoriki. 2002. Istoriograficheskij vestnik. M., 2002. S.96-137.

Об авторах

Кучурин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления Ленинградский областной институт развития образования (Россия), E-mail: vkpostal@gmail.ru

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr@mail.ru

Kuchurin Vladimir Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Management of the Leningrad Regional Institute of Education Development (Russia), E-mail: vkpostal@gmail.com

Dubrovski Aleksandr Mikhaylovich – phd, professor of department of Russian history, Bryansk state university (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 902.21 / 902.26

Миненко В.В., заместитель начальника Подмосковной археологической экспедиции, Институт археологии РАН (Россия)
Разумов И.Н., кандидат социологических наук, Институт археологии РАН, Москва (Россия)

ГОРОДИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ И СУДОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В статье рассматриваются результаты археологического обследования городищ эпохи раннего железного века (р.ж.в.) бассейна рек Десна (Неготино-8, Олсуфьево) и Судость (Издежичи) на территории Брянской области. Приводится развернутое описание изученных памятников, произведена их культурно-хронологическая атрибуция, выполнен анализ и типологическая датировка археологических находок (лепной посуды, украшений, элементов одежды, предметов быта и повседневного труда). Вводятся в научный оборот новые археологические находки, в т.ч. впервые обнаруженные на территории Брянской области. По результатам проведенных исследований уточняется датировка и культурная принадлежность ряда укрепленных поселений р.ж.в. в рассматриваемом регионе, прослеживаются активные контакты местного населения (преимущественно, юхновской археологической культуры) с соседними племенами лесной зоны Восточной Европы (днепро-двинской, милоградской и верхнеокской археологических культур), а также влияния скифской археологической культуры. В конце I тыс. до н.э. на этой территории появляются носители зарубинецкой культуры, что привело к изменениям в материальной культуре и выделению на ряде укрепленных поселений горизонта типа «верхнего слоя Полужского городища».
Ключевые слова: городище, ранний железный век, юхновская культура, днепро-двинская культура, верхнеокская культура, древности типа «верхнего слоя Полужского городища».
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-94-108

Изучением городищ раннего железного века (р.ж.в.) в бассейне верхнего течения рек Десна и Судость на протяжении XIX-XX вв. занимались многие исследователи. Сбор сведений о памятниках рассматриваемого региона был начат во второй половине XIX – начале XX вв. А.Г. Пупаревым и А.Н. Шульгиным. Отдельные памятники упоминаются в работах П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. В XX в. здесь работали А.Н. Лявданский, А.К. Амброз, Л.В. Артишевская, И.И. Ляпушкин, Н.В. Андреев, Л.В. Алексеев, А.С. Смирнов, П.Н. Третьяков, А.А. Узянов, О.Н. Мельниковская, Г.Н. Пронин, И.И. Артеменко, А.В. Кашкин и др. Раскопками отдельных памятников в разные годы занимались Б.А. Рыбаков, К.В. Павлова, Г.А. Массалитина. В 1990-2000-х гг. работы в Брянской области проводили Е.А. Шинаков, В.Н. Гурьянов, А.А. Чубур, Д.А. Карпов, в Калужской – Б.В. Грудинкин. Особое место в изучении региона занимают работы Е.А. Шмидта, Ф.М. Заверняева, И.К. Фролова, открывших и впервые обследовавших десятки памятников.

Однако, несмотря на более чем полуторавековую историю, степень проработанности в отечественной археологии проблемы изучения городищ бассейна верхней Десны и Судости следует признать неудовлетворительной.

В первую очередь, такая оценка связана с недостаточной изученностью уже известных памятников. В настоящее время на территории рассматриваемого региона, по данным различных источников, находится более 100 (102) городищ различных эпох. Из них к р.ж.в. относятся 72 укрепленных поселения. Культурно-хронологическая принадлежность большинства городищ достаточно условна, а значительная часть (17%) памятников не атрибутирована вовсе. Ряд памятников, упомянутых в источниках и отчетах исследователей, в настоящее время не локализован на местности.

Большинство городищ эпохи р.ж.в. было выявлено и обследовано в период с конца XIX по 80-е гг. XX вв., без применения современного инструментария и методик.

Для многих памятников отсутствуют полноценные описания и топографические планы, не определены границы объектов. Масштабные раскопки проводились только на трех памятниках: в 1948-1949 гг. на городище Благовещенская Гора Б.А. Рыбаковым вскрыто 550 кв. м, в 1974-1977 гг. П.Н. Третьяковым и Е.А. Шмидтом на городище Холмец – 900 кв. м, в 1976-1978 гг. на городище Троянова Слобода (Богданово) Е.А. Шмидтом исследовано также около 900 кв. м. В той или иной степени раскопками исследованы городища Воробейня (Б.А. Рыбаков, 1948 г.), Овстуг (Л.В. Артишевская, 1949 г., общая площадь раскопок – 160 кв. м), Бологча (А.С. Смирнов, 1982 г., 200 кв. м). А начиная с 1990-х гг., небольшими площадями исследованы всего два памятника – Бережки (Г.А. Массалитина, 1997-1998 гг., 48 кв. м) и Хотылево-1 «Кудеярка» (Хотылевская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством К.Н. Гаврилова, 2005-2006 гг., 42 кв. м).

В 2017 г. сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН была начата работа по проведению плановых обследований территории бассейнов верхней Десны и Судости, как с целью выявления, паспортизации и постановки на учет новых памятников археологии, так и обследования на современном уровне уже известных городищ, включая локализацию на местности, определение границ, съемку топографических планов, уточнение временных рамок существования поселений, а также мониторинг их состояния.

В первую очередь, были обобщены сведения различных источников о выявленных на изучаемой территории укрепленных поселениях, составлена карта-схема городищ эпохи р.ж.в. региона (Рис. 1). На территории Жирятинского района Брянской области локализовано на местности и обследовано известное по архивным данным городище Издежичи, находящееся в бассейне р. Судость. Затем, в бассейне р. Десна, на территории Жуковского района было обследовано неизвестное ранее городище Неготино-8, а также проведен мониторинг городища Олсуфьево. Это позволило получить новые и уточнить имеющиеся данные о структуре заселения исследуемого региона в период раннего железного века.

Городище Издежичи обнаружено в ходе разведок Р.Л. и И.Г. Розенфельдт, проведенных в рамках работ археологической экспедиции под руководством Б.А. Рыбакова во Вщиже и его окрестностях в 1948-1949 гг. Выявленный при обследовании археологический материал (лепная керамика с ямочным орнаментом по плечикам и защипами по венчикам, фрагменты грузил юхновского типа) позволили им отнести это городище к памятникам юхновской культуры [22, с. 76-77].

Городище расположено в 0,83 км к западу от д. Издежичи, на мысовом останце первой надпойменной террасы левого берега р. Рошь (правый приток р. Судость, правого притока р. Десна). Площадка городища подовальная, вытянута по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад на 69-70 м, максимальная ширина по северному краю – 20-21 м, по южному краю – 36-37 м. Общая площадь памятника – 0,31 га. Укрепления городища сохранились плохо: вал сильно оплыл, с северной напольной стороны размыт оврагом, на месте которого, возможно, находился ров. Культурный слой – черный и серо-чёрный песок с прослойками серого песка, включениями углей и печины, мощностью на разных участках от 0,14 до 0,50 м.

Наиболее интересная находка 2017 г. – навершие рукояти кинжала или меча (акинака) (Рис. 2, *№ 1*). Оно относится к числу простых наверший рукояти антенного типа с волютообразным завершением (отдел II, по А.И. Мелюковой). Основание навершия в разрезе (в горизонтальной плоскости) – плоско-выпуклой формы. В центральной части имеется сквозное отверстие подовальной формы (1,5 Х 0,3 см) для насаживания сверху и наваривания на стержень рукояти клинка. Антенны расположены вертикально (их высота – 1,2 см), перпендикулярно основанию навершия, верхние края горизонтально загнуты внутрь, края не сомкнуты. В отличие от классических волютообразных антенн, это

навершие имеет не округло-овальную, а подпрямоугольную форму. Датировка изделий данного типа – VI-V вв. до н.э. [15, с. 53-60].

Также найден фрагмент булавки с посоховидным навершием (Рис. 2, *№ 2*). Навершие повреждено и разогнуто, но, вероятно, имело каплевидную форму, завиток которого просто отогнут и является продолжением стержня. По типологии, разработанной А.М. Медведевым, относится к типу II, подтипу Б, характерному для памятников юхновской культуры и датируемому VI-III вв. до н.э., не исключая II в. до н.э. [14, с. 179-180].

Необходимо отметить находку обломка лезвия топора, вероятно, относящегося к типу «узколезвийных проушных». Этот тип топоров известен в скифских, юхновских, подгорцевских, милоградских, гетских, днепро-двинских и прибалтийских древностях. Они происходят из областей скифской культуры и отсюда широко распространяются на северные территории. Для юга эти топоры датируются VI-IV вв. до н.э. У племен верховьев Днепра они появились около IV в. до н.э. и бытовали значительно дольше, чем на юге [28, с. 51-52].

Среди других железных предметов – лезвие ножа, вероятно, являющегося переходной формой от коротких ножей с т.н. «горбатой» спинкой к ножам удлиненных пропорций с плоской спинкой (может быть датирован концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э.), а также различные стержни (шилья, иглы или булавки), аналогии которым широко распространены на памятниках р.ж.в. лесной зоны Восточной Европы [28, с. 60].

Изделия из глины представлены находками блоков овальной или округлой формы, при этом на поверхности одного блока имеется уплощенный участок со следами подсыпки мелкозернистого песка, образовавшийся при сушке готового изделия перед обжигом (Рис. 2, *№ 3*), а также обломком «рогатого кирпича».

Керамика городища Издежичи по способу формовки – лепная, по признаку дополнительной обработки поверхности до обжига – гладкостенная. Изготовлена из ожелезненных сортов глины, обжиг неполный, окислительный (двух или трехцветный). По составу формовочных масс выделяются 3 типа керамики:

1) «глина + дресва + песок». Дресва средне- и крупнозернистая, с зернами от 1 до 5 мм (а в ряде случаев – и крупнее) в поперечнике;

2) «глина + дресва + бурый железняк (лимонит)». Дресва средне- и мелкозернистая, включения бурого железняка носят естественный характер;

3) «глина + дресва + шамот + песок». Дресва мелкозернистая (1-2 мм в поперечнике); включения шамота редкие, некрупные; примесь песка, вероятно, носила естественный характер («запесоченность» исходного сырья); в черепках также имеются редкие пустоты от выгоревшей органики.

Судя по имеющимся в коллекции фрагментам, сосуды имели слабопрофилированную (Рис. 3, *№ 1*) или баночную форму с относительно тонкими стенками (по тулову – 0,5-0,6 см, в придонной части – до 0,8 см). Орнаментация редкая, в виде двух горизонтально расположенных рядов округлых вдавлений (диаметром 0,5 см и глубиной 0,1 см), нанесенных деревянной палочкой (вероятно, торцевой частью сухой ветки) (Рис. 3, *№ 2*), и неглубокие вдавления косо поставленной палочки, вероятно, образующие треугольную композицию.

Лепная керамика городища Издежичи имеет аналогии в материалах юхновской культуры [10, с. 75-87] и в широких рамках может быть датирована I тыс. до н.э. Керамика первых двух типов может быть соотнесена со средним этапом развития юхновской культуры (по В.П. Левенку) и датируется V-III вв. до н.э. Третий тип керамики с примесью шамота может быть характерен как для раннего этапа юхновской культуры (VII-VI вв. до н.э.), так и для ее позднего этапа (II-I вв. до н.э.) [12, с. 91-92]. Но отсутствие вещей, типов керамики и способов ее орнаментации, характерных для «позднеюхновского» этапа, позволяет рассматривать этот тип керамики как, возможно, наиболее ранний на памятнике.

На основе полученных археологических материалов, время существования городища Издежичи приходится на VII-III вв. до н.э.

Городище Неготино-8 («Красный городок») в 2017 г. обнаружено и обследовано впервые [21]. Находится в 0,86 км к северо-западу от д. Неготино Жуковского района, на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Десна. Площадка городища – овальная, вытянута с северо-востока на юго-запад, размеры 57-58 х 26 м. Общая площадь – 0,42 га. С напольной стороны имеются два вала и ров шириной до 5 м.

Коллекция индивидуальных находок включает изделия из железа – рыболовный крючок, различные стержни (иглы или шилья), два наконечника стрел с пером листовидной формы, серп или жатвенный нож, которые появляются на городищах лесной зоны Восточной Европы во 2-й половине I тыс. до н.э. [9, с. 18], а также черенковые ножи, в том числе один – с «горбатой» спинкой. По К.А. Смирнову, это тип 2 [25, с. 37-38], распространенный, примерно, с конца I тыс. до н.э. по V в. н.э.; по Р.С. Минасяну (группа I), ножи с горбатой спинкой, хорошо известные в лесной зоне Восточной Европы, «практически исчезают в третьей четверти I тыс. н.э.» [16, с. 69].

Отдельную группу железных изделий составляют элементы одежды – застежки, в том числе одна – круглая спиралеконечная (по К.А. Смирнову, тип 2, датируемый им I в. до н.э. – VI в. н.э. [25, с. 47-48], однако Н.А. Кренке считает возможным опустить нижнюю дату подобных изделий до II в. до н.э. [11, с. 57]) и булавки с посоховидным навершием, известные на памятниках юхновской культуры и датируемые VI-III вв. до н.э., не исключая II в. до н.э. [14, с. 179-180].

В коллекции имеется обломок изделия из цветного металла (Рис. 4, *№ 1*), состоящий из центрального стержня, перевитого жгутом, один край заканчивается уплощенной спиралью, свернутой в три оборота. Еще несколько спиралей (сохранилась только одна) были припаяны по бокам стержня. С его тыльной стороны имеется петлевидное ушко для крепления или привязывания изделия. Аналогичный предмет был найден при раскопках в Калужской области на городище Ромоданово и атрибутирован Т.Н. Никольской, как застежка [19, с. 77. Рис. 28, № 5].

Особый интерес представляет находка ажурной биметаллической булавки с листовидным навершием (Рис. 4, *№ 2*). Ее размеры – 8,2 х 4,7 см. По долевой оси проходит основной стержень, напаянный на железную иглу (игла утрачена). От него расходятся нервюры – перевитые жгутиком, прямые, наклонные вверх. Внешний ободок состоит из витых элементов, идущих концентрически в четыре ряда. Ушко для привязывания – двойное, располагается с левой стороны навершия. В соответствии с типологией, предложенной А.А. Чубуром, подобные булавки относятся к типу 1 (верхнеокский) – прямые нервюры по отношению к оси образуют орнамент «ёлочка», подтип А – однонаправленная «ёлочка» ветвями вверх. По совокупности датирующих факторов, эти булавки относятся к IV-II вв. до н.э. и, вероятно, не переживают рубежа нашей эры [27, с. 117-135. Рис. 2].

По мнению А.А. Чубура, данный тип изделий распространен в бассейне Верхней Оки и Угры и не встречается на правобережье Десны. Ближайшим памятником региона, на котором найдены изделия подобного типа, является городище Торфель (располагавшееся на левом берегу Десны, в черте современного г. Брянск, недалеко от устья р. Болва). Т.Н. Никольская отмечает, что аналогичная булавка была найдена в т.ч. и при раскопках городища Овстуг [20, с. 30], однако в отчете Б.А. Рыбакова 1948-1949 гг. (руководитель работ – Л.В. Артишевская) подобные предметы не упоминаются. Таким образом, обнаруженная в 2017 г. на городище Неготино-8 («Красный городок») ажурная булавка с листовидным навершием – первая известная находка этого типа украшений на правобережье Десны.

Химический состав цветного металлаэтих двух предметов приведен в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты РФА химического состава металла

Предмет	Cu с (%)	Fe с (%)	Co с (%)	Ni с (%)	Zn с (%)	As с (%)	Ag с (%)	Sn с (%)	Sb с (%)	Pb с (%)	Au с (%)	Bi с (%)
№1	**53,831**	**1,909**	0,000	0,000	0,000	**2,646**	0,086	**27,601**	0,105	**13,814**	0,000	0,008
№2	**53,617**	**24,990**	0,027	0,000	0,000	0,680	0,085	**19,653**	0,122	0,826	0,000	0,000

Использовался метод безэталонного РФА-анализа на спектрометре M1 Mistral (Bruker); расчет и обработка спектров выполнялись с помощью специального программного обеспечения XSpectPro. При ранжировании данных порог легирования принят за 1%. С поверхности анализируемых изделий отбиралось по семь проб, далее рассчитывалось среднее значение для каждой из групп. РФА-анализ выполнен с.н.с. отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, к.и.н. И.А. Сапрыкиной. Авторы выражают ей глубокую признательность за помощь в проведении исследований

Исследованные предметы изготовлены из разных сплавов: №1 (стержень, перевитый жгутом) – из оловянно-свинцовой бронзы с высоким процентным содержанием олова (27,6%); №2 (булавка «верхнеокского» типа) – из оловянной бронзы (показатели по железу в результатах относятся к остаткам железного стержня). Такие показатели по содержанию основных легирующих компонентов (особенно, олова) характерны для цветной металлообработки лесостепного Поднепровья и Подонья (в частности, для коллекций из милоградских памятников) [13, с. 100]. Полученные данные хорошо коррелируют с результатами исследования коллекций, датированных V-IV вв. до н.э. – первыми веками н.э., в которых доминирующими типами сплавов являлись оловянно-свинцовая бронза с повышенным содержанием олова и (на втором месте по объему) оловянная бронза [24]. Таким образом, можно говорить об использовании «классических» для р.ж.в. типов сплавов при изготовлении исследуемых изделий. О местном (не импортном) характере изготовления этих украшений свидетельствует использование техники литья по типу «ажурного плетения» выплавляемой модели [23].

В этой связи необходимо отметить находки оплавков и выплесков цветного металла, что служит косвенным признаком наличия на городище в период его функционирования собственного литейного производства.

Изделия из глины представлены фрагментами рыболовных грузил и грузиков биконической и усечено-конической формы (на боковой грани одного из них острым краем щепки или палочки нанесен орнамент в виде вертикальных насечек клиновидного сечения) (Рис. 4, *№ 3*), характерных для древностей юхновской культуры.

Найдены также глиняные блоки овальной (яйцевидной) или округлой формы, изготовленные из ожелезненных сортов глины, цвет поверхности – розоватых, бежевых и светло-коричневых оттенков (у изделий с примесью железной руды – более темный). В тесте содержатся естественные включения болотной руды (лимонита) и мелкого песка. Поверхность тщательно заглажена, во многих изделиях имеются пустоты от выгоревшей органики.

Глиняные блоки различной формы считаются «типично юхновскими предметами» и были наиболее распространены на раннем и среднем этапе развития этой культуры в VII-III вв. до н.э. [12, с. 92].

Было найдено несколько экземпляров т.н. «рогатых кирпичей», интересной особенностью одного из них является отпечаток зерна на поверхности. Эти изделия широко известны на памятниках юхновской куль-

туры, однако считать их типично «юхновскими» нельзя, поскольку они имеют значительный ареал распространения на памятниках раннего железного века лесной зоны Восточной Европы.

Керамический материал городища Неготино-8 по способу формовки относится к группе грубой лепной керамики, изготовленной из ожелезненных сортов глины. Обжиг, как правило, неполный, окислительный (двух- или трехцветный). По признаку дополнительной обработки поверхности до обжига эта керамика относится к группе лепной гладкостенной – с характерной «бугристой» поверхностью от выступающих наружу крупнозернистых примесей, без следов ее дополнительной обработки (в ряде случаев имеются следы хаотичного заглаживания).

По составу формовочных масс выделяются 3 типа керамики:

1) «Глина + дресва + песок». Дресва средне- и крупнозернистая, с зернами от 1 до 5 мм (а в ряде случаев – и крупнее) в поперечнике. Ее концентрация в тесте высокая, в пропорции от 1:4 до 1:5. Песок, в основном, мелкозернистый, диаметром менее 1 мм.

2) «Глина + дресва + бурый железняк (лимонит) + песок». Дресва средне- и мелкозернистая, ее количественное соотношение находится в пределах 1:8. В тесте имеются многочисленные включения мелкого песка и лимонита.

3) Третий тип керамики близок ко второму и содержит рецептурную массу «глина + лимонит + песок», отличаясь лишь тем, что дробленая дресва не добавлялась в тесто целенаправленно, или ее включения единичны (случайны).

Примеси песка и бурого железняка в формовочных массах имеют, вероятно, естественный характер («запесоченность» исходного сырья). Окатанность и довольно крупные размеры зерен лимонита свидетельствуют о том, что руда уже находилась в глине во влажном виде. Очевидно, что сырье добывали на заболоченных участках, скорее всего, в пойме Десны.

Керамический материал городища Неготино-8 можно разделить на две культурно-хронологические группы, в соответствии с морфологическими особенностями сосудов, в первую очередь, формой и видом венчиков, а также орнаментацией и способом дополнительной обработки поверхности (или, в данном случае, – его отсутствием). Рецептурный состав формовочных масс играет вспомогательную роль, ибо, несмотря на имеющиеся в них различия, каких-то четких признаков, характеризующих тот или иной период существования городища, на основе имеющихся материалов пока выделить не удается (в каждой группе есть сосуды всех трех рецептурных типов керамики).

В первую (наиболее раннюю) культурно-хронологическую группу входят фрагменты лепных гладкостенных сосудов слабопрофилированной и баночной формы, без дополнительной обработки поверхности (Рис. 5, *№ 1-5*). Орнаментация сосудов редкая, встречены единичный экземпляр со сквозным отверстием (характерен для раннего этапа юхновской культуры, испытывавшей в это время влияние южных скифоидных лесостепных культур, вероятная датировка – VII-VI вв. до н.э.) и единичный экземпляр с «классической юхновской» орнаментацией в виде оттисков конца косо поставленной палочки (наиболее характерна для среднего этапа юхновской культуры – V-III вв. до н.э.). Необходимо отметить полное отсутствие в этой группе керамики обломков миниатюрных лепных сосудов, которые в значительном количестве встречаются на юхновских городищах.

Ко второй группе отнесены фрагменты лепных гладкостенных сосудов, венчики которых хорошо профилированы и резко отогнуты наружу (Рис. 5, *№ 6-7*). Основной способ орнаментации – пальцевые защипы или насечки по верхнему краю венчика. Такая керамика находит аналогии на памятниках круга древностей типа «верхнего слоя Полужского городища» или I и II этапа Почепской культуры (по А.К. Амброзу). Время бытования этого типа памятников приходится на I в. до н.э. – начало I в. н.э. [1, с. 59-62] или II-I вв. до н.э. [5, с. 41-

50; 6, с. 96-104; 7, с. 313].

Полное отсутствие на данном памятнике обломков керамики с лощеной (или тщательно заглаженной поверхностью) может свидетельствовать о том, что период окончания функционирования городища не выходит за рамки рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Таким образом, на основании полученных материалов городище Неготино-8 можно датировать VII-I вв. до н.э. и соотнести с древностями юхновской археологической культуры и горизонтом памятников «типа верхнего слоя Полужского городища».

Городище Олсуфьево было впервые обследовано И.И. Артеменко в 1972 г. [2, с. 39-40], датировано им периодом раннего железного века и XI-XII вв. Расположено в 0,33 км к югу от п. Олсуфьево Жуковского района, на оконечности длинного мыса надпойменной террасы левого берега р. Десна. Площадка городища – подовальная, 36-37 х 31-32 м. Общая площадь – 0,28 га. Городище, вероятно, имело сложную систему укреплений. Остатки сильно оплывшего внутреннего вала кольцевидной формы фиксируются по периметру площадки. В мысовой части вдоль подошвы склона террасы проходит полукольцевой ров и внешний вал, высотой до 1,5 м. В период существования городища ров, по-видимому, соединялся с руслом р. Десна (ныне – старица) и частично заполнялся водой. Подобные системы укреплений характерны для городищ днепро-двинской культуры.

Собранный на памятнике археологический материал включает обломки лепных сосудов р.ж.в. и круговой позднесредневековой керамики.

Лепная керамика изготовлена из ожелезненной глины, обжиг неполный, окислительный (двух или трехцветный). Вся керамика относится к группе грубой лепной гладкостенной без дополнительной обработки поверхности.

По составу формовочных масс выделяются 4 типа лепной керамики:

1) «глина + дресва». Дресва крупнозернистая, с зернами от 3 до 5 мм в поперечнике, включения обильные в пропорции 1:4 – 1:5;

2) «глина + дресва + бурый железняк (лимонит)». Дресва средне- и мелкозернистая, с зернами более 1-2 мм в поперечнике, концентрация примесей средняя;

3) «глина + дресва + песок». Дресва мелкозернистая, около 1 мм в поперечнике, примеси обильные (в пропорции 1:3);

4) «глина + песок». Песок в составе примесей некалиброванный, мелко- (до 1 мм в поперечнике) и крупнозернистый (1-2 мм).

Несмотря на отсутствие в коллекции профилированных и орнаментированных частей сосудов, лепную керамику городища Олсуфьево можно отнести к эпохе р.ж.в. и в широких рамках датировать 2-й половиной I тыс. до н.э. В пользу этой датировки свидетельствует наличие сложной системы укреплений, которые имеются как по периметру площадки городища, так и в его мысовой части, у основания склона. Большой объем проведенных фортификационных работ, в т.ч. на склонах и у подошвы основания площадки городища, считается характерным для древностей днепро-двинской культуры [26, с. 10], в то время как на юхновских городищах имеется одна линия укреплений (вал и ров) с напольной части площадки [10, с. 17-18] (хотя в бассейне верхней Десны имеются юхновские городища со сложной, многорядной системой укреплений).

Исследователи городищ Верхнедеснинского региона (Е.А. Шмидт, Ф.М. Заверняев, П.Н. Третьяков и др.) включали северную часть Брянской области (Рогнединский, Дубровский, северная часть Жуковского районов) в ареал днепро-двинской культуры. Л.В. Артишевская по итогам разведок 1954 г. проводит границу памятников юхновской культуры по Десне в Жуковском районе, отмечая, что, как правило, городища юхновской культуры располагаются на самой Десне, а днепро-двинские – на ее небольших притоках. Также, по ее мнению, «здесь будут открыты памятники и смешанного характера (…). Какая-то часть территории занята и теми, и другими памятниками … и, следовательно, резкой границы нет» [3, с. 88-89].

Городища днепро-двинской культуры в

этом регионе известны у деревень Бологча, Бабинки, Владимировка, Селиловичи, Тихая Пристань (Рогнединский район); Дубовец, Новоселки, Берестоκ-1 (Дубровский район) (к северу и северо-западу от рассматриваемого памятника) [4, с. 196-205; 17, с. 93-102].

Материалы юхновской культуры имеются на ряде близлежащих городищ: Рековичи-1 (Дубровский район), Летошники-1 (Жуковский район) [18, с. 74-84], возможно, Будянский и Федоровское (Рогнединский район) [4, с. 196, 206]. Но основная часть юхновских памятников (в т.ч. изученных раскопками) расположена южнее, в районе Вщижа, Неготино, Овстуга и далее вниз по течению Десны, а также в верховьях Судости. Городища Клетнянского района, расположенные на левобережных притоках верхнего течения Ипути (городища 1 и 2 у д. Акуличи 1-е, Каменец, городище 1 и 2 у д. Мужиново), также содержат материалы юхновской культуры [4, с. 104-110].

Таким образом, в результате работ 2017 г., проведенных Институтом археологии РАН на территории бассейна верхней Десны и Судости, были получены новые материалы, позволяющие уточнить культурно-хронологическую атрибуцию ряда укрепленных поселений данного региона, скорректировать данные предыдущих исследований и, в целом, дополнить картину расселения и хозяйственного освоения региона в эпоху раннего железного века. Вместе с тем, значительная площадь рассматриваемой территории, наличие практически полностью необследованных бассейнов крупных притоков Десны (таких, как Ветьма и Болва, протяженностью, соответственно, – 112 и 213 км) позволяют уверенно говорить, что дальнейшие исследования будут дополнять и конкретизировать эту картину.

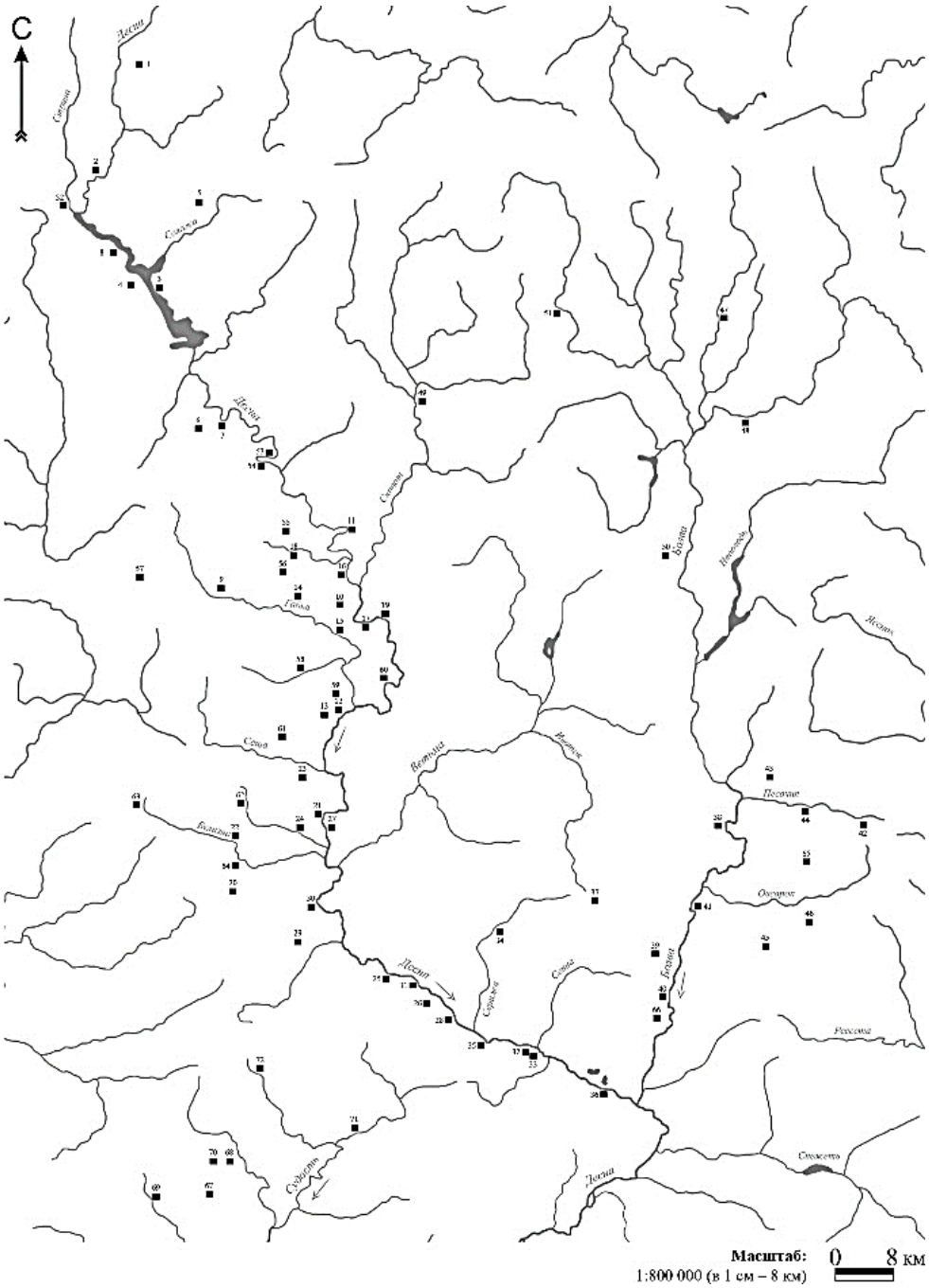

Рис.1 Городища эпохи раннего железного века. Бассейн верхней Десны:

1 – Данино, 2 – Дубровка (Дуброво), 3 – Троянова Слобода (Богданово), 4 – Городчанка (Богданово), 5 – Жарна (Жарное), 6 – Ильняги, 7 – Караковичи, 8 – Холмец, 9 – Бабинки, 10 – Бологча, 11 – Будянский, 12 – Владимировка-1 («Змеев Лог»), 13 – Владимировка-2, 14 – Пацинь, 15 – Селиловичи-1, 16 – Снопоть, 17 – Тихая Пристань 1, 18 – Федоровское, 19 – Копаль, 20 – Городец, 21 – Дубовец, 22 – Рябчи, 23 – Рековичи-1, 24 – Берестоk-1 («Кудеяров Курган»), 25 – Вщиж («Благовещенская гора»), 26 – Овстуг, 27 – Олсуфьево, 28 – Речица, 29 – Летошники-1, 30 – Борча-8, 31 – Неготино-8 («Красный Городок»), 32 – Хотылёво-1 («Кудеярка»), 33 – Хотылёво-2, 34 – Новониколаевка-1, 35 – Городец, 36 – Бежичи, 37 – Холодная Водичка-1, 38 – Хизовка-4 («Пристань»), 39 – Щученка (Быковка), 40 – Шибенец, 41 – Неверь («Быков Рог»), 42 – Авдеевка, 43 – Иночка, 44 – Орля, 45 – Павловка, 46 – Улемец, 47 – Анисово Городище, 48 – Бережки, 49 – Ямное, 50 – Усохи, 51 – Оболовка, 52 – Ольговка («Городок»), 53 – Остров, 54 – Степаньково, 55 – Чернея (Хлюстинка), 56 – Толвино, 57 – Аселье, 58 – Гатьково («Городец»), 59 – Студенец, 60 – Жуково, 61 – Зимницкая Слобода («Курган»), 62 – Алешня, 63 – Берлевец, 64 – Буда, 65 – Павловские Расчистки (Скурынск), 66 – Дарковичи-1.

Бассейн верхней Судости:

67 – Воробейня 1, 68 – Гнездиличи, 69 – Мехово, 70 – Рубча, 71 – Творишичи, 72 – Издежичи.

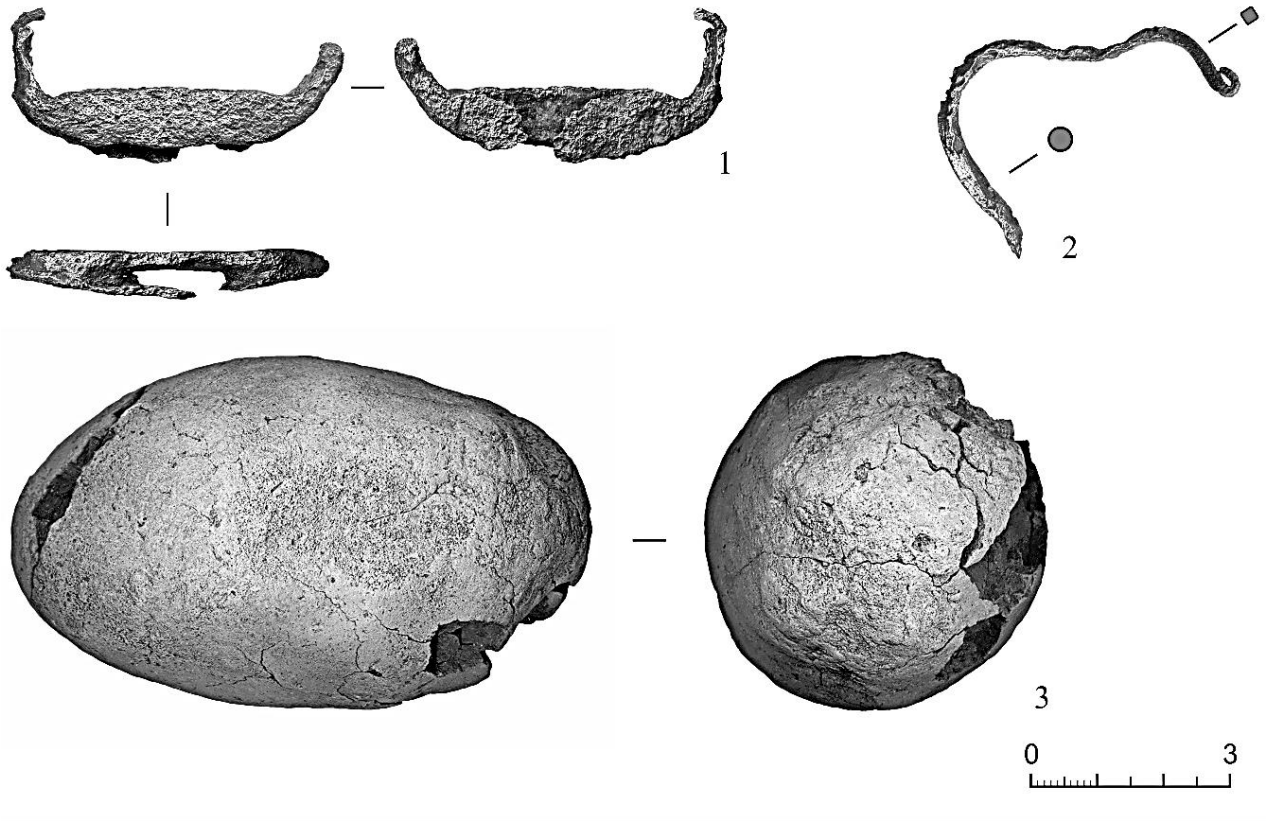

Рис.2. Находки с городища Издежичи:
№ 1 – фрагмент железного навершия антенного типа на рукоять кинжала или меча; № 2 – фрагмент железной булавки с посоховидным навершием; № 3 – фрагмент глиняного блока (ядро от пращи?).

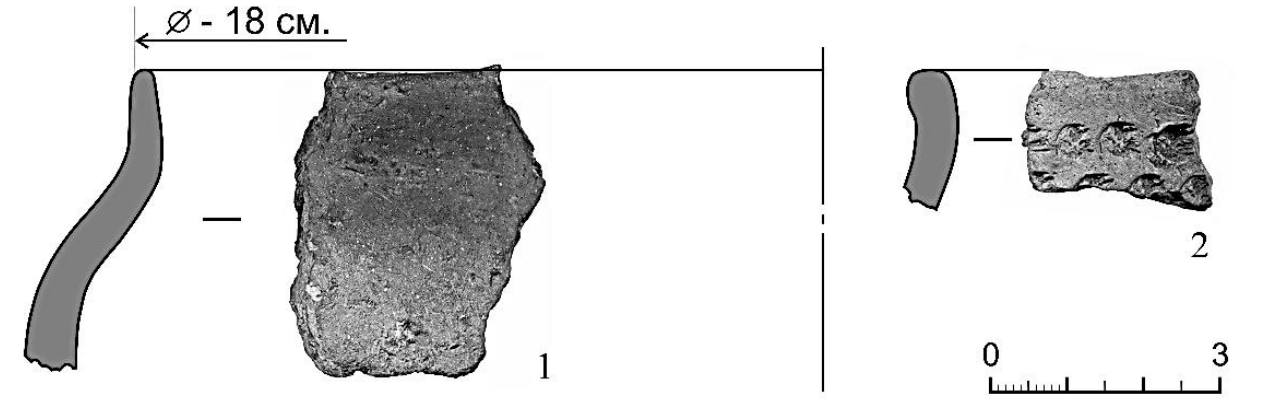

Рис.3. Лепная керамика с городища Издежичи:
№ 1-2 – фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов (юхновская археологическая культура – VII-III вв. до н.э.).

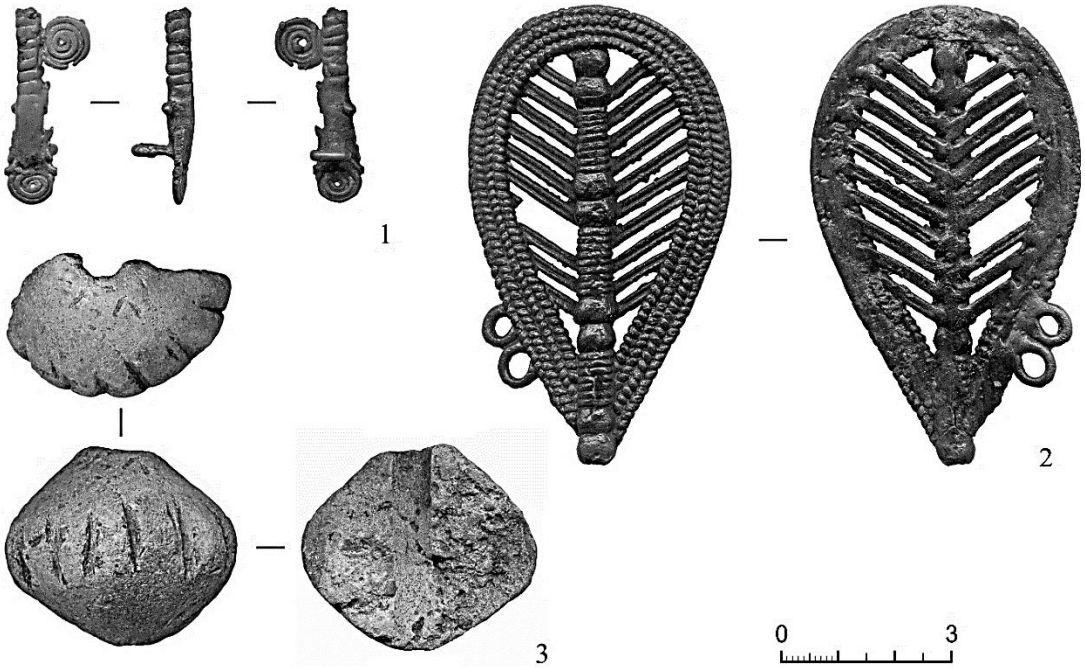

Рис.4. Находки с городища Неготино-8 («Красный городок»):

№ 1 – фрагмент застежки из цветного металла; № 2 – булавка биметаллическая ажурная с листовидным навершием; № 3 – фрагмент глиняного грузика с насечками.

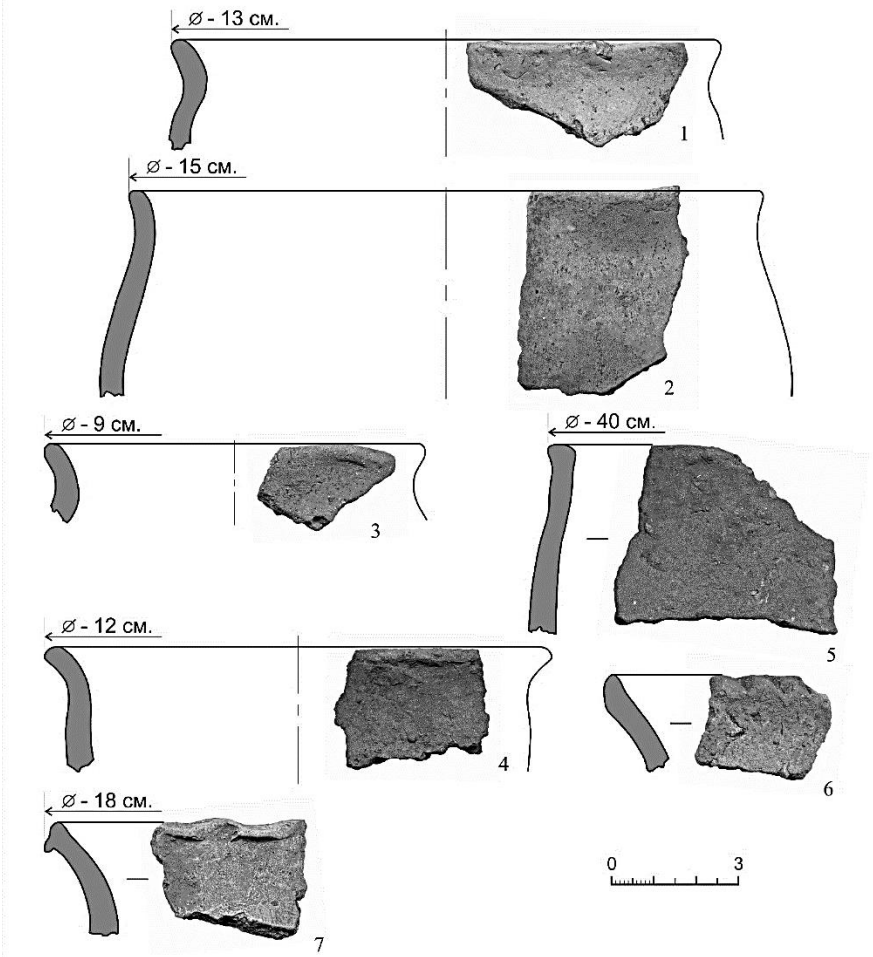

Рис.5. Лепная керамика с городища Неготино-8 («Красный городок»):

№ 1-5 – фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов (юхновская археологическая культура – VII-III вв. до н.э.); № 6-7 – фрагменты венчиков лепных гладкостенных сосудов с насечками и ногтевыми защипами по верхнему краю (горизонт древностей типа «верхнего слоя Полужского городища» – II-I вв. до н.э.).

Список литературы

1. Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н.э. // СА. № 1. М.: Наука, 1964. С. 56-71.

2. Артеменко И.И. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1972 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 4782.

3. Артишевская Л.В. Разведка в верховьях Десны // КСИИМК. Вып. 68. М., 1957. С. 84-89.

4. Археологическая карта России: Брянская область / Автор-сост. А.В. Кашкин. М., 1993. – 304 с.

5. Дробушевский А.И. Связи населения Нижнего Посожья и Подесенья в раннем железном веке // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Вып. IV. Брянск, 2006. С. 41-50.

6. Дробушевский А.И. О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Вып. V. Брянск, 2008. С. 95-103.

7. Дробушевский А.И. Памятники Чечерской группы (типа Кистени – Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сборник статей / Под ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 306-329.

8. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 107-188.

9. Исланова И.В. Городище Отмичи / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2008. – 284 с.

10. Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ, 2012. – 276 с.

11. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. – 548 с.

12. Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. № 3. М.: Наука. 1963. С. 79-96.

13. Лошенков М.И., Барцева Т.Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // Гістарычна-археалагічны зборник. № 6. Мінск, Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1995. С. 78-104.

14. Медведев А.И. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Мінск, Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1995. С. 172-201.

15. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М.: Наука, 1964. – 113 с.

16. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Материалы и исследования по археологии СССР. АСГЭ. Вып. 21 / Под ред. академика Б.Б. Пиотровского. Л.: Искусство, 1980. С. 68-74.

17. Миненко В.В., Сироштан И.И. Городище Береcток-1 («Кудеяров курган») – легенды и быль // Русский сборник. Вып. 8. Том. 1. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 93-102.

18. Миненко В.В., Фатьков А.М., Брусенцов О.А. Новые городища раннего железного века на территории Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г.: Научный ежегодник. Брянск, 2015. С. 74-84.

19. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961-1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102. 1964. С. 75-81.

20. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 72. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 152 с.

21. Разумов И.Н., Миненко В.В., Бишутин М.А., Федонин Р.А. Археологические раз-

ведки на территории Жуковского и Жирятинского районов Брянской области // Археологические открытия 2017 г. в печати.

22. Рыбаков Б.А. Отчет об археологических раскопках во Вщиже и его окрестностях // Архив ИА РАН. Р-I. № 1680.

23. Сапрыкина И.А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки // диссертация на соискание ученой степени к.и.н., специальность: 07.00.06-археология. М., 2007.

24. Сапрыкина И.А. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: «индекс романизации» // в печати.

25. Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 7-89.

26. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963. – 194 с.

27. Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой): сборник научных трудов. Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012. С. 117-135.

28. Шадыро В.И. Ранний железный век северной Белоруссии / Под ред. А.Г. Митрофанова. Минск: Наука и техника, 1985. – 126 с.

THE EARLY IRON AGE SETTLEMENT IN THE BASIN OF THE UPPER DESNA AND SUDOST IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DATA

The article discusses the results of archaeological surveys of hill forts of the early Iron Age (e. I.A.) in the basin of the rivers Desna (Negotino-8, Olsufyevo) and Sudost (Izdezhichy) on the territory of Bryansk region. The detailed description of the studied archeological heritage is given, their cultural and chronological attribution is made, and the analysis and typological Dating of archaeological finds (stucco ware, jewelry, elements of clothes and household items) is made. New archaeological finds, including those first discovered in the Bryansk region, are being introduced into scientific circulation. According to the results of the studies, the Dating and cultural affiliation of a number of fortified settlements of the early Iron Age is specified in the considered region, active contacts of the local population (mainly of the Yukhnovo archaeological culture) with the neighboring tribes of the forest zone of Eastern Europe (Dnieper-Dvina, Milograd and upper Oka archaeological cultures), as well as the influence of the Scythian archaeological culture are traced. At the end of I Millennium BC in this area the bearers of the Zarubintsy culture appear, which led to changes in the material culture and distinguishing in some of fortified settlements of the horizon of “the top layer of Poluzhskoye settlement" type.
Keywords: settlement, early Iron Age, Yukhnovo culture, the Dnieper-Dvina culture, upper Oka archaeological culture, antiquities of “the top layer of Poluzhskoye settlement” type.

References

1. Ambroz A.K. To the history of the Upper Podesenye in the I Millennium BC. SA. No. 1. Moscow: Science, 1964, pp. 56-71. (in Russian).

2. Artemenko I.I. Report on the work of the mid-Dnieper expedition of the USSR Academy of Sciences in 1972, Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAS], P- I No. 4782. (in Russian).

3. Arciszewska L.V. Exploration in the upper Desna region. KSIIM. Vol. 68. Moscow, 1957, pp. 84-89. (in Russian).

4. Kashkin A.V. Archaeological map of Russia: Bryansk region. Moscow, 1993, 304 p. (in Russian).

5. Drobushevski A.I. The Association of the population of the Lower Sozh and Podesenya in the early Iron Age. Desninskiye drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati F.M. Zavernyaeva. [Desninsky antiquity: materials of interstate scientific conference dedicated to the memory of F. M. Zavernyaev]. Vol. IV, Bryansk, 2006, pp. 41-50. (in Russian).

6. Drobushevski A.I. On top date of Yukhnovo culture. Desninskiye drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati F.M. Zavernyaeva. [Desninsky antiquity: materials of interstate scientific conference dedicated to the memory of F. M. Zavernyaev]. Vol. V, Bryansk, 2008. pp. 95-103. (in Russian).

7. Drobushevski A.I., Vorontsov A.M., Gavritukhin O.I. Heritage of Checherskaya group (such

as Flails – Chechersk) and the antiquities of Upper Dnieper period of Roman influences. Lesnaya I lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epkhu rimskikh vliyanii I velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3: sbornik statey [Forest and Forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influence and the Great migration. Conference 3: Collection of articles].Tula, State Museum-reserve "Kulikovo field", 2012, pp. 306-329. (in Russian).

8. Eniosova N.V., Mitayan R.A., Saracheva T.G. Chemical composition of gem-quality material of the middle ages and the way it enters into the territory of Ancient Russia. Tsvetniye i dragotsenniye metally i ih splavyna territorii Vostochnoy Evropi v epokhu srednevekovya. [Non-ferrous and precious metals and their alloys in Eastern Europe in the middle ages]. Moscow, Eastern literature RAS, 2008, pp. 107-188. (in Russian).

9. Islanova I.V. The ancient city of Otmice. Ranneslavyanskii mir. Arkheologiya slavyan i ih sosedey. [Early Slavic world. Archaeology of the Slavs and their neighbors]. Vol. 11. Moscow, IA RAS, 2008, 284 p. (in Russian).

10. Karavayko D.V. Monuments of Yukhnov culture of Novgorod-Seversky Polesye. Kiev, IA NAS, 2012. - 276 p. (in Russian).

11. Krenke N.A. Dyakovo settlement: culture of the population of the Moscow river basin in the I Millennium BC-I Millennium AD. Moscow, IA RAS, 2011, 548 p. (in Russian).

12. Levenok V.P. Yukhnovo culture (its origin and development) . SA. No. 3. Moscow, Science, 1963, pp. 79-96. (in Russian).

13. Losenkov M.I., Burtseva T.B. To the question of the bronze craft of the population of Milograd culture. Gistarichna-archealagichna zbornik [Historical-archeological collection]. No. 6. Minsk, Institute of history of Academy of Sciences of Belarus, 1995, pp. 78-104. (in Belarusian)

14. Medvedev A.I. Stick like pins. Gistarichna-archealagichna zbornik [Historical-archeological collection]. No. 7. Minsk, Institute of history of Academy of Sciences of Belarus, 1995. pp. 172-201. (in Belarusian)

15. Melukova A.I. Weapons of the Scythians. SAI. Vol. D 1-4. Moscow, Science, 1964, 113 p. (in Russian).

16. Minasyan R.S., Piotrovsky B.B. Four groups of knives of Eastern Europe of the early middle ages (on the appearance of Slavic forms in the forest zone). Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR[Materials and research on the archeology of the USSR. ASGE]. Vol. 21, Leningrad, Art, 1980, pp. 68-74. (in Russian).

17. Minenko V.V., Siroshtan I.I. Settlement Berestok-1 ("Kudeyarov mound") – legends and reality. Russkii sbornik [Russian collection]. Vol. 8, Book 1, Bryansk, RIO BSU, 2016, pp. 93-102. (in Russian).

18. Minenko V.V., Fatkov A.M., Brusentsov O.A. New early Iron Age settlement on the territory of the Bryansk region. Arkheologicheskiye issledovaniya v Evroregione “Dnepr” v 2013: nauchnii ezhegodnik [Archaeological research in the Euroregion "Dnieper" in 2013: Scientific Yearbook]. Bryansk, 2015, pp. 74-84. (in Russian).

19. Nikolskaya T.N. Archaeological excavations in 1961-1962 in the Kaluga region. KSIA, Vol. 102, 1964, pp. 75-81. (in Russian).

20. Nikolskaya T.N. The culture of the tribes of the upper basin of the Oka in the first Millennium B. C. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR[Materials and research on the archeology of the USSR]. No. 72, Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1959, 152 p. (in Russian).

21. Razumov I.N., Minenko V.V., Bishutin M.A., Fedonin R.A. Archaeological exploration in the territory of Zhukovsky and Zhiryatinsky districts of the Bryansk region. Arkheologicheskiye otkrytiya 2017 [Archaeological discoveries of 2017]. Publishing. (in Russian).

22. Rybakov B.A. Archaeological excavations in Vshchizh and around. Arkhiv Akademii nauk [Archive of the Academy of Sciences]. P- I, No.1680. (in Russian).

23. Saprykina I.A. Jewelry of Dyakovo culture based on the materials of heritage of the basin of the Moscow river. Dissertatsiyana soiskaniye echyonoy stepeni k.i.n., spetsialnost: 07.00.06 - arkheologiya [Doctoral thesis, specialty 07.00.06-archaeology]. Moscow, 2007. (in Russian).

24. Saprykina I.A. Zinc-containing alloys in nonferrous metal processing of forest and forest-steppe zones in the end of the I Millennium BC – first half of I Millennium AD.: "index of romanization". Publishing. (in Russian).

25. Smirnov K.A. Dyakov culture (material culture of settlements between the Oka and Volga rivers). Moscow, Science, 1974, pp. 7-89. (in Russian).

26. Tretyakov P.N., Schmidt E.A. Ancient settlements of the Smolensk region. Moscow-Leningrad, 1963, 194 p. (in Russian).

27. Chubur A.A. Pins with delicate top in the early Iron Age in Eastern Europe: typology, area, semantics. Drevnosti Dneprovskogo Levoberezhya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekovya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Puzikovoy): sbornik nauchnykh trudov. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezhya [Antiquities of the Dnieper left Bank from the stone age to the late middle ages (80 years since the birth of A.I. Puzikova): collection of science researches. Materials and research on the archeology of the Dnieper left Bank]. Vol. IV, Kursk, 2012, pp. 117-135. (in Russian).

28. Shadyro V.I., Mitrifanov A.G. Early Iron Age of Northern Belarus. Minsk, Science and technology, 1985, 126 p. (in Russian).

Об авторах

Миненко Владимир Владимирович – заместитель начальника Подмосковной археологической экспедиции, Институт археологии РАН (Россия). E-mail: vvminenko@yandex.ru

Разумов Иван Николаевич – кандидат социологических наук, Институт археологии РАН, Москва (Россия). E-mail: razumov_i@mail.ru

Minenko Vladimir Vladimirovich – Deputy Head of the Moscow archaeological expedition, Institute of archaeology of RAS, Moscow (Russia), E-mail: vvminenko@yandex.ru

Razumov Ivan Nikolaevich – PhD in sociology, Institute of archaeology of RAS, Moscow (Russia), E-mail: razumov_i@mail.ru

УДК 93/94

Михальченко С.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Ф.В.ТАРАНОВСКОГО[1]

Статья рассказывает об истории создания первого крупного научного труда выдающегося отечественного историка права Ф.В.Тарановского – «Обзора памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи» (Варшава,1897). С использованием ранее не известных источников показывается роль и влияние профессоров Варшавского университета на становление научной биографии Тарановского, место книги о магдебургском праве в творчестве ученого.

Ключевые слова: Тарановский Ф.В., магдебургское право, Императорский Варшавский университет, Леонтович Ф.И.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-109-113

Имя специалиста в области истории и теории государства и права Федора Васильевича Тарановского (1875-1936) хорошо известно в исторической и правовой науках [4;8;9;10;17;18], его книги и статьи до сих пор переиздаются [1, с.188-223; 15; 16]. С конца 19 в. до 1919 г. он был доцентом, а затем и профессором Варшавского, Петроградского, Юрьевского, Екатеринославского университетов, а также Демидовского Юридического лицея в Ярославле. В 1918 г. был избран во вновь образованную Всеукраинскую Академию наук. Оказавшись в 1920 г. в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), он и там не оставил активной преподавательской, научной и организационной деятельности – был профессором Белградского университета по кафедре истории славянского права, в 1930-1936 гг. возглавлял Русский научный институт, опубликовал много книг и статей [8]. Первой большой научной работой ученого было его исследование о магдебургском праве [14] – оно не потеряло своего значения до сих пор: редкое исследование этого явления на территории Белоруссии и Украины обходится без ссылки на труд Тарановского[7; 12]. Истории подготовки книги (в связи с вновь вводимыми в научный оборот источниками) и посвящена настоящая статья.

Создание первой книги Тарановского было связано с его обучением в Императорском Варшавском университете, на юридический факультет которого он поступил в 1892 г.

Варшавский университет, основанный в 1816 г., затем был закрыт и восстановлен в 1869 г. как русский университет на польской (по этническому составу населения) территории. Основной задачей университета провозглашалась русификация студенчества. Юридический факультет, куда поступил Тарановский, кроме преподавания, наряду с правовыми, широкого спектра исторических дисциплин, отличался от других российских университетов еще и наличием особой кафедры славянских законодательств. Введенная по уставу 1863 г. во всех университетах, реально она существовала только здесь, в течение длительного времени занимал ее профессор Ф. Ф. Зигель [6; 13, с.222-227]. По воспоминаниям учившегося годом позже Тарановского Е.В.Спекторского, Зигель знакомил студентов со славянской, немецкой, французской и английской научной литературой. «Первая часть его двухгодичного курса была посвящена обширному историко-философскому введению с характеристикой Гегеля, Спенсера и других авторов, а также периодизации истории славянского права»[11, л.100]. В 1892 г. в Варшаву перешел профессором по кафедре истории русского права служивший до этого в Новороссийском университете Ф. И. Леонтович. «Он увлекался сравнительным методом и подробно излагал нам арийские основы европейской правовой культуры, - вспоминал Е.В.Спекторский. - Интересовался он и задругой у южных славян. В отличие от других своих русских коллег, он посвящал много внимания литовско-русскому праву»[11, л.99]. По государственному праву лекции читал А.Л. Блок, отец поэта. Именно этих трех профессоров позднее

[1] Выполнено при поддержке гранта РФФИ Проект №18-09-00437

называл Тарановский в качестве своих учителей. Сравнительный метод Леонтовича, широкая славяноведческая подготовка Зигеля и позитивистские по духу лекции Блока, анализировавшего Конта, оказали влияние на формирование мировоззрения ученого. Непосредственным руководителем первой студенческой работы Тарановского стал Леонтович. Федор Иванович Леонтович к тому времени прошел большой путь ученого и университетского профессора. Он долгое время преподавал в Новороссийском университете в Одессе, стал известен в науке, прежде всего, своими исследованиями в области литовско-русского права. С 1892 по 1902 г. он занимал кафедру истории русского права в Варшаве, сменив здесь Д.И.Самоквасова. Леонтович был требовательным руководителем - позже, когда он стал руководителем Тарановского как оставленного по кафедре истории русского права, он составил своему «аспиранту» обширную памятку о работе. «С целью всестороннего изучения науки истории русского права, как в современном ее состоянии, так и на разных стадиях ее развития» стипендиат Тарановский должен был изучить громадное число источников и литературы не только по собственно русскому праву, но и по византийскому и монгольскому (так как было соответствующее влияние в древний период), а, главное, руководствуясь сравнительным методом, изучить практически все славянские и многие из западноевропейских законодательств. «По истории славянского права желательно изучение древнейших памятников права польского, чешского, хорватского и сербского [...] со знакомством, с главнейшими трудами славянских историков-юристов (Мацеевского, Бандтке, Иречека и др.), - писал Леонтович. - По истории западноевропейского права, в особенности, желательно ознакомление с древнейшими источниками, в особенности, с *leges barbarorum* и средневековым городским правом вообще, и с правом магдебургским в отдельности. Наконец, ради выяснения основных вопросов об исходных моментах в развитии правовых институтов, желательно было бы общее ознакомление с приемами изучения, применительно к истории права, данных сравнительного языкознания (в особенности, - правовой терминологии), этнологии, мифологии и вообще сравнительного изучения народного быта эпохи первобытной культуры» [19].

В качестве медального (фактически, выпускного) сочинения Леонтович предложил Тарановскому тему по истории магдебургского права в западно-русских городах литовской эпохи. Никогда специально не занимаясь историей магдебургского права и, вообще, мало занимаясь историей городов, Леонтович, конечно, постоянно встречался с этим явлением при изучении истории Великого княжества Литовского. Поэтому предложение темы исследования по истории магдебургского права в качестве медального не было для него случайным. Традиция давать т.н. медальные сочинения существовала в университетах Российской империи к тому времени не первый год. С одной стороны, она позволяла получить при окончании университета степень кандидата (где такая степень существовала, как в Варшаве), с другой – давала возможность профессорам отобрать лучших выпускников для оставления при кафедре для приготовления к профессорскому званию. Леонтович обратил внимание на талантливого студента во время практических занятий по истории Русской Правды, на которых Тарановский выступал с блеском. Поэтому предложение Тарановскому написать медальное сочинение было закономерным. Как вспоминал Спекторский, его друг погрузился в тему с большим интересом. «Иногда я заставал Ф.В. читавшим вслух рукопись своей работы о магдебургском праве денщику Кочанову, который, конечно, ничего не понимал», - писал он позже в воспоминаниях[11, л.134].

Магдебургское право в Великом княжестве Литовском к тому времени уже было предметом изучения в трудах В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Ф. Кистяковского [2; 3; 9], тем не менее, тема была достаточно актуальна, поскольку два основных исследователя доказывали диаметрально противоположные положения: Антонович настаивал на чужеродности магдебургского права для Украины, именно оно, по мнению историка, привело города Украины к упадку. Владимирский-Буданов, исследовавший действие магдебургского права в городах Польши и Литвы, пришел к иному вы-

воду: он считал, что основной причиной «падения» городов были их привилегии. Но так как привилегии получались городами при пожаловании им магдебургского права, то, фактически, оно оценивалось историком также негативно. Правда, Владимирский-Буданов не считал, как Антонович, что магдебургское право ввиду его чужеродности не применялось в славянских землях - он думал, что право действовало. И именно по иностранным источникам. «Срединную» точку зрения высказал Кистяковский, полагавший, что магдебургское право действовало по польским книгам, но видоизменялось под влиянием местных обычаев.

В процессе изучения источников («Саксона» П.Щербича и книг Б.Троицкого) Тарановский фактически присоединился к точке зрения Кистяковского об использовании на Украине и в Белоруссии польских переводов текстов магдебургского права при известном влиянии местных обычаев [5, с. 994]. Правда, Тарановский считал и «Саксон» Щербича, и книги Троицкого скорее популярным изложением законов, нежели строгим переводом оригиналов [14, с. 38, 55]. Общий итог исследования был таков: рецепция магдебургского права имела место, но осуществлялась не законодательным путем, а прецедентным, через судебную практику с использованием частных юридических сборников. Основанные на кропотливом источниковедческом анализе, выводы Тарановского позволили занять его первой книге важное место среди трудов по истории магдебургского права [7, с.212; 12, с. 248].

Книга, вышедшая в 1897 г., сыграла важную роль в дальнейшей академической карьере Тарановского. После успешного окончания университета он был рекомендован к оставлению при кафедре истории русского права для приготовления к профессорскому званию. «Аспирантура» Тарановского продолжалась с ноября 1896 по январь 1899 г. Руководителем магистрантской подготовки был назначен Леонтович, для которого Тарановский оказался, фактически, единственным учеником, достигшим академических высот, т.е. получившим степень магистра, а затем и доктора государственного права. Как уже отмечалось выше, план работы, предложенный Леонтовичем, был весьма обширен, и поэтому фактически все время было потрачено на подготовку к магистерским экзаменам. В диссертации, подготовка которой затянулась на пять лет, Тарановский также обратился к истории немецкой юриспруденции, тем самым ее можно до некоторой степени географически (но не тематически) считать связанной с сочинением о магдебургском праве [«Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии: историко-методологическое исследование» (Варшава, 1904)]. Тема его докторской диссертации была уже и географически иной, посвящалась она французскому государственному праву в 18 в. [«Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке» (Юрьев,1911)]. Многочисленные работы ученого 1910-х – 1930-х годов, написанные как в России, так и в эмиграции, весьма широки по тематике, но также вопросов правового устройства европейских городов не касались. Так что книга о магдебургском праве – первое большое научное сочинение ученого-осталась, кажется, единственным опытом его обращения к этому вопросу.

Список литература

1. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья /Сост. Е.А.Бондарева. М.: Вече,2012. 448 с.

2. Антонович В.Б. Исследование о городах Юго-Западного края / В.Б.Антонович // Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России . Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1885. Т.1. С. 133-195

3. Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.

4. Желдыбина Т.А. Правовое учение Ф.В. Тарановского в контексте сравнительно-исторического правоведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2 (84).С. 67-72.

5. Кистяковский А. Ф. Очерк исторических сведений о своде законов, действовавших в Малороссии под заглавием “Права, по которым судится малороссийский народ // Университетские известия. Киев, 1878. № 12. С. 961-1027.

6. Лаптева, Л.П. Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф.Зигеля (1845-1921) // История и историки. 2006. М.: Наука, 2007. С. 257 – 303.

7. Маложон О. І. Історіографія та джерела дослідження правової культури литовсько-польского периоду (XIV-XVI ст.) // Віснік Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2011. №4. С.211-217.

8. Михальченко С.И. Историк права Ф.В.Тарановский // Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań: Wydawnictwo Naukowe INPID UAM, 2004. T.1. S.147-180

9. Михальчич Р. История сербского права в трудах Федора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик,1996. С. 223—236.

10. Омельченко О.А. Московское государство в историографическом наследии Ф.В.Тарановского // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М.: ВЮЗИ, 1985. С.51-76.

11. Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01-30.230. Е.х.II.

12. Стренковский С.П. Дореволюционная российская историография городского самоуправления Беларуси в XIV-XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С.247-252.

13. Тарановски Т. Увод у историју словенских права. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1933. 260 с.;

14. Тарановский Ф. В. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи: Историко-юридическое исследование. Варшава 1897. 203 с.

15. Тарановский Ф.В. История русского права: Сборник статей. М.: Зерцало, 2014. 238 с.

16. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. 560 с.

17. Томсинов В.А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья 6-я: Федор Васильевич Тарановский: судьба и творчество // Законодательство. 2003. № 4. С. 87—90; № 5. С. 87—91.

18. Усенко І.Б. Академік Ф.В.Тарановський // Правова держава. Київ, 1993. Вип.4. С. 130-143.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 151. Д. 33. Лл. 62-62 об.

THE BEGINNING OF CREATIVE BIOGRAPHY OF F.V. TARANOVSKY

The article tells about the history of the creation of the first large-scale scientific work of the eminent Russian law historian F.V. Taranovsky “Overview of the monuments of the Magdeburg Law of Western Russian cities of the Lithuanian era” (Warsaw, 1897). Using previously unknown sources, the role and influence of professors of the University of Warsaw on the formation of the scientific biography of Taranowsky, the place of a book about Magdeburg law in the work of a scientist is shown.

Keywords: Taranovsky FV, Magdeburg Law, Imperial University of Warsaw, F. Leontovich.

References

1. Antonovich V.B. (1885) Issledovaniye o gorodakh Yugo-Zapadnogo kraya [Study on the cities of the South-Western Territory] // *Antonovich V.B. Monografii po istorii Zapadnoy i Yugo-Zapadnoy Rossii [*Monographs on the history of Western and South-Western Russia]. Kiev: Tip. Ye.Ya. Fedorova, v.1, pp.133-195

2. Bondareva Ye.A. (comp.) (2012) Pax Rossica: Russkaya gosudarstvennost' v trudakh istorikov zarubezh'ya [Pax Rossica: Russian statehood in the works of historians abroad]. Moskva, Veche

3. Kistyakovskiy A. F. (1878) Ocherk istoricheskikh svedeniy o svode zakonov, deystvovavshikh v Malorossii pod zaglaviyem “Prava, po kotorym suditsya malorossiyskiy narod [Essay on historical information about the code of laws in force in the Ukraine under the title “Rights by which the Little Russian people are suing]” // *Universitetskiye izvestiya [University news]*. Kiev, no. 12, pp. 961-1027

4. Lapteva L.P. (2007) Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' russkogo istorika prava, slavista F.F.Zigelya (1845-1921) [Scientific and pedagogical activity of the Russian historian of law, Slavist F.F. Siegel (1845-1921)] // *Istoriya i istoriki.2006 [History and historians.2006]*. Moskva, Nauka

5. Malozhon O. I. (2011) Istoriohrafiya ta dzherela doslidzhennya pravovoyi kul′tury lytovs′ko-pol′skoho peryodu (XIV-XVI st.) [Historiography and sources of the study of the legal culture of the Lithuanian-Polish period (XIV-XVI centuries)] [In Uktainian]// *Visnik Natsional'noyi akademiyi kerivnykh kadriv kul'tury i mystetstv [The National Academy of Leading Personnel of Culture and Arts]*, no.4, pp.211-217.

6. Mikhalchenko S.I. (2004) Istorik prava F.V.Taranovskiy [Historian of law F.V. Taranovsky] |// *Środkowoeuropejskie studia polityczne [Central European political studies]*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe INPID UAM, v.1, pp.147-180

7. Mikhalchich R. (1996) Istoriya serbskogo prava v trudakh Fedora Taranovskogo [The history of Serbian law in the works of Fyodor Taranovsky] // *Russian emigration in Yugoslavia [Russkaya emigratsiya v Yugoslavii]*. Moskva, Indrik, pp.223-236.

8. Omel'chenko O.A. (1985) Moskovskoye gosudarstvo v istoriograficheskom nasledii F.V.Taranovskogo [Muscovy in the historiographic heritage of F.V. Taranovsky] // *Razvitiye prava i politiko-pravovoy mysli v Moskovskom gosudarstve [Development of law and political and legal thought in the Moscow State]*. Moskva, VYuZI, pp.51-76

9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archives], f. 733, inv. 151, st.unit 3, fl. 62-62 rev.

10. Spektorsky E.V. Vospominaniya [Memoirs] // *Research Center of the Eastern Europe at the University of Bremen. Historical archives*. F.01-30.230. - II.

11. Strenkovsky S.P. (2010) Dorevolyutsionnaya rossiyskaya istoriografiya gorodskogo samoupravleniya Belarusi v XIV-XVIII vv. [Pre-revolutionary Russian historiography of the city government of Belarus in the XIV-XVIII centuries] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development],* no.4, pp.247-252.

12. Taranovski T. (1933) Uvod u istoriju slovenskih prava [Introduction to the history of Slovenian law]. Beograd: Izdavačka knjižarnica Gece Kona [In Serbian].

13. Taranovsky F. V. (1897) Obzor pamyatnikov magdeburgskogo prava zapadno-russkikh gorodov litovskoy epokhi: Istoriko-yuridicheskoye issledovaniye [Overview of the records of the Magdeburg law of the Western Russian cities of the Lithuanian era: Historical and legal research]. Varshava [Warsaw]

14. Taranovsky F.V. (2014) Istoriya russkogo prava: Sbornik statey [History of Russian law: Collection of articles] Moskva, Zertsalo

15. Tomsinov V.A. Pravovaya mysl' russkoy poslerevolyutsionnoy emigratsii. Stat'ya 6-ya: Fedor Vasil'yevich Taranovskiy: sud'ba i tvorchestvo [Legal thought of Russian post-revolutionary emigration. Article 6th: Fedor Vasilyevich Taranovsky: fate and creativity} // *Zakonodatel'stvo [Legislation]*. 2003, no. 4, pp. 87—90; no. 5, pp. 87—91

16. Usenko I.B. (1993) Akademik F.V.Taranovs′kyy // *Pravova derzhava [State of Law]*.Kyiv, issue 4, pp.130-143.

17. Vladimirskiy-Budanov M. F. (1868) Nemetskoye pravo v Pol'she i Litve [German law in Poland and Lithuania]. Sankt-Peterburg

18. Zheldybina T.A. (2012) Pravovoye ucheniye F.V. Taranovskogo v kontekste sravnitel'no-istoricheskogo pravovedeniya [Legal doctrine by F.V. Taranovsky in the context of comparative historical jurisprudence] [// *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*, no.2(84), pp.67-72.

Об авторе

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского E-mail: smikh10@mail.ru

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky E-mail: smikh10@mail.ru

УДК 94 (4) “15”

Моисеенко А.Д., магистрант 1 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН В ЕВРОПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНЪЮНКТУРУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье осуществляется постановка проблемы относительно взаимосвязи революции цен в Европе с Московским государством в XVI веке. Производится историографический анализ концепций, относящихся к данной проблематике. На основе источников в исследовательский оборот вводятся некоторые аналитические концепты для более детального рассмотрения социально-экономического пространства Московского государства. Предлагается поиск новых исследовательских стратегий для решения поставленного вопроса, учитывая некоторые противоречия предыдущих работ. Актуальность работы обусловлена уникальным характером, поскольку в историографии предпринимались исключительно косвенные попытки решения проблемы.

Ключевые слова: революция цен, торговый капитал, Московское государство, капитализм, инфляция прибыли, цены, монастыри, историография

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-114-120

.

В одной из работ Ф. Бродель поделился своим неоднозначным отношением к интерпретации хронологического XVI в. как монолитного исторического периода, а именно: ««Я скептически отношусь... к пониманию XVI века как некоего единства без уточнения, один это век или несколько. Я представляю “наш” век разделенным на два: “первый” XVI век начинается около 1450 года и заканчивается примерно к 1550 году, когда начинается “второй” XVI век, который длится до 1620 или 1640 года» [14, p. 73]. По мнению исследователя, принцип эскалации капитализма в контексте развития «мироэкономики» являлся базовой категорией постоянного видоизменения социально-экономической конъюнктуры. Именно XVI в., в том смысле, на котором настаивал Бродель, стал тем временем, обозначенное М. Фуко как «рождение современного мира», точнее его первым этапом. Следует понимать, в чём же заключалась главная особенность эпохи. Экономические трансформации системы европейского пространства стали главной движущей силой появления такого феномена как революция цен, интерпретации и причины которого в исследовательской литературе носят дискуссионный характер. Ученые, занимавшиеся разбором структурных сдвигов экономической конъюнктуры XVI в., давали различные оценки факторов и причин самого инфляционного феномена. Крайне актуально обозначить фактор возможности появления самой революции цен в контексте столкновения различных конъюнктурных пространств. Для этого стоит обратить внимание на предысторию динамического сдвига структуры европейского рынка относительно эскалации капитализма внутри региона. То есть следует понимать, что социальное пространство европейского региона, при условной унификации такового как единого пространства генезиса социально-экономической и политической структур испытало серьёзное воздействие глобальных катастроф континентального масштаба. По мнению Ж. Ле Гоффа, «Черная смерть» (1348 г.) унесла жизни около трети населения Европы, а «Великий голод» (1315–17 гг.) приблизительно четверть; указанные катаклизмы превратили обычный спад населения в демографическую катастрофу, которая повлекла за собой кризис рабочего потенциала населения, предопределивший ход исторического процесса на ближайшую сотню лет [8, с. 294-298]. Также, с середины XIV в. стагнировалось развитие феномена так называемой «коммерческой революции», который был описан специалистом в области средневековой экономики – А. Грейфом [17, p. 4-6], поскольку социальная структура не позволяла в ускоренном темпе развивать капиталистические отношения.

Тем не менее, экономика Европы медленно регенерировалась с периода 70-х гг. XIV в. Во-первых, заработная плата в производственных сферах имела тенденцию к росту. Основанием этому служат данные, приведенные Д. Нуупом и Г. Передуа относительно индекса заработных плат английских каменщиков. Указанный показатель увеличился с 94 (1350-е гг.) до 122 (1380-90-е гг.) [20]. Во-вторых, при том,

что цены на продукты производственного характера оставались практически неизменными, естественным следствием глобального демографического кризиса стало понижение цен на товары первой необходимости [15].

В таком положении европейский континент подходил к эпохе великих трансформаций, хронологически совпадавшей с периодом действия революции цен. Важно понимать основные причины появления самого инфляционного феномена. Анализ историографии революции цен приводит к некоторым особенностям построения системного характера и выстраивания логики пропозициональных установок относительно интерпретативных точек в понимании сущности феномена. Следует кратко остановиться на базовых позициях. Одним из первых теоретиков революции цен стал американский историк-экономист Э. Д. Гамильтон. Он попытался изложить основные тенденции и причины революции цен в Европе [18]. Работа помимо описания специфики феномена, также содержит анализ концепта инфляции прибыли или зарплатного лага («Profit Inflation»), получивший широкое распространение в экономической литературе XX в. Относительно самой революции цен Гамильтон вывел тезис о важном влиянии притока драгоценных металлов на континент. Согласно критикам его теории, приток испано-американского серебра не мог стать первоначальной причиной этого долгого и устойчивого процесса инфляции, так как она началась не только в самой Испании, но и задолго до сверхзначительного завоза серебра, то есть, в более позднее время (в 1550-х гг.). Помимо притока золота и серебра, Гамильтон опирается и на другие причины: 1) южно-немецкий бум добычи серебра и меди (1460–1535); 2) структурные изменения в средиземноморской торговле в связи с османскими завоеваниями [19].

А. Финкельштейн полагает, что феномен гиперинфляционного сдвига стал проявляться в 1470–80 гг., поскольку приведенные ею данные отражают резкий сдвиг в первой половине 1470-х гг. [16, p. 3-7]. Также, многие исследователи занимались поиском первопричин и начального этапа возрастания цен, но данный вопрос остаётся в историографии открытым, поскольку унифицировать имеющиеся данные не всегда представляется реальным из-за невозможности рассмотрения экономических параметров повседневных реалий в динамике.

Для данной работы наиболее важным является концепт инфляции прибыли или зарплатного лага, который являлся диспропорцией роста заработных плат и повышения цен. Следовательно, данный разрыв, который выступал в качестве главного источника первоначального накопления капитала. Концепт стал критиковаться, поскольку зарплатный лаг мог покрываться не зафиксированным заработком, а натуральным. Помимо этого, не всегда ясна пропорциональность стоимости первичного и вторичного продукта. По данным Э. Фелпс-Брауна и Ш. Хопкинс можно утверждать, что цены на готовые продукты питания росли в меньшей степени, чем на первичный товар [21, p. 293-299]. Таким образом, усовершенствование технологий позволяло снижать издержки подобного рода производств. Подобного рода проблему частично позволили разрешить данные, предложенные С. Ван Батом [22], позволяющие убедиться в верности тезиса Гамильтона. Но его данные отражают информацию только относительно Южной Англии, поэтому они не могут являться полноценным доказательством общеевропейского несоответствия. Также, не совсем ясно, что стало первопричиной зарплатного лага: революция цен или складывание новой мироэкономики. Тем не менее, самое высокое значение (155,1 для 1401–1450 гг.) совпадает с границей старой мироэкономики и новой, а самое меньшее (48,3 для 1601–1650 гг.) совпадает с окончанием революции цен. Данная корреляция указывает на верность суждения о «долгом» XVI в. Несмотря на косвенные факторы доказательства охвата настоящего феномена, описанный Гамильтоном процесс вписывается в классическое понимание процесса первоначального накопления капитала.

Для доказательства приведенного тезиса следует привести теоретические обоснования И. Валлерстайна относительно возможности существования капиталистической системы. Исследователь отмечает, что многие научные деятели обращают внимание на один из институтов, характеризующий капиталистическую систему, а именно: на наёмном труде, производстве для обмена и/или получения прибыли, классовой борьбе

или «свободном» рынке. Тем не менее, первые две характеристики не являются новыми для эпохи первоначального накопления капитала. «Свободный рынок», по мнению Валлерстайна, невозможен в абсолютном смысле этого понятия, а анализ социальных групп через призму классовой борьбы задает «слишком узкие рамки». Таким образом, теоретическим выводом автора является тезис о том, что система различного рода может называться капиталистической, главной характеристикой должно быть «настойчивое стремление к бесконечному накоплению капитала – накоплению капитала ради накопления ещё большего капитала» [7, с. 24-25]. Феномен зарплатного лага являлся идеальной платформой для ещё большего разрыва доходной части между различными слоями социального пространства.

Валлерстайн также добавляет очень важную деталь, которая позволяет авторам работы перейти к анализу социально-экономической системы Московского государства в XVI в., а именно: «для того, чтобы эта характеристика возобладала, должны быть механизмы, которые наказывают любых агентов, пытающихся действовать на основе других ценностей или с другими целями, в результате чего эти агенты столкнутся с серьёзными препятствиями» [7, с. 25]. Для анализа социально-экономической ситуации следует понимать основные специфические особенности развития региона. Наиболее подходящей моделью для рассмотрения в предложенном контексте конъюнктурных сдвигов является теоретический взгляд М. Н. Покровского, а именно понятие торгового капитала. Безусловно, концепция торгового капитализма имеет ряд проблем и противоречий, но в данной работе сам концепт торгового капитала является неким базисом для построения элементарной схемы механизмов существовавшей социально-экономической стратификации в Московском государстве. Предложенная модель упрощена и механизмы формирования групп унифицированы, однако они необходимы для проведения нестрогих аналогий с общеевропейским контекстом и подведения итогов относительно исследовательского потенциала поставленной проблематики.

В XVI в. в Московском государстве сложилось три агента торгового капитала: государь – торговая элита – монастыри. Государь к моменту создания Московской торговой компании и в процессе её активной деятельности стал монополистом на торговлю воском, мёдом и других наиболее прибыльных товаров, интересовавших европейцев [13]. Торговая элита, то есть внутренние гости, ввиду тех социально-экономических и политических трансформаций в Московском государстве в исследуемом столетии, крайне резко актуализировалась. Торговое население государства активно занималось службой великому князю, то есть высшие категории представляли интересы государя, например, осуществляя торговлю пушниной. Такая служба называлась «целовальной». Очень часто гости выполняли роль посланников царя в западноевропейские государства, чтобы играть роль определенного посредника в торговле между Западом и Московией. Например, царская грамота 24 апреля 1567 года датскому королю Фредерику II с просьбой о беспрепятственном пропуске через территорию Датского королевства гостей, которые были посланы в Антверпен для покупки «некоторыхъ предметовъ для царскаго обихода». Приведем отрывок из грамоты: «Послали есмя до града Антропя своего гостя … а съ ними послали есмя рухлядь своей казны, а велели есмя имъ во граде Антропе и въ тамошней стране купити къ нашей казне потребная» [11, стб. 91–92]. Это не единичный пример подобных посланий, которые можно найти не только в адрес датского короля. Гости выступали как посредники реализации торгового капитала царя.

Государь активно направлял торговые слои населения на Запад для реализации собственных интересов (например, как отмечал М. Н. Покровский, Иван IV к 1560-м гг. уже очень активно отправлял «своих гостей и купцов» для торговли в Антверпен, Персию и Англию) [10, с. 109-110]; но помимо этого, со временем, ввиду зарождения феномена «самоколонизации», царю стала выгодна и внутренняя экспансия, примером чего может стать случай помощи Строгановым в освоении этого региона. Речь идёт об определенной грамоте 1590 г. Федора Иоанновича, которая была направлена «Сольвычегодцамъ съ

Коряжемскаго монастыря» об указании «выбрати въ Сибирь на житье тритдать человекъ пашенныхъ людей з женами и з детми, и со всеми ихъ животы» [12, стб. 666–669]. Весьма показательный пример, с учётом того, что Строгановы фактически выполняли роль «управляющих» в становлении торгово-экономического потенциала региона.

Наиболее любопытным агентом торгового капитала становятся монастырские владения. В XVI в. в Московском государстве существовала целая группа жалованных грамот, направленных в большей части на защиту монастырских вотчин. В Московском государстве монастыри играли важную роль в становлении новой социально-экономической системы, которую частично имеет смысл характеризовать понятиями капиталистического миропорядка. Ввиду генезиса торгово-рыночных операций владения монастырей регулярно пополнялись, преобразовываясь в крупный торговый капитал, развитие которого приводило к деформациям социальных практик.

Монастыри и церкви регулярно становились объектами: 1) жалованных и «данных» грамот [4, стб. 449–455], согласно которым они получали в своё владение новые земли; 2) купчих грамот, свидетельствовавших о том, что священнослужители вместе с общиной покупали новые имения [5, стб. 339–367.]; 3) монастырские земли часто отмечались в льготных грамотах, которые обеспечивали свободу действий по развитию сельского хозяйства, промыслов и по вопросам преумножения собственного капитала [2, стб. 114–120]. Также, монастыри периодически награждались правом беспошлинной торговли на внутренних и внешних рынках (например, Жалованная грамота на беспошлинную покупку и продажу товаров Нижегородскому Благовещенскому монастырю (1473–1489) [3, стб. 122–123]. Таким образом, монастырские, реже просто церковные владения, были крайне важным элементом в реализации и обороте торгового капитала в Московском государстве в XV–XVI вв.

Монастыри играли огромную роль в вопросе трансформаций экономических тенденций и социальных практик в Московском государстве. На это указывают приходно-расходные книги крупных монастырей: они регулярно посылали людей для торговли на крупных и часто далеких рынках, а также много покупали и продавали [9, с. 26-30]. Монастыри были важными элементами реализации торгового капитала царя и собственного. Дополнительным аргументом в пользу предложенной модели наполняемости агентов торгового капитала в Московском государстве выступает так называемый концепт «злоупотреблений». «… И кто у нихъ въ томъ селце и въ деревняхъ и на селищахъ учнетъ жити людей, и наши наместницы и волостели и ихъ тіуни техъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въежжаютъ къ нимъ ни по что …» [1, стб. 82-84], эта формула встречается в ряде источников эпохи. Указанный акт «злоупотреблений», во-первых, был актуален для исследуемой эпохи, во-вторых, большая часть подобного материала направлена на обличение злоупотреблений царских наместников по отношению к монастырским вотчинам, государь также защищал в том числе и свои интересы, поскольку монастыри владели его имуществом, которое они же и преумножали. Безусловно, подобное явление не может быть детерминировано исключительно по экономическому признаку. Но представляется наиболее логичным, что различные группы интересов в совокупности давали лишь дополнительный повод к действию государя.

Выдвинутые аналитические категории не являются полноценным ответом в рамках поставленной проблематики. Тем не менее, необходимо осознавать, что в XV–XVII вв. механизмы формирования торгово-экономической элиты в Европе и России схожи. Агенты, «действующие на основе других ценностей или с другими целями» (не в интересах проводников торгового капитала), в результате сталкивались «с серьёзными препятствиями» (пример царских наместников). Данные категории населения, в результате ещё большего неэквивалентного разделения имущества, чем ранее, создавали ситуацию, при которой развивалась эпоха первоначального накопления (торгового) капитала.

Построенная аналитическая модель не

идеальна и имеет некоторые противоречия. Тем не менее, она важна для установления исследовательского потенциала проблематики. Исследователи первостепенных экономических факторов не имели возможности приблизиться к ответу на вопрос о возможности влияния революции цен на Московское государство. Это происходило по разным причинам: нехватка данных, невозможность сопоставления показателей и т.д. В данной работе предлагался эпистемологический подход к решению проблемы, то есть конъюнктурный базис, имеющийся у различных по своим характеристикам регионов, следует подвести под общий знаменатель, но не в виде элементарной и грубой унификации, а в результате рассмотрения самой логической структуры систем. Схожесть некоторых элементов конъюнктурных структур в Западной Европе и Московского государства очевидна, поскольку указанные регионы были связаны общей спецификой генезиса социально-экономического базиса, несмотря на различия первоначальных платформ. Поскольку настоящая работа носит характер постановки проблемы, следует обратиться к онтологической базе познания как такового. В качестве его характеристики наиболее показательным представляется обратиться к «трилемме Мюнхсгаузена», введенной Х. Альбертом. Суть её такова – если обоснования требуются для всего, то в них также нуждаются знания, на которых строится сама логика обоснований. Философ приходит к мысли, что подобная ситуация приводит к выбору между тремя альтернативами, а именно: 1) логический круг в дедукции, особенность которого заключается в том, что все обоснования выстраиваются вновь и вновь на основе друг друга; 2) прерывание процесса обоснования, смысл которого являет собой достижения определенного всеми признанного знания; 3) регресс в бесконечность, который связан с нескончаемым процессом обоснования того или иного знания из-за отсутствия достаточности обоснования [6, с. 38]. Все предыдущие исследования косвенно рассматривающие поставленную проблему шли по первым двум путям. Настоящая работа является поиском решения проблемы по пути «регресса в бесконечность». Историография вопроса наглядно доказала невозможность его решения при выполнении привычных методологических действий в рамках исторической науки. Третья опция, предложенная Альбертом и заставляет исследователя совершать неоднозначные ходы в своей исследовательской инициативе. Таковым для данной работы является и поиск решения проблемы через призму проведения нестрогой аналогии при анализе специфических особенностей функционирования логических структуры самих социально-экономических систем, поскольку большие нарративы не отвечают на вопросы, а исследования в русле исторической антропологии не нацелены на решение проблем «макро» характера.

Список литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 82–84. – №30 (V).

2. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 114–120. – № 31 (XXI–XXIV).

3. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 122–123. – № 32.

4. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I.– СПб., 1857. – Стб. 449–455. – №63 (XV–XX).

5. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. II. – СПб., 1864. – Стб. 339–367. – № 147 (V – XXV).

6. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем., вступит. Ст. и примеч. И. З. Шишкова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

7. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 23–60.

8. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А.

Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.

9. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1951. – 273 с.

10. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд., Ч.1, – М.: Госиздат, 1921. — 283 с.

11. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Т. XVI. – СПб., 1897. – Стб. 91–92. – № 23.

12. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Т. XXXII. – Пг., 1915. – Стб. 666–669. – № 345.

13. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. – Goteborg: Gothenburg University, 1973. – 232 p.

14. Braudel F. Quest-ce que le XVIe siecle? // Annales E.S.C. Volume VIII, Issue 1. 1953. p. 69-73.

15. Contamine P., Bompaire M., Lebeeq S., Sarrazin J.-L. L'economie medievale. 3eme edition. – Paris: A. Colin, 2003. – 447 p.

16. Finkelstein A. The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. – Leiden-Boston: Brill, 2006. – 374 p.

17. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 503 p.

18. Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1934. – 428 p.

19. Hamilton E. J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica Volume IX. №27. London, 1929 p. 338–357.

20. Knoop D., Peredur G. J. The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. – Manchester: Manchester University Press. 1933. – 294 p.

21. Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96. London, 1957. p. 289–306.

22. Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963. – 327 p.

REVOLUTION OF PRICES IN EUROPE AND HER INFLUENCE ON SOCIAL AND ECONOMIC CONJUNCTURE OF MUSCOVY

In the present article, a problem is set concerning the correlation the revolution of prices in Europe with the Moscow state in the 16th century. A historiographic analysis of the concepts related to this problem is carried out. On the basis of sources, some analytical concepts have brought into the research turnover for a more detailed consideration of the social and economic spheres of the Muscovy. Search for new research strategies is offered to resolve the issue in mind with regard to previous work inconsistency. The actuality of the work is due to a unique character, since in the historiography it has made exceptionally indirect attempts to solve the problem.

Keywords: The price revolution, commercial capital, Muscovy, capitalism, profit inflation, prices, monasteries.

References

1. Akty, otnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №30.

2. Akty, otnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №31.

3. Akty, otnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №32.

4. Akty, otnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. II. SPb., 1857. №63.

5. Akty, otnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. II. SPb., 1864. №147.

6. Albert, H. (2003) Tractat o kriticheskom razyme [Treatise on Critical Reason]. Yekaterinburg: Editorial.

7. Wallerstein I. (2017) Structurnyi crisis, ili pochemu capitalisty mogut schitat' capitalism ne vygodnym [Structural crisis, or Why capitalists may no longer find capitalism rewarding]. *Est' li budushchee u capitalisma?* [*Does capitalism have a future?*]. M.: Izdatelstvo Insituta Gaidara [Publishing House of Gaidar's Institute], 23-60.

8. Le Goff, J. (2005) Civilizacia srednivikovogo Zapada [Medieval Civilization]. Ekaterinburg,

U-Factoria. 560 p.

9. Mankov, A. G. (1951) Ceny i ih dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka [Prices and their movement in the Russian state of the XVI century]. M.-L.: Izdatelstvo Academii nauk SSSR [Publishing house of the USSR Academy of Sciences], 273 p.

10. Pokrovskiy, M. N. (1921) Ocherk istorii russkoi kultury [Essay of the history of Russian culture]. 4-e izd., part 1. M.: Gosizdat. 283 p.

11. «Russkaia istoricheskaia biblioteka» («RIB») [«Russian historical library»]. Vol. XVI. Spb., 1897. 91-92. №23.

12. «Russkaia istoricheskaia biblioteka» («RIB») [«Russian historical library»]. Vol. XXXII. Pg., 1915. 666-669. №345.

13. Attman, A. (1973) The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. Goteborg: Gothenburg University. 232 p.

14. Braudel, F. (1953) Quest-ce que le XVIe siecle? // *Annales E.S.C*. Volume VIII, Issue 1, 69-73.

15. Contamine, P., Bompaire, M., Lebeeq, S., Sarrazin, J.-L. (2003) L'economie medievale. 3eme edition. Paris: A. Colin. 447 p.

16. Finkelstein, A. (2006) The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. Leiden-Boston: Brill. 374 p.

17. Greif, A. (2006) Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press. 503 p.

18. Hamilton, E. J. (1934) American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 428 p.

19. Hamilton, E. J. (1929) American Treasure and the Rise of Capitalism // *Economica* Volume IX. №27. London, 338–357.

20. Knoop, D., Peredur, G. J. (1933) The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. – Manchester: Manchester University Press. 294 p.

21. Phelps-Brown, E.H., Hopkins Sheila, V. (1957) Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // *Economica*, XXIV, No. 96. London, 289–306.

22. Slicher van Bath, B. H. (1963) The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York. 327 p.

Об авторе

Моисеенко Арсений Дмитриевич – магистрант 1 курса кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Moiseenko Arseniy Dmitrievich – Master's degree student of 1 course of department of anthropology and ethnology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

УДК 94(73).082

Пареньков Д. А., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАТОЛИЧЕСКОГО ЛОББИРОВАНИЯ В США: БЮРО ИНДЕЙСКИХ МИССИЙ

В статье рассматривается возникновение старейшего лоббистского института Римско-католической церкви в США – Бюро католических индейских миссий. Автор анализирует основные причины, послужившие толчком к созданию первого постоянного действующего католического учреждения, нацеленного на продвижение интересов церкви в федеральных органах власти США; приводит обзор основных применявшихся Бюро лоббистских технологий и результатов его деятельности.

Ключевые слова: католицизм в США, конфессиональный лоббизм, государственно-церковные отношения
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-121-126

Наличие организационной структуры – один их ключевых факторов, определяющих успех лоббистских усилий некоммерческих групп интересов [1]. Институты, продвигающие необходимую повестку дня и осуществляющие непосредственное взаимодействия с органами государственной власти, выступают в качестве значимого ресурса, в том числе и для религиозных организаций. В Соединенных Штатах постоянно действующие офисы церковных лоббистов начинают открываться в начале XX века. Так, в 1900-1901 гг. в Вашингтоне появляются представительства Сайентистской церкви Христа и Адвентистов седьмого дня. Однако первые институты конфессионального лоббизма начинают оформляться в США практически сразу после завершения Гражданской войны в связи с возрастанием роли федерального центра [5]. Катализатором этого процесса стала провозглашенная в 1969 году «Мирная политика» президента Улисса Гранта, среди прочего предусматривавшая передачу права назначения агентов по делам индейцев христианским деноминациям [2].

Для религиозных организаций назначение агента, представлявшего на индейских территориях власть Соединенных Штатов, открывало возможности по увеличению собственной паствы и наращиванию церковной инфраструктуры за счет фактического контроля за религиозной жизнью конкретного племени. Кроме того, «Мирная политика» предусматривала выделение государственных субсидий на финансирование школ, детских домов и других социальных программ для коренных народов США. Неудивительно, что за столь ценный ресурс развернулась полномасштабная борьба, в которой Римско-католическая церковь (РКЦ) рассчитывала без особых усилий получить значительные преференции. Оптимизм католических иерархов основывался на преобладании католических проповедников среди индейских племен: они были первыми миссионерами на территориях 38 из 72 агентств по делам индейцев [4, с. 192]. На практике ситуация оказалась для РКЦ отнюдь не радужной. Совет уполномоченных по делам индейцев распределил агентства следующим образом: Методисты получили 14 агентств; Квакеры – 10; Пресвитерианам досталось 9; еще 8 агентств отошли Епископальной церкви; 6 получили в свое распоряжение Последователи Хикса; еще 5 были переданы Баптистам; Католики вместо ожидаемых 38 агентств получили лишь 7 [2]. Подобное распределение стало результатом пассивной позиции Римско-католической церкви, полагавшей, что успех миссионерской деятельности станет само собой разумеющимся основанием для получения желаемого результата. Учитывая, что Совет уполномоченных полностью состоял из представителей различных протестантских течений, ожидания такого рода были недальновидны.

Оказавшись на позициях проигравших, иерархи РКЦ мобилизовали свои ресурсы в попытках повлиять на Министерство внутренних дел и подотчетный ему Совет уполномоченных по делам индейцев с целью пересмотра распределения агентств. Основные усилия исходили от двух орегонских епископов – братьев Августина и Франсуа Бланчетов. Бланчеты действовали исходя из логики «прямого лоббизма», напрямую контактируя

с Министром внутренних дел Коламбусом Делано и другими официальными лицами. При этом коммуникация выстраивалась по трем линиям: корреспонденция от самих Бланчетов; передача информации через их представителей (в частности, миссионера Пьер-Жана Де Смета); коммуникация через вашингтонских иезуитов. Как отдельный канал коммуникации необходимо отметить фигуру священника Джорджа Дешона – однокурсника президента Гранта по Военной академии США. У Дешона, принявшего католицизм в 1852 году, за время учебы сложились дружеские отношения с будущим президентом. Он несколько раз представлял позицию РКЦ по вопросу индейских агентов лично Гранту. На этом этапе лоббистские усилия католической церкви остались без ответа, однако у Бланчетов сложилось четкое представление о том, какие из механизмов могут сработать, а от каких необходимо отказаться.

Прямая переписка с Делано от лица епископов Католической церкви показала свою низкую результативность. Многие письма оставались без ответа, а их нарастающее количество очевидно раздражало получателей. Свою роль играл и языковой фактор. Подробно изучивший корреспонденцию Бланчетов этого периода Питер Рахилл обращает внимание, что братья, для которых родным был французский, не всегда могли четко сформулировать свою позицию на английском [10, с. 69]. Не лучше дела обстояли и с местными иезуитами – они не владели достаточной информацией о католический индейских миссиях и были слишком заняты собственными проблемами, чтобы регулярно уделять время продвижению интересов западных епархий [10, с. 72]. Усилия представителей, напротив, имели свои плоды. Личный контакт и аргументированная позиция вынуждали представителей власти давать обещания, которые, хоть и не исполнялись, усиливали переговорную позицию на будущее. Более того, доверенные лица на месте имели возможность получить необходимую информацию о процессе принятия решений, в том числе и в электоральном контексте. Так, Дешон сообщал католическому руководству, что президент Грант не может позволить себе активных действий по данному вопросу из-за приближавшихся президентских выборов 1872 года. Избиратели из числа последователей различных протестантских деноминаций вряд ли оценили бы пересмотр ранее принятых решений в пользу католиков. Де Смет в свою очередь информировал о политических аспектах процедуры назначения агентов. После представления Советом уполномоченных по делам индейцев кандидатуры утверждались Сенатом. Республиканцы, в чьих руках находился парламент, в преддверии президентских выборов болезненно воспринимали фигуры, открыто выступавшие против партии и ее представителей. Этот фактор было необходимо учитывать при отборе кандидатур со стороны католической церкви. Де Смет подчеркивал, что подобная работа по отбору кадров не проводится. Так, предложенный РКЦ агент для резервации Уматилла был замечен в постоянных контактах с орегонской оппозицией в Сенате [10, с. 63].

Становилось очевидным, что продвижение интересов Католической церкви может быть более плодотворным при условии постоянного, прямого и личного контакта с властями. При этом фигура, представляющая РКЦ, должна была быть приемлема в глазах контрагентов и компетентна по вопросам продвигаемой повестки. Бланчеты резонно предположили, что такой вариант реализуем исключительно при наличии постоянного представительства в Вашингтоне, действующего от имени всей полноты Римско-католической церкви в США. В 1872 году орегонские епископы выступают с предложением по открытию такого офиса. После года переговоров в 1873 году Архиепископ Балтимора (главной на тот момент католической кафедры США) Джеймс Рузвельт Бейли назначает Чарльза Юинга Уполномоченным РКЦ по делам индейских миссий в Вашингтоне [9]. Кандидатура представляется тщательно подобранной. Юинг – практикующий адвокат, генерал армии Северян, сын первого министра внутренних дел США Томаса Юинга и шурин одного из наиболее заметных полководцев Армии Союза Уильяма Шермана. Сложно представить персоналию более удачную: католик, но не представитель духовенства; опытный адвокат, обладающий необходимыми навыками для взаимодействия с органами государственной власти; участник Гражданской войны на стороне Северян. Последнее особенно важно в

контексте заметного охлаждения американских властей по отношению к РКЦ из-за двусмысленной позиции Святого Престола относительно рабства и реверансов в сторону Конфедератов [5].

Первой инициативой Юинга стала петиция за передачу Католической церкви агентства Чиппева [9]. Последующие шаги Юинга вписывались в логику этой петиции – предельно детализированное изложение аргументированной позиции с отсылками к действующему законодательству и публичным выступлениям президента. В своем ходатайстве Юинг ссылался на официальные доклады Комиссара по делам индейцев для Министерства внутренних дел, в которых подчеркивалось, что католики первыми открыли свою миссию в Чиппеве и способствовали ее успешному развитию, в то время как протестантский проповедник покинул свою миссию в этом регионе. Юинг также привел содержавшуюся в официальных документах Министерства статистику 1870 года, согласно которой в Чиппеве 99% индейцев были католиками. Он также ссылался на заявления Гранта, в которых президент в качетве основания для выбора религиозной организации при назначении агентов нужно руководствоваться постоянством и успехами миссионерской работы. В качестве дополнительного инструмента Юинг использовал письменные обращения от индейских резерваций, в которых от лица вождей и других членов племени высказывалась просьба о назначении католического агента [3]. Не смотря на все усилия за 1873 год Уполномоченному РКЦ по делам индейских миссий и его помощникам не удались достичь никаких результатов. Перераспределения агентств в пользу Католической церкви не произошло, петиция по вопросу Чиппевы не возымела никакого эффекта, в Совете уполномоченных по-прежнему не было ни одного представителя РКЦ. В 1874 году РКЦ официально утверждает открытие Представительства уполномоченного, однако, учитывая столь неутешительные результаты работы за 1873 год, дальнейшее развитие вашингтонского офиса оказывалось под вопросом. Стремление Юинга расширить Представительство до полноценного Бюро встретило обоснованный скептицизм со стороны Бейли и епископата в целом. Архиепископ Балтимора усомнился в эффективности в такого рода работы, предполагая, что сложившаяся вокруг Совета уполномоченных по делам индейцев институциональная архитектура не оставляет для РКЦ никаких возможностей для реализации собственных интересов. С его точки зрения, между протестантскими деноминациями и администрацией Гранта сложилось настолько тесное сотрудничество, что для достижения своих целей католиком пришлось бы пойти на недопустимые уступки. Позиция Бейли подкреплялась угрозами всех членов Совета подать в отставку в случае назначения хотя бы одного католика в его состав. Расширение формализованной лоббистской активности могло спровоцировать еще больше раздражение протестантов [10, с. 102, 108]. Юинг же считал, что в сложившейся ситуации необходимо наращивать католическое присутствие. Его тезисы в поддержку расширения представительства в Вашингтоне включали в себя два основных пункта: нужно усилить лоббистскую кампанию, чтобы не допустить полного исключения католиков из индейских агентств; полноценное представительство продемонстрирует властям серьезность намерений РКЦ и ее готовность к активному включению в реализацию «Мирной политики» Гранта.

Аргументы Юинга требовали дополнительного подтверждения конкретными результатами работы Представительства. Первые результаты были скромными: Юингу удалось добиться от Министерства внутренних дел разрешения на импорт вина на Аляску для литургических целей католических миссионеров [10, с. 100]. В отношении же главного вопроса ситуация оставалась прежней – католики так и не получили в управление ни одного нового агентства. Осознав безрезультативность усилий на этом направлении, Уполномоченным РКЦ по делам индейских миссий сконцентрировался на другой задаче – получении государственного финансирования для католических школ на индейских территориях. Католическое лобби убеждало правительство, что субсидии на образовательную деятельность РКЦ будут плодотворны по нескольким причинам: католики

обладают необходимым количеством квалифицированных кадров; уже существующие школы подтвердили эффективность методик преподавания; государство сэкономит значительные средства, так как католические школы фактически не требуют расходов на персонал и будут обходиться в два раза дешевле государственных. Лоббистские усилия на этом направления оказались более чем успешны. Если в 1873 году ежегодная государственная поддержка католических индейских школ составляла 8000 долларов, то к 1883 году эта сумма возросла до 39175 долларов [8]. Уже к 1879 году число католических миссионеров и учителей увеличилось на 74, было построено 14 новых церквей, появилось 14 новых школ и 8 новых школ-интернатов. Для сравнения, в 1870 году было всего 8 образовательных католических учреждений для индейцев [10, с. 273]. Пиковое значение государственных субсидий было достигнуто в 1892 году, когда Римско-католическая церковь получила от государства 397756 долларов – 65% от общей суммы субсидий, выделявшихся в этот год на школы для индейцев. Вторая по объему полученного финансирования деноминация (Пресвитерианцы) получила лишь 44310 долларов [4].

Работа Юинга была оценена епископатом и в 1881 году Представительство уполномоченного РКЦ по делам индейских миссий было реорганизовано в Бюро католических индейских миссий, получившее дополнительных сотрудников и финансирование. Процесс институционализации первой католической лоббистской структуры на федеральном уровне завершился в 1884 году, когда на Третьем Балтиморском Синоде Бюро было официально признано институтом Католической церкви в США под руководство комиссии из пяти епископов. При этом существенную роль в этом процессе сыграл Святой Престол. Не смотря на локальный характер лоббистских задач, стоявших перед Уполномоченным РКЦ по делам индейских миссий, именно Рим оказал ту поддержку, которая была необходима институту в условиях скептицизма значительной части американского епископата и распространявшейся в католических газетах критики расходования средств. В 1877 году папа Пий IX даровал Юингу звание Рыцаря Ордена Святого Григория Великого, а в 1879 году в поддержку работы организации епископам США было направлено письмо Конгрегации пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide).

История Бюро католических индейских миссий представляет собой пример поиска религиозными организациями наиболее подходящей формы продвижения собственных интересов. В условиях американской политической системы институционализация лоббистской деятельности – необходимое условие реализации политических задач групп интересов. Однако в XIX веке наличие специализированных институтов для решения специфических конфессиональных лоббистских задач еще не представлялось самоочевидным. В случае с Католической церковью значимую роль в становлении этого процесса сыграли решительность отдельных епископов, энтузиазм привлеченного лоббиста и позиция центральных для всей церкви органов управления. Совпадение желания братьев Бланчет решить задачи развития собственной епархии за счет концентрированных усилий все РКЦ в США, стремления Юинга доказать работоспособность предложенной им модели и готовность Святого Престола оказать поддержку этому начинанию стали определяющими факторами появлении первой постоянно действующей лоббистской организации в Вашингтоне.

Хотя Бюро католических индейских миссий так и не смогло добиться пересмотра распределения агентств, результаты его деятельности в долгосрочной перспективе оказались более чем успешными. «Политика мира» гранта уже к концу 1870х годов продемонстрировала свою ограниченную эффективность, и на практике Совет уполномоченных по делам индейцев перестал поддерживать кандидатуры религиозных организаций на позиции агентов. При формальном контроле за большинством агентств протестантские деноминации стали утрачивать реальные механизмы влияния, что спровоцировало выход части деноминаций из программы. Первыми в 1879 году от сотрудничества отказались Квакеры [10, с. 321]. К 1881 году правительство полностью отказалось от практики назначения агентами представителей

христианских сообществ. В этой связи переключение усилий Бюро на получение субсидий для католических школ подтвердило свою оправданность как единственное продуктивное направление лоббистской активности. Всего за время реализации программы государственного софинансирования образовательных программ для индейцев, просуществовавшей до 1900 года, Римско-католическая церковь получила от правительства Соединенных Штатов 4540263 долларов [8]. Получение доступа к государственному финансированию и постоянное наращивание его объемов не могло не вызвать ответной кампании со стороны протестантских общин, вылившейся в итоге в полную отмену субсидирования религиозных школ для индейцев. Тем не менее, за время существования программы РКЦ удалось получить достаточные средства для развития собственной инфраструктуры. Начальные инвестиции в строительство и оснащение школ требовали куда больших затрат, чем их последующее содержание. При этом Бюро католических индейских миссий представляет собой редкий пример трансформации исключительно лоббистского института в организацию, оперирующую результатами собственной лоббистской деятельности. Бюро не только добивалось получения субсидий, но и распределяло их между католическими миссиями и школами. Постепенно функционал организации расширился до организационного обеспечения всех католических индейских миссий, чем Бюро занимается и по сей день.

Список литературы

1. Лошкарёв И.Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3 (54). С. 238-248.

2. Abing K. Directors of the Bureau of Catholic Indian Missions: Introduction. URL: https://www.marquette.edu/library/archives/Mss/BCIM/BCIM-SC1-directors.pdf

3. Annual report of the Board of Indian Commissioners to the Secretary of the Interior (1875). URL: https://hdl.handle.net/2027/hvd.32044024064354

4. Annual report of the Board of Indian Commissioners to the Secretary of the Interior (1892). URL: https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015039328243

5. Graziano M. In Rome we trust: The rise of Catholics in American political life. – Stanford: Stanford University Press, 2017. – 242p.

6. Hennesey J. American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States. – New York: Oxford University Press, 1981. – 397p.

7. Hertzke A. D. Lobbying for the Faithful: Religious Advocacy Groups in Washington, DC // Pew Forum on Religion and Public Life. Washington, DC: Pew Research Center. – 2012. URL: http://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2011/11/ReligiousAdvocacy_web.pdf

8. Ketcham W. Bureau of Catholic Indian Missions. In The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company (1910). URL: http://www.newadvent.org/cathen/07745a.htm

9. Publications of the Bureau of Catholic Indian Missions, January, 1879. URL: https://library.si.edu/digital-library/book/publicationsofbu00bure

10. Rahill P. J. The Catholic Indian missions and Grant's peace policy, 1870-1884 / P.J.Rahill. – Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1953. – 396p.

I INSTITUTIONALIZATION OF CATHOLIC LOBBYING IN THE USA: BUREAU OF INDIAN MISSIONS

The article studies the emergence of the oldest lobbying institution of the Roman Catholic Church in the United States - the Bureau of Catholic Indian missions. The author analyzes the main reasons that triggered the creation of the first permanently functioning Catholic institution aimed at promoting the interests of the church in the US federal authorities. The article presents an overview of the main lobbying technologies used by the Bureau and the results of its activities.
Keywords: Catholicism in the USA, religious lobbying, church-state relations.

References

1. Loshkariov I. D. Resources of influence of the Polish Diaspora I n the USA on the American foreign policy. Vestnik MGIMO-University. 3 (54). 2016. pp. 238-248

2. Abing K. Directors of the Bureau of Catholic Indian Missions: Introduction. URL: https://www.marquette.edu/library/archives/Mss/BCIM/BCIM-SC1-directors.pdf

3. Annual report of the Board of Indian Commissioners to the Secretary of the Interior (1875). URL: https://hdl.handle.net/2027/hvd.32044024064354

4. Annual report of the Board of Indian Commissioners to the Secretary of the Interior (1892). URL: https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015039328243

5. Graziano M. In Rome we trust: The rise of Catholics in American political life. – Stanford: Stanford University Press, 2017. – 242p.

6. Hennesey J. American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States. – New York: Oxford University Press, 1981. – 397p.

7. Hertzke A. D. Lobbying for the Faithful: Religious Advocacy Groups in Washington, DC // Pew Forum on Religion and Public Life. Washington, DC: Pew Research Center. – 2012. URL: http://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2011/11/ReligiousAdvocacy_web.pdf

8. Ketcham W. Bureau of Catholic Indian Missions. In The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company (1910). URL: http://www.newadvent.org/cathen/07745a.htm

9. Publications of the Bureau of Catholic Indian Missions, January, 1879. URL: https://library.si.edu/digital-library/book/publicationsofbu00bure

10. Rahill P. J. The Catholic Indian missions and Grant's peace policy, 1870-1884 / P.J.Rahill. – Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1953. – 396p.

Об авторе

Пареньков Даниил Алексеевич – преподаватель кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

Parenkov Daniil Alekseevich – lecturer at the Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (Russia), E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

УДК 94(73)”1900/1950”

Поподько В.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия).

РАСОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И НАСИЛИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ЮГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В статье охарактеризована обстановка, которая существовала на Юге США в первой половине XX в. Затрагиваются политическая, социальная, экономическая и этноконфессиональная сферы жизни южного общества. Насилие, носившее в основном расистский характер, господствовавшее в южных штатах на протяжении столетий, мешало этому американскому региону успешно развиваться. Расовая нетерпимость была характерна не только для южных штатов, но для всей страны в целом. Расовая сегрегация разделила общество на две составляющие и явилась причиной многих преступлений.

Ключевые слова: Юг Америки в первой половине XX в., ментальность южанина, расовая нетерпимость в США, расовая сегрегация в южных штатах.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-127-132

На первый взгляд США представляются относительно монолитной страной, но в ее глубине кроется множество проблем, этнических, конфессиональных, социальных и расовых противоречий. На примере современных Соединенных Штатов мы можем видеть, как эти настроения проявляются в сложившейся политической ситуации. Расовый вопрос всегда занимал главное место в американской истории. Современный «плавильный котел» не может существовать без конфликтов. Чем больше контактов происходит между группами (не только этническими), тем больше отличий между этими группами, тем сильнее их конфликтность.

С отменой рабства расизм никуда не делся, а только поменял форму в виде сегрегации. Официально расовая сегрегация закрепилась с отменой рабства в 1865 г. с принятием XIII поправки в Конституцию США. Американское общество разделилось на «белых» и «цветных». Школы, общественный транспорт, различные социальные сферы были разделены по цвету кожи [3].

Второй Ку-Клукс-Клан не стал таким же популярным на Юге, как первый Клан в 1860-е гг. Основные ячейки тайного расистского братства находились на Среднем Западе и Севере страны. Так, по всей Луизиане в пик расцвета Ку-Клукс-Клана насчитывалось 50 тыс. чел. В тот же период как такое же количество клансменов было только в одном Чикаго. Также в Атланте (Юг) в рядах кланистов состояло 20 тыс. чел., а в Филадельфии (Север) – 36 тыс. чел. Численность клансменов была разная по городам, но Север преобладал над Югом. Это было связано с переселением негров из южных штатов на Север. После Гражданской войны они заняли места ушедших белых на фронт, чем вызвали расовую нетерпимость. Рост черного населения постепенно приводил к росту радикализации. Причем разделять радикальные взгляды начинает как белое, так и черное население.

В южных штатах было распространено линчевание. Первые места занимали Техас и Луизиана. С конца XIX в. по 60-е гг. XX в. в Луизиане подверглись линчеванию 391 чел.: 335 афроамериканцев и 56 белых. Кроме негров убийству подвергались евреи, католики и итальянцы (из-за подозрений в сотрудничестве с мафией). Если сравнивать Юг с другими регионами, то здесь больше казнили черных, а на Западе – белых. Возможно, свои корни линчевание берет из «комитетов бдительности», которые были популярны во второй половине XIX в. Главной задачей линчевателей было «соблюдение законов», с чем якобы американское правительство не справлялось. Самое массовое линчевание произошло в 1892 г. и началось опять с появлением второго Ку-Клукс-Клана У. Симонса. Было множество случаев самосуда, которое выливалось из выступлений народа. Протесты на расовой почве были характерны и для конца XIX в. В Луизиане в 1887 г. 10 тыс. рабочих сахарных плантаций потребовали повышения заработной платы, но только разозлили своими протестами местную власть и жителей. Толпа начала линчевать, погибло

примерно около 300 чел. Так, в 1893 г. в Мемфисе толпа недовольных ворвалась в тюрьму и казнила негра за подозрение в убийстве.

Расовый вопрос оставался главной проблемой американского общества. Верховный суд в 1896 г. юридически закрепил право штатов на сегрегацию. На Юге действовали «Законы Джима Кроу», которые ущемляли права национальных меньшинств. Южное общество состояло из двух малых миров. Один мир был для белых, а другой – для цветного населения [17]. В некоторых районах, где проживали люди разных рас, налог на жилье и арендную плату был выше. Это обстоятельство способствовало появлению криминальных черных районов, в которых проживали бедные афроамериканцы. Репутация этих районов заставляла белых обходить их стороной. Разделение присутствовало и в найме на работу. Перспективные места доставались белым, а национальным меньшинствам предоставлялась неквалифицированная работа. Афроамериканцы таким же способом отвечали белым. Зачастую это вызывало напряжение в обществе [5, с. 174-175], [10].

С подобными проявлениями расизма на Юге правительство не могло еще успешно бороться. Нужно было менять общественное мнение и положить конец линчеванию. В Атланте в 1906 г. из-за сообщения в газете об изнасиловании афроамериканцами женщин примерно 10 тыс. белых мужчин вышли на улицы и начали вылавливать чернокожих. Погибли около 40 негров и 2 белых мужчины. Показательный характер носил инцидент в 1906 г. в штате Теннеси. Негр изнасиловал женщину и его из-за опасения растерзания толпой продержали в тюрьме пять недель. Виновника приговорили к казни с правом на апелляцию. Ночью толпа ворвалась в тюрьму и повесила негра на мосту. Впервые Верховный Суд США стал разбирать дело о линчевании. Виновников нашли и приговорили к 60 дням заключения за убийство. Общественные деятели просили обратить внимание на проблему линчевания на Юге. Так, журналистка Ида Уэллс провела расследование и привела статистику. Из всего количества подвергнутых линчеванию 70% составляли чернокожие, убитые за незначительные проступки. Она в 1889 г. написала письмо президенту США У. Мак-Кинли о решении проблемы линчевания на юге страны [7]. В 1909 г. была образована организация «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения», которая начала работу по ликвидации насилия. Вильсон в 1918 г. выступил с просьбой к американцам прекратить практику линчевания. Но общественное мнение было настолько сильным, что Сенат не поддержал президента в этом вопросе. Г. Трумэн и Ф. Д. Рузвельт не смогли ужесточить законы против линчевания из-за потери голосов южан. После Второй мировой войны случаи линчевания стали уменьшаться и связывали их с различными группами ненависти такими как Ку-Клукс-Клан. Федеральное правительство начало проводить расследования. Это стало возможным благодаря изменению общественного мнения и совместной борьбе белого и цветного населения Америки против коричневой чумы. Осознание опасности человеконенавистнической идеологии, способствовало переосмыслению ценностей и скреплению нации независимо от цвета кожи.

В Техасе в городе Уэйко в 1916 г. над чернокожим юношей состоялся суд по делу об убийстве белой женщины. Негр признал свою вину и был приговорен к повешению. После чего к нему на суде приблизилась толпа присутствующих, избила, а затем сожгла на костре. Некоторые из нападавших отрезали пальцы в качестве сувениров, а останки поместили в мешок и повесили на столбе [15, p. 1-8]. В Монтане в 1917 г. противниками профсоюзов, в лице «комитета бдительности» был похищен радикально настроенный член организации «Индустриальные рабочие мира». Он был сначала избит, а потом повешен. В Ист-Сет-Луисе в 1917 г. на протяжении несколько дней белые громили жилые кварталы черных из-за штрейкберхеров. Вследствие чего погибли около 200 афроамериканцев и 9 белых граждан. В 1918 г. в Джорджии толпа расправилась над 8 неграми. В Чикаго 27 июля 1919 г. молодой чернокожий парень пересек линию озера и заплыл на территорию белых. Толпа купающихся закидала его камнями, и он утонул. Полиция бездействовала, черное население начало возмущаться. Толпа белых организовала беспорядки против афроамериканцев. Белые устроили погромы чернокожего населения, поджоги и убийства. Беспорядки

были остановлены с помощью Национальной гвардии численность в 6 тыс. солдат. Пострадало немало людей. Погибли 38 чел., включая 23 афроамериканцев. 537 чел. были ранены, большая часть из них – черные (342 чел.). Из-за господствовавших в американском обществе расовых предубеждений. Волна кровавых беспорядков прошлась и по южным штатам Америки.

Усиление ксенофобии началось в 1919 г. Наблюдался рост членов Ку-Клукс-Клана. Эта организация достигла пика своего могущества в 1921 – 1925 гг. Талса (Оклахома) славилась линчеванием. За 13 лет в городе произошел 31 суд Линча. Так, в Таласе в 1921 г. с появлением Ку-Клукс-Клана, произошли негритянские погромы. Белое население подожгло дома в черном районе. Эпицентром насилия стал Гринвуд, который называли «Негритянским Уолл-стритом». Район располагал магазинами, клубами, больницами и т. д. Местное цветное население процветало, некоторые владели даже нефтяными вышками. Поводом послужил «инцидент в лифте», описанный в газете. Афроамериканцем была изнасилована белая несовершеннолетняя девушка. Но оставалось много спорных вопросов по виновности негра. В итоге район был частично разрушен, сгорели около 200 магазинов и мастерских, пострадали 1471 домов (1256 сгорели, 215 были ограблены), погибли 36 чел. (26 черных и 10 белых). По данным «Красного Креста» погибли около 300 негров [7], [14, p. 2-3], [16, p. 1], [11, p. 1]. Зачастую процессом линчевания руководили судьи, мэры, шерифы. Подобное явление носило развлекательный характер для местных жителей. В начале XX в. стало популярным отсылать открытки с повешенными афроамериканцами и веселыми участниками расправы. Федеральное правительство стало запрещать такую продукцию, но подпольно она просуществовала до 1930-х гг.

Используя фотографии начала XX в., мы можем выявить настроение людей того времени. Проанализировав фотографии с судов Линча, можно заметить, что это явление носило обыденный характер. На лицах присутствовавших людей помимо серьезности можно увидеть и улыбки. На такие мероприятие приводили и детей, которые тоже выражали положительные эмоции от происходящего ужаса [2]. Чтобы бороться с линчеванием, нужно было в корне менять общественное мнение, которое существовало уже на протяжении трех веков.

В южных штатах сегрегация усиливалась из-за принятия «расовых законов». Например; «Закон о расовой целостности» (Virginia's Racial Integrity Act of 1924), принятый Генеральной ассамблеей Виржинии, разделил американское общество на две части: на «белых» и «цветных». Он обязывал указывать в официальных документах происхождение человека по расовому признаку. Запрещались смешанные браки [13]. Закон прямо указывал, что «белым человеком» может называться тот, кто не имеет примеси иной крови. Цветным являлся человек, имеющий 1/16 и более негритянской или индейской крови [12].

В образовании среди белого и цветного населения была весомая разница. Пример Луизианы показывает, что с 1920 г. по 1939 г. образованность выросла. Среди белых – с 10 до 7, среди черных – с 38 до 23 [4, с. 16]. Неграмотность среди черных была выше. Но и количество получивших образование среди негров было тоже выше. Негритянское население составляло большинство населения Юга (до 75% в некоторых районах). Это подобное положение сохранялось до середины XX в., особенно на глубоком Юге. Так, в Южной Каролине черное население составляло 75% и оставалось большинством до середины 20-х гг. XX в. В Миссисипи негры были большинством до периода массовой иммиграции на Север США в 40-х гг. XX в. В Луизиане, наоборот, к началу XX в. черное население сократилось, и белые начали превалировать. Во Флориде, Джорджии, Алабаме белое и цветное население были почти в равном соотношении (от 45% до 48%) [9].

Демократическая партия искала главную (основную) свою поддержку в южных штатах. Возможно, именно это обстоятельство отстранило ее от президентской власти почти на полвека с перерывами [1]. Правящая партия отдавала лучшие места однопартийцам. С отменой рабства положение негров не очень сильно изменилось. Одна политика расовой нетерпимости сменилась на другую, появилась расовая сегрегация. Черное население Америки разделяло левые политические взгляды социалистического толка.

В первой половине XX в. для Юга была характерна традиционная поддержка Демократической партии. Это было связано с историей южных штатов. Демократы поддерживали интересы южных плантаторов. На Севере господствовала партия республиканцев. После поражения Конфедерации, главные позиции на Юге были заняты республиканцами, и все тяготы Гражданской войны были переложены на демократов, как на якобы главных виновников этого конфликта. В свою очередь Демократическая партия оставалась верна южанам и открыто возвеличивала знамя Конфедерации. Сегрегация прослеживалась и в политике. Поскольку демократы отстаивали интересы белых, то они преимущественно голосовали за них. Цветное население поддерживало республиканцев как более прогрессивную партию, отстаивающую права меньшинств.

По уровню экономического развития вплоть до 1945 г. Юг отставал от других регионов Запада и Севера. Вызвано это было, в первую очередь, поражением в Гражданской войне и ее последствиями: Реконструкцией Юга и отток рабочей силы в другие регионы Америки. Перед «эрой прогрессивизма» в США началась новая волна иммиграции. Приток новой рабочей силы способствовал в городах экономическому росту, что выдвинуло США в мировые лидеры, но Юг оставался бедным регионом.

Власть на Юге до 1920-х гг. принадлежала белой политической элите. Инфраструктура была развита слабо, что можно рассмотреть на примере Луизианы. Штат Луизиана граничит на севере с Арканзасом, на востоке – с Миссисипи, на западе – с Техасом и на юге омывается водами Мексиканского залива. В конце, 1920-х гг. Луизиана насчитывала около 500 км. мощеных дорог. Зачастую основные дороги являлись сильно извилистыми и были непроходимы в плохую погоду. С мостами тоже была проблема. Характерная природа для южных территорий штата – это заболоченные участки, поэтому были жизненно важными различные переправы. В начале XX в. началась масштабная вырубка кипарисовых лесов, что увеличило заболоченность местности и привело к образованию на этих местах морских заливов. Был нарушен экологический баланс [8]. К концу 1920-х гг. дела с мостами и дорогами в Луизиане обстояли плохо, было только 3 крупные переправы. К середине 1930-х гг. число мостов увеличилось до 40. Был построен первый мост на нижней Миссисипи протяженностью 2,5 км., который предназначался для автомобильных и железнодорожных перевозок. Мост получил название в честь Хью Лонга, благодаря усилиям которого он был построен. Транспортные трудности делали Юг не очень привлекательным местом для перемещений, что приводило его к относительной изоляции. На поездки тратилось много времени. Путешествие по Югу между городами занимало несколько дней, но в 1930-е гг., когда к власти пришел Х. Лонг, время сократилось до нескольких часов, что способствовало привлечению капитала и росту бизнеса. Из-за дождей застрявшую технику вытаскивали с помощью тягловой силы [4, с. 14-16]. В сельской местности отсутствовали полицейские патрули, что позволяло белым бесчинствовать над неграми и устраивать насилие.

Религиозный фактор имел большое значение для Юга. Именно в этом регионе сложился так называемый «библейский пояс». Ценности, мораль и прочие формы поведения в обществе определялись во многом протестантизмом. Религиозные взгляды южанина оказывали влияние на политику. Протестантизм Юга отличался консерватизмом, поэтому основная масса населения была склонна к консервативной политике. После Первой мировой войны среди американцев появилось чувство культурного кризиса, что позволило фундаментализму укрепиться. Возникло неприятие модернистского движения, связанного с северными церквями баптистов и пресвитериан [6]. На протяжении 20-х гг. XX в. фундаменталисты пытались вытеснить либералов из своих кругов, но потерпели неудачу. Также южные протестанты видели угрозу в большевизме, атеизме, католической церкви и массовой иммиграции. Они являлись сторонниками «американских традиций». На Юге фундаментализм стал распространяться благодаря проповеднической деятельности Уильяма Дженнингса Брайана (1860 – 1925), которая была направлена против преподавания теории эволюции в школах. Он стремился «вернуть США к

Библии». Так, в штате Теннеси борьба против теории эволюции достигла такого уровня, что местного учителя обвинили в преподавании учения Дарвина. «Обезьяний процесс» прошел в пользу Брайана, суд решил, что Джон Скоупс нарушил закон штата и оштрафовал его на 100 долл. Но вскоре Верховный суд штата аннулировал приговор. Фундаменталистское движение в первой половине XIX в. носило более консервативный оттенок по сравнению со своими предшественниками из XIX в., которые являлись реформаторскими и прогрессистскими.

Таким образом, население Юга США являлось очень консервативным и за свой жизненный уклад даже было готово отдать жизнь. Для сознания южанина был характерен синтез духа милитаризма, пропитанного расизмом, и религиозности. Жизнь южного общества в первой половине XX в. основывалась на расовой сегрегации, которая разделила социум по цвету кожи. Сегрегация прослеживалась повсюду: от фонтанчиков воды до общественного транспорта, от школ до мест проведения досуга. Цветное население подвергалось насилию на расовой почве вплоть до физического уничтожения. Расизм крепко закрепился в сознании южанина, что отразилось и на южном законодательстве. Федеральное правительство в то время еще не могло повлиять на устранение насилия над черными, но первые попытки уже делались.

Список литературы

1. Баранов П. А., Ванюшкина Л. М., Юдовская А. Я. США в конце X IX – начале XX века: период «организованного капитализма» // URL: http://www.revatour.ru (дата обращения: 13. 08. 2018).

2. Без суда и следствия: шокирующие факты об истории линчевания и кровавых спектаклях // URL: https://kulturologia.ru/blogs/220916/31456/ (дата обращения: 01. 03. 2018).

3. Великая депрессия в США 1930-х годов. Часть 5 – Расовая сегрегация // URL: https://kohama-natalia.livejournal.com/32690.html (дата обращения: 25. 01. 2018).

4. Овчинников Н.В. Борьба за Америку в 1930-х гг.: Хью Лонг, патер Кофлин, Чарльз Линдберг, Генри Форд. М.: Самообразование, 2009. 232с.

5. Прокопенков Г. Ю. «Старый Юг» в исторической памяти американцев (1870-е – 1910-е гг.). Дисс. … кандидат ист. Наук. М., 2017. 255 с.

6. Сафронов Р. О. Особенности проявления религиозного экстремизма и фундаментализма в США // URL:http://religious.life (дата обращения: 04. 03. 2018).

7. Черная книга либерализма. Суд Линча // URL: http://maxpark.com/community/129/content/1679328 (дата обращения: 22. 02. 2018).

8. Энциклопедия США. Природа штата Луизиана // URL:https://prousa.info/louisiana_nature (дата обращения: 03. 08. 2018).

9. About Documenting the American South. URL: https://docsouth.unc.edu/index.html (дата обращения: 15. 08. 2018).

10. Acts and Joint Resolutions (Amending the Constitution) of the General Assembly of the State of Virginia/ URL: https://www.encyclopediavirginia.org/An_Act_to_provide_for_the_immediate_registration_of_all_births_and_deaths_1912 (дата обращения: 9. 08. 2018).

11. Nab Negro for Attacking Girl In an Elevator // Tulsa Tribune. 1921. May 31.

12. The Code of Virginia, as Amended to Adjournment of General Assembly 1924.URL:https://www.encyclopediavirginia.org/Colored_Persons_and_Indians_Defined_1924 (дата обращения: 10. 08. 2018).

13. The Code of Virginia, as Amended to Adjournment of General Assembly 1924 (Charlottesville: The Michie Company, 1924), 1259. URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Preservation_of_Racial_Integrity_1924 (дата обращения: 10. 08. 2018).

14. The Grand Rapids Press. 1921. June 1.

15. The Waco Horror // The Crisis. 1916. Vol. 12. No. 3. July.

16. Tulsa Daily Word. 1921. June 2.

17. 1926 Supplement to the Virginia Code of 1924; Containing All the General Laws of 1926 With Full Annotations. URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Separation_of_Races_1926 (дата обращения: 9. 08. 2018).

RACIAL VIEWS AND VIOLENCE IN THE AMERICAN SOUTH IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article described the situation that existed in the Southern United States in the first half of XX-th century. Affected the political, social, economic and religious spheres of life of the southern society. The violence, which had been largely racist and had dominated the southern States for centuries, had prevented that American region from developing successfully. Racial intolerance was characteristic not only of the southern States, but of the country as a whole. Racial segregation divided society into two components and was the cause of many crimes.
Keywords: South of the US in the first half of XX-th century, southerner mentality, racial intolerance in the USA, racial segregation in the American South.

References

1. Baranov P. A., Vanyushkina L. M., Yudovskaya A. Ya. SShA v konce X IX – nachale XX veka: period «organizovannogo kapitalizma» [The United States at the end of X IX-th – the beginning of the XX-th century: the period of «organized capitalism»] // URL: http://www.revatour.ru.

2. Bez suda i sledstviya: shokiruyushhie fakty` ob istorii linchevaniya i krovavy`x spektaklyax [Without trial: the shocking facts about the history of lynching and bloody performances] // URL: https://kulturologia.ru/blogs/220916/31456/.

3. Velikaya depressiya v SShA 1930-x godov. Chast` 5 – Rasovaya segregaciya [The Great Depression in the USA of the 1930s. Part 5 – Racial Segregation] // URL: https://kohama-natalia.livejournal.com/32690.html.

4. Ovchinnikov N.V. Bor`ba za Ameriku v 1930-x gg.: X`yu Long, pater Koflin, Charl`z Lindberg, Genri Ford [The Fight for America in the 1930s: Hugh Long, Father Coughlin, Charles Lindbergh, Henry Ford]. M.: Samoobrazovanie, 2009. 232s.

5. Prokopenkov G. Yu. «Stary`j Yug» v istoricheskoj pamyati amerikancev (1870-e – 1910-e gg.). Diss. … kandidat ist. Nauk. M., 2017. 255 s.

6. Safronov R. O. Osobennosti proyavleniya religioznogo e`kstremizma i fundamentalizma v SShA [Features of religious extremism and fundamentalism in the United States] // URL:http://religious.life.

7. Chernaya kniga liberalizma. Sud Lincha [Black book of liberalism. Lynch Court] // URL: http://maxpark.com/community/129/content/1679328.

8. E`nciklopediya SShA. Priroda shtata Luiziana [Encyclopedia of the United States. Nature of Louisiana] // URL:https://prousa.info/louisiana_nature.

9. About Documenting the American South. URL: https://docsouth.unc.edu/index.html.

10. Acts And Joint Resolutions (Amend the Constitution) of the General Assembly of the State of Virginia/ URL: https://www.encyclopediavirginia.org/An_Act_to_provide_for_the_immediate_registration_of_all_births_and_deaths_1912.

11. Nab Negro for Attacking Girl In an Elevator // Tulsa Tribune. 1921. May 31.

12. The Code of Virginia as Amended to Adjournment of General Assembly 1924.URL:https://www.encyclopediavirginia.org/Colored_Persons_and_Indians_Defined_1924.

13. The Code of Virginia as Amended to Adjournment of General Assembly 1924 (Charlottesville: The Michie Company, 1924), 1259. URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Preservation_of_Racial_Integrity_1924.

14. The Grand Rapids Press. 1921. June 1.

15. The Waco Horror // The Crisis. 1916. Vol. 12. No. 3. July.

16. Tulsa Daily Word. 1921. June 2.

17. 1926 Supplement to the Virginia Code of 1924; Containing All the General Laws of 1926 with Full Annotations. URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Separation_of_Races_1926.

Об авторе

Поподько Владимир Александрович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия), E-mail: zaschibov@gmail.com

Popodko Vladimir Alexandrovich – post-graduate student, Bryansk State University named after Academican I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: zaschibov@gmail.com

УДК 94(73)"2000/2018"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«ГРУППЫ НЕНАВИСТИ» И РАСОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В США НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВВ [1]

В статье рассматриваются проявления расизма и расовые проблемы в современной Америке, влияющие на политическую ситуацию. Возникновение в США многочисленных «групп ненависти», объединяющих преимущественно белых расистов, националистов и супрематистов, и участившиеся конфликты на расовой почве свидетельствуют о серьезных трудностях, с которыми столкнулась страна. От способности политической элиты и гражданского общества адекватно отреагировать на кризисные явления зависит будущее Соединенных Штатов. Анализ проблемы показывает, что в стране получил распространение латентный расизм. Часть экстремистов перешла к проведению террористических актов. В будущем возможно смягчение расового конфликта, но применение стратегии урегулирования, удовлетворяющей интересы всех вовлеченных сторон, не представляется возможным. Неизбежна трансформация Америки в мультикультурную страну, в которой белые граждане станут меньшинством и утратят доминирующее положение в ряде сфер общественной жизни.

Ключевые слова: «группы ненависти» в США, политический экстремизм, сепаратизм в США, расизм, расовые беспорядки, антиправительственные движения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-133-137

Изначально США формировались как гетерогенное общество, в котором были исторически сильны традиции толерантности, веротерпимости, но это не исключало и ожесточенных столкновений на почве религиозной, этнической или расовой неприязни. Сейчас относительной стабильности американского общества способствуют высокий уровень жизни, пропаганда терпимости к иным мнениям, мировоззрению, поведению, а также наличие мощного полицейско-бюрократического аппарата, способного защищать права меньшинств. Современные тенденции в политическом развитии страны связаны преимущественно с двумя внутренними конфликтами – социально-политическим (правопопулистское «Чайное движение», леворадикальное движение «Захвати Уолл-Стрит», трамписты против антитрампистов) и расовым, который протекает в скрытой форме, но периодически прорывается наружу.

В Соединенных Штатах наблюдается рост этнических и расовых меньшинств. Данные по расово-этническому составу населения Америки отличаются в различных источниках, поэтому приведем лишь примерную статистику. Население США в начале 2018 г. составляло около 328 млн. чел., из которых белые насчитывают около 75% (по другим данным – 78%), в том числе не испаноязычные белые – 61,6-65,5% (около 210 млн. чел.), белые латиноамериканцы – почти 14%. Латиноамериканцы (включая белых уроженцев стран Латинской Америки и без учета до 10 млн. нелегальных иммигрантов) составляют от 16,7% до 17,6% (около 55 млн. чел.), афроамериканцы – 12,2-13% (42-43 млн. чел.), азиаты – 5-5,6% (около 16 млн. чел.), метисы и люди смешанного происхождения – 2,6-3% (9,5 млн. чел.), коренные американцы (индейцы, алеуты и эскимосы) – 1% (более 3 млн. чел.), гавайцы и другие океанийцы – 0,2% [2, с. 22; 8, p. 9-16].

Вооруженные нападения белых расистов на негров в основном происходили с 1865 г. по 1968 г., а последнее линчевание было документально зафиксировано в 1981 г. В современной же Америке наблюдается латентный расизм, проявляющийся в глубоко укоренившихся в ментальности людей расовых предрассудках и предубеждениях, которые приводят в реальной жизни к незаконной дискриминации отдельных групп населения. Скрытый расизм находит выражение в нежелании общаться, дружить, оказывать помощь и поддержку, вступать в брак с представителями других рас. Видимым его проявлением

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение (от 15.11.2018 г.) №075-02-2018-404.

стал «тихий» бойкот многими белыми американцами социальных и экономических прав негров, а также нежелание жить в одних районах с черными, отдавать своих детей в общие школы и даже работать вместе с афроамериканцами [1, с. 443-444].

Террористические атаки 11 сентября 2001 г. привели к широкому распространению в США ранее нехарактерной для них исламофобии и уменьшению антисемитизма. Мощным толчком для «взрывного» роста праворадикальных настроений и появления большого количества «групп ненависти» – экстремистских организаций, сайтов и издательств стало избрание и вступление в должность в 2009 г. первого в истории страны темнокожего президента Барака Обамы. Часть американцев увидела в этом событии процесс возвышения афроамериканской общины и начало утраты белыми положения в обществе и потери ими своих «привилегий». В конце 2015 г. вокруг фигуры Дональда Трампа успешно объединились почти все радикальные правые движения, недовольные сложившимся положением [5]. В избирательной президентской кампании 2016 г. присутствовала также гендерная проблематика, вызванная опасениями части мужчин в отношении того, что они уступают свои позиции в обществе женщинам. Большой общественный резонанс получили исламофобские, расистские и антииммигрантские высказывания Трампа, предлагавшего запретить мусульманам въезд в США, а на границе с Мексикой построить новую заградительную стену.

В современных США действуют более 900 «групп ненависти», которые условно можно разделить на 15 направлений: 1) Ку-клукс-клан; 2) «Христианская Идентичность» (включая противников абортов); 3) анти-мусульмане (исламофобы); 4) анти-иммигранты (в том числе правые антиглобалисты и сторонники мондиалистского заговора); 5) неонацисты, антисемиты и белые националисты (к которым также относят скинхедов, приверженцев расистской музыки, отрицателей холокоста, правых радикалов, белых расистов-неоязычников и различные ультраправые группировки); 6) неоконфедераты; 7) антиправительственное патриотическое движение (разного рода вооруженные добровольческие формирования милиции – локального «народного ополчения»); 8) анти-ЛГБТ-активисты; 9) черные сепаратисты и расисты (в том числе организации исламистской направленности, наиболее значимой из которых является «Нация Ислама»); 10) латиноамериканский сепаратизм (включающий также криминальные и мафиозные группировки с идеологией расистской направленности); 11) сторонники радикального ислама (джихадисты); 12) иные религиозные экстремисты (мормоны-фундаменталисты в западных штатах); 13) иные американские сепаратисты, включая радикальных индейских активистов (сторонники отделения от страны некоторых регионов, например, Аляски, Калифорнии, Техаса, штатов Новой Англии, Северо-Запада, и превращения их в независимые государства); 14) ультралевые группы (анархисты, троцкисты, маоисты, левые антиглобалисты и т.п.); 15) экологический терроризм (экстремисты – «зеленые», борцы за права животных). Существует также ряд радикальных групп, которые сложно классифицировать и отнести к какому-либо из упомянутых направлений (например, евреи против палестинских арабов, христиане-антикатолики, различные религиозные секты, «движение суверенных граждан», отрицающих уплату налогов и власть правительства) [3]. Большинство из указанных «групп ненависти» основывают свою идеологию на расизме и национальной нетерпимости.

Современная история американского экстремизма и терроризма началась в апреле 1995 г. Бывший ветеран войны в Персидском заливе Тимоти Маквей (1968-2001) совершил тогда один из наиболее значимых террористических актов в истории США, взорвав федеральное здание в Оклахома-Сити, что привело к гибели 168 чел. Террорист надеялся вызвать антиправительственное восстание. Он оказался связан с так называемым «движением ополчения» – вооруженными националистическими и ультраправыми формированиями, насчитывающими до 60 тыс. чел. во всех штатах. В новейший период истории Соединенные Штаты пережили три волны расовых бунтов: 1) 1906-1943 гг., 2) 1962-1973 гг., 3) конец XX – начало XXI вв. Расовые волнения, имевшие место в 2013-2017 гг., по некоторым параметрам были сравнимы с событиями 1960-х гг. Причинами волнений являлись социальные и экономические проблемы, неудовлетворенность своим положением представителей афроамериканской общины, уступающей по статусу и уровню доходов не только белым, но и

выходцам из Латинской Америки и Азии.

Рубеж XX в. и XXI в. ознаменовался появлением нового американского феномена – стрелка-одиночки, террориста-психопата, устраивающего массовый расстрел в школах, университетах, многолюдных местах, руководствуясь, в том числе, и расистскими идеями. Наиболее известный пример – «вашингтонский снайпер» 42-летний Джон Аллен Мухаммад, афроамериканец, принявший ислам, ветеран войны в Персидском заливе, член «Нации Ислама». Стрелок организовал настоящую охоту на белых мужчин и женщин в октябре 2002 г. Всего за 23 дня он убил в Вашингтоне, Мэриленде и Вирджинии 10 чел., а до этого в других штатах вместе с сообщником застрелил еще 7 чел. В июле 2016 г. в Далласе 25-летний Мика Хавьер Джонсон, бывший участник военной операции в Афганистане, застрелил 5 белых офицеров полиции, а также ранил еще 9 правоохранителей. В прошлом он принадлежал к радикальной группировке «Новая партия черных пантер». Белые националисты, неонацисты и расисты также совершают массовые убийства и теракты. Например, в апреле 2009 г. 22-летний белый супрематист Ричард Поплавски застрелил троих полицейских в Питтсбурге. В июне 2015 г. 21-летний белый расист Дилан Сторм Руф убил 9 прихожан афроамериканской церкви в Чарлстоне. В ноябре 2017 г. в калифорнийском городке Ранчо-Тахама 44-летний белый экстремист Кевин Янсон Нил застрелил 5 и ранил 18 соседей и членов своей семьи. В последние несколько лет в США также заметно активизировались радикальные исламисты и джихадисты, включая представителей запрещенного в России «Исламского государства», совершившие несколько крупных терактов.

Несмотря на фактическое значительное сокращение преступности и количества убийств за последние десятилетия, обстановка остается тревожной. Наличие огромного количества огнестрельного оружия на руках у граждан создает условия для немотивированных массовых убийств, примером которых является бойня, организованная «ласвегасским стрелком» 64-летним Стивеном Пэддоком 1 октября 2017 г., в ходе которой погибли 59 чел. Количество инцидентов с применением огнестрельного оружия выросло за последние годы, но представители государственной власти предпочитают замалчивать проблему. Они, как правило, делают публичные заявления о том, что кровавые преступления совершают «психически больные люди». Практически ежедневно происходит перестрелка, в которой погибает сразу несколько человек («массовые расстрелы»). Отмечается и рост полицейского насилия (ежегодно от рук правоохранителей погибают до 1 000 чел.). Число погибших увеличилось с 12 558 чел. в 2014 г. до 15 578 чел. в 2017 г. [6] Американцы усиленно вооружаются, количество единиц огнестрельного оружия превысило численность населения еще в 2009 г. и с тех пор объем его ежегодных продаж только увеличивается, что свидетельствует о недоверии граждан правительственным структурам.

С июля 2013 г. в США в связи с «делом Джорджа Циммермана» (члена «добровольческого патруля», убившего семнадцатилетнего афроамериканца) начались регулярные расовые беспорядки, волнения, выступления чернокожего населения и даже вооруженные столкновения. Демонстрации протеста черных, латиноамериканцев и сочувствующих им белых летом 2013 г. прошли в крупных американских городах. В Окленде и Лос-Анджелесе они сопровождались серьезными столкновениями и погромами. Но наибольшую известность в Америке и за ее пределами получили события в Фергюсоне (штат Миссури) 9-25 августа и 24 ноября – 2 декабря 2014 г., а также 9-11 августа 2015 г. Причиной для массовых волнений, поджогов, ограблений магазинов, столкновений и перестрелок с полицией стало очередное убийство полицейскими чернокожего восемнадцатилетнего молодого человека. Возникло движение «Жизни черных имеют значение», которое поддержали левые радикалы и либералы. Демонстрации солидарности с негритянским населением Фергюсона прошли в более 120 городах в 38 из 50 штатов. В Нью-Йорке произошедшие расовые беспорядки вдохновили чернокожего террориста на убийство двух полицейских. Впоследствии серьезные выступления афроамериканцев были в октябре 2014 г. в Сент-Луисе, в апреле 2015 г. в Балтиморе, в июле 2016 г. в Далласе, в августе 2016 г. в Милуоки (Висконсин), в

сентябре 2016 г. в Шарлотт (Северная Каролина) [4, p. 3-5, 23-48, 157-178].

Масштабные акции протеста и волнения, охватившие более 50 городов, имели место летом 2017 г. в связи с событиями в Шарлоттсвилле (Вирджиния), которые можно назвать отголосками Гражданской войны. Власти ряда южных городов и штатов организовали в апреле-августе 2017 г. кампанию по сносу памятников солдатам и военачальникам рабовладельческой Конфедерации. Поводом стал уже упоминавшийся расстрел прихожан негритянской церкви в 2015 г. Проголосовавшие за президента Д. Трампа люди, включая белых экстремистов, вышли защищать памятники героям Юга. 11-12 августа 2017 г. в Шарлоттсвилле неоконфедераты, неонацисты, белые расисты и супрематисты, куклуксклановцы организовали «Марш объединенных правых». Столкновения с левыми радикалами и афроамериканцами привели к ранению до 40 чел. и гибели 3 чел. (включая жертв крушения полицейского вертолета). В событиях в Шарлоттсвилле проявилось не только противостояние белых и черных, так называемый расовый конфликт, но и нашло выражение столкновение либеральной и консервативной частей общества [7].

Каким образом радикальное изменение расового состава населения США окажет влияние на социально-политическое развитие страны? В Америке отсутствуют влиятельные политические силы, основанные на расовых или этнических принципах. Интересы расово-этнических групп в той или иной форме выражают республиканцы и демократы, которые абсорбируют некоторые формулируемые протестными движениями требования. Расистские и националистические настроения вынуждены уходить в полулегальную и нелегальную сферу. Либеральные эксперты современное обострение расово-этнических отношений и проблемы иммиграции рассматривают только как временные трудности, которые вскоре будут успешно решены американской демократией, имеющей значительный потенциал для преодоления конфликтов и кризисных явлений. Например, только в XIX в. известны три компромисса между Севером и Югом: в 1820 г., 1850 г. и 1877 г. В 1890–1910-е гг. президенты США внесли большой вклад в деле примирения Севера и Юга после Гражданской войны. Утверждать в настоящее время о возможном распаде США на автономные регионы или независимые страны, как это едва не осуществилось 150 лет назад, не представляется возможным. В современной Америке расовые конфликты снова заявляют о себе, но американцы стараются учитывать в своей политической деятельности опыт прошлого. Спрогнозировать развитие ситуации сложно, но представляется, что раскол со временем будет преодолен. Американская элита еще больше консолидируется и будет по-прежнему осуществлять успешный контроль над функционированием и направлением развития политической системы.

Являются ли в Соединенных Штатах расистские «группы ненависти», борющиеся с «системой», полноценными политическими акторами, субъектами политической жизни? Следует признать, что на современном этапе «группы ненависти», несмотря на рост напряженности в сфере межрасовых отношений и распространение латентного расизма, в действительности практически не оказывают влияния на реальную политику. Господствующий в общественной жизни и общественном мнении либеральный дискурс, поддерживаемый государством, СМИ и политиками, приводит к замалчиванию и искажению реального состояния расовых проблем. В настоящее время продолжается официально заявленная политика расовой интеграции, осуществляется пропаганда либеральных ценностей, толерантности, идеологии прав и свобод человека. Власти стараются подавить крайние расистские проявления, получившие распространение в отдельных социальных группах, изолировать и маргинализировать экстремистские организации. В то же время, в последние годы в Соединенных Штатах стало возможным публично обсуждать расовую проблематику и расовую идентичность. Дискуссионным является вопрос о том, возможна ли в принципе позитивная стратегия сбалансированного решения расового конфликта, удовлетворяющего интересы всех вовлеченных сторон. Смягчить ситуацию можно через деполяризацию, осуществление социальных изменений, но сценарий полного урегулирования проблемы не просматривается.

Список литературы

1. Согрин В.В. 2010. Исторический опыт США. М.: Наука. 581 с.
2. Статистическая история США XVII–XXI вв. / Отв. ред. В.В. Согрин. М.: ИВИ РАН, 2012. 234 с.
3. Active hate groups 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.splcenter.org/fighting-hate/intelligence-report/2017/active-hate-groups-2016 (дата обращения: 31.10.2018).
4. Hattery A.J., Smith E. Policing black bodies: how black lives are surveilled and how to work for change. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2018. 271 p.
5. Neiwert D. Alt-America: The Rise of the Radical Right in the Age of Trump. London - N.Y.: Verso Books, 2017. 456 p.
6. Past summary ledgers. Gun Violence Archive. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gunviolencearchive.org/past-tolls (дата обращения: 15.11.2018).
7. Shear M.D., Haberman M. Trump Defends Initial Remarks on Charlottesville; Again Blames «Both Sides» // The New York Times, 15.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/15/us/politics/trump-press-conference-charlottesville.html (дата обращения: 10.11.2018).
8. Statistical Abstract of the United States, 2010. Wash.: U.S. Census Bureau, 2010. 985 p.

«HATE GROUPS» AND RACIAL DISORDERS IN THE UNITED STATES AT THE TURN OF THE XX AND XXI CENTURIES

The article deals with manifestations of racism and racial problems in modern America affecting the political situation. The emergence of numerous «hate groups», uniting predominantly of white racists, nationalists and the supremacists, and the increased conflicts based on racial hatred indicate the serious challenges faced by the country. The future of the United States depends on the ability of the political elite and civil society respond adequately to the crisis. The analysis of the problem shows that latent racism has been prevalent in the country. Some extremists have moved on to carry out terrorist acts. In the future, racial conflict is likely to be mitigated, but it is not possible to meet the interests of all parties which are involved by using management strategy. America's transformation into a multicultural country is inevitable, where white citizens are becoming a minority and losing their dominant position in a number of spheres of public life.

Keywords: «hate groups» in the United States, political extremism, separatism in the United States, racism, race riots, anti-government movement.

References

1. Sogrin V.V. (2010). Istoricheskij opyt SSHA [The historical experience of the United States]. Moscow: Nauka. 581 p.
2. Statisticheskaya istoriya SSHA XVII–XXI vv. (2012). [Statistical history of the USA XVII – XXI centuries.]. / Otv. red. V.V. Sogrin. M.: IVI RAN, 234 p.
3. Active hate groups 2016. (2016). Retrieved 31 October, 2018 from https://www.splcenter.org/fighting-hate/intelligence-report/2017/active-hate-groups-2016
4. Hattery A.J., Smith E. (2018). Policing black bodies: how black lives are surveilled and how to work for change. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 271 p
5. Neiwert D. (2017). Alt-America: The Rise of the Radical Right in the Age of Trump. London - N.Y.: Verso Books. 456 p.
6. Past summary ledgers. Gun Violence Archive. (2018). Retrieved 15 November, 2018 from http://www.gunviolencearchive.org/past-tolls.
7. Shear M.D., Haberman M. (2017). Trump Defends Initial Remarks on Charlottesville; Again Blames «Both Sides» // The New York Times, 15.08.2017. Retrieved 10 November, 2018 from https://www.nytimes.com/2017/08/15/us/politics/trump-press-conference-charlottesville.html.
8. Statistical Abstract of the United States, 2010. (2010). Wash.: U.S. Census Bureau, 985 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Docent, Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

УДК 944.044

Самсаров А.И., магистрант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ И АРМИЯ В 1793-1794 ГГ.

В статье рассматривается проблема взаимоотношения Комитета общественного спасения и национальной армии в 1793 и первой половине 1794гг. Ужесточение военного контроля было частью концепции по всеобщей централизации всех сфер государства. В это время система военного управления была выстроена в виде вертикали: Комитет – военные комиссары – командующие армиями. Показаны основные мероприятия Конвента и правительства по организации республиканской армии в 1792-1794гг. Подробно освящены деятельность военной секции во главе с Карно и эволюция института военных комиссаров. Особое внимание уделено наиболее результативным миссиям Сен – Жюста в Рейнскую и Северную армии в 1793-1794гг. Отмечен вклад французских ученых в дело обороны Республики.

Ключевые слова: комиссар, Комитет общественного спасения, главнокомандующий, полубригада, аджюдан.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-138-146

Армию и революцию всегда связывали особые отношения. Любая революция влечет за собой гражданскую войну, и Франция не стала исключением. К тому же весной 1792г. начались революционные войны. Эта война, начавшись под влиянием короля, как последнее средство восстановить абсолютизм, превратилась в борьбу за национальные идеи и чувства. Она стала своеобразным узлом единства и углубления революции [26, с. 134]. Для того, чтобы успешно противостоять этим вызовам, молодой Республике пришлось прибегнуть к созданию новой армии - национальной. Наиболее сложные задачи по организации последней выпали на долю революционного правительства. Именно во второй половине 1793г. и летом 1794г. были одержаны наиболее крупные победы, позволившие очистить Францию от войск коалиции.

Прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса необходимо дать пояснение о том, что же представляла армия якобинской республики. Революция привела к разложению королевской армии, в результате чего стала уменьшаться ее численность. Имея в 1789г. около 270 тыс. чел., она к концу 1792г. сократилась до 135 тыс.[17, с. 27]. Еще до начала войны французские законодатели начали искать более эффективные способы комплектования войск. На первых порах активно использовались волонтерские батальоны. Первый набор новобранцев состоялся после принятия декрета Национального собрания (12 июня 1791г.). Согласно документу, батальоны формировались исключительно на добровольной основе и принимались только граждане из национальной гвардии [24, с.14-16]. Последняя была организована в Париже еще 13 июля 1789г. Всего в 1791г. было набрано 100 тыс. ч. Однако, начавшаяся весной 1792г. война вновь поставила вопрос о создании новых контингентов. Второй набор волонтеров начался после знаменитого воззвания «Отечество в опасности» (11 июля) [9, с. 349-355]. Уже на следующий день из Парижа на фронт отправились первые 50 тыс. ч. В целом по Республике встало под ружье 200 тыс. волонтеров «второй волны» [3, с.14]. Первые победы при Вальми и Жемаппе добавили доверия к новым батальонам. Их численность в конце 1792г. насчитывала по спискам 289114ч., что почти в три раза превышало численность линейных полков. Несмотря на это, численность армии была недостаточно для военного времени. Более того к невозвратным потерям от боев и болезней прибавился массовый уход волонтеров по завершению их контракта. Проблему пытались решить депутаты Конвента.7 февраля 1793г. Дюбуа-Крансе предложил произвести амальгаму – слияние одного линейного и двух волонтерских батальонов. Новое формирование должно было получить название полубригада. По мнению докладчика, это привело бы к созданию единой армии (без различий) и улучшило бы управление [33, P. 358-364]. 12 февраля его поддержал Сен-Жюст [23, с. 39]. Прения сторон завершились принятием 21 февраля декрета об организации армии, в основе которого был

положен принцип амальгамы. Но это не решило проблемы набора в армию. Пришлось вернуться к призыву волонтеров. Новый декрет от 24 февраля был шагом к всеобщей мобилизации. Планировалось набрать 300 тыс. ч., причем не только добровольно, но и «любым подходящим способом» [34, P. 169]. В реальности удалось набрать только 150-180 тыс. рекрутов. К июлю в рядах республиканской армии было 470 тыс. бойцов. Приход к власти монтаньяров ознаменовался новым этап реформирования армии. 12 августа Конвент подтвердил декрет об амальгаме, а 23-го Барер зачитал декрет о всеобщей мобилизации. В основу был положен принцип всеобщей воинской повинности для всех мужчин от 18 до 40 лет [35, P. 674-676]. Применение нового способа комплектования сразу дало преимущество Франции над войсками коалиции. Мобилизация проходила постепенно, увеличив войска в декабре до 640тыс. ч., а к 15 апреля 1794г. 794тыс.

Таким образом, к лету 1794г. французская армия представляла собой самый сильный воинский контингент на европейском театре военных действий. Имея в своем составе 1млн. 630 тыс. солдат, она была разделена на 11 армий. Самой крупной была Северная армия (245тыс.), а самой малочисленной Западная (22,5тыс.) [11]. Армии делились на дивизии (8-10 тыс.) и полубригады (3тыс.). Военная организация представляла единое целое с общими для всех регламентами и законами.

Итак, для управления такой армией требовалось и особая система руководства. Она характеризовалось активным подчинением военных гражданской власти. Эта тенденция началась еще с Учредительного собрания, когда в октябре 1789г. был создан Военный комитет [29, P. 433]. В него вошел известный нам уже Дюбуа-Крансе, выступивший еще 12 декабря с предложением о введении всеобщей воинской повинности [9, с. 350]. Тогда это предложение отклонили, посчитав его слишком радикальным. Военный комитет стремился поставить армию под контроль Собрания, перехватив инициативу у короля. Так, 28 февраля 1790г. комитет разработал Военную конституцию, закрепившую назначение офицеров Учредительным собранием [30, P. 521-526]. Окончательное подчинение вооруженных сил произошло уже после становления революционного правительства.

Несмотря на существование военного министерства, всю полноту власти взял на себя Комитет общественного спасения. Этот период наиболее точно характеризовал Д. Вашингтон: «Армия, чтобы быть победительницей, должна управляться абсолютно деспотически» [22, с. 315]. Централизация разворачивалась постепенно. Уже принятая 24 июня конституция гласила: «Не существует звания генералиссимуса» (ст.110) [9, с. 226]. Далее 14 августа в Комитет вступил Карно, возглавивший военную секцию. И наконец, после декретов 10 октября и 4 декабря 1793г. Комитет общественного спасения получил право назначать и смещать генералов и командующих. Именно последним был посвящен декабрьский циркуляр, в котором отмечалось: «Генералы, время неподчинения прошло» [9, с. 374]. Используя свое право, Комитет фактически игнорировал министра и генеральный штаб. Их роль выполняла военная секция Комитета, в которую так же входили Приер (из Кот д' Ор), отвечавшим за снабжение армии вооружением, Линде, занимающийся материальным снабжением войск и Жан бон Сент-Андре, курирующий флот [2, с. 35-38]. Вместе с секретарем Майе и группой чертежников в прериале число служащих составляло 44[5, с. 28-65]. 1 апреля 1794г. Военное министерство было заменено Комиссией организации и движения сухопутной армии (3сотрудника), возглавляемую лично Карно. Именно он стал подлинным «организатором победы». Под его непосредственным руководством разрабатывались все планы боевых действий и составлялись инструкции генералам. Каждый командующий руководствовался его инструкциями «Общая система военных операций будущих компаний» и «Тактика ведения боевых действий» [9, с. 375]. Карно был не только стратегом, но и хорошим командиром. Отличным подтверждением тому является участие комиссара в битве при Ваттиньи 15 октября 1793г.

Вторым элементом управления являлся институт военных комиссаров. Это были особые комиссары, которые постоянно находились при армиях и вели политическую работу. Будучи представителями Конвента, они, по

сути, являлись посредниками между исполнительной властью и командованием [15, с. 114]. Первые представители в армии стали появляться задолго до якобинской диктатуры. Однако, в отличие от своих коллег, посылаемых с миссией в департаменты, постоянное представительство в войсках появилось не сразу. Так, еще 26 января 1792г. маршал Рошамбо просил Законодательное собрание предоставить ему трех депутатов Дюма, д' Оптера и Даверуля. Последние имели звания полковника, и могли бы пригодиться на своем родном поприще. После дебатов Собрание отказало в просьбе, решив, что это не достойно звания депутата [17, с. 148-150]. Тем не менее, к этому вопросу вернулись после 10 августа, направив 12 депутатов во все армии для разъяснения произошедших в Париже событий. Среди последних можно выделить Манюэля, ле Пажа и Тюрио (миссия в Орлеане), Буаси д' Англа и де Вите (миссия в Лионе), Гарро, Ламарка и Карно (миссия в Байон) [38, P.60-68]. Первыми, в прямом смысле, армейскими комиссарами можно считать Дюбуа Крансе, Лакомба и Гаспарена, направленных в армию генерала Монтескью 23 сентября 1792г., а также Камю, Лакруа, Дантона, Госсюэна и Мерлена (из Дуэ) командированных 30 ноября к Дюмурье [38, P. 282].

По мере усложнения обстановки на фронтах власти начали постепенно «закручивать гайки», усиливая полномочия своих представителей. 15 декабря Конвент издает декрет, разрешающий французским генералам создавать временные администрации на оккупируемых местностях. Документ впервые вводил понятие национальный комиссар (ст.7). Последние назначались Исполнительным советом в помощь администрациям. Этот документ все еще признавал верховенство военных в подразделении [31, P. 73]. Но уже 22 декабря комиссарам было разрешено принимать любые временные меры необходимые для спасения отечества [31, P. 355]. 29 декабря на заседании Конвента было зачитано письмо от выше упомянутых комиссаров Бельгийской армии, где они повествуя о сложной обстановке и постоянных разбоях, просили расширения своих полномочий. В результате был принят новый декрет, снабдивший их практически не ограниченными полномочиями. Отныне представители народа могли заниматься разведкой и ревизициями, инспектированием складов и арсеналов. Под их контроль перешла даже армейская казна [32, P. 34-35]. Тем не менее, действия представителей народа 1792 и первой половины 1793гг. носили иной характер, нежели во времена «Великого» комитета. Они сводились к наблюдению за командованием и воинскими подразделениями, сбором и подтверждением различных фактов и выполнению различных гражданских формальностей. Характерным примером являются миссия Сен-Жюста и Девиля в департаменты Эн и Арденны, проходившая с 9 по 21 марта 1793г. Они констатировали плохое материальное снабжение войск и трудности с продовольствием в регионе [13, с. 115-121]. А также миссии Филиппа Рюля и Кутюрье из Нанси (2 января 1793г.) [38, P. 381-387], Мутье и Монмельяна в Мон-Блане (18 января 1793г.) [38, P. 483-485] и многие другие. После измены Дюмурье Комитет общественного спасения решает окончательно поставить военное командование под свой контроль. 9 апреля 1793г. был принят новый декрет. Он разрешил постоянное пребывание трем комиссарам в каждой армии (ст.1). Армейскому командованию вменялось выполнять все их приказания (ст. 5). Представители народа были подотчетны только Национальному конвенту и Комитету общественного спасения. 30 апреля число армейских комиссаров было сокращено (2 при каждой армии). Так же им дозволялось снимать с должности и арестовывать генералов (ст.12 и 16). Помимо прочего с депутатами согласовывались все планы предстоящих сражений (ст. 14) [16, с. 51-55].

Таково было положение представителей народа при армии к концу первой половины 1793г. Их власть была очень широка. Но все же не абсолютна. Не хватало мощного координирующего центра. Таковым стал второй Комитет общественного спасения, окончательно сформировавшийся в сентябре [21, с. 78]. С момента окончательного становления революционного правительства (октябрь-декабрь), институт военных комиссаров приобретает свой окончательный вид, уверенно войдя в систему жесткой властной вертикали на правах надежных помощников правительства. Наряду неограниченными полномочиями появились и новые теоретические обоснования. Их впервые озвучил 10 октября Сен-Жюст во время

выступления в Конвенте: «Они (уполномоченные – А.С.) должны быть отцами и друзьями солдат…Им не следует близко сходится с генералами…Они должны преследовать всякую несправедливость» [23, с. 99-100]. Это был своеобразный кодекс представителя при армии. Несколько позже, руководствуясь этими принципами, он выдвинул новую задачу: провести революционизацию всех звеньев армии, превратив последнюю в школу политического воспитания [12, с.114-127]. Одним из методов такого воспитания было широкое использование прессы. В войсках активно читали такие газеты как: «Le journal de La Montagne», «Journal militair», «Пер Дюшен». До 9 термидора расходы правительства на прессу составили 435 тыс. ливров, из них 118 тыс. для Эбера (1,8 млн. экз.). Приветствовалось создание солдатами народных обществ, равно как и посещение собраний якобинских клубов в близ лежащей местности [25, с. 169-177]. Типичным уполномоченным того времени является выше упомянутый Сен-Жюст, прозванный «железным комиссаром». Не будучи военным, и даже членом военной секции, он много внимания уделял вопросам обороны. Так, из 57 актов Комитета подписанных им в 1793г. 37 имели отношения к армии [27, с. 111]. Он же осуществил наиболее успешные миссии в Рейнскую (17 октября-28 декабря 1793г.) и Северную (2-29 мая 1794г.) армии.

Анализ деловых документов, отправляемых комиссарами Сен-Жюстом и Леба в Комитет, показывает нам насколько жесткими и безграничными были их полномочия. Для поддержания дисциплины ими была образована Особая ревкомиссия с неограниченными полномочиями (док. 13). Комиссия расстреливала всех солдат и служащих за невыполнение долга. Постановление 133 привлекает к суду командный состав за то, что те не ночуют в палатках. Они занимались реквизицией лошадей и повозок (док. 83), проводили у граждан займ в 9 млн. ливров (док. 82), отдавали приказы генералу Пишегрю и властям г. Страсбурга (док. 18, 19) [20, с. 287-371]. Депутаты поддерживали непосредственную связь не только с Комитетом общественного спасения, но и с министерством. Об этом свидетельствует письмо военного министра Бушота от 4 ноября 1793г., где он просит Сен-Жюста ознакомить его с положением дел в Страсбурге и с состоянием Рейнской армии в частности. Однако это можно считать не более чем обычной формальностью. Анализ военной корреспонденции комитета, позволяет утверждать о значительном преобладании последнего в военной сфере [37, P. 29-30]. В ходе второй миссии в Северную армию «железный комиссар», в полной мере подтвердил свое прозвище. Так, 10 мая издается постановление о работе военного трибунала без всяких юридических формальностей. А 16 мая депутат распорядился образовать специальные патрули для обнаружения и расстрела отступающих солдат [23, с. 349-350]. Самоотверженно вели себя и другие представители народа. Ребель и Мерлен участвовали в обороне Майнца, Приер (из Марны) и Жанбон-Сент-Андре занимались укреплением флота в Бресте. А Фабр даже погиб в бою с испанцами.

Вот таковы были основные черты военных комиссаров II года. За короткий срок своего существования они показали себя надежным элементом военной организации революционного правительства. Не случайно последние представители при армии были упразднены Директорией только в 1796г [14, с. 22].

Существенные изменения произошли и в высшем командном составе. Звание маршала Франции было заменено званием главнокомандующего. Их назначение, производилось согласно декрету от 21 февраля Конвентом по представлению Комитета общественного спасения (ст.14) [34, P.153]. Претендовать на это могли только дивизионные генералы. Вместо званий полковника, генерал-майора и генерал-лейтенанта, вводились новые: командир полубригады, бригадный и дивизионный генералы. Назначение последних производилось следующим образом: треть по старшинству и две трети по выбору Комитета (ст.12). Пожалуй, именно генералитет подвергся самым большим изменениям за годы революции. При старом порядке Французская армия на 150 тыс. солдат имела 1044 генерала (у Пруссии на 200 тыс. 87) [22,с. 306]. С 1759 по 1789гг. было разжаловано только 11 военных. Революция и массовая эмиграция способствовала быстрому уменьшению численности этого контингента. К 20 апреля 1792г. в строю было всего 135 генералов. Правда, впоследствии, их число стало расти вследствие роста воинского контингента. По данным на 1

января 1794г., на миллионную армию приходилось уже 337 генералов. Такое перемены можно объяснить также постоянными чистками со стороны властей, обусловленными дворянским происхождением и поражением в боях. За 1793-94гг. было разжаловано и отстранено соответственно 109 и 352. Как правило, за этим следовали арест и трибунал. Только за 1793 г. были арестованы 198 генералов, а за 1794-й -75. Революционный трибунал осудил 94 командующих (54 гильотинированы) [24, с. 19-20]. Среди казненных были Ушар, Кюстин, Богарне и другие [10, с. 143-157]. В результате это привело к качественному изменению генеральского корпуса. Изменился социальный состав, число дворян снизилось с 87% до 22% в 1792 и 1794гг. соответственно. Появились молодые талантливые генералы: Пишегрю, Гош, Бонапарт, Моро, Марсо и многие другие. Планирование боевых действий проводилось в штабах. При каждой армии действовал постоянный штаб, в составе 1 дивизионного и 2 бригадных генералов, созданный ранее решением от 5 октября 1790г. [6, с. 29-32]. Сверх того в каждой дивизии существовал дивизионный штаб, состоящий из начштаба - аджюдана (заместителя комдива) и 2 его помощников [8, с. 36].

Напряженная военная деятельность Комитета общественного спасения была связана с решением различных научных задач. Для решения последних был создан конгресс ученых в количестве 50 человек [19, с. 4]. Ученые решали самые разные задачи от вооружения до производства карандашей. Ведущую роль в науке играл Гаспар Монж, выдающийся математик и металлург, прежде бывший морским министром. По инициативе Гаспара была организована массовая добыча селитры для производства пороха. Именно селитра была его основным ингредиентом (75%) [28, с. 150]. В условиях блокады необходимо было в кратчайшие сроки наладить добычу этой соли. Ученый предложил усовершенствовать старый способ, известный еще с XIV в., путем промывания и выпаривания земли из особых мест (конюшен, погребов и т.д.). «Пусть нам дадут только селитряную землю, - говорил Монж чиновникам,- и через три дня мы зарядим ею пушки»[18, с. 61]. На основе созданных им инструкций Конвент принял 4 декабря декрет о революционных методах добычи и производства селитры. Документ призывал: «всем и каждому промывать землю из своих погребов, конюшен, овчарен и коровников, амбаров, а также разрушенных строений»[36, P. 616-617]. Народ откликнулся с энтузиазмом. Только в Париже каждую декаду мастерские сдавали 50-60 тыс. фунтов селитры. Всего за год армия получила 22 млн. фунтов селитры.

Великий ученый много способствовал производству оружия. Им был разработан принцип взаимозаменяемости деталей для стрелкового оружия, благодаря которому Парижский завод перешел на конвейерное производство [1, с. 33]. В металлургии Монж внедрил новый способ литья орудий – песочную формовку. Это позволило увеличить производительность и поднять качество. Страны же коалиции продолжали пользоваться трудоемким способом - земляной формовкой [19, с. 60-75]. Эти и другие нововведения нашли отражение в его труде «Описание искусства изготовления пушек» (март 1794г.), переведенного у нас в 1804г. По инициативе Гаспара началась работа по военному применению аэростатов, завершившаяся созданием 2 апреля 1794г. специальной воздухоплавательной части. Последняя использовалась для наблюдения в сражении у Флерюса 26 июня. Готье и Фуркруа предложили способ литья пушек из колокольной бронзы. Специально для этого было разрешено с 23 июля в каждом приходе иметь только один колокол, остальные переплавлялись. Химик Бертолле придумал беление ткани хлором и новые красители. Леблан сумел организовать производство соды из морской соли. Шапталь на своем производстве наладил изготовление медного купороса [7, с. 576-577]. Летом 1794г. между Парижем и Лиллем была построена первая в мире телеграфная линия длиной 210 км. Речь идет об оптическом телеграфе Клода Шаппа произведшего тогда настоящую революцию среди средств связи [4, с. 25-26].

Итак, в целом меры правительства по централизации вооруженных сил можно считать успешными. Сочетание предельно жесткой системы управления с новейшими научными достижениями дало свои результаты. Республиканская армия II года внесла реша-

ющий вклад в победу над коалицией. Она послужила основой для Великой армии Наполеона. Революционная Франция стала первым государством, активно использующим науку для решения задач национальной важности. Революция изменила коренным образом систему технического образования. В результате появилась плеяда великих ученых, сделавших Францию одной из ведущих держав европейского научного мира XIX в.

Список литературы

1. Боголюбов А.Н. Гаспар Монж. Москва: Наука, 1978. 184с.
2. Бродянский В.М. Лазар Карно. Москва: Наука, 2003. 148с.
3. Брюс Р. Войны и сражения эпохи Наполеона 1792-1815. Москва: Эксмо, 2009. 272с.
4. Будовниц И. Семафор Шаппа // Техника-молодежи. Москва. 1937. №4. С. 25-26.
5. Булуазо М. Комитет общественного спасения // Французский ежегодник 1966. Москва: Наука. 1967. С 28-65.
6. Вовси Э.М. Развитие системы штабных должностей на раннем этапе Французской революции, 1790-1795гг // Воин: Военно - исторический журнал. Москва. 2010. №11. С. 29-32.
7. Волгин В.П. Тарле Е.В. Французская буржуазная революция 1789-1794. Москва-Ленинград: Издательство Акад. Наук СССР, 1941. 841 с.
8. Голицин Н.С. Всеобщая военная история новейших времен. Ч. I. Санкт-Петербург: «Общественная польза», 1874. 380 с.
9. Документы истории Великой Французской революции. Т.I. Москва: Издательство МГУ, 1990. 526с.
10. Коган Н.Ф. Генералы-изменники перед судом парижского революционного трибунала // Ученые записки ЛГУ. Ленинград. 1940. Вып. 6. №52. С. 143-157.
11. Кудряшов И.Ю. Французская армия во время революции 1789-1799 гг. [Электронный ресурс.] URL: http: www. Genstab. ru./ (дата обращения: 16.02.2018)
12. Левандовский А.П. «Свобода должна победить…» (миссия Сен-Жюста в Эльзасе) // Человек и закон. Москва. 1981. №9. С. 114-127.
13. Левандовский А.П. Арденская миссия Сен-Жюста // Вопросы истории. Москва. 1982. №7. С. 115-121.
14. Левицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. Москва: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР,1938. 259с.
15. Лукин Н.М. Избранные труды в трех томах. Т I. Москва: Издательство Акад. Наук СССР, 1960. 480с.
16. Лукин Н.М. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента. Москва: Издательство Коммунистической академии, 1927.667с.
17. Матьез А. Как побеждала Великая Французская революция. Москва: Военный вестник, 1928. 189с.
18. Молок А.И. Гаспар Монж как общественный и политический деятель / Сборник статей к 200 –ю со дня рождения под ред. Смирнова В.И. Москва: Издательство Акад. Наук СССР, 1947. 84с.
19. Монж Г. Искусство лить пушки. Санкт-Петербург: Типография Шнора, 1804. 274с.
20. Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба / Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794гг. и революции 1848г. во Франции. Москва: Иностранная литература, 1960. 371с.
21. Самсаров А.И. Становление революционного правительства во Франции в 1793г // История. Общество. Политика. Брянск. 2018. № 1(5). С. 76-86.
22. Свечин А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т.I. Москва – Ленинград: Гос. Издательство военной литературы, 1927. 329с.
23. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. Москва: Наука, 1995. 461с.
24. Соколов О. Армия Наполеона. Санкт-Петербург: Империя, 1999. 582с.
25. Форрест А. Французские солдаты и распространение революции в Европе // Исторические этюды о Французской революции (Памяти В.М. Далина), Москва: Наука, 1998. С. 169-177.
26. Фюре Ф. Постижение Французской революции. Санкт-Петербург: Инапресс, 1998. 224с.

27. Чупрун Н.И. Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1793г // Научные записки Днепропетровского гос. ун-та. Днепропетровск. 1956. Т.56. Вып. IV. С. 109-126.

28. Штетбахер А. Пороха и взрывчатые вещества. Москва: ОНТИ, 1936. 620с.

29. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 8.

30. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T11.

31. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T55.

32. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T56.

33. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T58.

34. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T59.

35. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T72.

36. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T80.

37. Correspondance ge/ne/rale de Carnot: publ. avec des notes histoiques et biographiqves. P., 1892 – 1907. T. IV. Novembre 1793 - mars 1795.

38. Recueil des actes du Comite/ de Salut Public avec la correspondance officiele des Representants en mission et le Registre du conseil Executif Provisoire. T.1-25. P., 1889-1910. T. 1.

THE REVOLUTIONARY GOVERNMENT OF FRANCE AND THE ARMY IN 1793-1794.

The article deals with the problem of the relationship between the Committee of Public Salvation and the national army in 1793 and the first half of 1794. The tightening of military control was part of the concept of the universal centralization of all spheres of the state. At this time, the military control system was built in the form of a vertical: the Committee - military commissars - commanders of armies. The main activities of the Convention and the government on the organization of the republican army in 1792-1794 are shown. The activities of the military section headed by Carnot and the evolution of the institute of military commissars are thoroughly consecrated. Special attention is paid to the most productive missions of Saint-Just to the Rhine and Northern armies in 1793-1794. The contribution of French scientists to the defense of the Republic is noted.

Keywords: Commissioner, Committee of Public Salvation, Commander-in-Chief, semi-brigade, Ajüdan.

References

1. Bogolubov A.N. (1978). Gaspar Monzh [Gaspar Monge].Moskva: Nauka.

2. Brodyanskij V.M. (2003). Lazar Karno [lazar carnot].Moskva: Nauka.

3. Brus R. (2009). Voiny i srazheniya apohi Napoleona 1792-1815 [Wars and battles of the era of Napoleon 1792-1815]. Moskva: Aksmo.

4. Budovnic I. (1937). Semafor Shappa [Semaphore Shappa]. Tehnika-molodezhy [Technology youth], 4, 25-26

5. Buluazo M. (1967). Komitet obshestvennogo spaseniya [Committee of Public Safety]. Francuzskij ezhegodnik [French Yearbook].1966. 28-65. Moskva: Nauka.

6. Vovsi A.M. (2010). Razvitie sistemy shtabnyh dolzhnostej na rannem atape Francuzskoj revolucii, 1790-1795 [The development of a system of staff posts at the early stage of the French Revolution 1790-1795]. Voin: Voenno-istoricheskj zyrnal [Warrior: Military Historical Journal], 11, 29-32.

7. Volgin V.P. Tarle E.V. (1941). Francuzskaya burzhuaznaya revoluciya 1789-1794 [French bourgeois revolution 1789-1794]. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akad. Nauk SSSR.

8. Golicyn N.S. (1874). Vseobshaya voennaya istoriya novejshyh vremen CH I [Universal military history of modern times CH. 1]. Peterburg: Obshestvennaya polza.

9. Dokumenty istorii Velikoj Francuzskoj revolucii T I [Documents of the history of the Great French Revolution T. I.]. 1990. Moskva: MGU.

10. Kogan N.F. (1940). Generaly- izmenniki pered sudom parizhskogo revolucionnogo tribunala [Generals are traitors before the court of the Paris Revolutionary Tribunal]. Uchenye zapiski [Scholarly notes] LGU, 52, 143-157.

11. Kudryachov I.U. Francuzskaya armiya vo vremya revolucii 1789-1799 [French army during the revolution of 1789-1799]. Retrieved 16 February, 2018 from http: // Genstab. ru.

12. Levandovskij A.P. (1981). " Svoboda dolzhna pobedit…" (missiya Sen-Zhusta v Alzase) ["Freedom must win ..." (Saint-Just's mission in Alsace)] Chelovek I zakon [Person and law], 9, 114-127.

13. Levandovskij A.P. (1982). Ardenskaya missiya Sen-Zhusta [Arden Mission Saint-Just]. Voprosy istorii [Questions of history], 7, 115-127.

14. Levickij N.A. (1938). Polkovodcheskoe iskusstvo Napoleona [Napoleon's commanding art]. Moskva: Voenizdat Narkomata oborony SSSR.

15. Lukin N.M. (1960). Izbrannye Trudy v treh tomah. T. I [Selected Works in Three Volumes. T I]. Moskva: Izdatelstvo Akad. Nauk SSSR.

16. Lukin N.M. (1927). Revolucyonnoe pravitelstvo vo Francii v epohu Konventa [The revolutionary government in France in the era of the Convention]. Moskva: Izdatelstvo Kommunstricheskoi Akad.

17. Matez A. (1928). Kak pobezdala Velikaya Francuzskaya revoluciya [How conquered the great French revolution]. Moskva: Voennyi vestnik.

18. Molok A.I. (1947). Gaspar Monzh kak obshestvennyj i politicheskij deyatel [Gaspard Monge as a public and political figure]. Sbornik statei k 200-u so dnya rozhdeniya pod redakcyei Smirnova V.I. Moskva: Izdatelstvo Akad. Nauk SSSR.

19. Monzh G. (1804). Iskusstvo lit puchki [Art of pouring cannon]. Peterburg: Tipografiya Chnora.

20. Perepiska I delovye dokumenty narodnyh predstavitelei Sen-Zhusta I Leba [Correspondence and documents of people's representatives Saint-Just and Loeba]. Sobul A. (1960). Iz istorii Velikoj burzhuaznoj revolucii 1789-1794 I revolucii 1848 vo Francii. Moskva: Inostrannaya literatura.

21. Samsarov A.I. (2018). Stanovlenie revolucyonnogo pravitelstva vo Francii v 1793 [The formation of a revolutionary government in France in 1793]. Istoriya.Obshestvo. Politika [History. Society. Politics.], 1(5), 76-86.

22. Svechin A. (1927). Avoluciya voennogo iskusstva s drevnejchyh vremen do nachyh dnej. T. I [The evolution of military art from ancient times to the present day T I]. Moskva-Leningrad: Voennaya literatura.

23. Sen-Zhust L.A. (1995). Rechi. Traktaty [Speech. Treatises].Moskva: Nauka.

24. Sokolov O. (1999). Armiya Napoleona [Napoleon's Army]. Peterburg: Imperiya.

25. Forrest A. (1998). Francuzskie soldaty I rasprostrantnie revolucii v Evrope [French soldiers and the spread of the revolution in Europe]. Istoricheskie atudy o Francuzskoj revolucii (Pamyati V.M. Dalina), 169-177. Moskva: Nauka.

26. Fure F. (1998). Postizhenie Francuzskoj revolucii [Comprehension of the French Revolution]. Peterburg: Inapress.

27. Chuprun N.I. (1956). Sen-Zhust I organizciya oborony Francii v 1793 [Saint-Just and the organization of the defense of France in 1793]. Nauchnye zapiski Dnepropetrovskogo gos. un-ta t 56, IV [Scientific notes of Dnepropetrovsk State University], t 56, IV.

28. Shtetbaher A. (1936). Poroha I vzryvchatye veshestva [Gunpowder and explosives]. Moskva: ONTI.

29. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 8.

30. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T11.

31. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T55.

32. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T56.

33. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T58.

34. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T59.

35. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T72.

36. Archives parlementaires de/ 1787 a` 1860: Première se/rie: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T80.

37. Correspondance ge/ne/rale de Carnot: publ. avec des notes histoiques et biographiqves. P., 1892 – 1907. T. IV. Novembre 1793 - mars 1795.

38. Recueil des actes du Comite/ de Salut Public avec la correspondance officiele des Representants en mission et le Registre du conseil Executif Provisoire. T.1-25. P., 1889-1910. T. 1.

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – магистрант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – master of the Department of World History, international Relations and International Law Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

УДК 94(47)"7/19"

Степкин В.В., кандидат исторических наук, МБОУ Павловская СОШ с УИОП Воронежской области (Россия)

ДИВНОГОРСКИЕ ПЕЩЕРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ НА ЮЖНОРУССКОМ ФРОНТИРЕ

Фронтирные исследования являются актуальной темой научного дискурса, дающего понимание различных процессов общественной жизни. В лесостепном Подонье Южнорусского фронтира происходило взаимодействие различных этно-культурных групп и политических образований. Данный фактор способствовал появлению такого феномена духовной жизни, как культовое пещеростроительство. В золотоордынское время здесь был создан Дивногорский пещерный монастырь, отражающий византийское влияние в зоне русско-ордынского пограничья. Прекратив свое существование в конце XIV в., монастырь вновь был возрожден в середине XVII столетия, когда данный регион стал активно осваиваться в результате как правительственной колонизации из центральных регионов Московского государства, так и вольной колонизации из Поднепровья. Освоение данного региона имело важное значение в укреплении юга страны от набегов крымских и ногайских татар. Пришедшим сюда с казачьим полком инокам-малороссам была близка аскетическая традиция подземножительства, развитая на родине. В дальнейшем, по мере продвижения южной границы России к морю, лесостепное Подонье утрачивает характер военно-политического фронтира, сохраняя к XIX в. характер фронтира культурно-этнического в рамках такого еврорегиона, как Слабожанщина. Взаимодействие здесь развитой у малороссов традиции почитания пещер Киево-Печерской Лавры и местной традиции развития культового создания подземелий привело к всплеску народного пещерокопания. В Донском Дивногорье, помимо пещер в Малых и Больших Дивах, культовые подземелья получают свое развитие в урочище Шатрище и у слободы Селявное. В лесостепном Подонье в целом, к концу XIX в., насчитывалось уже около полусотни культовых пещер. Помимо фронтированности данной территории в этом играли немаловажную роль благоприятные особенности ландшафта – выходы на поверхность белого писчего мела. Методологической основой данного исследования выступил историко-генетический метод и сравнительный анализ.

Ключевые слова: южнорусский фронтир, лесостепное Подонье, Червленый Яр, Сарайская епархия, Дивногорские пещеры, Византия, монастырская колонизация, Воронежская губерния, народное православие, Русская православная церковь.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-147-155

С момента доклада Ф. Тернира «Значение границы в американской истории», сделанного в 1893 г., в котором вводится терминологическая категория «фронтир», прошло более столетия. И если Тернер трактовал фронтир как границу между освоенными и неосвоеными землями как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды», то в дальнейшем значение данного понятия в зарубежной и отечественной историографии наполнилось иными оттенками [24]. Разрабатывая методологию фронтирных исследований, Л. В. Баевой была предложена типология рассматриваемого феномена. Так ею выделяется цивилизационный, межкультурный, конфессиональный, этнический, языковой, ментальный, военно-политический, ценностный фронтиры. При этом Л. В. Баева справедливо отмечает, «что в чистом виде указанные выше типы фронтиров существуют лишь в теории, на практике же мы, зачастую, видим их одновременное выражение» [5, с. 33–34].

Расширение ядра сначала древнерусской, а затем московской государственности позволило выделить различные направления фронтирных исследований. Наиболее разработанным в отечественной историографии является восточное направление, затрагивающее колонизацию Сибири [24]. Немалое число исследований посвящено и южному направлению расширения русской государственности [15]. При этом в работах территория южнорусского (южнороссийского) фронтира представлена в различных географических границах в зависимости от хронологических рамок и акцентов исследования. Южнорусский фронтир – территория ограниченная Волгой и Доном с востока на запад, а также на севере южной границей бывшего Рязанской княжества и предгорьями Кавказа на юге [17, с.10]. Южнорусский фронтир – Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская губернии [13, с. 182]. Южно-российский фронтир – территория Прикаспия и Нижнего Поволжья [5, с. 34].

Важный акцент в изучении южного

направления русской колонизации в контексте естественно-природных зон представлен в работе Мезиса и Папкова, выделивших особо регион Днепро-Донской лесостепи [16, с. 33–49]. Природно-географический акцент рассмотрения на фоне различных взглядов территориального структурирования позволяет в рамках южнорусского фронтира выделить особый регион – лесостепное Подонье. Здесь проходила встреча кочевого мира степи с оседлым мироустройством пахаря (в рамках как древнерусской, так и российской государственности), здесь пролегала граница Европы и Азии [7, с. 6–7]. Территория лесостепного Подонья в VIII–X вв. была местом взаимодействия различных этносов. На севере проживали славянские племена до 60-х гг. X в. (походов Святослава), находящиеся вне пределов Древнерусского государства и платившие дань хазарам. Южными соседями славян было алано-болгарское население салтово-маяцкой культуры, северо-западная периферия Хазарского каганата. «В процессе общения этих двух этносов шло взаимное обогащение в области материальной культуры и, прежде всего, в тех сферах, в которых каждый из субъектов общения видел для себя наиболее привлекательным и необходимым, и что могло найти применение в повседневной жизни. Для донских славян это, в первую очередь, производство керамической посуды, которую славяне изготовляли практически до конца своего пребывания в бассейне Дона ручным способом, без гончарного круга, но они пополнили ассортимент посуды. Аланы и болгары – население салтово-маяцкой культуры – восприняли многое из того, чем обладали славяне в области домостроительства» [9, с. 18].

Если на севере представители лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры контактировали со славянским населением, то на юге они поддерживали связи с Византией, при помощи которой осуществили в Подонье создание цепи опорных пунктов [4, с. 150]. Пример создания искусственных подземных полостей рядом с одним из таких форпостов мы видим на селище близ Маяцкого городища, где в меловой породе фиксируются погребальные катакомбы, традицию сооружения которых аланы принесли с Кавказа [21, с. 71]. Осмотревший в 1906 г. данный могильник А. А. Спицын, высказал предположение о его неразрывной связи с Маяцким городищем, которое он интерпретировал как «остатки монастырька, современного могильнику, древний погост, обслуживающий своим кладбищем окрестности» [25, с. 78]. Причем, по мнению Спицина, с данным «монастырьком», созданным аланами-христианами, были связаны и расположенные неподалеку пещеры, вырубленные в меловом склоне урочища Большие Дивы [25, с. 79]. Надо заметить, что данная точка зрения, получившая развитие в работе Ю. Ю. Шевченко [32], не была поддержана в научных кругах, занимающихся изучением лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. На сегодняшний день нет данных как о распространении здесь в это время христианского массива населения, так и о сооружении пещер в VIII–X вв. в Больших Дивах.

Христианство в лесостепном Подонье начинает распространяться по мере вхождения данного региона сначала в состав Черниговского, а затем Рязанского княжества [12, с. 319]. При этом на востоке данного региона продолжает происходить взаимодействие с миром кочевников. В Золотоордынское время, отмечает А. А. Шенников, в хоперско-донском междуречье «существовало сложившееся, по-видимому, еще раньше при половцах, объединение татарских (бывших половецких), восточнославянских и, вероятно, также мордовских территориальных общин, получившее общее название Червленый Яр. Его хозяйственной основой было обоюдовыгодное сотрудничество полукочевников-скотоводов, кочевавших по степным междуречьям, и обитавшего в приречных лесных полосах населения, хозяйство которого восполняло недостаточно развитые у скотоводов-полукочевников отрасли, в частности заготовку сена и, видимо, некоторые виды ремесленного производства» [33, с. 128]. Данные археологических разведок и раскопок свидетельствуют о сосуществовании на территории Червленого Яра русского и кочевого населения Орды [30; 31].

По мнению Ю. В. Селезнева, Червленый Яр был ордынской административно-территориальной единицей – улусом-«туменом» [23, с. 98–100]. Б. Р. Рахимзянов рассматривает Червленый Яр как фронтир, одну из «буферных зон» во взаимоотношениях Зо-

лотой Орды и русских княжеств. Он высказывает предположение, что Червленый Яр был смежной ордынско-рязанской совместно управляемой территорией [22, с. 92]. Об отсутствии четкой границы по Дону Рязанского княжества свидетельствует и расположение археологических памятников золотоордынского периода в лесостепном Подонье [14, рис. 1]. Их анализ позволяет говорить, что татарские кочевья проходили не только в междуречье Дона и Хопра, но и углублялись в донское правобережье, свидетельствуя о подвижной границе Червленого Яра.

Учитывая пограничный характер территории Червленого Яра, из-за нее неоднократно возникали споры в контексте церковного управления между Рязанской епархией и образованной в 1261 г. Сарайской епархией. В этот спор вынуждены были вмешиваться правящие русские митрополиты. Интересные сведения для нас дает начало грамоты (ок. 1343-52 гг.), данной митрополитом Феогностом рязанскому владыке на право контроля над Червленым Яром. Грамота начинается следующими словами: «Благословение Феогноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскаком и сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьянам Червленого Яру, и ко всем городам, по Великую Ворону» [1, с. 341]. Как отмечали еще дореволюционные исследователи С. Е. Зверев и С. Н. Введенский, данное обращение свидетельствовало о наличии в области Червленого Яра как христиан из татар, так и русского городского и сельского населения. Упоминание игуменов говорило о наличии здесь монастырей, что в свою очередь свидетельствовало как о многочисленности христианского населения, так и о его глубоких корнях [6, с. 367; 12, с. 322]. Случайные находки в лесостепном Подонье нательных крестов этого времени подтверждают данные рассуждения [28].

Вопрос о том, что один из монастырей Червленого Яра находился в урочище Малые Дивы, был поставлен в 1995 г. воронежским историком А. О. Амелькиным [2]. На наш взгляд, если Дивногорская обитель существовала в то время, то она являлась ставропигией Константинопольского патриархата. В этой связи необходимо упомянуть церковное предание, зафиксированное в дневнике Патрика Гордона, плывущего по Дону во время Азовского похода 1696 г. Настоятель Дивногорского монастыря повел Гордона «в часовню, высеченную в меловой скале. Выше часовни виднелись развалины очень древнего монастыря, основание которого местное предание приписывало Греческому Императору Андронику» [8, с. 14]. По всей видимости, речь шла о наблюдаемых и сегодня полуразрушенных внутрискальных помещениях в меловых останцах Малых Див. Важно заметить, что они имеют прямые средневековые аналоги вырубленным культовым полостям в останцах и глыбах, расположенных на территории современной Греции и Турции [11, с. 158]. Возвращаясь к имени Андроника, отметим, что всего византийских императоров с таким именем было пять, и правили они в период XII–XIV вв.

Данное предание позволяет говорить о Дивногорском монастыре как о древнейшей обители в лесостепном Подонье. Находясь в зоне пересечения интересов Византии, Орды и Руси, Дивногорский монастырь мог быть удаленным форпостом Византийского влияния в важнейшей донской коммуникационной артерии в зоне русско-ордынского пограничья. Будучи построенным при одном из византиийских императорах Андрониках Дивногорский монастырь прекратил свое существование к концу XIV в. Игнатий Смольянинов, спутник митрополита Пимена, направляющегося летом 1389 г. из Москвы в Константинополь, так описывал свое путешествие по Дону: «Бысть же сие путное шествие печально и унильниво, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видите тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точью же все и не населено; но где бо видите человека, точию пустыни велиа» [10, с. 27–28]. Это было результатом смуты в Золотой Орде и обострением вслед за этим русско-татарских отношений приведших к военным столкновениям в Подонье [3, с.32].

При этом монастырь начал восстанавливаться после долгого периода запустения незадолго до посещения монастыря Патриком Гордоном в середине XVII в. В это время сюда, на южные окраины Московского государства, из-за Днепра переселяются казаки во главе с Иваном Дзиньковским, обустраивая г. Острогожск. Вместе с казачеством в Подонье

переселились и представители духовного сословия, возрождая расположенный неподалеку от Острогожска Дивногорский монастырь [18, с. 4]. В 1653 г. его игумен Гурий писал царю Алексею Михайловичу о том, что «в Дивных горах монастырь вновь и церкви поставили и кельи и ограду около монастыря своими трудами». Причем, церкви было две: одна во имя Успения Пречистой Богородицы «выбита в камени в столбе у горы, а на берегу реки Дона – церковь великого Чудотворца Николы» [18, с. 4]. Используемое Гурием слово «вновь» свидетельствует о понимании того, что строительство осуществлялось на месте более древней обители.

При этом обустроенный вновь пришедшими с Иваном Дзиньковским иноками Дивногорский монастырь оказался в буферной фронтирной зоне за пределами Белгородской засечной черты Московского государства, построенной в XVII в. для защиты от набегов крымских и ногайских татар. Стены и пушки монастыря были вынуждены не раз укрывать насельников обители – летом и осенью 1670 г. от восставших казаков-разинцев, а в 1673 и 1677 г. – от набегов татар. То есть мы видим, что Дивногорский монастырь, наряду с такими монастырями Воронежского края как Толшевский, Боршевский и Карачунский, выполнял не только религиозные функции, но и колонизационно-фортификационные, прикрывая подступы к Воронежу [20, с. 114]. Немаловажно и то, что «будучи духовным и хозяйственным центром, монастырь привлекал к себе людей. В 1692 г. было дано разрешение селиться на монастырских землях вольным бобылям. Устремившийся сюда поток украинских поселенцев положил начало расположенной в 2 км от обители слободе Селявной и привел к спецефической ситуации в этом районе, когда, сохраняя свой язык и свои традиции, рядом жили русские и украинцы» [2].

Симбиоз русско-украинского пограничья оказал благоприятное воздействие на дальнейшее развитие пещеростроительства в Донском Дивногорье. Отличительным знаком этого района, занимающего правый долинный склон р. Дон на отрезке Лиски – хут. Дивногорье, являются вертикальные меловые останцы – дивы, которые, собственно, и дали название этому ландшафтному участку [29, с. 175]. В XIX в. здесь, с опорой на прочный фундамент развития скальной архитектуры в регионе, при наличии особо почитаемой малороссами традиции поклонения киевским подземным святыням, начинает бурно протекать процесс создания культовых подземелий в рамках народного православия. В 1851 г. рядом с монастырем у слободы Селявное пещеры начал вырубать в меловой толще крестьянин слободы Щучьей Осторогожского уезда, Петр Курбатов. В 1853 г. ему начал помогать Никифор Шатов, крестьянин из Бирючинского уезда. В 1832 г. над созданием Шатрищегорских пещер, находящихся неподалеку, трудился вольный хлебопашец Валуйского уезда Григорий Приходько [19, с. 153–155]. Его труд был продолжен в 1840 г. крестьянином слободы Лиски Михаилом Полиевым [27]. Всем указанным пещерокопателям активно помогало местное население Слобожанщины, более свободное в данной фронтирной зоне, чем в центральных регионах России, и более миссионерски настроенное. Помимо Донского Дивногорья сходные процессы протекали и других районах лесостепного Подонья, где к концу XIX в. насчитывалось уже около полусотни культовых пещер. Помимо фронтированности данной территории в этом играли немаловажную роль благоприятные особенности ландшафта – выходы на поверхность белого писчего мела [26].

Таким образом, рассмотрев такую территорию южнорусского фронтира как лесостепное Подонье в контексте создания и бытования Дивногорских пещер, мы приходим к выводу, что функционирование здесь обители было обусловлено характером региона. Изначально находясь в зоне пересечения интересов Византии, Орды и Руси, Дивногорский монастырь мог быть удаленным форпостом Византийского влияния в важнейшей донской коммуникационной артерии в зоне русско-ордынского пограничья в рамках Сарайской (Сарско-Подонской) епархии. Прекратив свое существование в конце XIV в., монастырь вновь был возрожден в середине XVII столетия, когда данный регион стал активно осваиваться в результате как правительственной колонизации из центральных регионов Московского государства, так и вольной колонизации из Поднепровья. Испытывая религиозное давление на родине в результате насаждения унии, пришедшие с казачьим полком Ивана

Дзиньковского иноки-малороссы вновь создавали на южных рубежах российского государства центр колонизационного притяжения. Освоение данного региона имело важнейшее значение в укреплении юга страны от набегов крымских и ногайских татар. В дальнейшем, по мере передвижения южной границы России к морю, лесостепное Подонье утрачивает характер военно-политического фронтира, сохраняя к XIX в. характер фронтира культурно-этнического в рамках такого еврорегиона, как Слабожанщина. Взаимодействие здесь в это время развитой у малороссов традиции почитания пещер Киево-Печерской Лавры и местной традиции развития культового создания подземелий привело к всплеску народного пещерокопания. В Донском Дивногорье, помимо пещер в Малых и Больших Дивах, культовые подземелья получают свое развитие в урочище Шатрище и у слободы Селявное. Сходные процессы протекали и других районах лесостепного Подонья, где к концу XIX в. насчитывалось уже около полусотни культовых пещер.

Список литературы

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-нач.XVI в. Том III. М.: «Наука», 1964. 687 с.

2. Амелькин А. О. Дивногорская обитель // «Русская провинция». Вып. 2. Воронеж: Черноземное книжное издательство, 1995. С. 136–152.

3. Андреев С. И. Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII – XVI вв. // Вестник Тамбовского университета. 2013. № 10 (126). С. 31–42.

4. Афанасьев Г. Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 182 с.

5. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения Южно-Российского фронтира // Вес. ВолГУ. Сер. 7. Фил. 2014. №2 (22). С. 32–38.

6. Введенский С. Н. Червленый Яр (Церковно-исторический и географический этюд) // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж: Издание Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета, 1904. С. 347–376.

7. Великоцкий М. А. Рассуждения Ломоносова о проведении границы между Европой и Азией // Вес. МГУ. Сер. 5. Геог. 2011. № 5. С. 6–10.

8. Веневитинов М. А. Из Воронежской летописи за 1696 г. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 г. Отдел III-й (литературно-научный). Воронеж: Издание Губернского Статистического комитете, 1896. С. 1–26.

9. Винников А. З. Юго-Восточная окраина славянского мира в эпоху образования древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.) // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2012. №2. С. 14–20.

10. Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. / Сост. и ав. пояс. текста В. П. Загоровский. Воронеж: ВГУ, 1976. 192 с.

11. Гунько А. А. Кондратьева С. К. Внутрискальные помещения в меловых останцых Малых Див: попытка идентификации // Спелеология и спелестология: сборник материалов V международной научной заочной конференции (К 100-летию А.В. Рюмина). Набережные Челны: НИСПТР, 2014. С. 151–160.

12. Зверев С. Е. Следы христианства на Дону в домонгольский период // Труды десятого археологического съезда в Риге. 1896. Том I. М.: Типография Э. Лисснера и А. Гершеля, 1899. С. 316–326.

13. Канищев В. В., Баранова Е. В. Пространственное представление движения южнорусского фронтира в середине XVII – середине XIX вв. // Русь, Россия. Средн. и Нов. Вр. 2015. №4. С. 178–186.

14. Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.

15. Мизис Ю. А., Кащенко С. Г. Проблема формирования русского фронтира на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вес. СПбГУ. Сер. 2. Истор. 2011. №1. С. 9–16.

16. Мезис Ю. А. Папков А. И. Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI-начале XVIII в. // Российская история. 2016. №3. С. 33–49.

17. Мизис Ю. А. Скобелкин О. В. Папков А. И. Теория фронтира и юг России в XVI-первой половине XVIII в. // Вес. ТГУ. Сер.: Гум. науки. 2015. № 10 (150). С. 7–15.

18. Никольский П. В. Дивногорский Успенский монастырь. Исторический очерк. Воронеж: Типография Исаева, 1904. 80 с.

19. Никольский П. В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская Старина. Вып. 9. Воронеж, 1910. С. 149–181.

20. Папков А. И. Освоение Российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVII–начале XVII веков // Науч. Вед. БелГУ. Сер.: Экон. Инфор. 2011. Т. 18 №7 (102). С. 110–115.

21. Плетнева. С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

22. Рахимзянов Б. Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №2. С.91–95.

23. Селезнев Ю. В. Червленый Яр – улус Золотой Орды // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925-1994). Воронеж, 2000. С. 98–100.

24. Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронтира // Изв. АлтГУ. 2011. №4-1 (72). С. 189–193.

25. Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // Жур. Мин. нар. Пр. 1909. Январь. С. 68–79.

26. Степкин В.В. Пещеростроительство в лесостепном Подонье (VIII–XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж: ВГПУ, 2005. 24 с.

27. Степкин В. В. Пещеры в урочище Шатрище на Среднем Дону в XIX в. по материалам РГИА // Спелеология и спелестология. Сб. мат. VIII междун. науч. конф. Набережные Челны: НГПУ, 2017. С.210–214.

28. Степкин В. В. Случайные находки крестов периода классического средневековья на Среднем Дону // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. С. 254–256.

29. Федотов В. И. Дивногорье на Дону // Природа и ландшафты Подворонежья. Воронеж: ВГУ, 1983. С. 175–189.

30. Цыбин М. В. Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 194–203.

31. Цыбин М. В. Переферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. № 221. С. 174–185.

32. Шевченко Ю. Ю. Осколки Готской митрополии: финал христианских пещерных комплексов в Подонье // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2011. №3. С.244–274.

33. Шенников А. А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Ленинград: «Наука», 1987. 139 с.

DIVNOGORSKIE CAVES OF FOREST-STEPPE DON REGION ON THE SOUTH RUSSIAN FRONTIER

Frontier research is a topical issue of scientific discourse, revealing insights into various processes of public life. In the forest-steppe Don region of the South Russian frontier different ethnic and cultural groups and political entities interacted. This factor contributed to emergence of such a phenomenon of spiritual life as a cult cave digging. In the Golden Horde times Divnogorsky cave monastery was created here, which reflected Byzantine influence on Russian-Orda borderlands.

Monastery ceased to exist in late 14th century, whereupon it was revived in the mid-17th century, when the region started active development as a result of governmental colonization from central regions of Muscovy and free colonization from the Dnieper area. The region development was important in strengthening of the country South from attacks of the Crimean and Nogai Tatars. The monks from Little Russia, who came here with a Cossack regiment, had already tried the ascetic tradition of cave digging developed at home. In the future, as the Southern border of Russia was moving to the sea, the forest-steppe Don region lost its meaning of political and military frontier, having kept by the 19th century the features of ethnic and cultural frontier within the framework of such European region as Slabozhanshchina. The tradition of veneration of Kiev Pechersk Lavra well developed in Little Russia interacted here with the local tradition of caves cult development, which led to rise of folk cave digging. In Don Divnogorie, in addition to the caves in both Malye and Bolshie Divy, the cult catacombs were also developed in urochishche Shatrishche and near sloboda Seljavnoe. In the forest-steppe Don region in general, by the end of the 19th century, there were about fifty religious caves. In addition to fronted character of the territory the friendly environment - outcropping of white writing chalk - was by no means important. The methodological basis of the study was the historical-genetic method and comparative analysis.
Keywords: Southern Russian frontier, forest-steppe Don region, Chervlyony Yar, Diocese of Sarai, Divnogorskie caves, Byzantium, monastic colonization, Voronezh governorate, folk Orthodoxy, the Russian Orthodox Church.

References

1. Akty social'no-jekonomicheskoj istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV-nach.XVI v. Tom III [Acts of social and economic history of North-Eastern Russia of late XIV - early XVI centuries. Volume III]. M.: «Nauka», 1964. 687 p. (In Russian).

2. Amel'kin A. O. Divnogorskaja obitel' [Divnogorskiy Monastery]. *Russkaja provincija. Vyp. 2.* [The Russian provinces. Issue 2]. Voronezh: Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995, pp. 136–152. (In Russian).

3. Andreev S.I. Russko-tatarsko-mordovskoe pogranich'e vo vtoroj polovine XIII – XVI vv. [Russian, tatar and mordovia borderlands in the second half of 13–16 centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Review], 2013, no. 10 (126), pp. 31–42. (In Russian).

4. Afanas'ev G. E. Donskie alany: Social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naselenija bassejna Srednego Dona [Alans of Don region: Social structures of Alan-Yas-Burtas population of Middle Don river basin]. M.: Nauka, 1993. 182 p. (In Russian).

5. Baeva L. V. Tipologiya i problemy izucheniya Yuzhno-Rossiyskogo frontira [The typology and problems of studying the southern Russian frontier]. *Ves. VolGU. Ser. 7. Fil*. [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy], 2014, no. 2 (22), pp. 32–38. (In Russian).

6. Vvedenskij S. N. Chervlenyj Jar (Cerkovno-istoricheskij i geograficheskij jetjud) [Chervlyony Yar (Church and historical geographical essay)]. *Voronezhskaja starina. Vyp. 5.* [Voronezhskaya Starina. Issue 5]. Voronezh: Izdanie Voronezhskogo Cerkovnogo Istoriko-arheologicheskogo Komiteta, 1904, pp. 347–376. (In Russian).

7. Velikotskiy M. A. Rassuzhdeniya Lomonosova o provedenii granitsy mezhdu Evropoy i Aziey [Lomonoov's discussion on placing the border between Europe and Asia]. *Ves. MGU. Ser. 5. Geog.* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], 2011. no. 5, pp. 6–10. (In Russian).

8. Venevitinov M. A. Iz Voronezhskoj letopisi za 1696 g. [From Voronezh Chronicles of 1696]. *Pamjatnaja knizhka Voronezhskoj gubernii na 1896 g. Otdel III-j (literaturno-nauchnyj)* [Memorandum book of Voronezh province of 1896, 3rd Division (literary-scientific)] Voronezh: Izdanie Gubernskogo Statisticheskogo komitete, 1896, pp. 1–26. (In Russian).

9. Vinnikov A. Z. Jugo-Vostochnaja okraina slavjanskogo mira v jepohu obrazovanija drevnerusskogo gosudarstva (lesostepnoe Podon'e v VIII – pervoj polovine XI vv.) [The South-eastern edge of the Slavic world in the times of the old Russian State formation (forest-steppe of Don area in VIII-first half of 11th centuries.)]. *Vestnik VGU. Serija. Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2012, no. 2, pp. 14–20. (In Russian).

10. Voronezhskij kraj s drevnejshih vremen do konca XVII veka [Voronezh region from ancient times to the end of the 17th century]. Voronezh: VGU, 1976. 192 p. (In Russian).

11. Gun'ko A.A. Kondrat'eva S. K. Vnutriskal'nye pomeshhenija v melovyh ostancyh Malyh Div: popytka identifikacii [Cave rooms in the chalk pole in Malie (Small) Divy: attempt of identification]. *Speleologija i spelestologija: sbornik materialov V mezhdunarodnoj nauchnoj zaochnoj konferencii (K 100-letiju A.V. Rjumina)* [Speleology and spelestology. To the centenary of A. V. Ryumin's birth. Proceedings of the V international scientific correspondence conference]. Naberezhnye Chelny:

NISPTR, 2014, pp. 151–160. (In Russian).

12. Zverev S. E. Sledy hristianstva na Donu v domongol'skij period [Traces of Christianity in the Don region in pre-Mongol period]. *Trudy desjatogo arheologicheskogo s#ezda v Rige* [Proceedings of the tenth Archaeological Congress in Riga]. 1896. Tom I. M.: Tipografija Je. Lissnera i A. Gershelja, 1899, pp. 316–326. (In Russian).

13. Kanishchev V. V., Baranova E. V. Prostranstvennoe predstavlenie dvizheniya yuzhnorusskogo frontira v seredine XVII – seredine XIX vv. [Spatial representation of the South Russian frontier movement in the mid-17th -mid-19th centuries]. *Rus', Rossiya. Sredn. i Nov. Vr.* [Rus, Russia. Middle Ages and New Time], 2015, no. 4, pp. 178–186. (In Russian).

14. Kravec V.V. Kochevniki Srednego Dona v jepohu Zolotoj Ordy [Nomads of the Middle Don in the era of the Golden Horde]. Voronezh: VGPU, 2005. 206 p. (In Russian).

15. Mizis Yu. A., Kashchenko S. G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The problem of the Russian frontier formation in Southern Russia in the XVI - first half of the 18th century in national historiography]. *Ves. SPbGU. Ser. 2. Istor.* [Vestnik of Saint Petersburg university. History], 2011, no.1, pp. 9–16. (In Russian).

16. Mezis Yu.A. Papkov A.I. Vneshnie i vnutrennie granitsy Rossii i estestvennye prirodnye zony na yuge v XVI-nachale XVIII v. [Russia's external and internal borders and the natural areas in the South from the sixteenth to the early eighteenth century]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 3, pp. 33–49. (In Russian).

17. Mizis Yu. A. Skobelkin O. V. Papkov A. I. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI-pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in XVI–the first half the XVIII century]. *Ves. TGU. Ser.: Gum. nauki.* [Tambov University Review. Series Humanities], 2015, no. 10 (150), pp. 7–15. (In Russian).

18. Nikol'skij P. V. Divnogorskij Uspenskij monastyr'. Istoricheskij ocherk [Dormition Divnogorsky Monastery. Historical essay]. Voronezh: Tipografija Isaeva, 1904. 80 p. (In Russian).

19. Nikol'skiy P. V. Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v. [Monasticism in the Don region in the 19th century. Overview 1. Cave digging in the 19th century]. *Voronezhskaya Starina. Vyp. 9.* [Voronezhskaya Starina. Issue 9]. Voronezh, 1910, pp. 149–181. (In Russian).

20. Papkov A. I. Osvoenie Rossiyskim gosudarstvom svoikh yuzhnykh okrain i osnovanie monastyrey v kontse XVII–nachale XVII vekov [Development of the southern borderland by the Russian state and establishment of monasteries in late XVI–early XVII century]. *Nauch. Ved. BelGU. Ser.: Ekon. Infor.* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Economics. Computer Science], 2011. T. 18, no. 7 (102), pp. 110–115. (In Russian).

21. Pletneva. S. A. Saltovo-mayatskaya kul'tura [Saltovo-Mayakaya culture]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Arkheologiya SSSR* [Eurasian steppes in the Middle Ages. Archaeology of USSR]. M.: Nauka, 1981, pp. 62–75. (In Russian).

22. Rahimzjanov B. R. K voprosu o «bufernyh zonah» vo vzaimootnoshenijah pozdnej Zolotoj Ordy i severo-vostochnyh russkih knjazhestv [Revisiting “buffer zones” in relationships between the late Golden Horde and North-Eastern Russian principalities]. *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar states], 2010, no. 2, pp. 91–95. (In Russian).

23. Seleznev Ju. V. Chervlenyj Jar – ulus Zolotoj Ordy [Chervlyony Yar as ulus of the Golden Horde]. *Naselenie i territorija Central'nogo Chernozem'ja i Zapada Rossii v proshlom i nastojashhem. Materialy VII regional'noj nauchnoj konferencii po istoricheskoj demografii i istoricheskoj geografii, posvjashhennoj 75-letiju prof. V.P. Zagorovskogo (1925-1994)* [Population and territory of the Central Black Earth Region and Western Russia in the past and the present. Proceedings of VII Regional Scientific Conference on Historical Demography and Historical Geography, devoted to 75th anniversary of Prof. V.P. Zagorovsky (1925–1994)]. Voronezh, 2000, pp. 98–100. (In Russian).

24. Soboleva T. N., Bobrov D. S. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya kontseptsii frontira [The Modern Russian Historiography on the Frontier Conception]. *Izv. AltGU* [Izvestiya of Altai State University Journal], 2011, no.4-1 (72), pp. 189–193. (In Russian).

25. Spitsyn A. A. Istoriko-arkheologicheskie razyskaniya. I. Iskonnye obitateli Dona i Dontsa [Historical and archeological research. I. The Aboriginal inhabitants of the Don and Donets]. *Zhur. Min. nar. Pr.* [Journal of the Ministry of Education], 1909, January, pp. 68–79. (In Russian).

26. Stepkin V.V. Peshherostroitel'stvo v lesostepnom Podon'e (VIII–XX vv.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Cave building in forest-steppe Don region (VIII-XX centuries). Extended abstract of dissertation for a candidate of historical sciences degree]. Voronezh: VGPU, 2005. 24 p. (In Russian).

27. Stepkin V. V. Peshchery v urochishche Shatrishche na Srednem Donu v XIX v. po materialam RGIA [Caves in Shatrishche district in the Middle Don region in the 19th century based on RSHA materials]. *Speleologiya i spelestologiya. Sb. mat. VIII mezhdun. nauch. konf.* [Speleology and spelestology. Proceedings of the VIII international scientific conference]. Naberezhnye Chelny: NGPU, 2017, pp. 210–214. (In Russian).

28 Stepkin V. V. Sluchajnye nahodki krestov perioda klassicheskogo srednevekov'ja na Srednem Donu [Occasional findings of crosses in the period of High Middle Ages in the Middle Don]. *Vostochnoevropejskie drevnosti: sbornik nauchnyh trudov* [Eastern European antiquity: collection of research papers]. Voronezh: IPC «Nauchnaja kniga», 2013, pp. 254–256. (In Russian).

29. Fedotov V. I. Divnogor'e na Donu [Divnogorie in Don region]. *Priroda i landshafty Podvoronezh'ya* [Nature and landscapes of Voronezh region]. Voronezh: VGU, 1983, pp. 175–189. (In Russian).

30. Cybin M. V. Arheologicheskij kommentarij k gramotam mitropolitov Feognosta i Alekseja o Chervlenom Jare [Archaeological commentary on letters missive of metropolitans Feognost and Alexey on Chervlyony Yar]. *Divnogorskij sbornik: trudy muzeja-zapovednika «Divnogor'e». Vyp. 1: Arheologija* [Collection of Divnogorie: works of the reserve museum “Divnogorie”. Issue 1: Archaeology]. Voronezh: VGU, 2009, pp.194–203. (In Russian).

31. Cybin M. V. Pereferija Zolotoj Ordy v Podon'e [Outskirts of the Golden Horde in the Don area]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2007, no. 221, pp. 174–185. (In Russian).

32. Shevchenko Yu. Yu. Oskolki Gotskoy mitropolii: final khristianskikh peshchernykh kompleksov v Podon'e [Fragments of the Gothic metropolis: the final of Christian cave complexes in the Don region]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in archaeology and history of ancient and medieval Crimea], 2011, no. 3, pp.244–274. (In Russian).

33. Shennikov A. A. Chervlenyj Jar. Issledovanie po istorii i geografii Srednego Podon'ja v XIV–XVI vv. [Chervlyony Yar. A study of history and geography of the Middle Don region in the 14th-16th centuries] Leningrad: «Nauka», 1987. 139 p. (In Russian).

Об авторе

Степкин Виталий Викторович – кандидат исторических наук, учитель истории в МБОУ Павловская СОШ с УИОП Воронежской области (Россия), E-mail: archeolog@mail.ru

Stepkin Vitaly Victorovich – Candidate of historical sciences, History teacher, MBGEI (Municipal Budgetary General Education Institution) Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects, E-mail: archeolog@mail.ru

УДК 9.94, 271-9, 271.5

Федин А. В., доктор исторических наук, доцент, Брянский Государственный университет им. акад. И. Г. Петровского (Россия)

ИНСТИТУТ «DOGIQUES» В ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ В НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII ВЕКА

Иезуитские миссионеры в Новой Франции в XVII в. в своем стремлении христианизировать коренные народы региона, столкнулись с проблемами, неизвестными или не до конца осмысленными с точки зрения как орденской миссионерской традиции, так и всего опыта католической церкви в отношениях с народами других культур и религий. Прежде всего, речь идет не столько об обращении в христианство язычников, сколько о поддержании чистоты веры неофитов в условиях доминирования кочевого образа жизни или весьма отдаленного и труднодоступного положения новообращенных. С целью сохранения христианского образа жизни в этих сложных условиях канадские иезуиты охотно шли на сотрудничество с представителями туземной паствы, передавая некоторым ее представителям определенные священнические функции (прежде всего, крещение и проповедь), тем самым, превращая их в «туземное духовенство» (дожики и «капитаны молитв»).

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, туземное духовенство, дожик, гуроны, редукция, аккомодация.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-156-161

Римско-Католическая церковь и ее миссионерские организации (в том числе, такие, как Общество Иисуса) превратили христианство в действительно мировую религию в результате своего участия в европейской колониальной экспансии в период Великих географических открытий XVI-XVII вв. Как и все другие католические миссионеры, члены Общества Иисуса не проводили различия между обращением и воцерквлением неофита. Само собой разумеющимся было считать крещение одновременно принятием во вселенскую церковь: «Привести любого бедного Дикаря к Богу и к Церкви является нашим единственным делом в этом Новом Свете, и всей манной, которую мы собираем в этих пустынях» [15. Vol. IX. P. 37]. Для большей взаимной аккомодации в достижении единства целей между аутсайдером (миссионером) и локальной общиной (церковью) иезуиты активно использовали такую формулу католической миссионной стратегии как «развитие туземного духовенства культурно равного миссионеру» [11. P. 101]. Члены Общества Иисуса опирались в этом все на тот же принцип «поиска Бога во всем». Если тот или иной язычник может быть обращен, стать христианином, то ничто не мешает ему двигаться дальше в своем личном спасении и помощи в спасении другим. «Много людей, жизни которых едва ли можно назвать христианскими, – писал И. Лойола, – не имеют и наислабейшей идеи о том, что могут стать великими святыми, если б позволили себе очиститься милостью Божьей и не сопротивляться Его действиям» [5. P. 346].

Концептуальной основой данной статьи стали положения «новой культурной истории» и «новой интеллектуальной истории», позволяющие лучше осмыслить контакты и взаимодействие иезуитских миссионеров с новообращенными и с коренными народами в целом. Анализ идеологии и психологии миссионерской деятельности опирался на герменевтический метод, позволяющий изучать иезуитские документы как отражение мировоззрения и ценностных ориентиров их составителей. Также применялись методы исторической имагологии для выяснения представлений миссионеров о туземных обитателях Новой Франции и образов самих миссионеров, создаваемых индейцами, а также понимания их эволюции. Междисциплинарный подход к исследованию позволил использовать некоторые достижения и методологические приемы культурной антропологии, этноистории, этнопсихологии и миссиологии. В частности, для понимания культурных аспектов миссионерской деятельности иезуитов среди коренного населения Северной Америки и ее результатов были привлечены концепция аккультурации, теории культурного контакта, лиминальности (отражающая «пограничное» состояние как неофитов, так и иезуитских миссионеров, находящихся в традиционной религиозно-культурной среде) и другие.

Перед иезуитами стояли две взаимосвязанные проблемы – вопрос о туземном духовенстве и более узкий вопрос принятия жителей миссионных территорий в орден. Как правило, миссионеры и их супериоры отвечали положительно на первый, и отрицательно – на второй. Уже Ф. Ксавье в своей первой миссии в Индии в середине XVI в. назначал в поселениях «пригодного человека, чтобы председательствовать», то есть управлять религиозной жизнью неофитов [16. P. 82-83]. Исходя из принципа аккомодации, иезуиты пытались дифференцировать районы миссий, в которых собирались развивать данный институт туземных священников, по уровню культурного развития. Поэтому обучению или подготовке избранного туземца из Нагасаки или Пекина придавалось больше значения и сил, чем жителей предгорий Сьерра-Мадре или канадской тайги.

Однако вскоре эта практика подверглась резкой критике в иберийских владениях, протекавшей в общем русле полемики о развитии индейцев с начала XVI в. [2. С. 69-70]. Выражались сомнения по поводу способностей индейцев к призванию священника, степени каноничности такого деяния и тому подобное. Волна критики нарастала и, в конце концов, привела к законодательному запрету подобного института во всех испанских колониях. Тем не менее, этот указ содержал в себе некоторые нюансы, позволившие иезуитам во многом продолжить развитие этого института. Так, он проводил различие между «*indios*» (чистокровными туземцами), «*mestizos*» (метисами) и «*criollos*» (европейцами, родившимися в колониях). Церковные соборы второй половины XVI в. в Иберoамерике отказали в ординации *indios* и *mestizos*, *indios* к тому же было запрещено вступать в церковные ордена, т. к. они были только недавно обращены [8. P. 226-231]. В этом контексте политика иезуитов, великих казуистов, в испанских колониях заключалась в уклонении от какой бы то ни было конкретизации статуса новообращенных.

Так, испанский иезуит в Мексике и Перу Хосе де Акоста в труде *«О достижении спасения индейцев»* (1576-1588) проводил различие между принципом и практикой. Соглашаясь с отказом провинциальных соборов в ординации индейцев, он, однако, отмечал, что в перспективе священничество все же доступно для *indios*. Он утверждал, что принцип ординации туземцев отменен лишь на время, он действителен не из-за какой-то присущей *indios* неспособности к столь высокой ответственности, а из-за степени их обучения. Хорошо обученный *indio* со временем может достойно занять свое место у алтаря [3. P. 565-567].

В целом мысли Акосты были созвучны с политикой генералов Общества. Так Ф. Борджиа (1565-1572) разрешил Педро Санчесу, провинциалу Мексики, обучать профессии священника и *indios*, и *mestizos*, и *criollos*. В других провинциях Испанской Америки была такая же ситуация [6. P. 147-151; 1. С. 164]. В португальской сфере влияния, наоборот были созданы условия, благоприятствующие культивации туземного духовенства, что, возможно, связано с большим политическим весом Общества в Португалии, чем в Испании. Еще в 1541 г. в Гоа (Индия) была открыта семинария для индийцев, затем в Японии и, наконец, в Китае.

В XVII в. высшее руководство ордена было достаточно осторожным в признании возможности принимать представителей туземных народов в члены Общества. В 1610 г. генерал Аквавива предусмотрел множество ограничений (религиозных, интеллектуальных и возрастных) для принятия японских кандидатов в орден. Однако, проникновение иезуитов в Китай, с его высокой культурой и общественной организацией, а также либеральная позиция руководства кардинальской конгрегации Пропаганды веры по этому вопросу, ясно выраженная с 1628 г., привели к ослаблению ограничений. В 1664 г. первые китайцы стали членами Общества Иисуса [9. P. 86; 7. P. 216-218; 4. P. 173-174].

В Новой Франции в первой половине XVII в. власти ордена не видели возможности вступления в орден не только представителей аборигенных народов, но и французских поселенцев. В апреле 1638 г. генерал Вителлески заявил, что в данный момент не видит перспектив создания в Канаде иезуитского новициата Иисуса [12. Vol. IV. P. 20]. Но вплоть до падения Новой Франции в середине XVIII в. в этом отношении так ничего и не было предпринято. С другой стороны, первые попытки

институализации иезуитами канадского «туземного духовенства» были предприняты уже в 30-40-х гг. XVII в. с возникновением так называемых «капитанов молитвы» и «дожиков». В то же время формируется институт донне́ (*donnés*), слуг иезуитов, приносящих обет пожизненного служения, которых можно рассматривать как потенциальных членов ордена (однако реально стать иезуитами они могли лишь во Франции).

Главная цель создания туземного духовенства заключалась в формировании «локальной церкви», что входило в стратегию аккомодационной модели миссии. Локальная (поместная) церковь рассматривалась как часть Римско-Католической церкви, служащая и проводящая ее доктрину в жизнь на миссионных территориях, как шаг в направлении создания Вселенской церкви.

Для создания локальной церкви была необходима новая организация жизни, и в первую очередь – среди примитивных кочевых народов, составляющих основную часть населения Америки. В связи с этим, вместе с концепцией поместной церкви иезуиты разработали идею стабильности как главного условия ее существования. Отсюда столь пристальное внимание ордена к созданию системы редукций, наиболее развитой в Парагвае, стремление заставить (подчас силой) кочевые народы отказаться от их сезонных миграций. Необходимо отметить, что изменение форм расселения и, соответственно, хозяйственной деятельности, влекло за собой изменение и всей структуры примитивного общества, которое необходимо было контролировать в течение не одного поколения. Для такого контроля, наряду с самими иезуитами, были необходимы и местные инноваторы – туземное духовенство, приверженное иезуитской программе апостолата.

Особенности развития миссионерского предприятия Общества Иисуса в Новой Франции в XVII в. Привели к тому, что в первой половине столетия более или менее стабильные христианские общины были сформированы только у традиционно оседлых народов (таких, как гуроны региона Великих озер) или кочевых племен, перешедших к оседлому образу жизни в специально организованных иезуитами поселениях в долине р. Св. Лаврентия – редукциях Силлери и Ля Консепсьон. Одновременно закладывались основы христианской церкви у других народов, сохранявших традиционный номадизм и, в силу этого, находящихся вне постоянного контроля миссионеров. Основы «туземной церкви» к середине столетия были, тем не менее, заложены среди неофитов обеих групп.

На первых порах все религиозные функции находились в руках иезуитов. Их священническая деятельность сводилась к ежедневным службам, проповедям и исповедям, а также преподаванию катехизиса. Несмотря на активное участие в управлении повседневной жизнью редукций, иезуиты были готовы со временем уступить часть своих религиозных функций представителям туземной христианской общины. В этом вопросе Лаврентийские редукции, кажется, находились скорее под влиянием опыта Японской миссии Общества, нежели Парагвая [14. P. 156]. В частности, это влияние проявилось в термине, используемом для обозначения такого помощника миссионера в религиозных делах – «дожик» (*dogique*). Этот термин произведен от японского слова «dojiku», которым иезуиты Японии называли обращенного, выступавшего учителем катехизиса и старейшиной общины в отсутствие священника или его помощником в наставлении других. По сути, это – представитель формирующегося «туземного духовенства». Впервые данный институт возник к 1643 г. в Гуронской миссии [15. Vol. XXVII. P. 67-69], но со временем свои дожики появились и в редукциях (по крайней мере, к 1650 г.) [15. Vol. XXXV. P. 247-249, 267-277]. Однако, так называемые «капитаны молитвы», появившиеся в Силлери и Ля Консепсьон в начале 40-х гг., являются прототипами дожиков, по крайней мере, в ряде выполняемых ими функций.

В отсутствие священников дожики организовывали и возглавляли общественные молитвы и проводили богослужение во время войны и охоты. Они наставляли народ и имели право крестить катехумена, находящегося на грани смерти. Кроме того, дожики руководили песнопениями конгрегаций и проповедовали христианский закон чужим племенам [15. Vol. XXVII. P. 67-69; Vol. XXXV. P. 277]. Особенно актуальным это было среди сохранявших кочевой образ жизни племен. Так, в миссии Сент-Круа в Тадуссаке среди

кочевых монтанье к началу 40-х гг. была сформирована христианская община из 50 членов, открыто исповедовавших новую веру [15. Vol. XXII. P. 221-223]. Они избрали, по примеру жителей редукций, «хозяина молитв», т. е. представителя туземного духовенства, отвечавшего за отправление христианских ритуалов и соблюдение заповедей в отсутствие миссионера. «С невинной простотой, видя, что те из нас, кто наставляет, носят тонзуру на их головах, они сделали ему такую, думая, что это было необходимо». Однако иезуиты запретили ему ее носить. Складывается практика повседневной христианской жизни, прежде всего, собирать «всех [христиан] в большой хижине, два раза в день, утром и вечером, чтобы вместе молиться Богу». Один из вождей редукции Силлери лично вручил «хозяину молитв» «в руки тяжелый кнут с большими узлами, чтобы бить тех, кто отказывался присутствовать при молитвах» [15. Vol. XXIV. P. 125-127].

Вероятно, французские иезуиты при назначении дожиков использовали пример обязанностей младших духовных лиц и светских ассистентов христианских приходов Европы. Но применение отличных от европейских названий для туземных должностей подчеркивало отказ иезуитов от возможности достижения дожиками каких-либо степеней священства церкви или членства в монашеских орденах [14. P. 158-159]. Этот отказ отвечал представлениям о духовных возможностях туземцев, бытовавших среди французских иезуитов в первой половине XVII века, хотя общей установкой римской курии и конгрегации Пропаганды веры с 1630 г. было поощрение формирования туземного духовенства, в том числе и среди американских индейцев [13 P. 322; 7. P. 218].

Христианское служение для большинства будущих «туземных клириков» начиналось с публичных провозглашений собственной веры. Так, 16 августа 1637 года в гуронской деревне Оссоссане был окрещен 35-летний племянник великого вождя Шихоатенхва с именем Жозеф, ставший со временем истинным апостолом гуронов, наряду с де Бребёфом или Гарнье. Крещеный в болезни при смерти, он, однако, поправился и не только не отступил от принятой веры, но и публично провозгласил ее на специально созванном им пиру для жителей деревни [15. Vol. XV. P. 77-85]. Это было традицией у многих североамериканских народов – сообщение важных событий личного характера перед всей общиной. Теперь это стало также нормой поведения гуронских неофитов: обратившиеся в христианство мужчины публично заявляли о своем выборе перед соплеменниками.

При всей значимости института «туземного духовенства» в лице дожиков и «капитанов молитв» он, однако, так и не стал основой создания действительно туземной, индейской церкви. Французские миссионеры оставались в рамках расовых и колониальных стереотипов в отношении возможности коренных жителей обрести священническое таинство. Парадоксальным образом, восхищаясь высокими моральными качествами неофитов, их стойкостью веры и готовностью к мученичеству за нее [15. Vol. XI. P. 148-83; XXIX. P. 287; LII. P. 244-57; LIII. P. 96-133, 174-78; LIX. P. 56-99; LXI. P. 195-209), миссионеры, тем не менее, отводили им роль лишь примера Божественного могущества, отменявшего их варварство и язычество и утверждавшего благородство и благочестие. То есть, индейский новообращенный мог быть святым, но не мог стать священником или монахом. Даже очень сочувствующая коренным жителям Америки урсулинская настоятельница Мари де л'Энкарнасьон в принципе отрицала возможность аборигенов стать священниками: «Природа американских дикарей такова, что даже самые святые и духовные среди них абсолютно не подходят для церковных обязанностей; вместо этого их нужно наставлять и кротко вести по пути Неба» [10. T. 1. P. 426]. Новообращённым оставалось иллюстрировать силу Божью и эффективность миссионера.

Список литературы

1. Григулевич И. Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI-XVIII вв. М.: Наука, 1977. 295 с.

2. Журавлев О. В. Правовая наука и этика в эпоху конкисты // Iberica Americans: Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII в. в их взаимодействии. СПб., 1991. С. 69-74.

3. Acosta J. de. De natura novi orbis libri duo. et De promulgatione evangelii apud barbaros, siue, De procuranda Indorum salute, libri sex. Coloniae Agrippinae: In officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij, 1596. 597 p.

4. Bangert W. V., SJ. A History of the Society of Jesus. St. Louis: Institute of Jesuit Sources, 1972. 558 p.

5. Bartoli D., SJ. History of the life and institute of St. Ignatius de Loyola: founder of the Society of Jesus. Vol. 1-2. N. Y.: P. J. Kenedy & Sons, 1890.

6. Burrus E. J. Pedro de Mercado & Mexican Jesuit Recruits // Mid-America. 1955. Vol. XXXVII. P. 140-151.

7. Codignola L. The Holy See and the Conversion of the Indians in French and British North America, 1486-1760 // America in European Consciousness, 1493-1750 / ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture, 1995. P. 195-242.

8. Costa H. de la. The Development of the native Clergy in the Philippines // Theological Studies. 1947. Vol. VIII. P. 219-250.

9. De Vaulx B. History of the missions. L.: Burns & Oats, 1961. 202 p.

10. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I-II. Paris: Librairie internationale catholique; Tournai: Vve. H. Casterman, 1876.

11. Luzbetak L. J., SVD. The Church and Cultures: New Perspectives in Missiological Anthropology. Maryknoll: Orbis Books, 1990. 464 p.

12. Monumenta Novæ Franciæ / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.

13. Schmidlin J. Catholic mission theory. Techny, Ill.: Mission press, S. V. D., 1931. 544 p.

14. Takao Abé. The Jesuit mission to New France: a new interpretation in the light of the earlier Jesuit experience in Japan. Leiden-Boston: Brill, 2011. 234 p.

15. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901. Vol. I-LXXIII.

16. Xavier Fr. Lettres de Saint François-Xavier de la Compagnie de Jésus. Apotre des Indes et du Japon / ed. par H. Léon Pagès. Paris: Librairie de Mme Ve Poussielgue-Rusand, 1855. 555 p.

INSTITUTION OF «DOGIQUES» IN JESUIT MISSION IN 17th-CENTURY NEW FRANCE

Jesuit missionaries in 17th-century New France with zeal to Christianize the autochthon peoples of region, have faced problems, unknown persons or not up to the end comprehended with the point of view both order missionary tradition, and all experience of a Latin church in relations with the peoples of other cultures and religions. First of all, or of rather remote and remote position new converted is a question not so much of christianisation of pagans, how much about maintenance of cleanliness of belief of neophytes in the conditions of domination of a nomadic way of life. For the purpose of preservation of a Christian way of life in these difficult conditions the Canadian Jesuits willingly went on cooperation with representatives of native congregation, transferring its some representatives certain priestly functions (first of all, baptism and the sermon), thereby, transforming them into «native clergy» (dogiques and «captains of prayers»).

Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, native clergy, dogique, Hurons, reduction, accommodation.

References

1. Grigulevich, I. R. (1977). Krest i mech. Katolicheskaya tserkov' v Ispanskoj Amerike, XVI-XVIII vv. [Cross and sword. Catholic church in the Spanish America]. Moskva: Nauka.

2. Zhuravlev O. V. (1991) Pravovaya nauka i etika v epohu konkisty [Legal science and ethics during an Conquest epoch]. *Iberica Americans: Kul'tury Novogo i Starogo Sveta XVI-XVIII v. v ih vzaimodejstvii*. SPb.

3. Acosta J. de. (1596). De natura novi orbis libri duo. et De promulgatione evangelii apud barbaros, siue, De procuranda Indorum salute, libri sex. Coloniae Agrippinae: In officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij.

4. Bangert W. V. (1972). A History of the Society of Jesus. St. Louis: Institute of Jesuit Sources.

5. Bartoli D. (1890). History of the life and institute of St. Ignatius de Loyola: founder of the Society of Jesus. Vol. 1-2. N. Y.: P. J. Kenedy & Sons.

6. Burrus E. J. (1955). Pedro de Mercado & Mexican Jesuit Recruits. *Mid-America*. Vol. XXXVII. P. 140-151.

7. Codignola L. (1995). The Holy See and the Conversion of the Indians in French and British North America, 1486-1760. *America in European Consciousness, 1493-1750* / ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture. P. 195-242.

8. Costa H. de la. (1947). The Development of the native Clergy in the Philippines. *Theological Studies*. Vol. VIII. P. 219-250.

9. De Vaulx B. (1961). History of the missions. L.: Burns & Oats. 202 p.

10. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. (1876). T. I-II. Paris: Librairie internationale catholique; Tournai: Vve. H. Casterman.

11. Luzbetak L. J. (1990). The Church and Cultures: New Perspectives in Missiological Anthropology. Maryknoll: Orbis Books. 464 p.

12. Monumenta Novæ Franciæ (1967-2003). Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin.

13. Schmidlin J. (1931). Catholic mission theory. Techny, Ill.: Mission press, S. V. D. 544 p.

14. Takao Abé. (2011). The Jesuit mission to New France: a new interpretation in the light of the earlier Jesuit experience in Japan. Leiden-Boston: Brill. 234 p.

15. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 (1896-1901). Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers. Vol. I-LXXIII.

16. Xavier Fr. (1855). Lettres de Saint François-Xavier de la Compagnie de Jésus. Apotre des Indes et du Japon / ed. par H. Léon Pagès. Paris: Librairie de Mme Ve Poussielgue-Rusand. 555 p.

Об авторе

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Россия), доцент, avfedin@yandex.ru

Fedin Andrey Valentinovich – Grand PhD (history), Associate Professor, Department of World history, international relations and international law, Bryansk state university named after I. G. Petrovskiy (Russia); avfedin@yandex.ru

УДК 903'16 (282.247.324)

Чубур А.А., кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ТРУБЧЕВСКОГО ОПОЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ЛБИЩЕ)[1]

Обсуждается проблема земледелия носителей юхновской археологической культуры по материалам исследованного В.А. Падиным городища Лбище (Монастырище) в Трубчевском районе Брянской области (Среднее Подесенье в пределах Трубчевского ополья. На основании выявленных автором изобразительных памятников, орудий труда и анализа ландшафта в районе городища подтверждается использовании на разных ландшафтах мотыжного, подсечно-огневого и пахотного земледелия с преобладанием последнего. Основной зерновой культурой у обитателей городища было просо.

Ключевые слова: ранний железный век, юхновская культура, городище Лбище, земледелие, изобразительные памятники, Трубчевское ополье.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-162-167

В 1950-1960-х гг. краеведом и археологом-самоучкой из Трубчевска В.А. Падиным были, вслед за В.П. Левенком проведены исследования городищ раннего железного века на территории Среднего Подесенья, а точнее – Трубчевского ополья. Если обширные материалы, собранные В.П. Левенком, были в значительной степени утрачены в годы Второй мировой войны, то материалы раскопок В.А. Падина хранятся в фондах Трубчевского краеведческого музея (Брянская обл.) и после систематизации и упорядочения археологических коллекций музея автором (при участии С.В. Чернышова и Б.В. Тришкина) в 2008 г. доступны для изучения.

Среди исследованных городищ важное место занимает поселение Лбище на северной окраине села Монастырище, напротив впаденя в Десну ее притока Навли. К сожалению, публикации копавшего памятник В.А. Падина носят обобщающе-поверхностный характер [10], материал до сих пор полноценно не введен в научный оборот. Даже в вышедших в свет в Украине монографиях Д,В. Каравайко и С.А. Горбаненко, посвященных юхновской культуре [2; 6], материалы Лбища представлены лишь по публикации В.А. Падина. В отличие от киевских коллег, автор лично изучил коллекцию.

В ландшафтно-географическом плане поселение Лбище расположено на окраине Трубчевского ополья в границах одноимённой локальной возвышенности в расчлененной краевой зоне плато, примыкающей к долине Десны. Сильная смытость почв на современном этапе оценивается как результат давнего интенсивного сельскохозяйственного освоения.

Следует отметить, что поздний этап существования поселения Лбище по ряду признаков относится к древностям типа Полужье, являющимся финальной фазой бытования юхновской археологической культуры на Десне, предшествующей появлению почепского варианта позднезарубинецкой культуры. Таким образом, публикуемые данные хронологически предшествуют раннеславянским материалам, из статьи Е.А. Шинакова и Н.Г. Рябчевского.в данном выпуске «Вестника БГУ».

Методологическую основу исследования составили естественнонаучные (палеоботанические) и источниковедческие методы. Палеоботанические методы включали изучение отпечатков зерновок растений на поверхности древних керамических изделий (они снимались при помощи пластилина [14]) и самих обугленных зерен из культурного слоя городища. Источниковедческие методы включали в себя изучение природно-географических источников (картографический метод) и изобразительных источников (компаративно-типологический метод). При анализе почвенного покрова в районе изучаемого археологического памятника использована «Почвенная

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-45-320001

карта Трубчевского уезда Орловской губернии» (составлена М.Г. Румницким и И.К. Фрейбергом, издана в 1905 г. в типо-литографии Е.А. Турчаниновой (Орёл)). Выбор карты столетней давности связан с тем, что она точнее отражает естественную почвенную картину в районе Лбища, нежели современные картографические материалы, составленные после интенсивного сельскохозяйственного использования территории, которое могло несколько изменить картину. Анализ изобразительных источников

Основным изучаемым материалом послужила коллекция, полученная при раскопках городища Лбище под руководством В.А. Падина, хранящаяся в фондах и экспозиции Трубчевского краевелческого музея-планетария (коллекция ТКМ № 1534). Датировка – IV – I вв. до н.э.

Анализ картографического материала показал, что само городище Лбище расположено на отроге коренного правого берега Десны, почвенный покров которого сложен светло-серыми суглинистыми лесными почвами. Именно этот тип почв – основной и в хозяйственной округе городища – он занимает участок 1,5 – 2 км на север и юг вдоль Десны и около километра на запад, в сторону водораздела. Выше на водораздельном плато он сменяется коричнево-серыми лесными суглинистыми почвами. Прилегающая с востока довольно узкая Деснинская пойма сложена наносными луговыми почвами, чаще всего супесчаными, реже суглинистыми. Черноземов и подзолистых почв в предполагаемой зоне хозяйственной активности населения Лбища не отмечено, их участки удалены от городища более, чем на 2-2,5 км. (подзолистые почвы лежат почти в 3 км западней, на высоких участках плато, участки черноземов выделяются к северу и к югу). Такова сельскохозяйственная округа Лбища.

На поверхности керамических изделий из коллекции, собранной при раскопках городища, автором выявлено 22 отпечатка зерновок диких и культурных растений. Два характерных удлиненных принадлежат многолетнему травянистому растению рода костер (Bromus L.) – пастбищной кормовой траве, широко распространенной в южной и средней полосе восточной Европы [4]. Остальные 20 зерновок – культурные растения.

Наиболее многочисленны отпечатки зерновок проса – пшена (12 экземпляров или 60% культурных растений). Просо обыкновенное (Panicum miliaceum) – одна из основных крупяных культур в мире. Этот яровой злак ценится за высокие вкусовые качества зерна (пшенной крупы). Он содержит белка больше, нежели рис, а по растительным жирам проигрывает лишь овсяной крупе. Просо служит отличным сырьем как для крупяных изделий и блюд, так и для изготовления пива, кваса, муки (и соответственно хлеба). В качестве корма для скота используется лузга, солома, мучель проса. Эта культура засухоустойчива, отличается быстрой вегетацией и является культурой короткого светового дня. Глубина заделки семян – от 4-5 до 7-8 см. Необходима вспашка в осеннее время, перед выпадением снега (весенняя вспашка сушит землю и делает ее малопригодной для проса) [9]. В одном из очагов Лбища было обнаружено обугленное просо [10, С.147], часть которого также оказалась сохранена в фондах Трубчевского краеведческого музея. Размер зерновок ~ 2,5-3 мм.

Пять зерновок (25%) принадлежат пшенице двузернянке – полбе или эммеру (Triticum dicoccum) – однолетнему растению семейства злаков, изначально – дикому растению, которое начало возделываться людьми еще с эпохи неолита. С начала н.э. двузернянка постепенно вытеснялась с полей другими разновидностями пшеницы на большинстве территорий. В настоящее время вновь вспомнили о ее полезных питательных свойствах и устойчивости к внешним воздействиям. Глубина заделки семян – 3-4 см [3].

Наконец три зерновки (15%) являются зернами пленчатого ячменя – наряду с эммером одного из древнейших культурных растений. Одна из зерновок отпечаталась на стенке лепного горшка с фрагментом колоска (её размер 6,2 х 3,1 мм) (Рис.1: 1). Зерно ячменя могли использовать для приготовления муки, крупяных изделий (перловая и ячневая крупы), на корм скоту, а также (как и просо), для приготовления напитков брожения – пива и кваса. Глубина посева ячменя 3-6 см, в зависимости от плотности почвы [11].

Наши данные в целом укладываются в видовые соотношения культурных злаков, полученные С.А. Горбаненко для лежащих

нескоько южнее юхновских городищ Новгород-Севреского полесья, где в среднем от 2/3 до 3/5 спектра занимает просо, а оставшуюся часть примерно поровну делят ячмень и пшеница [1; 2, с.75]. Имеющиеся отличия лежат в пределах статистической погрешности. Это свидетельствует о единой системе земледелия скифо-сарматской эпохи во всем Среднем Подесенье.

У носителей скифоидной лесостепной культуры, основной ареал которой лежал к югу и юго-востоку от юхновской (но отчасти пересекался в Посеймье) основными культурами были как раз ячмень и пшеница, а просо занимало второстепенное положение [13]. Связано это может быть с тем, что ячмень и пшеница лучше возделывались на дерново-луговых почвах и черноземах, предпочитавшихся скифоидным населением. Напротив, более неприхотливое просо хорошо вызревало и давало урожай на серых лесных и подзолистых почвах, преобладающих на территории юхновского ареала [5].

Ведя речь о возделываемых злаках нельзя миновать вопрос о способах обработки почв. Материалы городища Лбище дают материал для понимания особенностей земледелия на Трубчевском ополье в раннем железном веке.

В культурном слое Лбища обнаружены несколько мотыг из лосиного рога [10], имеющих разные степени сохранности (Рис.1). Казалось бы, можно вести речь о примитивном мотыжном земледелии. Однако еще Ю.А. Краснов на этнографических материалах показал, что мотыжное земледелие очень редко было основным видом допашенной обработки земли [7]. Сами мотыги с древних поселений, в особенности с узким рабочим концом, малопригодны для рыхления дерна и вообще для первичной обработки почвы. Найденные на Лбище мотыги из лосиного рога именно таковы – с узкой и заостренной рабочей частью (Рис.1: 2-3). Обитатели Лбища могли применять их для разбивания комьев или для разрыхления грунта при строительных землекопных работах, для выкапывания корнеплодов или корней аира, рогоза, но только не как альтернативу более продуктивным способам обработки земли. Мотыжное земледелие здесь если и существовало, то носило вспомогательный характер.

Наличие в юхновской культуры пахотного земледелия, ведущегося с помощью полозного рала, подтверждено схематическим изображением рала и двух тягловых животных в упряжи на керамическом пряслице (грузике) с городища Песочный ров в Новгород-Северском полесье [6, с.131, Рис.76:1]. Полозное рало могло использоваться на почвах с однородным пахотным слоем, не засоренным камнями и корнями деревьев. Этот вариант удобен для распашки серых лесных почв на участках ополий, где лес ранее был сведён подсекой [8]. Данные Песочного Рва подтверждает, распространяя их на Среднее Подесенье, выявленное автором изображение с поселения Лбище.

У носителей юхновской культуры богат набор керамических изделий. Особое место занимают предметы, представляющие собой тела вращения со сквозным или частичным отверстием вдоль оси. Те, что поменьше, традиционно считаются пряслицами или ткацкими грузиками, более крупные обычно относят к рыболовным грузилам, хотя многие из них могли быть грузами для натяжения основы в вертикальных ткацких станах. Поверхность некоторых покрыта прочерченными линиями и знаками, или нанесенным щепкой тычковым орнаментом и изображениями. Один из таких округлых грузиков (высота и диаметр около 6-7 см, диаметр отверстия 15 мм) привлек наше внимание (Рис.1:5а). На его поверхности с помощью тычков (типичный способ орнаментации в юхновской культуре) нанесено изображение. Тычки образуют ломаную линию, в которой легко узнать изображение полозного рала с ярмом (Рис.1:5б). Его можно сравнить с изображениями на античных монетах (Рис.1: 4, 6) и чернофигурной керамике (Рис.1: 7) Кстати, последнее изображение указывает на сочетание пахотного земледелия с дополнительной мотыжной обработкой земли, о чем говорилось выше.

Возможно, схематическими изображениями рал – но уже бесполозных – являются нанесенные щепкой уже на другой грузик со Лбища «шевроны» (Рис.1: 8). Бесполозные рала были очень маневренны. При работе с ними можно было легко менять глубину рыхления и обходить корни и пни на свежей подсеке. Это было удобно при работе на маломощных (например,

подзолистых и луговых песчаных и супесчаных) почвах, где большая глубина рыхления вредна [8]. Античные изображения бесполозного рала тоже широко известны (Рис.1: 9).

Применяя на различных почвах ополья и речной долины Десны различные типы орудий для обработки почв, носители юхновской культуры расширяли свои возможности более полным освоением спектра ландшафтов в окрестностях поселений. Такая гибкая культурная адаптация (безусловно, с преимущественной ориентацией на серые лесные почвы ополий и выращивание проса) способствовала выживанию и комфортному бытованию носителей юхновской культуры. Её не постиг упадок, как это произошло, вероятно, с синхронной лужицкой культурой, носители которой истощили кормящий ландшафт настолько, что после коллапса он местами почти не заселялся в течение нескольких столетий [15, 16].

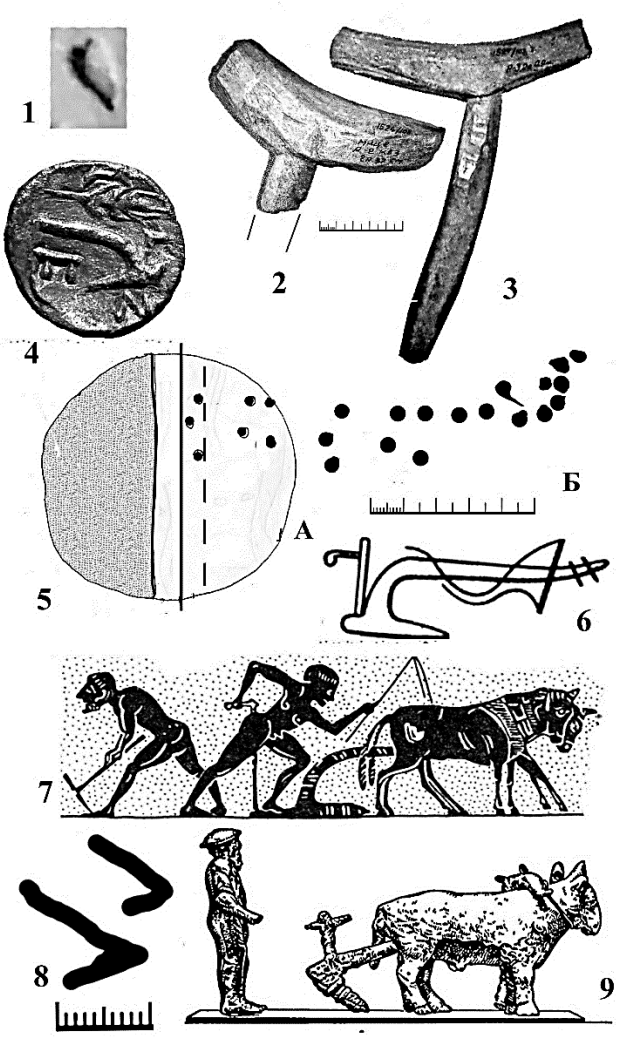

Рис. 1 Земледелие поселения Лбище (юхновская культура, ранний железный век).
1. Отпечаток зерновки и части колоска ячменя на стенке лепного горшка.
2-3. Мотыги из лосиного рога (Трубчевский краеведческий музей).
4. Изображение полозного рала на монете Боспорского Царства. Пантикапей. Пересад IV. 155-125 гг. до н.э.
5. Глиняный грузик с изображением полозного рала (А) и развертка изображения (Б). Городище Лбище.
6. Изображение полозного рала с античной геммы (по Ю.А. Краснову [7]).
7. Изображение пахотного (с полозным ралом) и мотыжного земледелия античного времени. Аттическая чернофигурная чаша, 530 г. до н.э. Место хранения: Лувр, Париж, Франция.
8 Изображения бесполозных рал на глиняном грузике с городища Лбище.
9. Бесполозное рало. Бронзовая статуэтка из Ареццо, VI в. до н. э.

Список литературы

1. Горбаненко С.А. Палеоэтноботанические материалы с памятников юхновской культуры // Российская археология, 2013, № 2, С.62-66

2. Горбаненко С.А., Каравайко Д.В. Господарство носіїв юхновскої культури. – Київ: Наукова думка, 2012. – 302 с.

3. Зверев С.В., Панкратьева И.А., Политуха О.В., Чиркова Л.В., Витол И.С., Стариченков А.А. Исследование свойств полбы // Хлебопродукты. – 2016. – №1. – С.66-67.

4. Злаки СССР / отв. ред. Ан. А. Фёдоров. – Л.: Наука, 1976. – 788 с.

5. Кабанов Д. Земледелие населения Посеймья в эпоху раннего железного века // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий / Материалы XXVIII международной студенческой археолого-этнологической конференции 24-25 мая 2012 года. – Брянск: Курсив, 2012. С.54-61.

6. Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского полесья. – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2012. – 276 с.

7. Краснов Ю.А. Ранее земледелие и животноводство в лесной полосе восточной Европы. – М.: Наука, 1971. – 166 с.

8. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – 237 с.

9. Лысов В.Н. Просо. – Л.: Колос, 1968. – 224 с.

10. Падин В.А. Юхновские поселения Средней Десны // Советская археология, 1966. № 2. С. 137-150.

11. Ходьков Л.Е. Ячмень (вопросы систематики, генетики, селекции и эволюции). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук. – Ленинград – Пушкин, 1964. – 34 с.

12. Чубур А.А. Василенко О.К. Памятники скифского времени (раннего железного века) в собраниях музеев Брянской области (обзор коллекций) // Историческое знание и музеи (Материалы всероссийской науч.-практ. конф. 7-11 сентября 2009 г.) М., 2011. С.144-158.

13. Шрамко Б.А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук / АН УССР. - Киев, 1965. - 32 с.

14. Янушевич З.В., Маркевич В.И. Археолгические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. – Кишинев, 1970. С.83-110.

15. Kaczanowski P, Epoka brązu – pomiędzy centrami cywilizacyjnymi Bałkanów i Alp a Skandynawią // Wielka historia Polski, t. I, Fogra, Kraków 2003.

16. Ostoja-Zagórski J. Przemiany osadnicze, demograficzne i gospodarcze w okresie halsztackim na Pomorzu, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1982.

THE PECULIARITIES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF TROUBCHEVSK OPOLIE IN THE EARLY IRON AGE (ON MATERIALS OF THE HILLFORT LBISHE)

The problem of farming of the carriers of the Yukhnov archaeological culture is discussed based on the materials of the town of Lbische (Monastyrishe), investigated by V.Padin in the Trubchevsky district of the Bryansk region Russia (Middle Desna). The hillfort is located within the Trubchevsk opolie. The author identified fine artifacts, studied tools of labor, and carried out an analysis of the landscape in the area of the ancient settlement. The opinion on the combination in different landscapes of hoe, slash-and-burn and arable farming is confirmed. It is assumed that the main grain crop of the inhabitants of the settlement was millet.

Keywords: Early Iron Age, Yukhnov Culture, Lbische fortification, agriculture, fine monuments, Trubchevskoe Opole.

References

1. Gorbanenko S.A. Paleoetnobotanicheskiye materialy s pamyatnikov yukhnovskoy kultury [Paleoethnobotanical materials from the monuments of the Yukhnov culture]// Rossiyskaya arkheologiya. 2013. № 2. S.62-66

2. Gorbanenko S.A.. Karavayko D.V. Gospodarstvo nosiïv yukhnovskoï kulturi[The economy of the carriers of the Yukhna culture]. – Kiev: Naukova dumka. 2012. – 302 s.

3. Zverev S.V.. Pankratyeva I.A.. Politukha O.V.. Chirkova L.V.. Vitol I.S.. Starichenkov A.A. Issledovaniye svoystv polby // Khleboprodukty. – 2016. – №1. – S.66-67.

4. Zlaki SSSR / otv. red. An. A. Fedorov. – Leningrad.: Nauka. 1976. – 788 s.

5. Kabanov D. Zemledeliye naseleniya Poseymia v epokhu rannego zheleznogo veka[Farming of the population of Poseymia in the era of the early Iron Age] // Drevnosti Sredne-Zapadnoy Rossii i sopredelnykh territoriy / Materialy XXVIII mezhdunarodnoy studencheskoy arkheologo-etnologicheskoy konferentsii 24-25 maya 2012 goda. – Bryansk: Kursiv. 2012. S.54-61.

6. Karavayko D.V. Pamyatniki yukhnovskoy kultury Novgorod-Severskogo polesia. – Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy. 2012. – 276 s.

7. Krasnov Yu.A. Raneye zemledeliye i zhivotnovodstvo v lesnoy polose vostochnoy Evropy. – M.: Nauka. 1971. – 166 c.

8. Krasnov Yu.A. Drevniye i srednevekovyye pakhotnyye orudiya Vostochnoy Evropy[Ancient and medieval arable tools of Eastern Europe]. – Moscow.: Nauka. 1987. – 237 s.

9. Lysov V.N. Proso. – L.: Kolos. 1968. – 224 s.

10. Padin V.A. Yukhnovskiye poseleniya Sredney Desny // Sovetskaya arkheologiya. 1966. № 2. S. 137-150.

11. Khodkov L.E. Yachmen (voprosy sistematiki. genetiki. selektsii i evolyutsii). Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora selskokhozyaystvennykh nauk. – Leningrad – Pushkin. 1964. – 34 s.

12. Chubur A.A. Vasilenko O.K. Pamyatniki skifskogo vremeni (rannego zheleznogo veka) v sobraniyakh muzeyev Bryanskoy oblasti (obzor kollektsiy) // Istoricheskoye znaniye i muzei (Materialy vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. 7-11 sentyabrya 2009 g.) Moscow. 2011. S.144-158.

13. Shramko B.A. Khozyaystvo lesostepnykh plemen Vostochnoy Evropy v skifskuyu epokhu: Avtoreferat dis. na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / AN USSR. - Kiev. 1965. - 32 s.

14. Yanushevich Z.V.. Markevich V.I. Arkheolgicheskiye nakhodki kulturnykh zlakov na pervobytnykh poseleniyakh Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechia // Introduktsiya kulturnykh rasteniy. – Kishinev. 1970. S.83-110.

15. Kaczanowski P, Epoka brązu – pomiędzy centrami cywilizacyjnymi Bałkanów i Alp a Skandynawią // Wielka historia Polski, t. I, Fogra, Kraków 2003.

16. Ostoja-Zagórski J. Przemiany osadnicze, demograficzne i gospodarcze w okresie halsztackim na Pomorzu, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wyd

Об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Chubur Arthur Arturovich - Candidate of Historical Sciences, Professor of RAE, Department of National History, Bryansk State University named after Academician IG. Petrovsky (Russia), E-mail: fennecfox66@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.5

Глушак Н.В., доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Елаго Т.А., студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РФ

В статье представлен комплексный анализ работы таможенных органов РФ, выделены ключевые показатели работы, а также проведена оценка их результативности и эффективности. Рассмотрены изменения территориального размещения таможенных органов в динамике и выделены общие закономерности этого процесса.
Ключевые слова: экономика, организационная структура, таможенные органы, таможенные платежи.

Организационная структура и территориальное размещение таможенных органов не находится в статическом состоянии. Два эти показателя со временем изменяются и прослеживают некоторую, характерную для них динамику развития.

Организационная структура таможенных органов по данным Федеральной таможенной службы (далее ФТС) России на 2017 год, насчитывает в своём составе 73 таможни, 93 таможенных поста, 441 пост, непосредственно подчинённый таможням и 3 поста, подчинённые региональным таможенным управлениям (далее РТУ) (рисунок 1). Динамику изменения числа единиц таможенной структуры за последние годы представлена в таблице 1.

Таблица 1

Изменение числа единиц организационной структуры таможенных органов в 2015 – 2017 годах

Годы	Количественные значения показателя (шт.)			
	Таможни	Таможенные посты	Таможенные посты, подчинённые таможням	Таможенные посты, подчинённые РТУ
2015	77	70	478	3
2016	75	70	479	3
2017	73	93	441	3

Анализируя количественные показатели, представленные в таблице 1, можно сделать вывод, что число таможен за исследуемый период сократилось на 4 единицы. Это связано с тем, что в некоторых таможенных постах были замечены низкие показатели объёмов декларирования и загруженности сотрудников, поэтому эти таможни были реорганизованы и, таким образом общее их число уменьшилось. Наблюдаемое уменьшение некоторым образом также связано с образованием и внедрением первых электронных таможен, выполняющих большую часть функций.

Количество таможенных постов представлено увеличением численности на 23 единицы. А вот число таможенных постов, подчинённых таможням так же было снижено, в связи с реорганизацией некоторых таможен. Постоянным осталось только количество таможенных постов подчинённых РТУ, что прослеживается в показателях всех трёх лет.

В общем и целом территориальное устройство и организационная структура таможенных органов тесно переплетаются между собой. Это можно проследить в территориально-структурном делении таможенных органов (рисунок 2).

Центральный аппарат ФТС России насчитывает в своём составе 8 региональных таможенных управлений: Центральное, Северо-Западное, Южное, Приволжское,

Уральское, Сибирское, Дальневосточное и Северо - Кавказское. В ведении каждого РТУ также находится определённое число таможен [4]. Так в Центральное таможенное управление входит 13 таможен, а также 91 таможенный пост. Северо-Западное таможенное управление включает в себя 10 таможен с 1 оперативной таможней и 84 таможенных поста. Южное таможенное управление представлено деятельность 8 таможен и 50 таможенных потов. К Приволжскому таможенному управлению относятся 8 таможен и 48 таможенных постов. 7 таможен и 38 таможенных постов входят в состав Уральского таможенного управления. Северо – Кавказское таможенное управление насчитывает 4 таможни и 18 таможенных постов. Дальневосточное таможенное управление представлено деятельностью 10 таможен и 47 таможенных постов. И наконец, Сибирское таможенное управления включает в свой состав 12 таможен и 68 таможенных постов.

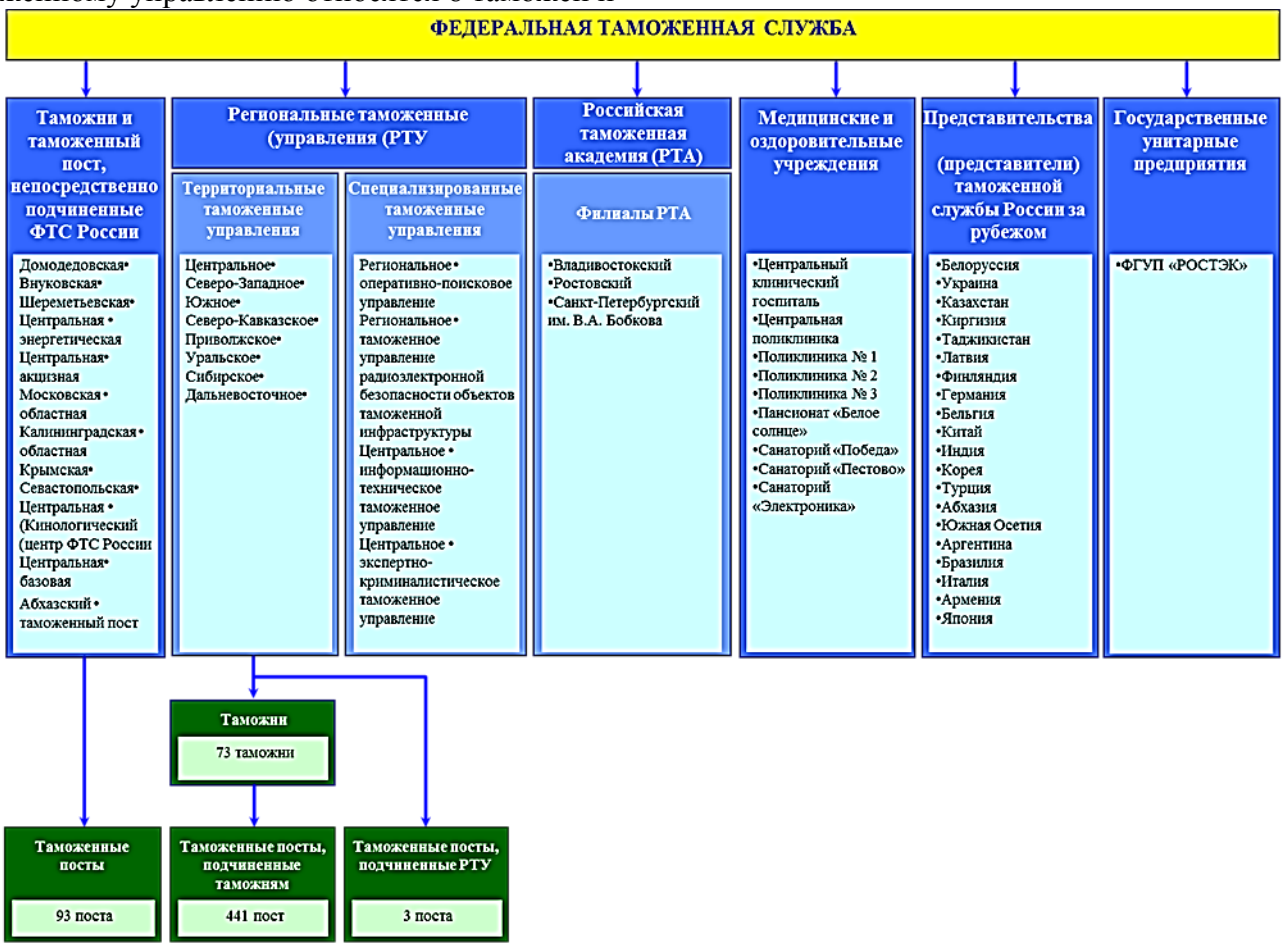

Рис.1 Структура таможенных органов Российской Федерации и организаций ФТС России [7]

Важно также отметить отдельное звено территориально – структурного деления – Таможни, непосредственно подчинённые ФТС России, которых насчитывается 11, в их ведение входит 94 таможенных поста. Это звено организационной структуры таможенных органов распределяет свои полномочия на всю территорию РФ и размещается в регионе деятельности Центрального таможенного управления.

Надо сказать, что территориально районы деятельности РТУ распределены неравномерно. Какие-то регионы занимают территорию с достаточно большой протяжённостью, но в свой состав включают небольшое число таможен и таможенных постов. К ним, например, относится Дальневосточное таможенное управление, если сравнивать его территорию и количество таможенных единиц с Южным таможенным управлением. Такой показатель связан с интенсивностью товаропотоков и наличием крупных пунктов пропуска грузов и пассажиров, как, например, в Центральном таможенном управлении.

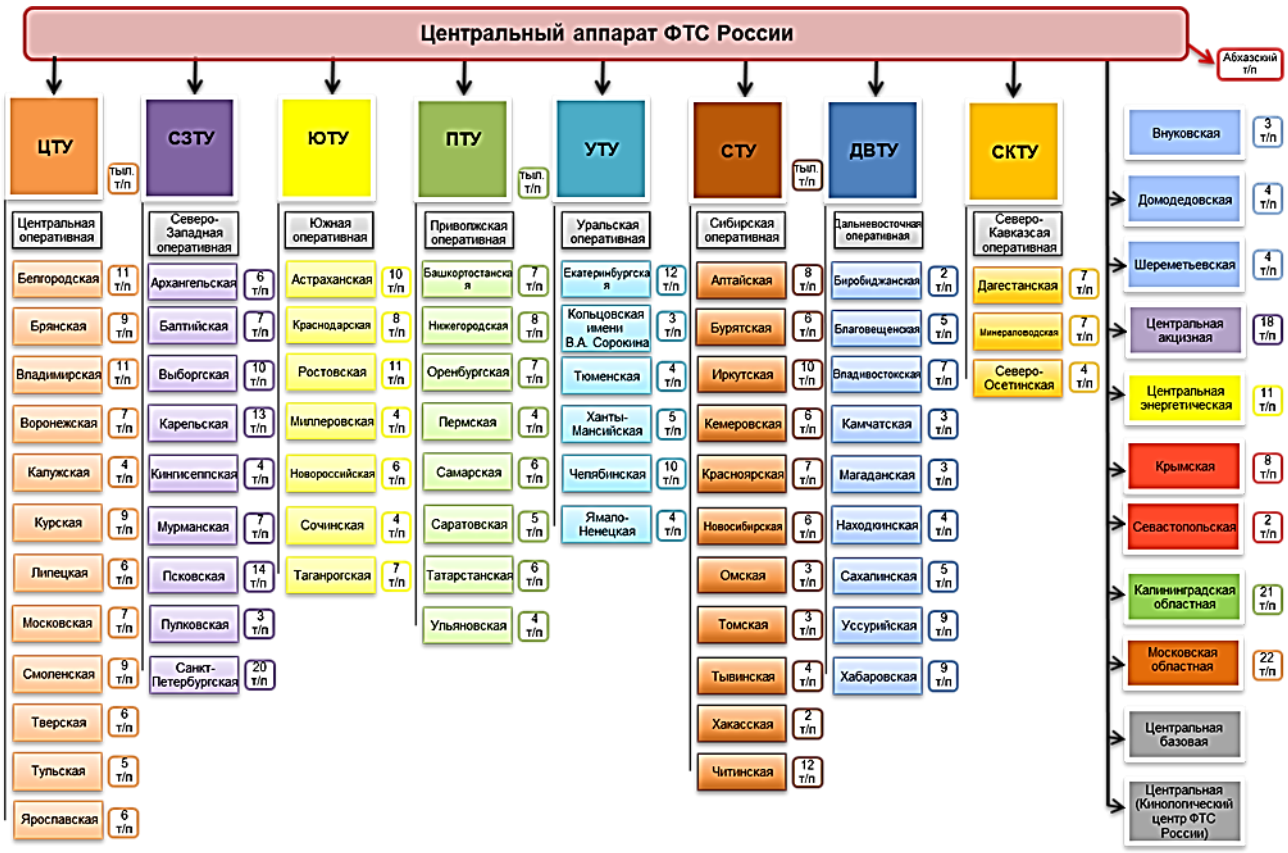

Рис.2 Территориально-структурное деление таможенных органов Российской Федерации [7]

Характер территориального распределения зон деятельности таможенных органов представлен на рисунке 3.

Рис.3 Схема размещения территориальных таможенных органов [7]

Следует сказать, что в результате воздействия внутренних и внешних факторов, происходят постоянные изменения организационной структуры таможенных органов РФ, что проявляется в первую очередь в числе таможенных единиц её составляющих. Территория страны поделена на разные по размеру и протяжённости таможенные управления, которые также изменяют свой состав и структуру.

Для того, чтобы детально рассмотреть результативность работы таможенных органов с разных сторон, нужно изначально уметь видеть её в комплексе взаимосвязанных показателей. Делается это для оценки степени вклада каждого конкретного показателя в работу всей структуры в целом. Главный тезис данного анализа – «Как, и каким образом сработали таможенные органы». Проследим это в динамике основных показателей работы таможенных органов за три года.

Одним из наиважнейших результатов деятельности, который отражает уровень эффективности работы данной службы, является показатель размеров собранных таможенных платежей, пошлин, налогов, а также выполнение бюджетного плана по совершению вышеуказанных операций [2,3]. Таблица 2 демонстрирует нам количество собранных средств, и их распределение по основным видам таможенных платежей, пошлин, налогов.

Таблица 2

Сравнительная характеристика объёмов таможенных платежей, пошлин и налогов, собранных таможенными органами РФ в период с 2015 по 2017 годы [5]

Годы	Общий денежный размер таможенных платежей, пошлин, налогов (млрд. руб.)	Общий процентный размер таможенных платежей, пошлин, налогов (%)	Платежи от импорта товаров (млрд. руб.)	Средства, направленные в федеральный бюджет		
				НДС на товары, ввозимые на территорию РФ	Акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ	Размер вывозной таможенной пошлины
2015	4 880,2	100,6	2 174,0	1 643,5	49,4	2 780,4
2016	4 406,9	101,1	2 276,3	1 762,8	58,8	2 054,1
2017	4 462,8	100,3	2 438,8	1 861,3	74,8	1 940,4

Если обратиться к основополагающему показателю - общий объём собранных денежных средств за выбранный период, то можно заметить, что величины не так существенно отличаются. Их размер колеблется где-то в пределах от 4 до 5 триллионов рублей, что можно проследить на рисунке 4.

На диаграмме видно, что ярко-выраженных колебаний показателя не наблюдается, они, безусловно, существуют, но их размеры не так существенны. Этот факт свидетельствует о стабильности в работе по данному направлению. Такая оценка в наибольшей мере подходит в нашем случае. Что касается результатов выполнения бюджетного плана, то на протяжении всех трёх лет, наблюдается перевыполнение нормы на 1 – 2 %. Таким образом, можно сделать вывод, что за счёт качественной работы таможенных служб государственный бюджет ничего не теряет, а наоборот таможенными органами поддерживается баланс данного показателя. Уровень доходов от косвенного налогообложения (НДС и акцизами) при этом с каждым годом увеличивается, а вот величина вывозной таможенной пошлины стремится к снижению на каждом временном отрезке. Это прослеживает протекционистскую направленность внешнеторговой политики Российской Федерации, чему способствуют и таможенные органы в частности.

Следующим показателем характеризующим, работу таможенных органов служит результативность и эффективность распределения сэкономленных средств на собственные нужды. По результатам исследований, проведённых в период с 2015 по 2017 годы, ФТС осуществлены 120, 117 и 121 процедура государственных закупок соответственно[5]. Показатели экономии денежных средств составляют в 2017 году 540 млн. рублей, что в переводе на одну закупку выражается приблизительно в 4,5 млн. рублей. Если сравнивать результаты крайних лет, выбранного периода, то в 2015 году экономия ровнялась 152 млн. рублей или в переводе на одну закупку 1,7 млн. рублей.

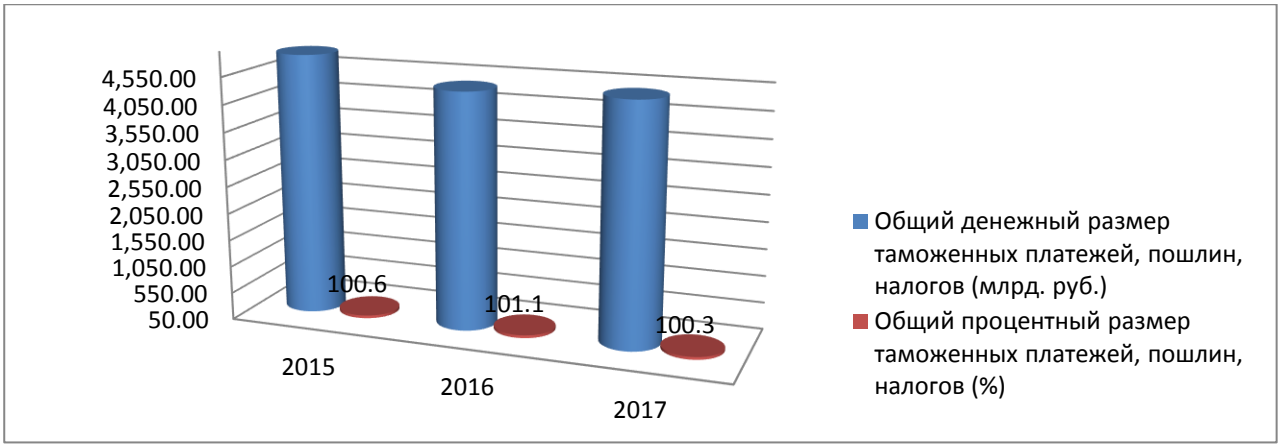

Рис.4 Изменение размера собранных таможенных платежей, пошлин, налогов в денежном и процентном соотношении

Важно отметить, что показатели экономии государственных закупок, осуществляемых Федеральной таможенной службой - увеличиваются, а затраты на одну закупку стремятся к уменьшению с каждым годом, что несёт в себе положительный экономический и финансовый эффекты. Так как за счёт сэкономленных средств таможенные органы приобретают дополнительную продукцию, необходимую для стабильного функционирования собственной организационной структуры, которая представлена в таблице 3.

Таблица 3

Оценка результативности и эффективности распределения средств, сэкономленных от Государственных закупок, проведённых ФТС России за 2015 – 2017 годы (в разрезе по всем видам деятельности) [7]

№ п/п	Основные направления деятельности	Проведено процедур закупок, млн. рублей			Эффективность проведённых процедур закупок (экономия бюджетных средств, %)		
		2015г.	2016г.	2017г.	2015г.	2016г.	2017г.
1	Информационные технологии	1 544	2 115	4 295	66,2	65,7	6,88
2	Обеспечение вооружением и средствами защиты	423	249	146	18,1	7,7	41,20
3	Обеспечение печатной продукцией	22	46	65	0,9	1,4	35,32
4	Вещевое и продовольственное обеспечение	130	593	761	5,6	18,4	20,58
5	Страхование	215	217	199	9,2	6,7	3,19
	Проведено процедур закупок всего	2 334	3 220	5 556	100	100	100

Положительное влияние данного показателя сказалось на изменении в системе обучения кадров. Вследствие чего в Ростовском филиале Российской таможенной академии и Институте управления закупками и продажами Высшей школы экономики - по программе «Управление государственными и муниципальными закупками» открыта новая узконаправленная специальность обучения, выпускниками которой уже являются 122 квалифицированных специалиста. Они выполняют свою деятельность в составе контрактной службы ФТС России, что значительно уменьшило число жалоб относительно заказчиков со стороны ФТС РФ.

Если разделить выбранный промежуток на три периода, каждый из которых будет равен одному календарному году, то можно с уверенностью сказать, что организационная структура таможенных органов получила необходимое дополнительное финансирование на обеспечение продукцией, необходимой для удовлетворения потребностей по основным направлениям своей работы во все промежутки этого периода. Следовательно, эффективность деятельности по одному

направлению влечёт за собой пользу в другом направлении и характеризует успешно проведённую работу.

Таможенное декларирование – один из главных элементов таможенного дела, поэтому количество собранных деклараций показывает точность, быстроту и оперативность работы организационной структуры таможенных органов. Общее число таможенных деклараций, поступивших в центральную базу данных таможенных органов, за исследуемый период колеблется в пределах 3 – 4 тысяч штук в год. Рисунок 5 показывает, что в 2017 году было оформлено немного большее число деклараций, чем в два предыдущих года, это отличие не такое существенное.

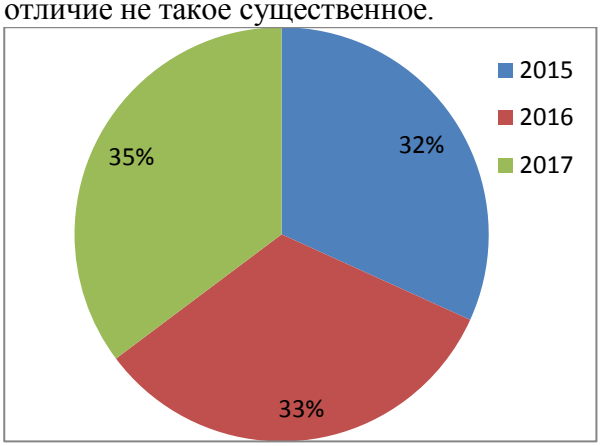

Рис.5 Процентное соотношение общего объёма деклараций, собранных за 2015 – 2017 годы

Из таблицы 4 видно, что самый высокий показатель из рассмотренных таможенных органов, относящихся к разным уровням организационной системы таможенных органов РФ, у Центрального таможенного управления. Его значения составляют 1/3 от общего количества оформленных деклараций в каждом году.

Замечено резкое падение объемов сбора деклараций в Крымской таможне при сравнении 2015 и 2016 годов, но уже в 2017 году наблюдается тенденция к увеличению общего числа сборов.

Хочется отметить, работу системы электронного декларирования, которая значительно упрощает деятельность таможенных органов. Практически все декларации, поступающие в таможенную службу, представлены электронной формой декларирования. По данным ФТС России в 2017 году этот показатель составил 99,99% всех деклараций на товары. Активно внедряется практика электронного декларирования транзитных деклараций. С марта 2017 года данная технология внедрена на постоянной основе и составляет порядка 400 тысяч электронных транзитных деклараций. Выражая в процентном соотношении около 55 %, от всего объема поступлений [6].

Таблица 4

Количество деклараций на товары, оформленных таможенными органами в конце 2015 – 2017 годов [7]

Наименование Регионального таможенного управления (РТУ) / Таможен непосредственного подчинения (ТНП)	Поступили в центральнуюбазу данных (шт.)		
	2015г.	2016г.	2017г.
Внуковская	20 901	14 348	18 357
Домодедовская	68 544	76 556	84 055
Шереметьевская	182 726	210 008	214 098
Центральная энергетическая	105 956	118 877	122 396
Центральная акцизная таможня	111 883	112 070	173 111
Крымская таможня	10 252	732	1 976
Севастопольская таможня	2 874	1 519	1 083
Калининградская областная таможня	164 371	149 862	150 002
Центральное ТУ	1 139 176	1 180 332	1 230 091
Северо-Западное ТУ	737 117	766 839	795 512
Южное ТУ	231 883	241 863	257 922
Приволжское ТУ	283 471	295 174	317 831
Уральское ТУ	160 632	169 696	183 971
Сибирское ТУ	272 304	298 070	186 708
Дальневосточное ТУ	238 192	234 710	394 162
Северо – Кавказское ТУ	38 781	41 043	49 100
Всего	3 769 063	3 911 699	4 180 375

Подведя итог по рассматриваемому параметру, хочется отметить общую положительную направленность работы ФТС РФ, показывающую оперативность работы таможенных органов по сбору деклараций и активное внедрение новых технологий в систему декларирования.

Заключительными параметрами оценки результативности работы таможенных органов, являются показатели скорости совершения таможенных операций, а также борьба с правонарушениями и административными преступлениями в сфере таможенного дела.

Исходя из анализа данных параметров, представленных в таблицах 5 и 6, можно сказать, что показатели, определяющие скорость выполнения таможенными органами операций, зависят от сложности самой операции. Например, товары, которые не представляют особых рисков для безопасности страны, требуют на себя не столь много времени, так, в 2017 году этот показатель составил примерно 18 минут. Что на 3,5 минуты меньше по сравнению с показателем крайнего 2015 года. А вот товары, требующие более детального осмотра, с такой же разницей в показателях, по времени затрачивают на себя в 2017 году – около 29 минут, а в 2015 – 32,5 минуты. Важно отменить, что по проведённому анализу заметно - показатели затрачиваемого времени на осмотр товаров медленными темпами снижаются, так как осмотр, всё-таки должен быть тщательным. А, следовательно, скорость работы таможенных органов - увеличивается.

Что касается противодействия таможенных органов преступлениям и административным правонарушениям, то за исследуемый период времени проводится больше досмотровых операций, с каждым годом эта цифра увеличивается и в 2017 году уже составила 4,4 % от общего числа работы подразделений организационной структуры таможенных органов.

Таблица 5

Скорость совершения таможенных операций при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации, а также сокращение издержек заинтересованных лиц при совершении таможенных операций [8]

№ п/п	Наименование критерия	Значение критерия (минуты)		
		2015	2016	2017
1	Время совершения таможенными органами РФ операций, связанных с осуществление таможенного контроля в автомобильных пунктах пропуска: - для товаров, подлежащих ветеринарному, фитосанитарному и санитарно-карантинному контролю - для иных товаров, по которым не выявлены риски нарушений	32,5 21,4	29,5 18,2	29,1 18,2
2	Время, прошедшее с момента завершения таможенной процедуры таможенного транзита товаров, от таможенного органа в месте прибытия до внутреннего таможенного органа, до впуска товаров в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления.	354,8	419,1	401,6

Таблица 6

Эффективность противодействия преступлениям и административным правонарушениям [8]

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя (%)		
		2015	2016	2017
1	Доля товарных партий, ввозимых (вывозимых) товаров, в отношении которых проведён таможенный досмотр.	3,2 (0,6)	4,2 (0,5)	4,4 (0,5)
2	Доля товарных партий, подвергнутых таможенному досмотру, в результате которого были выявлены нарушения таможенного законодательства или законодательства РФ.	33,4	39,3	47,3
3	Доля результативных таможенных проверок после выпуска товаров в общем количестве завершённых таможенных проверок.	83,1	87,0	86,66

Доля выявленных преступлений изменилась от значения 3,2% до значения 4,4%. А значит, увеличилась и результативность таможенных проверок, по результатам последнего из рассматриваемых периодов она составила около 87%.

Обобщая все результаты проведённого комплексного анализа эффективности деятельности ФТС России следует сказать, что основные показатели, отражены в законе «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], в статье 266 – Оценка работы таможенных органов. Этими показателями являются, скорость выполнения операций, эффективность борьбы с преступлениями и административными правонарушениями и своевременность и полнота поступления таможенных платежей, налогов сборов. Остальные представленные данные, служат дополнением для раскрытия общей результативности.

Была выявлена достаточно стабильная работа таможенных органов РФ по отношению ко всем рассмотренным показателям. Существенных отклонений не наблюдалось. Следовательно, деятельность таможенных органов отражает организованный характер и привносит общую результативность в комплекс реализуемых ими функций и работ.

Список литературы

1. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27.11.2010 N 311-ФЗ (действующая редакция от 05.05.2014)

2. Глушак О.В. Анализ влияния основных факторов развития внешней торговли России на собираемость таможенных платежей // Экономика. Социология. Право. - 017. - № 3 (7). - С. 29-39.

3. Глушак О.В., Андреева В.А. Евразийский экономический союз: состав, цели, задачи и результаты функционирования В сборнике: Актуальные вопросы экономики и агробизнеса. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. - 2018. - С. 214-219.

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс] - Режим доступа: www.gsk.ru (даты обращения: 15.11.2018; 24.11.2018)

5. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [электронный ресурс] - Режим доступа: www.customs.ru. –(даты обращения: 1-15.11.2018; 30.11.2018)

6. Попова Е.С., Матвеева О.П. Развитие таможенного декларирования товара в электронной форме.// Научный журнал «Дискурс» - 2017 – 3(5)

7. Сборник Таможенная служба российской Федерации в 2017г - Справочные материалы к заседанию коллегии ФТС России: Москва 2018г [Электронный ресурс] / Документ предоставлен ФТС России - Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&id=7995&Itemid=1845 (дата обращения: 24.11.2018).

8. Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] - Режим доступа: www.consultant.ru. – (дата обращения: 26.11.2018)

THE STUDY OF ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND EFFECTIVENESS OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents a comprehensive analysis of the work of the customs authorities of the Russian Federation, highlights the key performance indicators, and assesses their effectiveness and efficiency. The changes in the territorial distribution of customs authorities in the dynamics are considered and the General patterns of this process are highlighted.
Keywords: economy, organizational structure, customs authorities, customs payments.

References

1. Federalnyiy zakon «O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 27.11.2010 N 311-FZ (deystvuyuschaya redaktsiya ot 05.05.2014)

2. Glushak O.V. Analiz vliyaniya osnovnyih faktorov razvitiya vneshney torgovli Rossii na sobiraemost tamozhennyih platezhey // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. - 2017. - № 3 (7). - S. 29-39.

3. Glushak O.V., Andreeva V.A. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: sostav, tseli, zadachi i rezultatyi

funktsionirovaniya V sbornike: Aktualnyie voprosyi ekonomiki i agrobizne-sa. Sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4-h chastyah. - 2018. - S. 214-219.

4. Ofitsialnyiy sayt Federalnoy sluzhbyi gosudarstvennoy statistiki [elek-tronnyiy resurs] - Rezhim dostupa: www.gsk.ru (datyi obrascheniya: 15.11.2018; 24.11.2018)

5. Ofitsialnyiy sayt Federalnoy tamozhennoy sluzhbyi [elektronnyiy resurs] - Rezhim dostupa: www.customs.ru. –(datyi obrascheniya: 1-15.11.2018; 30.11.2018)

6. Popova E.S., Matveeva O.P. Razvitie tamozhennogo deklarirovaniya tovara v elek-tronnoy forme.// Nauchnyiy zhurnal «Diskurs» - 2017 – 3(5)

7. Sbornik Tamozhennaya sluzhba rossiyskoy Federatsii v 2017g - Spravochnyie mate-rialyi k zasedaniyu kollegii FTS Rossii: Moskva 2018g [Elektronnyiy resurs] / Dokument predostavlen FTS Rossii - Rezhim dostupa: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&id =7995&Itemid=1845 (data obrascheniya: 24.11.2018).

8. Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus» [elektronnyiy resurs] - Rezhim dostupa: www.consultant.ru. – (data obrascheniya: 26.11.2018)

Об авторах

Глушак Николай Владимирович – доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, E-mail: gnw3@yandex.ru

Елаго Татьяна Андреевна – студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, E-mail: t_elago98@mail.ru

Glushak Nikolay Vladimirovich – doctor of economic Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: gnw3@yandex.ru

Yelago Tatyana Andreevna – student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: t_elago98@mail.ru

УДК 336

Зверев А.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия)
Ковалерова Л.А., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия)
Обложко Е.А., магистрант**,** Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия)

АНАЛИЗ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КРЕДИТОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В РОССИИ

В данной статье проведен анализ положения устойчивости банковского сектора в России, представлен прогноз результатов деятельности на 2018 год. Актуальность положения устойчивого развития банковского сегмента характеризуется способностью достижения основных целей развития, удовлетворения спроса на банковские продукты, качественное трансформирование вкладов в кредиты и инвестиции, формирование конкурентоспособной стратегии в банковском бизнесе.
Ключевые слова: банковский сектор, устойчивость развития банковского сегмента, банковские продукты, банковский менеджмент, показатели развития банковского сектора.

Банковский сектор является особым звеном в экономике государства, так как наделен только присущими ему функциями. Особую роль в обществе отводят банкам, осуществляющим традиционную трансформацию накоплений средств клиентов в кредиты, играют основную роль в работе систем внутренних и международных платежей, а также являясь субъектом денежной эмиссии и основным проводником денежной политики государства; выполняя при этом поддержку и обеспечение финансовых потоков в стране, гарантируя стабильное развитие экономики.

Положение развития банковского сектора определяется характером банковской деятельности и динамикой развития банковской сети в каждом из регионов страны. Базой развития банковского сектора и рост устойчивости финансового состояния банков является увеличение их капитала, улучшение качества и обеспечение достаточного уровня покрытия капиталом принимаемых банками рисков. [1, с. 156]

Прирост капитала сопровождается в основном по средствам капитализации прибыли, а также за счет вливания средств иностранных и отечественных инвесторов. Рост капитала банка является результатом развития кредитных операций, средств за счет внедрения системы страхования вкладов, ипотеки, расширения кредитования населения, малого и среднего бизнеса.

В конце 2017 года, как и в 2016, подавляющая часть совокупных активов банковского сектора экономики страны составляла 58,8%, приходившаяся на банки, контролируемые государством (на 01.01.2017 – 58,6%). Наблюдается значительный скачок крупных частных банков – с 29,8 до 31,1%. Удельный вес банков с участием иностранного капитала снизился с 8,8 до 7,7%. Произошло значительное снижение доли средних и малых банков регионов с 2,4 до 1,7%. В 2017 году заметны скачкообразные изменения в структуре кредитования: наблюдался рост портфеля по кредитованию физических лиц, а корпоративный портфель сокращался. Как и прогнозировали многие эксперты, ипотека в России в 2018 году показала стремительный прирост, чему способствовал ряд факторов.

Низкие ставки, цифровизация рынка и запуск семейной ипотеки подогрели усилившийся в 2017 году спрос, в результате чего по итогам первых шести месяцев этого года рынок вырос на 57% в количественном и на 69% в денежном выражении по сравнению с аналогичным периодом 2017 года (по данным Банка России).

По итогам первых шести месяцев 2018 года совокупный ипотечный портфель банков-участников рейтинга составил 5,4 трлн рублей, увеличившись за год на 26% (прирост за полгода составил 13%). Более 60% ипотечного портфеля банков-респондентов приходится на Сбербанк России, ожидаемо занявшего лидирующую позицию в рейтинге. Вторым по величине портфеля стал банк ВТБ (с долей 21,2% от совокупного объема). На третьем месте оказалась группа SGв России

(3,3% общего портфеля). На прочих игроков приходится менее 14% совокупного портфеля. Стоит отметить, что по итогам 2017 года третью и четвертую позиции с долями 4,85% и 3,45% занимали Газпромбанк и Россельхозбанк соответственно. [2, с. 127]

Наибольший прирост портфеля по итогам первого полугодия 2018 года показали Абсолют Банк, банк «Российский капитал» (более 30%), банк «Россия» (более 40%) и РНКБ (более 50%), в то время как Транскапиталбанк, УБРР и Металлинвестбанк «потеряли» за прошедшее полугодие в своих портфелях более 10%. В годовом выражении наибольший прирост портфеля наблюдался у Банка Уралсиб (более 90%), банка «Российский капитал» (более 160%), Абсолют Банка (более 40%) и СМП Банка (более 90%), что отражает фокусировку их бизнес-моделей на развитии ипотечного кредитования.

За счет того, что спрос на кредиты со стороны корпоративных клиентов имел негативную тенденцию совокупный объем кредитов экономике снизился за 2017 год на 7% (за 2016 год – возрос на 7,6%) и на 01.01.2018 составил 42 трлн. рублей; без вычета валютной переоценки снижение этих кредитов было менее заметным – 2,4%. Доля кредитов экономике в активах банковского сектора уменьшилась с 53,0 до 51,1%. Снижение кредитования экономики банками, действующими на 01.01.2018, было меньшим (-0,8% без учета влияния валютного курса).

Структура активов банковского сектора представлена на рисунке 1.

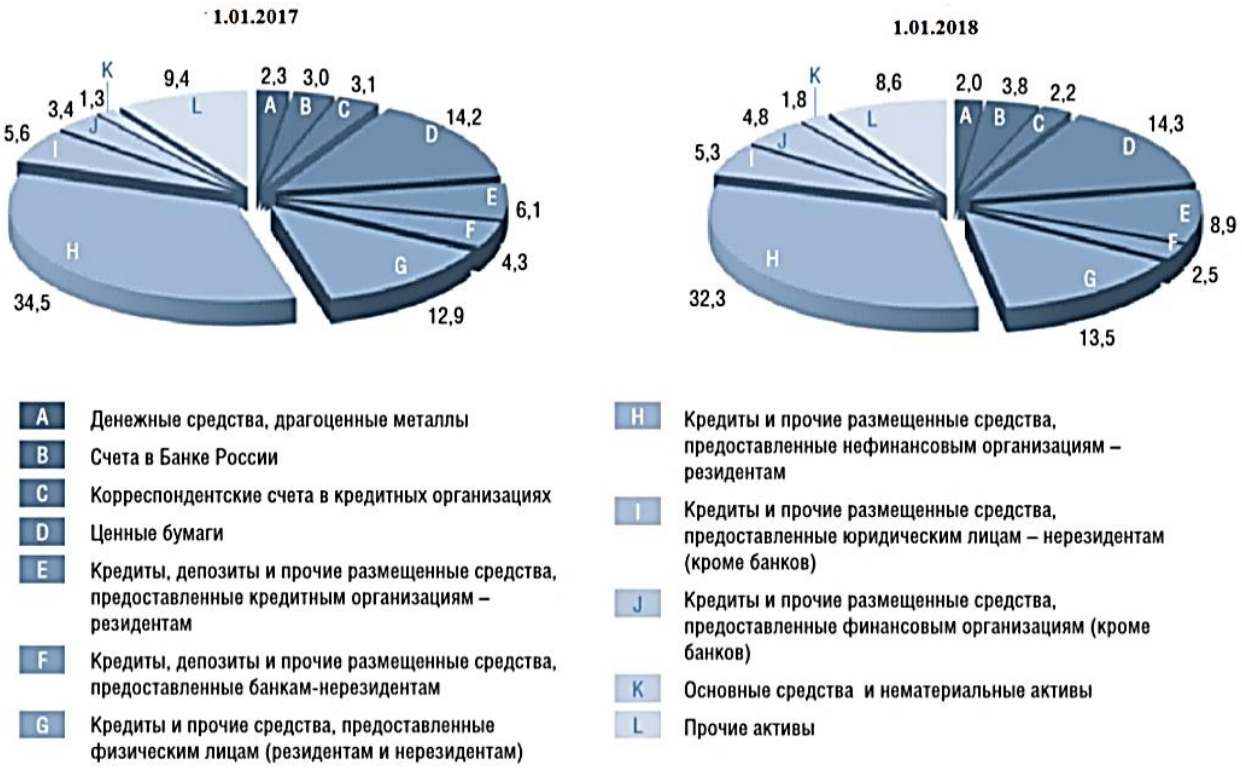

Рис.1 Структура активов банковского сектора, %

В 2017 году сохранилась тенденция к росту показателей, характеризующих уровень концентрации банковской деятельности. Доля 200 крупнейших по величине активов кредитных организаций в совокупных активах банковского сектора за отчетный период выросла до 98,0% (по результатам 2016 года – 97,2%). За год также увеличился удельный вес в активах сектора пяти крупнейших банков – с 54,1 до 55,3%. В настоящее время все банки соблюдают требования Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» о минимальном размере собственных средств – 300 млн рублей (за исключением банков, имеющих отрицательный капитал и проходящих процедуры предотвращения банкротства). [3, с. 134]

Размер собственных средств (капитала) небанковской кредитной организации (НКО) в соответствии с Федеральным законом от

02.12.1990 № 395-1 должен быть не менее 90 млн. рублей. По состоянию на 1.01.2018 капитал в размере более 90 млн. рублей имели 23 из 48 НКО.

Для НКО, имевших на 01.07.2018 размер собственных средств менее 90 млн.рублей, Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 предусмотрена возможность продолжения деятельности при условии, если размер собственных средств не будет уменьшаться по сравнению с уровнем, достигнутым на 01.07.2018, и капитал будет увеличен до необходимого минимума к 1 июля 2019 года. За 2017 год количество кредитных организаций с капиталом свыше 1 млрд. рублей уменьшилось с 337 до 312 (на них приходится 98,7% капитала). [4, с. 203]

Стоит отметить, что в 2017 году из-за недостатка минимального размера величины собственных средств у трех банков были отозваны лицензии, один банк восстановил величину собственных средств до необходимого минимума. В таблице 1 представлена структуризация банков по величине капитала.

Таблица 1

Структура кредитных организаций по величине капитала

Кредитные организации по величине капитала	2013	2014	2015	2016	2017
с отрицательным капиталом	0	2	4	20	18
от 0 до 300 млн. руб. включительно	301	237	56	50	46
от 300 млн. руб. до 1 млрд. руб	308	316	404	326	247
от 1 до 10 млрд. руб	274	285	284	251	229
От 10 до 25 млрд. руб.	42	48	44	40	40
от 25 до 50 млрд. руб.	14	16	21	23	22
от 50 до 100 млрд. руб.	8	9	8	10	8
от 100 до 250 млрд. руб.	5	6	6	7	6
более 250 млрд. руб.	3	3	6	6	7
Всего по банковскому сектору	956	923	834	733	623
Нет отчетности	1	1	1	0	0

На конец 2017 года, так же как и по итогам 2016 года, капитал более 100 млрд рублей имели 13 банков.

Ситуация с кредитованием экономики в 2017 году оказалась несколько хуже, чем с динамикой активов.

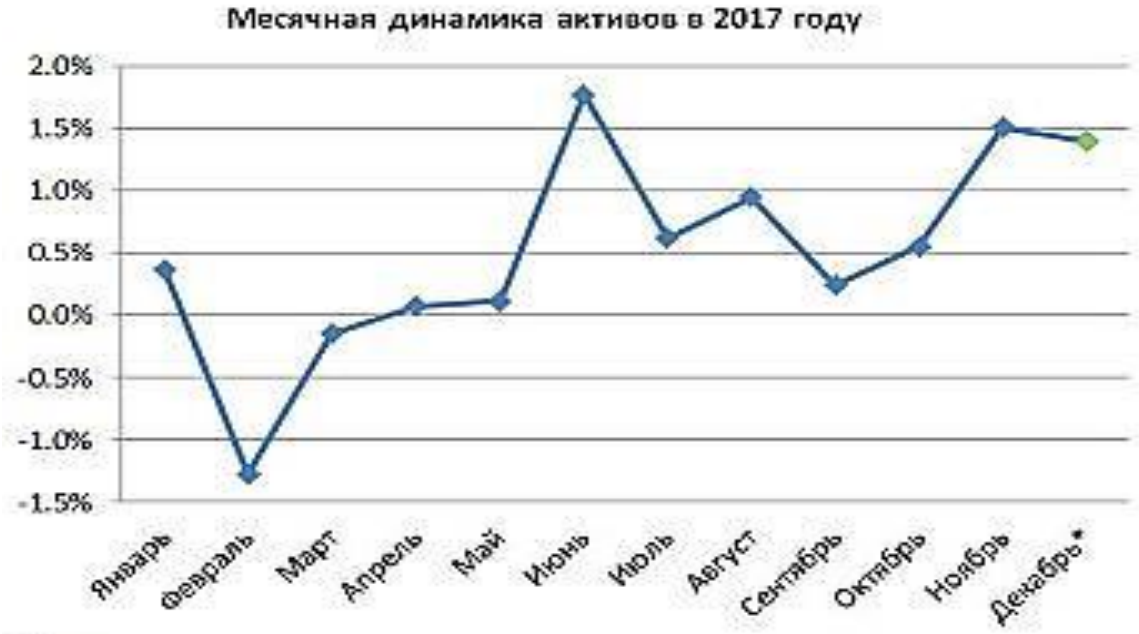

Рис.2 - Динамика активов российских банков

В частности, согласно опубликованной Центробанком РФ статистике, за январь-ноябрь 2017 года кредитование экономики выросло на 3% (3,9% в реальном выражении). Доля просрочки по сравнению с началом 2017 года практически не изменилась, снизившись с 6,72% на начало года до 6,68% на 1 декабря 2017 года. В течение года динамика этого показателя носила неустойчивый характер. Локальный максимум просроченной задолженности был достигнут по итогам марта 2017 года (7,39%). Неустойчивая ситуация с динамикой просрочки обусловлена волатильностью корпоративного кредитования,

в то время как по розничным кредитам доля просроченной задолженности практически непрерывно снижалась (с 8,1% по итогам января до 7,3% на 1 ноября 2017 года). По мнению аналитиков РИА Рейтинг, доля просроченной задолженности по кредитам экономике в 2018 году будет снижаться. По итогам следующего года, вероятно, следует ожидать ее снижение на 0,4-0,7 процентного пункта.

В структуре пассивов банковского сектора наметился тренд на замещение средств Банка России рыночными источниками (в первую очередь – вкладами физических лиц) (рисунок 3).

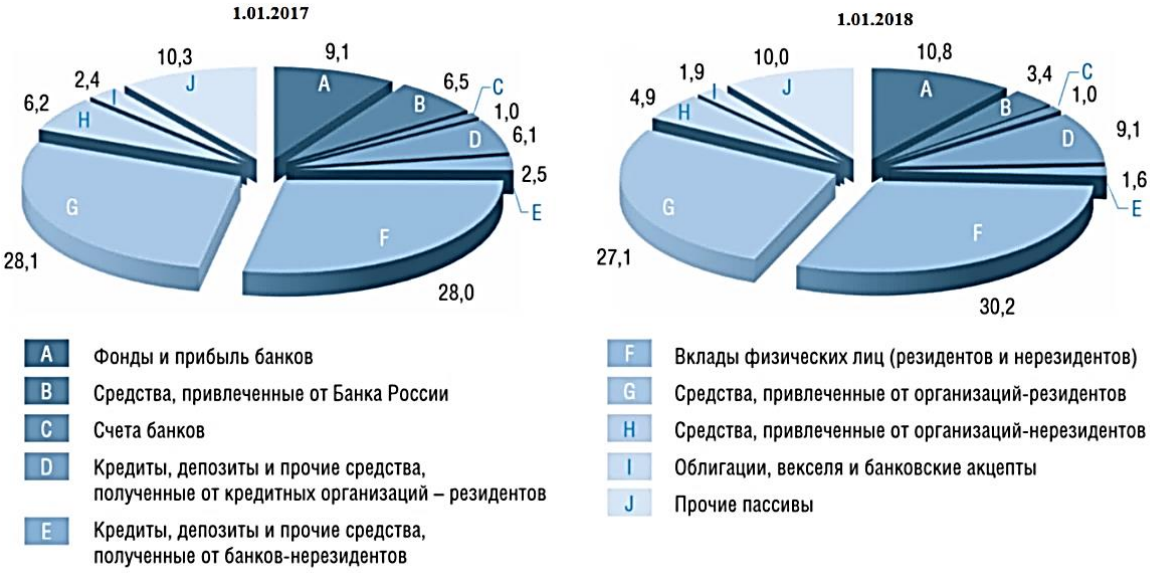

Рис.3 Структура пассивов банковского сектора, %

В 2017 году с устранением эффекта валютной переоценки наблюдался прирост средств на счетах клиентов на 2,6%, однако из-за укрепления рубля в номинальном выражении объем этих средств в отчетном периоде снизился на 3,7% (в 2016 году – вырос на 18,5%), до 50,0 трлн рублей. Совокупная доля средств клиентов в пассивах банковского сектора за год не изменилась (62,5%). На 01.01.2018 за счет вкладов формировалось 30,2% пассивов банков (на начало 2017 года – 28,0%).

Вклады физических лиц номинально выросли за 2017 год лишь на 4,2% (за 2016 год – на 25,3%), до 24,2 трлн. рублей; с исключением влияния курсового фактора прирост составил 9,2%. С исключением банков, у которых в течение 2017 года была отозвана лицензия на осуществление банковской деятельности, вклады выросли на 6,7%, а без учета влияния курсового фактора прирост вкладов в действовавших на 01.01.2018 банках составил 11,8%.[5, с. 110]

По состоянию на 01.01.2018 удельный вес ссуд I и II категорий качества в общем объеме ссуд составлял 82,1% (на начало 2017 года – 83,4%); доля ссуд IV и V категорий качества (так называемых «плохих» ссуд) за год увеличилась с 8,3 до 9,4% (рисунок 3). В отчетном году количество банков, кредитные портфели которых более чем наполовину состояли из стандартных ссуд (I категории качества), составляло 100, а удельный вес этих банков в совокупных активах банковского сектора – 29,1% (годом ранее – 103 и 23,7% соответственно). Доля «плохих» ссуд в кредитах юридическим лицам (кроме кредитных организаций) за год увеличилась с 9,1 до 10,7%.

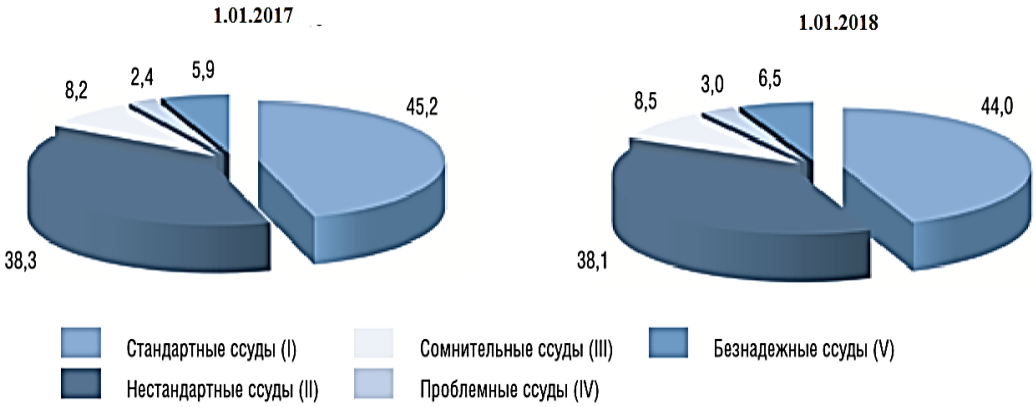

Рис.4 Качество кредитного портфеля банковского сектора, %

По состоянию на 01.01.2018 удельный вес «плохих» ссуд в совокупном кредитном портфеле по группам кредитных организаций варьировался от 6,9% у банков, контролируемых государством, до 17,1% – у средних и малых банков Московского региона.

У кредитных организаций, в отношении которых на 01.01.2018 осуществлялись меры по предупреждению банкротства, показатели качества кредитного портфеля резко отличаются в худшую сторону от средних по банковскому сектору на 01.01.2018.

Рентабельность активов по итогам 2017 года достигла 1,2%, рентабельность капитала – 10,3% (годом ранее – 0,3 и 2,3% соответственно). Существенный вклад в повышение рентабельности банковского сектора внесли системно значимые кредитные организации.

Улучшение показателей рентабельности отмечалось также у банков, контролируемых государством, и банков с участием иностранного капитала. Из представленных данных таблицы 2 видно, что значительный рост рентабельности активов и капитала банка наблюдается у банков, контролируемых государством: на 1,4 и 12,2 процентные позиции и системно-значимых кредитных организаций на 1,2 и 9,8% соответственно; и напротив, снижение показателей средних и малых банков регионов. [6, с. 525]

В целом за год показатели рентабельности активов выросли у 284 банков, или 45,6% от числа действующих кредитных организаций, а рентабельности капитала – у 266 банков (42,7%). Анализ факторов, обусловивших повышение рентабельности капитала, показывает, что в 2017 году ее рост произошел под влиянием существенного увеличения маржи прибыли (таблица 2).

Таблица 2

Анализ показателей рентабельности банков

	Рентабельность активов,%		Рентабельность капитала, %		Абсолютное изменение величин	
	2016	2017	2016	2017	Рентабельности активов, 2017/2016	Рентабельности капитала, 2017/2016
Банки, контролируемые государством	0,3	1,7	2,5	14,7	1,4	12,2
Банки с участием иностранного капитала	1,0	1,8	7,4	11,4	0,8	4
Крупные частные банки	-0,1	-0,1	-1,5	-1,2	0	0,3
Средние и малые банки Московского региона	0,8	0,4	4,0	1,6	-0,4	-2,4
Региональные средние и малые банки	0,6	0,3	3,5	1,9	-0,3	-1,6
Справочно: системно значимые кредитные организации	0,7	1,9	6,2	16,0	1,2	9,8

Главной тенденцией на российском финансовом рынке продолжила оставаться его «зачистка». В 2017 году число отзывов лицензий банков (более 60 с начала года) и других финансовых компаний оставалось высоким, но уже не рекордным (в 2016 году более 100 банков лишились лицензий добровольно и принудительно). Во-первых, относительные темпы исхода игроков с рынка остаются высокими, а во-вторых, в прошедшем году рынков покинули по-настоящему крупные банки. Кроме того, сразу три крупнейшие частные банковские группы отправились на санацию. Уходящий 2017 год начался с отзыва лицензии у Татфондбанка в марте 2017 года, входившего в ТОП-50 по размеру активов, и в целом кризиса у большого числа крупных татарстанских банков.

В апреле лицензий лишились два банка из ТОП-100: Росэнергобанк и Банк «Образование» и была объявлена санация банка Пересвет, в мае – Банк БФА, а в июле – крупный Межтопэнергобанк, и входящий в ТОП-30 Банк «Югра». Начиная с августа, уже столь крупных отзывов лицензий не было, но началась череда санаций.

Первыми на санацию ушла Группа ФК «Открытие» (Банк ФК «Открытие» в начале года был крупнейшим частным банком страны и располагался на 6-м месте по активам), включающая одноименный банк, санируемым Банк Траст и недавно приобретенный Росгосстрах. Почти сразу же на санацию отправились банки Группы БИН, а уже в декабре Центробанк РФ взялся санировать Промсвязьбанк (10-е место по активам на 1 ноября 2017 года). По мнению аналитиков РИА Рейтинг, в ТОП-50 еще как минимум четыре банка в среднесрочной перспективе могут либо лишится лицензий либо отправится на санацию, но, возможно, после столь крупных отзывов и санаций будет сделан небольшой перерыв в радикальных регулятивных решениях о «полной расчистки», по всей видимости, еще достаточно далеко.

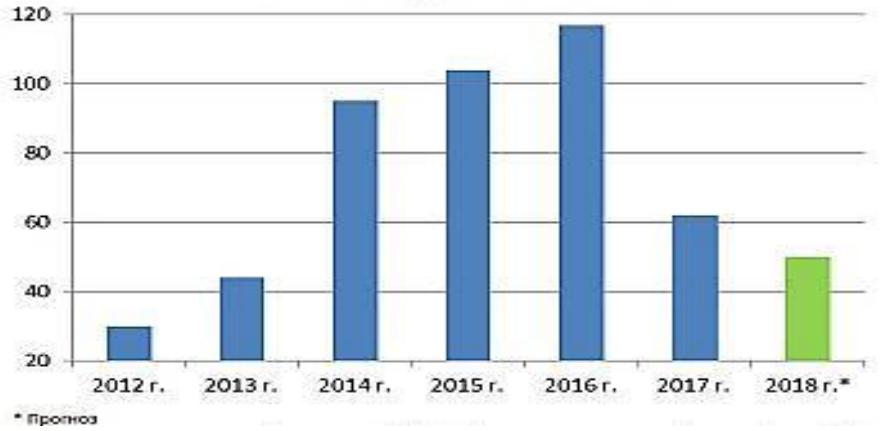

Рис.5 Число отзывов и аннулирования лицензий банков

Ежедневно Банком России осуществляется отзыв лицензий региональные и федеральные кредитные организации. Не смотря на то, что по анализу статистических данных наблюдается тренд на стабильность банковской системы, рост величины вкладов не наблюдается. Это привело к тому, что в 19 банках размер привлеченных средств вырос за год более чем в 2 раза, однако в 33 банках объем вкладов физических лиц снизился на 50%. Такие процессы не позволяют рассматривать банковскую систему РФ как устойчивую и надежную за пределами первой десятки кредитных организаций. [7]

В 2017 году Центробанк РФ шесть раз снижал ключевую ставку, однако этот процесс далеко не закончен, и при благоприятной ситуации с инфляцией в 2018 году можно ожидать аналогичного по масштабам снижения. В целом политика монетарных властей оказалась несколько мягче, чем это ожидалось в конце 2016 и начале 2017 года. Однако рекорд по минимальному уровню инфляции (2,5% по итогам 2017 года) позволил снижать ставки более быстрыми темпами.

Стоит отметить, что наиболее существенно снижение ставок ощутили на себе розничные клиенты, о чем уже упоминалось ранее, однако и корпоративный сектор в конце года тоже начал ощущать улучшение условий по банковскому кредитованию. В

2018 году Центробанк РФ, по мнению аналитиков РИА Рейтинг, снизит ключевую ставку в пределах 1,5-2 процентных пунктов, и при благоприятных условиях ставка может опуститься даже ниже 6%.

Финансовую систему в 2018 году ожидают важные структурные реформы, которые позволят стабилизировать российский банковский сектор как для самих кредитных организаций, так и для пользователей финансовых услуг. Прибыль всей банковской системы по итогам 2018 года с учетом санируемых банков составит 1,2-1,3 трлн. руб..

По итогам семи месяцев текущего года темпы роста кредитования экономики увеличились в среднем в два раза по сравнению с тем же периодом 2017 года, несмотря на продолжающуюся работу по очищению рынка от недобросовестных игроков. На 30 июля 2018 года регулятор отозвал 35 лицензий, одна из которых была возвращена после выплат всем вкладчикам, за тот же период 2017 года были отозваны около 30 лицензий. [8]

В январе ЦБ сообщил, что российские банки в 2017 году получили прибыль в размере 790 млрд. руб., что ниже показателя 2016 года, когда она составила 930 млрд. руб. В июне исследование рейтингового агентства АКРА показало, что у российских банков достаточно скромные возможности для самостоятельного наращивания капитала без потери финансовой устойчивости. Отмечается, что банки, которые могут стабильно генерировать капитал, составляют лишь пятую часть от их общего числа.

Основной вклад в показатели прибыльности и генерации капитала, по мнению регулятора, до конца 2021 года по-прежнему будут вносить крупнейшие банки с государственным участием. Речь в первую очередь о локомотиве банковского сектора - Сбербанке, а также о ряде крупных частных игроков и дочерних иностранных банков с высоким уровнем кредитоспособности.

Список литературы

1. Беспалов Р.А., Беспалова О.В. Финансы. Учебное пособие / Брянск, 2016. - 200 с.

2. Зверев А.В., Ковалерова Л.А., Чернявская М.А. Некоторые аспекты регулирования и развития банковского сектора Российской Федерации в период санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. - № 4 (6). - С.117-129.

3. Зверев А.В., Мишина М.Ю. Управление кредитными рисками банка и их оценка в условиях экономического кризиса // Экономика и управление: проблемы, решения. - № 3, том 1 (63) - 2017. – С. 131 -136

4. Зверев А.В., Мишина М.Ю, Жарикова П.М. Оценка эффективности мер государственной поддержки банковской системы в сфере кредитования реального сектора экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. - № 4, том 2 (64) - 2017. – С. 200 -204

5. Ковалерова Л.А., Чернявская М.А. Некоторые аспекты регулирования банковской деятельности в РФ // Сборник VI международной научно-практической конференции: «Наука и образование: Сохраняя прошлое, создаем будущее» Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. - С.109-111.

6. Савинова Е.А., Гавриченко Н.В. Теоретико-методологические аспекты исследования устойчивого развития коммерческих банков // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-2 (76-2). - С.523-526.

7. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.minfin.ru

8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.gks.ru

ANALYSIS OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT SYSTEM OF CREDITO OF THE BANKING SECTOR IN RUSSIA

This paper analyses the provisions of the stability of the banking sector in Russia, presented the forecast results of 2018 year. The relevance of the provisions of the sustainable development of the Banking segment is characterized by the ability to achieve the main objectives of development, meet the demand for quality banking products, transform inputs into loans and investments, the formation of competitive strategy in the banking business.

Keywords: banking sector, sustainability of the Banking segment, banking products, Bank management, the performance of the banking sector.

References

1. Bespalov R.A., Bespalova O.V. Finance. Tutorial/Bryansk, 2016. - 200 c.

2. Zverev A.V., Kovalerova l.A., Chernyavskaya M.A. Some aspects of regulation and development of bank sector of the Russian Federation in the period of sanctions//economics and management: problems, solutions. 2018. - No.4(6). - P. 117-129.

3. Zverev A.V., Mishina M.Y. Bank's credit risk management and assessment during the economic crisis//economics and management: problems, solutions. No.3, vol. 1 (63) - 2017. - P. 131-136 .

4. Zverev A.V., Mishina, M. Y., Zharikova P.M. evaluation of the effectiveness of measures to provide State support for the banking system in the sphere of crediting of the real sector of the economy//economics and management: problems, solutions. No. 4, vol. 2 (64)-2017. - P. 200-204.

5. Kovalerova l.A., Chernyavskaya M.A. certain aspects of the regulation of banking activity in Russia//collection of VI international scientific-practical Conference: «the science and education: preserving the past, create the future "Penza: MCNS" Science and education ", 2016. - P. 109-111.

6. Mariya Savinova E.A., Gavrichenko N.V. theoretical and methodological aspects of the study of sustainable development of commercial banks//economics and entrepreneurship. 2016. - 11-2 (76-2). - P. 523-526.

7. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. [Electronic resource]-access mode: www.minfin.ru

8. Official website of the Federal State statistics service. [Electronic resource]. Mode of access: www.gks.ru

Об авторах

Зверев Алексей Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия), E-mail: zverev28@yandex.ru

Ковалерова Людмила Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия), E-mail: kovaleroval@mail.ru

Обложко Елизавета Александровна – магистрант по направлению «Финансы в банковской сфере» Брянский государственный университет имени академика Петровского И.Г. (Россия), E-mail: elizaveta.oblozhko@yandex.ru

Zverev Alexey Vitalievich – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Petrovsky I.G., E-mail: zverev28@yandex.ru

Kovalerova Lyudmila Anatolievna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Petrovsky I.G., E-mail: kovaleroval@mail.ru

Oblozhko Elizaveta Alexsandrovna – master in finance in banking sphere» Bryansk State University named after Petrovsky I.G. E-mail: elizaveta.oblozhko@yandex.ru

УДК 657.1.011.54

Ковалева Н.Н., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Мельгуй А.Э., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ермакова Л.В., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Гудкова О. В., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОСОБЕННОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ БУХГАЛТЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Статья рассматривает эволюцию применяемых в бухгалтерском учете инструментов и приспособлений, облегчающих учетно-аналитическую работу, а на современном этапе развития экономики и информационных технологий, коренным образом меняющих задачи учетного работника в частности, и бухгалтерии экономического субъекта в целом. В статье дается анализ используемых в настоящее время бухгалтерских информационных систем, определяются их классификационные характеристики, и обосновываются перспективы их применения учетно-аналитическими службами экономических субъектов.
Ключевые слова: научно-технический прогресс; современная информационная среда; бухгалтерские информационные системы; автоматизация учетно-аналитической работы; бухгалтерские программные продукты; аналитическая обработка учетной информации; классификация бухгалтерских информационных систем
.

Возникновение и развитие бухгалтерского учета напрямую связано с эволюцией экономических отношений и на каждом этапе становления учетных работ сопровождалось использованием в учетной практике различных приспособлений и инструментов, являющихся передовыми для своей эпохи, и значительно упрощавших деятельность счетного работника.

Развитие инструментов и приспособлений, позволяющих бухгалтерам качественно выполнять свою работу, прошло длинный путь от примитивных устройств и способов, начиная от «пальцевого счета» и прародителей современных компьютеров древнегреческого абака и китайского суанпана, представляющих собой дощечки, предназначенные для осуществления подсчетов, до современных многофункциональных бухгалтерских компьютерных программ. И те и другие имеют одну цель – облегчить процесс вычисления и ускорить получение необходимой для принятия решения информации, только на совершенно разных уровнях научно-технического прогресса [5].

Современная информационная среда напрямую связана с интенсификацией и компьютеризацией экономической деятельности и производственных процессов хозяйствующих субъектов и требует от учетно-аналитических служб предприятий ускоренной обработки бухгалтерской информации. Это невозможно без применения передовых бухгалтерских программ и неукоснительного соблюдения принципов своевременности, полноты и достоверности предоставляемой менеджменту экономического субъекта учетной информации, которая будет достаточна и полезна ему для принятия обоснованных и эффективных управленческих решений.

В настоящее время автоматизированная учетно-аналитическая система экономического субъекта включает в себя совокупность технических средств (компьютеров, серверов, печатных и сканирующих устройств и т.п.) и обеспечивающего их функционирование на необходимом уровне программного обеспечения. Составляющие элементы и функциональные возможности автоматизированной учетно-аналитической системы каждого экономического субъекта зависят от объема обрабатываемой бухгалтерской информации и уровня ее детализации, требующейся менеджменту предприятия. Чем больше объем обрабатываемой учетной информации и степень ее детализации, чем выше скорость обработки учетных

данных, тем дороже обходится данная система для предприятия. Поэтому очень важен принцип целесообразности получаемой в данной системе информации. Получение дополнительной информации, которая не будет использоваться руководством предприятия, приводит к необоснованному удорожанию обрабатываемой учетно-аналитической информации, а соответственно к увеличению бесполезных издержек [9].

Во второй половине последнего десятилетия прошлого века значительно возросли запросы российских предприятий к компьютерной обработке учетных данных. Стали разрабатываться и внедряться в учетную практику отечественные автоматизированные бухгалтерские программы, возникла потребность в более детализированной и своевременно поступающей информации оперативного учета. Наблюдалось активное внедрение в учетную практику крупных предприятий, как отдельных элементов, так и комплексной системы управленческого учета, что привело к необходимости его адаптации и гармонизации с информационными потоками финансового учета. Эффективно решить новые задачи, возникшие перед учетно-аналитическими службами экономических субъектов, без активного внедрения информационных технологий в учетную систему уже не представлялось возможным.

При этом эволюция информационного обеспечения и сопровождения в системе бухгалтерского учета происходит стремительно. Применяемые еще четверть века назад автоматизированные бухгалтерские системы были направлены только на облегчение расчетной деятельности учетных работников и мало были связаны с аналитической работой бухгалтера. На современном этапе развития бухгалтерской профессии они кажутся допотопными, как для бухгалтера прошлого века, получившего в свое распоряжение калькулятор, таким же ненужным инструментом оказался символ бухгалтерской профессии – счеты.

На современном этапе развития бухгалтерской профессии, автоматизированные программные бухгалтерские продукты уже не являются вспомогательным средством для выполнения возложенных на учетного работника функций. Они представляют собой основной элемент обеспечения его деятельности, позволяющий значительно интенсифицировать бухгалтерскую работу. Именно совершенствование применяемых автоматизированных бухгалтерских программ предоставляет дополнительные возможности для качественной и многовариантной аналитической обработке, а также обобщения поступающей в бухгалтерскую систему разноплановой информации. Благодаря расширению функциональных возможностей современных бухгалтерских программ, учетно-аналитическая работа на предприятии позволяет обрабатывать и анализировать информацию и предоставлять аналитические выкладки и текущие оперативные бухгалтерские отчеты менеджменту предприятия в режиме реального времени [7].

Это предоставляет возможность в разы сократить время, затрачиваемое учетно-аналитическими работниками на регистрацию и аналитическую обработку учетной информации, а соответственно и трудозатраты на этом участке бухгалтерских работ. Избежать или своевременно обнаружить неточности или ошибки, возникающие при введении в учетно-аналитическую систему информации или при ее последующей обработке, и уделить больше внимания не рутинному учету информационных потоков, а анализу полученных промежуточных и итоговых результатов. Значительно снижается влияние человеческого фактора на достоверность полученных учетных данных, повышается уровень и многовариантность аналитической обработки учетной информации, многократно сокращается срок предоставления необходимой информации заинтересованным внутренним пользователям различных бухгалтерских отчетов, что дает им дополнительное время для проведения углубленных аналитических процедур и нахождения наиболее перспективных вариантов дальнейшего развития экономического субъекта.

Применяемые в настоящее время автоматизированные бухгалтерские системы представляют собой комплекс программных продуктов, обеспечивающих автоматизацию учетных процессов, и позволяющих оперативно решать поставленные перед бухгалтерской службой предприятия задачи по обработке необходимой информации, связан-

ной с обеспечением качественного выполнения ее функций. В сферу автоматизации входят процессы по вводу в систему необходимой информации, ее аналитической обработки, обеспечения необходимого уровня контроля за хозяйственными процессами и их планирования.

Это позволяет решить задачи по моментальной обработке полученной информации после ее ввода в систему, на основании составленных первичных учетных документов, и способствует принятию эффективных управленческих решений на основании своевременно предоставленной информации.

Современная, адаптированная к особенностям функционирования экономического субъекта, построенная на компьютерных технологиях бухгалтерская информационная система (БИС) проникает во все стадии управленческого процесса и обеспечивает управленческий персонал предприятия разного уровня и выполняющего различные функции, необходимой ему детализированной аналитической информацией.

При этом решается большое количество задач, направленных на оптимизацию по срокам обработки информационных потоков, формирующихся из содержащихся в первичных учетных документах сведений о первичных хозяйственных операциях экономического субъекта. Которые, в процессе аналитической обработки, обобщаются и группируются в отдельные укрупненные направления по различным видам производственной, хозяйственной и торговой деятельности. Бухгалтерская информационная система позволяет в рамках единой учетной системы гармонизировать учетные процессы, адаптировать и обобщить информацию, формирующуюся в подсистемах финансового, управленческого и налогового учета. А также предоставляет возможность осуществлять налоговые расчеты на базе сформированных в подсистеме финансового учета первичных учетных документов.

Важным законодательным актом, стимулирующим применение информационных технологий и послужившим активному внедрению в практику бухгалтерского учета предприятий бухгалтерских информационных систем, стал Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [1], в котором впервые на законодательном уровне получили свое терминологическое разъяснение такие категории, как:

- информационно-телекоммуникационная сеть.
- информационная база;
- варианты организации бухгалтерских информационных систем;
- технологии, обеспечивающие информационные потребности экономического субъекта.

Бухгалтерские информационные системы могут классифицироваться по нескольким направлениям, основными из которых являются отраслевой признак (промышленность, торговля, банковский сектор, медицина, образование и т.д.) и уровень автоматизации бухгалтерских процессов («ручная бухгалтерия», автоматические и автоматизированные бухгалтерские системы).

При «ручной бухгалтерии», функциональная настройка компьютерных программ осуществляется оператором. При автоматической системе человек не участвует в настройке программы, все функции заданы автоматически. Автоматизированные бухгалтерские системы представляют собой комбинированный вариант компьютерных бухгалтерский программ, где учетный процесс настраивается совместно с применением автоматических функций и участием оператора в настройке отдельных функций бухгалтерской программы.

Также в настройке бухгалтерской информационной системы очень важен этап, связанный с внедрением рабочего плана счетов предприятия, который должен содержать все синтетические счета с разбивкой по отдельным субсчетам. При этом следует учитывать их необходимость для полного отражения деятельности экономического субъекта, с разбивкой на обеспечение достоверного учета отдельных специфических хозяйственных операций. Именно на основании разработанного рабочего плана счетов бухгалтерская служба экономического субъекта способна осуществлять выбор различных методик учета, разрешенных бухгалтерским законодательством для отдельных видов хозяйственных операций.

При этом любые отклонения в рамках действующего бухгалтерского законодательства от выбранной бухгалтерией предприятия

модели осуществления финансового учета, потребуют изменения утвержденной руководством экономического субъекта учетной политики. И, возможно, внесения корректировок в применяемый предприятием рабочий план счетов бухгалтерского учета.

При рассмотрении бухгалтерских информационных систем в плане применения режимов обработки учетной информации, можно выделить пакетную и интерактивную технологии. Первая применяется в бухгалтерских информационных системах, представляющих собой централизованный тип обработки бухгалтерской информации. В ней используется четкий поэтапный алгоритм ввода, контроля, сортировки, слияния, группировки, копирования, архивирования, обработки и предоставления заинтересованным пользователям обработанной информации. При этом обработка информации в данной системе производится поэтапно и отсутствует возможность взаимодействия бухгалтеров, выполняющих отдельные этапы учетной работы.

Преимуществом интерактивной технологии формирования обобщенной учетной информации является возможность широкого взаимодействия учетных работников между собой в процессе выполнения ими обработки информационных потоков, посредством применения диалогового режима. Он позволяет учетным работникам, работающим в системе, управлять процессом выполнения поставленных перед ними задач, корректируя условия, заданные в системе [3]. При этом параллельно могут решаться сразу несколько задач, поставленных перед персоналом, работающим одновременно в бухгалтерской информационной системе экономического субъекта.

В настоящее время главными векторами развития бухгалтерских информационных систем является реализация:

- так называемой «кусочной» или «лоскутной» автоматизации различных сегментов учетно-аналитической работы;
- комплексная автоматизация бухгалтерской и финансовой системы экономического субъекта;
- автоматизации информационных потоков на основе разработанных и внедренных в практику инструментальных корпоративных систем.

Виды используемых хозяйствующими субъектами бухгалтерских информационных систем классифицируются по следующим направлениям:

1. Имеющие ограниченные аналитические возможности, интегрированные для решения учетно-аналитических задач предприятиями малого бизнеса автоматизированные бухгалтерские системы. Как правило, в сетевом варианте данные программы устанавливаются на нескольких персональных компьютерах, хотя в совсем небольших субъектах предпринимательства можно обходиться и одним компьютером. Система предназначена для бухгалтерского отдела с численностью персонала от 1 до 5 сотрудников. Сетевые версии интегрированных бухгалтерских систем могут взаимодействовать с различными функциями управления.

Так называемые, мини-бухгалтерии, лишены широкого набора аналитических функций, и направлены на осуществление учетно-аналитической обработки небольших массивов информации. Они сфокусированы на построении синтетического учета и элементарных операциях, связанных с аналитическим учетом. Позволяют формировать простые бухгалтерские регистры и отчеты, необходимые бухгалтерским службам и руководству малых предприятий.

К этому сегменту рынка бухгалтерских программ относятся такие продукты, как «Микро-Плюс» («Лука»), «Финансы без проблем», «Турбо-бухгалтер», специализированные продукты фирмы «1С: Бухгалтерия» и целый ряд других упрощенных бухгалтерских программ. Именно эта категория наиболее востребована на российском рынке программного бухгалтерского обеспечения, так как вполне адекватна по своим ценовым и качественным характеристикам, легко настраивается и осваивается бухгалтерскими работниками. Так как она направлена на средний уровень бухгалтерской квалификации учетных работников, и способна по своему функционалу удовлетворить потребности большинства экономических субъектов, функционирующих в границах среднего и малого бизнеса. При этом данные бухгалтерские продукты позволяют освободить бухгалтера от рутинной работы, связанной с проведением бухгалтерских проводок и формированием бухгалтерских регистров.

Также, помимо ведения учетной работы на одном компьютере, они позволяют организовать локальную сеть, с одновременным ведением бухгалтерской работы на двух-пяти персональных компьютерах.

2. Используемые в основном бухгалтерскими службами крупных компаний специализированные автоматизированные инструментальные учетно-аналитические системы. Они аналогичны интегрированным бухгалтерским системам, но способны выполнять более широкий спектр бухгалтерских задач и самостоятельно настраиваться на выполнение определенных функций, связанных со спецификой деятельности компании и при условии заданных им для выполнения расчетов, при соответствующей настройке пользователем (обычно главным бухгалтером или при его непосредственном руководстве, программистом) соответствующих алгоритмов. При этом пользователям необходимо освоить присущий данной бухгалтерской информационной программе специальный язык программирования, которые, исходя из практики использования этого программного обеспечения, не отличаются сложностью и легко осваиваются персоналом бухгалтерских служб экономических субъектов при соответствующем их кратковременном обучении [8].

3. Функционально подобранные комплексы автоматизированных рабочих мест (АРМ), позволяющие эффективно решать поставленные задачи в области учетно-аналитического обеспечения хозяйственной деятельности средних, и, частично, крупных экономических субъектов, являющихся целевой аудиторией для данного специализированного программного обеспечения. Использование данного вида бухгалтерских информационных систем в бухгалтерской службе средних и крупных организаций, позволяет осуществить комплексную автоматизацию учетно-аналитических работ на основе, так называемой интегрированной бухгалтерии.

Данные системы являются комплексной разработкой, включающей в себя различные программные подсистемы, обеспечивающие автоматизацию отдельных участков учетно-аналитической работы бухгалтерии экономического субъекта. Они направлены на такие учетно-аналитические системы экономических субъектов, в которых формирование бухгалтерской информации связано с использованием большого количества взаимосвязанных автоматизированных рабочих бухгалтерских мест. При этом пакеты программного обеспечения могут сильно отличаться за счет предоставляемых модулей и различных дополнительных приложений, необходимых для осуществления работы на том или ином автоматизированном бухгалтерском рабочем месте [6].

Основными особенностями данной категории бухгалтерских информационных систем можно назвать:

- значительно расширенный список бухгалтерских задач, которые позволяет выполнять данное специализированное программное обеспечение;
- качественный интерфейс, позволяющий беспрепятственно передавать информацию между отдельными автоматизированными рабочими бухгалтерскими местами;
- возможность осуществления детализированного аналитического учета по всем направлениям бухгалтерской работы;
- наличие отдельных комплексов специализированных услуг по отдельным участкам бухгалтерского учета, при этом имеющих между собой четкую связь.

4. Комплексные автоматизированные бухгалтерские информационные системы, применяемые различными категориями экономических субъектов, в основном малым и средним бизнесом. Наиболее популярными отечественными бухгалтерскими информационными программами этой категории являются: относящиеся к этому классу программные продукты компании «1:С», корпорации «ПАРУС», программное бухгалтерское обеспечение под торговыми марками «БЭСТ», «Бухгалтерия-Супер», «Инфо-бухгалтер», «Турбо Бухгалтер», «Ордер» и ряд других.

В комплексной автоматизации финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта, основой сформированного пакета по обеспечению автоматизированной обработки учетных данных служит основной модуль «Проводка – Главная книга – Баланс», в дополнение к которому могут использоваться различные модульные модификации, направленные на решение специфических отраслевых учетно-аналитических

задач. Состав подобных модулей в разных программах может сильно варьироваться.

Порядок выполнения учетных задач в интегрированных системах проходит следующим образом.

На первом этапе производится аналитическая обработка информации, направленная на решение локальных задач по отдельным участкам учетно-аналитической работы. Результаты проведенной работы аккумулируются в различных аналитических сводках.

На втором этапе полученные результаты на отдельных участках учетно-аналитических работ направляются в основной модуль для дальнейшей обработки и обобщения. Здесь происходит интеграция всей бухгалтерской информации: формируются бухгалтерские регистры, Главная книга и формы бухгалтерской отчетности [4].

5. Состоящие из множества сложных компонентов, направленные на осуществление управленческих функций менеджментом крупных корпораций, автоматизированные информационные системы получившие название «Корпоративные системы управления финансами и бизнесом». Их функционал направлен на выстраивание крупной, многоуровневой локальной информационной сети, отличающейся сложностью и адаптацией к каждому конкретному автоматизированному рабочему месту управленца экономического субъекта в различных структурных подразделениях корпорации. Данные информационные системы очень дорогостоящи, имеют сложную структуру и обычно настраиваются и обслуживаются в индивидуальном порядке для каждого заказчика такой информационной системы.

Бухгалтерская составляющая в этих программных продуктах не является основополагающей, так как они, в первую очередь, направлены на интеграцию управленческих процессов. Но, тем не менее, она составляет важный компонент данного программного обеспечения, так как основная часть управленческой информации формируются из обработанной соответствующим образом бухгалтерской информации и сформированных с различной степенью детализации внутренних бухгалтерских отчетов [2].

Это сектор программного информационного обеспечения бизнеса представлен в основном зарубежными продуктами: «Platinum», «R-Style», «R/3», «Concorde XAL» и рядом других. Из отечественных разработок наибольшую популярность получила корпоративная информационная система «Галактика», которая включает широкий спектр разнообразных контуров управления и использует более 40-ка различных модулей для оснащения различных автоматизированных рабочих мест управленческого персонала экономических субъектов.

Применение бухгалтерских информационных систем в практике учетно-аналитической работы, не только упрощает выполнение функциональных задач, поставленных перед отдельными работниками учетно-аналитического отдела экономического субъекта, но и стало жизненно необходимым условием эффективной работы бухгалтерской службы предприятия.

Конкуренция на рынке программного обеспечения и сопутствующих услуг стимулирует развитие этих программ, увеличивает и улучшает спектр деятельности учетно-аналитических работ, охватываемых бухгалтерскими информационными системами. Благодаря развитию цифровых технологий информация, для хранения которой раньше требовались кипы бумажных носителей, теперь способна уместиться в компьютере бухгалтера, а доступ к различным участкам информационных потоков можно получить практически мгновенно.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант»

2. Гудкова О.В., Дедова О.В., Ермакова Л.В. Правовое и экономическое регулирование потребительского кредитования в Российской Федерации. - Брянск, 2016. – 120 с.

3. Гудкова О.В., Ермакова Л.В., Ковалева Н.Н., Мельгуй А.Э. Развитие инновационных технологий на рынке банковских услуг // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 319-321.

4. Гудкова О.В., Ермакова Л.В., Мельгуй А.Э. Роль информационных технологий в построении учетно-аналитической системы предприятия // Бюллетень науки и практики. 2016.

№ 5 (6). С. 116-121.

5. Гудкова О.В., Ермакова Л.В., Ковалева Н.Н., Мельгуй А.Э. Эволюция бухгалтерского учета в докапиталистическом периоде развития экономики // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-5. С. 1066-1070.

6. Дедова О.В., Мельгуй А.Э. Роль цифрового производства в развитии учетно-аналитической отрасли. В сборнике: Современное состояние и перспективы развития финансово-аналитической науки и практики в цифровом пространстве России и за рубежом. Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. Москва, 2018. С.71-77.

7. Ковалева Н.Н., Ермакова Л.В. Цифровая экономика и перспективы ее развития в учетно-аналитической отрасли. В сборнике: Современное состояние и перспективы развития финансово-аналитической науки и практики в цифровом пространстве в России и за рубежом. Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. Москва, 2018. С. 117-122.

8. Ковалева Н.Н., Мельгуй А. Э., Ковалев А. Ф., Дворецкая Ю. А. Экономика и образование в контексте обучения в течение всей жизни // В сборнике Предоставление возможностей для образования каждому: сравнение мировых перспектив BCES Conference Books.2016. С.49-57.

9. Организационное и методологическое обеспечение бухгалтерского учета в системе экономической безопасности хозяйствующих субъектов /Хоружий Л.И., Катков Ю.Н., Глушак Н.В., Глушак О.В., Карзаева Н.Н., Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Кузнецова О.Н., Дедова О.В., Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А./ Монография/ Под ред. Л.И. Хоружий, Ю.Н. Каткова. - Иркутск: ООО «Мегапринт», 2017 г. -134 с.

FEATURES OF AUTOMATED PROCESSING OF ACCOUNTING INFORMATION AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF CORPORATE ACCOUNTING AND ANALYTICAL SYSTEMS

Article examines the evolution of the used in the bookkeeping calculation tools and appliances, which facilitate discount-analytical work, and in present development stage of the economy and the information texnologies, which radically change the tasks of stock-taking worker in particular, and the bookkeeping of economic subject as a whole. In the article the analysis of the utilized at present bookkeeping information systems is given, their classification characteristics are determined, and are based the prospects for their application by the discount-analytical services of economic subjects.

Keywords: scientific and technical progress; contemporary information medium; bookkeeping information systems; the automation of discount-analytical work; bookkeeping program products; the analytical processing of stock-taking information; the classification of bookkeeping information systems.

References

1. Federalnyiy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnyih tehnologiyah i o zaschite informatsii» // SPS «Garant»

2. Gudkova O.V., Dedova O.V., Ermakova L.V. Pravovoe i ekonomicheskoe regulirovanie potrebitelskogo kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii. - Bryansk, 2016. – 120 s.

3. Gudkova O.V., Ermakova L.V., Kovaleva N.N., Melguy A.E. Razvitie innovatsionnyih tehnologiy na ryinke bankovskih uslug // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. № 9 (100). S. 319-321.

4. Gudkova O.V., Ermakova L.V., Melguy A.E. Rol informatsionnyih tehnologiy v postroenii uchetno-analiticheskoy sistemyi predpriyatiya // Byulleten nauki i praktiki. 2016. № 5 (6). S. 116-121.

5. Gudkova O.V., Ermakova L.V., Kovaleva N.N., Melguy A.E. Evolyutsiya buhgalterskogo ucheta v dokapitalisticheskom periode razvitiya ekonomiki // Fundamentalnyie issledovaniya. 2016. № 12-5. S. 1066-1070.

6. Dedova O.V., Melguy A.E. Rol tsifrovogo proizvodstva v razvitii uchetno-analiticheskoy otrasli. V sbornike: Sovremennoe sostoyanie i perspektivyi razvitiya finansovo-analiticheskoy nauki i praktiki v tsifrovom prostranstve Rossii i za rubezhom. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyih trudov i rezultatov sovmestnyih nauchno-issledovatelskih proektov. Moskva, 2018. S.71-77.

7. Kovaleva N.N., Ermakova L.V. Tsifrovaya ekonomika i perspektivyi ee razvitiya v uchetno-analiticheskoy otrasli. V sbornike: Sovremennoe sostoyanie i perspektivyi razvitiya

finansovo-analiticheskoy nauki i praktiki v tsifrovom prostranstve v Rossii i za rubezhom. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyih trudov i rezultatov sovmestnyih nauchno-issledovatelskih proektov. Moskva, 2018. S. 117-122.

8. Kovaleva N.N., Melguy A. E., Kovalev A. F., Dvoretskaya Yu. A. Ekonomika i obrazovanie v kontekste obucheniya v techenie vsey zhizni // V sbornike Predostavlenie vozmozhnostey dlya obrazovaniya kazhdomu: sravnenie mirovyih perspektiv BCES Conference Books.2016. S.49-57.

9. Organizatsionnoe i metodologicheskoe obespechenie buhgalterskogo ucheta v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti hozyaystvuyuschih sub'ektov /Horuzhiy L.I., Katkov Yu.N., Glushak N.V., Glushak O.V., Karzaeva N.N., Melguy A.E., Ermakova L.V., Kuznetsova O.N., Dedova O.V., Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A./ Monografiya/ Pod red. L.I. Horuzhiy, Yu.N. Katkova. -Irkutsk: OOO «Megaprint», 2017 g. -134 s.

Об авторах

Ковалева Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovalevanat@yandex.ru.
Мельгуй Андрей Эдуардович – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: mae1089@yandex.ru.
Ермакова Людмила Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tkdtkd@yandex.ru.
Гудкова Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: oliy-00@mail.ru.

Kovaleva Natalya Nikolaevna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovaleva-nat@yandex.ru.
Melgoui Andrei Eduardovich – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), mae1089@yandex.ru.
Ermakova Ludmila Vladimirovna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: tkdtkd@yandex.ru.
Gudkova Olga Vladimirovna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: oliy-00@mail.ru.

УДК 342.5

Вяткина Г.О., магистрант 1 курса, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В статье автор анализирует статистику совершения коррупционных правонарушений, рассматривает особенности антикоррупционого законодательства, раскрывает содержание государственных мер противодействия коррупции в государственном управлении, описывает последние нововведения в сфере противодействия коррупции, связанные с цифровизацией системы государственного управления, разрабатывает предложения по совершенствованию действующих механизмов противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственное управление, государственные гражданские служащие, антикоррупционная экспертиза, электронное правительство, информационная открытость органов государственной власти, Общественный Совет, антикоррупционное просвещение

Насколько эффективны сегодняшние механизмы противодействия коррупции в России? Какие факторы препятствуют снижению уровня коррупции в государственном управлении, и возможно ли полностью искоренить данное явление? Все эти вопросы из года в год исследуются различными учёными и по-прежнему не теряют своей актуальности, ведь коррупция является одной из серьёзнейших проблем в нашей стране, оказывающей негативное влияние на качество государственного управления и, следовательно, уровень развития нашего общества в целом.

Вопросы противодействия коррупции исследуются в работах Е. В. Марьиной, Н. А. Егоровой, Н. А. Лопашенко, Е. А. Киршина, [см.: 12, 9,11,10].

Следует отметить фундаментальность исследования С.В. Бондаренко, в котором анализируются причины и предпосылки коррупции, классифицируются коррупционные деяния, рассматриваются механизмы противодействия коррупции, [8].

По данным Генпрокуратуры РФ, за январь 2018 года выявлено 3 081 (+18,9%) преступлений коррупционной направленности. Число зафиксированных фактов взяточничества (получение или дачи взятки, включая мелкие взятки) выросло в первый месяц года по сравнению с январем 2017 года на 11,1%, [19]. И даже такая неутешительная статистика не может точным образом отразить состояние коррупции в нашей стране, так как преступления коррупционной направленности характеризуются высокой латентностью, не позволяющей вскрыть их действительные масштабы.

Особо значима и опасна для государства коррупция в контрольно-надзорных органах государственной власти. Например, трагедия, произошедшая в Кемерово 25 марта 2018 года, в результате которой в пожаре торгово-развлекательного центра «Зимняя вишня» погибло 64 человека, наглядно демонстрирует нарушения требований пожарной безопасности ввиду коррумпированности контрольно-надзорных органов.

Таким образом, с каждым годом количество коррупционных правонарушений в государственном управлении увеличивается, а это значит, что существующие механизмы противодействия коррупции не могут полноценно справиться с данной проблемой.

В статье используются следующие методы исследования: 1) теоретический 1) сравнительный анализ статистики коррупционных правонарушений в 2017 и 2018 годах; 2) анализ нормативной правовой базы Российской Федерации по противодействию коррупции; 3) системный подход при исследовании и обобщении механизмов противодействия коррупции в государственном управлении; 4) обобщение полученных результатов исследования.

Многие механизмы противодействия коррупции содержатся в различных нормативных правовых актах, например: в федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции, [5, ст.6228]; в федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ, [4, ст.3609]; в Кодексе Российской Федерации об административных

правонарушениях, [2, ст.1]; в уголовном кодексе Российской Федерации, [1, ст.2954] и других нормативных правовых актах.

Одним из них является федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. Согласно статье 59.2 гражданский служащий может быть уволен в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, [3, ст.3215]. Кроме того, с марта 2018 года сведения о таком госслужащем подлежат включению в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр. По состоянию на 04.04.2018 года в реестр было включено всего 5 лиц, 11.05.2018 года - 47 лиц, 06.11.2018 - уже 592 лица, и, очевидно, количество таких лиц будет расти, [15].

Следует отметить, что вышеупомянутый механизм является элементом более крупного направления противодействия коррупции - развития электронного правительства. В настоящее время физические и юридические лица могут получить различные государственные услуги, не взаимодействуя при этом с государственными служащими (например, пользуясь порталом «Госуслуги»). Однако сохраняется проблема низкого уровня осведомленности граждан о возможностях электронного получения услуги, а иногда и вовсе элементарного незнания правил пользования электронными ресурсами.

Государство использует и другие механизмы противодействия коррупции. Например, с каждым годом всё больше совершенствуется информационная открытость деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Однако, несмотря на то, что каждый орган обязан размещать всю необходимую информацию для граждан в своей сфере деятельности на официальном сайте, далеко не все органы власти регулярно её актуализируют. Возможно, это связано с высоким уровнем загруженности госслужащих, а может быть и с недостаточным уровнем компьютерной грамотности или нехваткой специалистов в сфере информационных технологий. В послании Президента в марте 2018 года также была отмечена необходимость приведения в цифровую форму документооборот между госструктурами. Как отметил В.В. Путин: «Цифровизация всей системы государственного управления, повышение её прозрачности - это и мощный фактор противодействия коррупции», [6].

Важным механизмом противодействия коррупции выступает антикоррупционная экспертиза, представляющая собой правовую проверку нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения [4, ст. 3609]. Информация о коррупциогенности содержащихся в нормативных правовых актах норм может быть получена из материалов прокурорских проверок, средств массовой информации, интернет-источников, обращений граждан и должностных лиц. Необходимость проведения антикоррупционной экспертизы нормативного правового акта может следовать из материалов дел, рассматриваемых в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, результатов анализа статистики, правоприменительной практики, а также из других материалов, содержащих достаточные данные о наличии коррупциогенных факторов. Однако, согласно статье 4 федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в большинстве случаев заключения, составляемые при проведении антикоррупционной экспертизы, носят рекомендательный характер, хотя и подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органом, организацией или должностным лицом.

Механизмы противодействия коррупции реализуются и через создание в молодежной среде нетерпимого отношения к коррупции. Например, из года в год исследованию данной проблемы в высших учебных заведениях посвящаются различные конференции, круглые столы, семинары с участием органов власти. В целях формирования нетерпимости к коррупционному поведению органы власти проводят студенческие конкурсы эссе, плакатов, рисунков, посвященных антикоррупционной тематике. Для студентов высших учебных заведений вводятся тематические дисциплины по противодействию коррупции. Например, студенты юридического факуль-

тета БГУ им. академика И.Г. Петровского занимаются освоением дисциплины «Юридическая экспертиза нормативных правовых актов», в котором им помогают различные методические пособия, авторами которых являются сами преподаватели университета [7]. В рамках данной дисциплины студенты имеют возможность подробно изучить особенности антикоррупционной экспертизы. В РАНхиГС для студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» с 2018 года была введена целая дисциплина - «Противодействие коррупции».

В ходе анализа вышеперечисленных механизмов мы выяснили, что они, безусловно, требуют совершенствования. Так какие способы борьбы с коррупцией будут наиболее эффективными для нашего государства?

Во-первых, в рамках активного внедрения электронного правительства в России, необходимо повышать уровень компьютерной грамотности государственных гражданских служащих. Например, можно организовать обучение особенностям электронного документооборота и работы с федеральным порталом управленческих кадров при приеме и рассмотрении документов претендентов на замещение вакантных должностей в электронном виде в части анализа представленных через портал справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера претендентов.

Во-вторых, необходимо повышать информационную открытость органов государственной власти, а также исключать реальное взаимодействие граждан с представителями органов власти путем: 1) расширения перечня электронных государственных услуг; 2) совершенствования официальных сайтов органов власти и регулярного обновления актуальности информации для граждан; 3) повышения осведомленности граждан о возможностях получения электронных услуг с целью их дальнейшей регистрации на портале и распространения подробных инструкций работы с порталом «Госуслуги».

В-третьих, практика повседневной управленческой деятельности показывает, что зачастую использование норм права осложняется бюрократизацией и формализацией при разработке различных правовых актов. Именно поэтому необходимо активно внедрять различные формы общественного контроля, например, регулярно привлекать к обсуждению таких документов Общественный Совет при органах государственной власти, используя при этом различные формы взаимодействия: заседания, публичные слушания, круглые столы, семинары и другие формы.

Наконец, развивая механизм создания в молодежной среде нетерпимого отношения к коррупции, необходимо комплексное использование мер антикоррупционного просвещения путем привлечения не только внимания молодёжи, но и всего населения, вед проблема высоких коррупционных рисков кроется не в отсутствии жестких карательных мер, а именно в социокультурных основах современного российского общества. В качестве механизма антикоррупционного просвещения могут выступать: 1) социальная реклама антикоррупционного характера; 2) активное включение средств массовой информации, освещающих коррупционные правонарушения с указанием конкретных лиц либо случаи безупречной государственной или муниципальной службы.

Таким образом, автор исследования проанализировал существующие государственные механизмы противодействия коррупции и разработал ряд предложений по их совершенствованию. Предложения автора помогут расширить и углубить методологическую базу мероприятий по противодействию коррупции в государственном управлении и проектированию «дорожной карты» конкретных органов государственной власти по внедрению системы противодействия коррупции.

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что с каждым годом количество коррупционных правонарушений возрастает, и существующие государственные механизмы противодействия коррупции не справляются с данным явлением. Коррупционные явления полностью исключить, конечно, невозможно, но комплексное использование вышеперечисленных механизмов позволит снизить их до такого уровня, который не будет препятствовать развитию страны, нашего общества и, конечно же, государственного управления. Как точно отметил заместитель директора департамента государственной службы и кадров Минюста России И.В. Мошинец: «Полностью коррупцию изжить невозможно, но непримиримая борьба с нею показывает сильную защитную реакцию государства», [14].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018 // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1.
3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Собрание законодательства РФ», 02.08.2004, № 31, ст. 3215.
4. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. От 04.06.2018) // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2009, № 29, ст. 3609.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ", 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // «Российская газета», № 46, 02.03.2018.
7. Артамонов А.Н., Воробьев А.Н. Юридическая экспертиза нормативных правовых актов. Брянск: РИО БГУ.2015. 116 с.
8. Бондаренко С.В. Коррумпированные общества. Ростов н/Д, 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения – 15.10.2018)
9. Егорова Н. А. Уголовно-правовые формы борьбы с коррупцией в новых экономических условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/(дата обращения – 15.10.2018)
10. Киршина Е.А. Корыстный мотив в преступлениях коррупционной направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения – 15.10.2018)
11. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Экономический терроризм. М. 2017. [Электронный ресурс]– Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения – 15.10.2018)
12. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. [Электронный ресурс]– Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения – 15.10.2018)
13. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/stat/data/1328502 (дата обращения – 20.10.2018)
14. Официальный сайт Минюста России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/activity/reports (дата обращения – 05.11.2018)
15. Федеральный портал госслужбы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gossluzhba.gov.ru (дата обращения – 07.11.2018)

TO THE QUESTION ABOUT IMPROVEMENT MECHANISMS TO COUNTER CORRUPTION IN PUBLIC ADMINISTRATION

In the article the author analyzes the statistics of corruption offenses, considers the features of anti-corruption legislation, reveals the content of state anti-corruption measures in public administration, describes the latest innovations in the field of anti-corruption related to the digitalization of public administration, develops proposals to improve the existing mechanisms of anti-corruption.

Keywords*:* corruption, anti-corruption, public administration, civil servants, anti-corruption expertise, e-government, information openness of public authorities, Public Council, anti-corruption education

References

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 03.10.2018) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 17.06.1996, № 25, st. 2954.
2. Kodeks Rossijskoj Federatsii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 11.10.2018 // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 07.01.2002, № 1.

3. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federatsii» ot 27.07.2004 № 79-FZ (red. ot 03.08.2018) «Sobranie zakonodatel'stva RF», 02.08.2004, № 31, st. 3215.

4. Federal'nyj zakon «Ob antikorruptsionnoj `ekspertize normativnyh pravovyh aktov i proektov normativnyh pravovyh aktov» ot 17.07.2009 № 172-FZ (red. Ot 04.06.2018) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 20.07.2009, № 29, st. 3609.

5. Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 03.08.2018) «O protivodejstvii korruptsii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF", 29.12.2008, № 52 (ch. 1), st. 6228.

6. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 01.03.2018 «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju» // «Rossijskaja gazeta», № 46, 02.03.2018.

7. Artamonov A.N., Vorob'ev A.N. Juridicheskaja `ekspertiza normativnyh pravovyh aktov. Brjansk: RIO BGU.2015. 116 s.

8. Bondarenko S.V. Korrumpirovannye obschestva. Rostov n/D, 2015. Retrieved 15 October, 2018 from https://cyberleninka.ru/

9. Egorova N. A. Ugolovno-pravovye formy bor'by s korruptsiej v novyh `ekonomicheskih uslovijah: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2014. Retrieved 15 October, 2018 from https://cyberleninka.ru/

10. Kirshina E.A. Korystnyj motiv v prestuplenijah korruptsionnoj napravlennosti // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3. Retrieved 15 October, 2018 from https://cyberleninka.ru/

11. Lopashenko N.A. Protivodejstvie rossijskoj korruptsii: obosnovannost' i dostatochnost' ugolovno-pravovyh mer // `Ekonomicheskij terrorizm. M. 2017. Retrieved 15 October, 2018 from https://cyberleninka.ru/

12. Mar'ina E.V. Korruptsionnye prestuplenija: otraslevoe i mezhotraslevoe soglasovanie norm: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2015. Retrieved 15 October, 2018 from https://cyberleninka.ru/

13. Ofitsial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii // Sostojanie prestupnosti v Rossii za janvar'-dekabr' 2018 goda. Retrieved 20 October, 2018 from https://genproc.gov.ru/stat/data/1328502

14. Ofitsial'nyj sajt Minjusta Rossii Retrieved 5 November, 2018 from http://minjust.ru/ru/activity/reports

15. Federal'nyj portal gossluzhby Retrieved 7 November, 2018 from https://gossluzhba.gov.ru

Об авторе

Вяткина Галина Олеговна – студент 1 курса магистратуры направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (направленность – Юрист в органах власти) Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, стипендиат Президента Российской Федерации. E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

Vyatkina Galina Olegovna – 1st year student of master's degree in training 40.04.01 "Jurisprudence" (focus - Lawyer in government bodies), Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, the scholarship of the President of the Russian Federation. E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

УДК 343.8

Ковалев М.В., Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ (Брянск, Россия)

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПООЩРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье анализируется сущность и значимость условно-досрочного освобождения как института поощрения правопослушного поведения осужденных. Рассмотрены различные точки зрения ученых, по существу значимости и необходимости условно-досрочного освобождения как вида поощрения. Делается вывод, в соответствии с мнением ученого сообщества и результатов опроса сотрудников исправительных учреждений и осужденных об условно-досрочном освобождении как действенном механизме стимулирование социально-активного поведения осужденных. Учтены и проанализированы критические замечания об условно-досрочном освобождении как институте поощрения, признанные автором несостоятельными. Автором сделан акцент на несовершенстве законодательства при применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как в связи с применение оценочных формулировок и категорий, так и в связи с трудностями правоприменения, а также необходимости совершенствования как существующих мер стимулирования правопослушного поведения, так и разработки новых с их нормативным закреплением. Выделены критерии, по которым, суды могли бы с уверенность сказать об отсутствии необходимости полного отбывания наказания осужденным. Рассмотрен вопрос о прямой взаимосвязь условий отбывания наказания и социально значимым поведение самого осужденного. Автор приходит к выводу о взаимной выгодности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как осужденному так и обществу.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, поощрение, стимулирование, осужденный, наказание, поведение, исправление, лишение свободы

.

На всех этапах исторического развития системы исправления осужденных применение поощрительных и запрещающих мер носило определяющий характер. С развитием уголовно-исполнительной системы, ее гуманизации, процесс правового стимулирования правопослушного поведения осужденных приобретает все большую значимость. Одобрение со стороны администрации исправительного учреждения общественно полезного поведения осужденного может выражаться в получении последним вознаграждений или наступления иных выгодных для него последствий. Обоюдность выгодности таких отношений очевидна.

Правовые институты уголовно-исполнительного права, применение которых связано с облегчением участи осуждённого, с предоставлением ему определенных благ, освобождением от обязанностей, относятся к числу поощрительных[1, с. 11].

В структуре системы исправления осужденных накоплен значительный объем применяемых мер поощрения. Это и предоставление возможности траты дополнительных средств, объявление благодарности, досрочное снятие ранее наложенного наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, отмена условного осуждения и снятие с осужденного судимости и другие. Но не стоит забывать и еще об одном средстве побуждающем исправительную направленность поведения осужденного как условно-досрочное освобождение.

В уголовном законодательстве России институт условно-досрочного освобождения от наказания является составной частью института освобождения от наказания. В русском языке термин «замена, заменить» употребляется для характеристики однозначных по своей природе явлений: тот, кто (или то, что) заменяет кого-, что-нибудь или употребляется, ставится взамен другого, становясь равноценным ему[2, с. 172].

В.И. Даль употребляет в русском языке термин «освобождать, освободить» в следующем значении: «освободить узника, пташку, увольнять, отпускать, дать свободу… кого, от чего отрешать, снимать обязанности» [3, с. 694].

Примечательно мнение Щерба Д.А., о том, что условно-досрочное освобождение является важным средством стимулирования поведения осужденных[4, с. 10-11].

П.М. Малин утверждает, что поощрение, являясь средством воспитательного воздействия, обнаруживает определенные предпосылки для сокращения или изменения нака-

зания и является по отношению к УДО некоторым результатом, так как применяется к лицам, чье исправление еще нужно продолжать, а не к тем, которые не нуждаются в дальнейшем исправлении[5, с. 25].

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО) является наиболее значимым для осужденных поощрительным институтом и стимулом их исправления [6, с. 73].

Однако, существует и другая точка зрения, о том, что условно-досрочное освобождение никак не может быть видом поощрения.

Так, А.М. Носенко указывал, что в теоретическом отношении точка зрения на условно-досрочное освобождение как на поощрение «противоречит сущности поощрения в трудовом праве и позиции исправительно-трудовой педагогики, рассматривающей его как одно из средств исправления. В практическом отношении это привело бы к снижению уровня требований при определении степени исправления осужденного [7, с.19].

Такая точка зрения как кажется, не совсем верна, А.М. Носенко рассматривает поощрение только лишь как предпосылку к сокращению срока наказания, то есть сугубо узко направленно, не принимая во внимание возможность полного освобождения от отбывания наказания. Трудно поспорить с тем, что в рамках действующей системы исполнения наказаний, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, а соответственно и снятие с последнего всех обременений его правового положения, является наиболее прогрессивным видом поощрения, который способствует достижению целей наказания. Правовое положение осужденного освободившегося условно-досрочно значительно расширяет его права.

Расширение перечня прав условно-освобожденного от отбывания наказания лица, за его правомерное, социально-активное, зачастую общественно-полезное поведение в течении длительного времени в месте отбывания наказания, что это если не поощрение. Условно-досрочное освобождение осужденного из места лишение свободы – результат правопослушного поведения, за которое государство, в лице соответствующих органов, предоставляет определенное благо, а также дает нормативную оценку устойчивого процесса исправления на этапе освобождения, и вызывает определенную побудительную мотивацию к законопослушному поведению в будущем.

Более весомым аргументом в достоверности точки зрения о значимости условно-досрочного освобождения в формировании и реализации социальной активности осужденного говорят данные проведенного опроса в местах лишения свободы.

Так при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, какие мотивы чаще всего лежат в основе правопослушного поведения осужденных?» – опрошенные сотрудники исправительных учреждений указали: на досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания – 64,2 %; желание облегчить жизнь в условиях лишения свободы – 17,4; намерение порвать с преступным прошлым – 9,9; стремление иметь материальные виды поощрения–7,2%. Наибольшую ценность для осужденных в условиях лишения свободы представляет поддержание связей с семьей и близкими родственниками – 36,8 %, условно-досрочное освобождение – 29,7; материально-бытовые условия в ИУ – 21,2; приобретение специальности – 5,3; получение образования – 3,9; тюремные традиции и обычаи – 2,1 %[8, с. 35-36].

Таким образом, среди осужденных в местах лишения свободы возможность условно-досрочного освобождения является превалирующим мотивом в соблюдение условий отбывания наказания. Желание облегчить жизнь в условиях лишения свободы как стимулирующий фактор правопослушного поведения, хотя и является таковым для осужденных, однако значительно уступает в своей мотивирующей эффективности.

Поддержание связей с семьей и близкими родственниками, улучшение материально-бытовых условий, приобретение специальности, получение образования зависит от условий отбывания наказания конкретного осуждено. С уверенность можно констатировать взаимосвязь условий отбывания наказания и социально значимым поведение самого осужденного. Чем активнее в направлении своего исправления будет двигаться осужденный, тем менее строгие условия отбывания наказания будут к нему применены. В случае же нарушения условий

отбывания наказания к осужденному применяются меры взыскания, вплоть до перевода последнего в исправительное учреждение иного вида (более строгого).

В. Н. Кудрявцев выделяет целый ряд общественных и личных мотивов правомерного поведения: убеждённость в общественной пользе поступка, долг перед обществом, правовая обязанность, профессиональное чувство ответственности, практическая польза поступка для других, боязнь моральной или юридической ответственности и другие[9, с. 1].

Для стимулирования правопослушного поведения осужденных в исправительных учреждениях используя накопленный опыт социально-психологической, образовательно-воспитательной работы необходимо предусмотреть систему мер поощрения и проработать механизм реализации справедливого их применения.

Несовершенство законодательства по вопросу условно-досрочного освобождения создает предпосылки для злоупотребления со стороны органов правосудия, что в конечном итоге затрудняет, или делает совсем не возможным соблюдению принципов законности, справедливости, гуманизма, что отражается на ресоциализации осужденного. К сожалению, приходится констатировать о наличии оценочных формулировок и категорий, положенных в основу условно-досрочного освобождения. Чего только стоит пресловутая формулировка о том, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Каковы критерии оценки нуждаемости или не нуждаемость в полном отбытии наказания. Все это создает дополнительные трудности как в работе сотрудников исправительных учреждений и судов, так и в исправлении самого осужденного.

По мнению Белякова А. В. и Разова А.В., вывод о том, что осужденный для исправления не нуждается в полном отбывании наказания, должен формироваться с учетом понятия «исправление осужденных». Но при существующих формулировках статей УИК это неэффективно[10, с. 127].

А ведь в случае отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденный может обратиться с повторных ходатайством лишь по истечении 6 месяцев с момента вынесения первого решения. Зачастую, осужденный, стремившийся к своему исправлению, путем соблюдения условий отбывания наказания и положительным, общественно полезным поведением и получивший отказ в результате не ясности правовых норм, утрачивает веру в справедливость, верховенства закона. И необходимо иметь твердую веру и желание, чтобы продолжить ранее намеченный курс правопослушного поведения.

Необходимыми критериями, по которым, суды могли с уверенность сказать об отсутствии необходимости полного отбывания наказания являлись бы: соблюдение внутреннего распорядка исправительного учреждения и условий отбывания наказания; общественно полезное поведение (добросовестное отношение к труду, обучению, участие в культурно-массовых мероприятиях) зафиксированное нормативными актами администрации исправительного учреждения; возмещение вреда причиненного преступлением или иным образом загладить вред.

На сегодняшний день существует реальная необходимость, для достижения цели исправления осужденных, совершенствовать систему мер поощрения путем индивидуализации стимулирования правопослушного поведения путем законодательного закрепления перечня применяемых видов поощрения, а также делегирование большего объема полномочий при решении вопроса о применении мер поощрения субъектам исполняющим наказание.

Условно-досрочное освобождение является заключительной стадией системы исполнения наказания и представляет собой благосклонную волю государства в отношении осужденного, даруя ему возможность, за достигнутые успехи в исправлении, не отбывать весь срок назначенного наказания в виде лишения свободы. Проявляя благосклонность, государство своим повелительным актом (постановлением суда об условно-досрочном освобождении) не стремится реабилитировать осужденного, так как виновность совершенного им преступления не оспаривается, а наоборот показывает значимость правопослушного поведения осужденного, как для него самого, так и для общества в целом.

Освобождая виновное лицо досрочно, государство дает понять и указывает направление всем осужденным, находящимся в местах лишения свободы, по которому необходимо двигаться для скорейшего восстановления прав, ограниченных в результате осуждения.

Условно-досрочное освобождение - это не только получаемое за правопослушное поведение благо для осужденного, оно служит для реализации уголовно-исполнительной политики, направленной в первую очередь на гуманизацию карательного действия наказания, индивидуализацию при его назначении в зависимости от характера и тяжести совершенного деяния, оказание исправительного воздействия на осужденного в процессе отбывания назначенного судом наказания. К тому же при применении условно-досрочного освобождения позволяет в значительной степени сэкономить материальные затраты на содержание осужденных.

Список литературы

1. Бабаян С.Л. некоторые вопросы применения межотраслевого поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. 2012. № 3 (78). 35-36 с.

2. Беляков А. В., Разова А. В. Некоторые проблемы института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном праве России // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. – 2015. – № 3. 127 с.

3. Даль В. Толковый словарь живого велико русского языка. М., 1979. Т. 2. 694 с.

4. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982. 1 с.

5. Малин П.М. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. … канд. юрид. наук. Рязань. 2000. 25 с.

6. Михлин А. С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и её правовое обеспечение. – М., 1993. 11 с.

7. Носенко А.М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1973. 19 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М., 1988. 172 с.

9. Плющева Е. Л. Система социальных лифтов при применении условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. 73 с.

10. Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: автореф. дис.… канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 10–11 с.

PAROLE AS AN INSTITUTION TO PROMOTE THE CRIMINALLY-EXECUTIVE RIGHT

The article analyzes the essence and importance of parole as an institution to promote law-abiding behavior of convicts. Various points of view of scientists, on the essence of the importance and necessity of parole as a type of encouragement are considered. The conclusion is made, in accordance with the opinion of the scientific community and the results of a survey of correctional officers and convicts on parole as an effective mechanism to stimulate socially active behavior of convicts. Considered and analyzed the critical comments about parole as an institution for the promotion, recognized by the author are untenable. The author focuses on the imperfection of the legislation in the application of parole from serving a sentence in connection with the use of evaluative formulations and categories, and in connection with the difficulties of law enforcement, as well as the need to improve both existing measures to stimulate law-abiding behavior, and the development of new ones with their normative consolidation. The criteria according to which the courts could confidently say about the absence of the need for full serving of sentence by convicted persons are highlighted. The question of direct interrelation of conditions of serving of punishment and socially significant behavior of the condemned is considered. The author comes to the conclusion that it is mutually beneficial to apply parole from serving the sentence to both the convicted person and the society.

Keywords: conditionally-early release, promote, encourage, convict, punishment, behavior, correction, imprisonment.

References

1. Babayan S.L. nekotorye voprosy primeneniya mezhotraslevogo pooshchritel'nogo instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya // CHELOVEK: prestuplenie i nakazanie. 2012. № 3 (78). 35-36 s. [Babayan S. L. some questions of application of inter-branch incentive Institute of conditional early release from punishment serving / / PERSON: crime and punishment].

2. Belyakov A. V., Razova A. V. Nekotorye problemy instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v ugolovnom prave Rossii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2015. – № 3. 127 s. [Belyakov, A.V. Razov, A.V.: Some problems of the Institute of early release from punishment in the criminal law of Russia, Vestnik of the Samara law Institute, scientific and practical journal]

3. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo veliko russkogo yazyka. M., 1979. T. 2 694 p. [Dal V. Explanatory dictionary of the great Russian language. M., 1979. Vol.2.]

4. Kudryavcev V. N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya. – M., 1982. 1 s. [Kudryavtsev, V. N. Legal behavior: norm and pathology]

5. Malin P.M. Ugolovno-pravovoe i ugolovno-ispolnitel'nye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: Dis. … kand. yurid. nauk. Ryazan'. 2000. 25 s. [Malin, P. M. Criminal and criminally-Executive problems of parole from serving a punishment of deprivation of liberty: Dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Ryazan.]

6. Mihlin A. S. Pooshchritel'nye instituty i ih mesto v ugolovno-ispolnitel'nom prave // Reforma ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i eyo pravovoe obespechenie. – M., 1993. 11 s. [Mikhlin, A. S. Incentive institutions and their place in the criminal Executive law. Reform of the criminal Executive system and its legal support]

7. Nosenko A.M. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot lisheniya svobody: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kiev, 1973. 19 s. [Nosenko A. M. parole from prison: author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Kiev]

8. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N.YU. SHvedovoj. 20-e izd., ster. M., 1988. 172 s. [Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / ed.Yu. Swedish. 20th ed., erased. M.]

9. Plyushcheva E. L. Sistema social'nyh liftov pri primenenii uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya osuzhdennyh ot otbyvaniya nakazaniya // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 1. 73 s. [Plusheva E. L. the system of social lifts in the application of parole convicts from serving their sentences / / Man: crime and punishment.]

10. SHCHerba D.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis.… kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2007. 10–11 s. [Scherba D. Conditional early release from serving the sentence: questions of theory and practice: autoref. dis.... kand. the faculty of law. sciences'. Vladivostok,]

Об авторе

Ковалев Максим Викторович - старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ, (Россия), E-mail:koff.maxim2015@yandex.ru

Kovalev Maxim Kovalev-senior lecturer of the Department of General legal disciplines of the Bryansk branch of the all-Russian Institute of advanced training of the Ministry of internal Affairs, (Russia), E-mail:koff.maxim2015@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;

08.00.00 – экономические науки;

12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

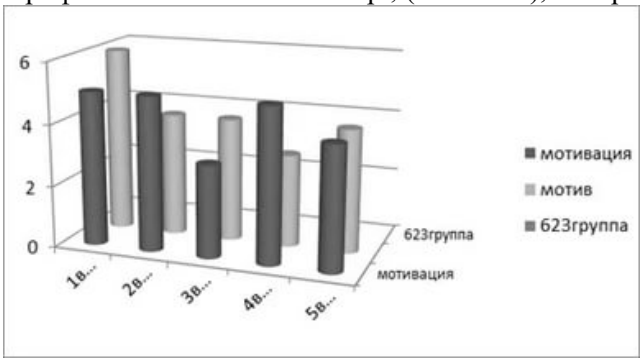

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (38) 2018.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.12.2018.
Дата выхода журнала в свет: 29.12.2018.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 25,75. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**